

Ю. В. Арутюнян

СОЦИАЛЬНАЯ
СТРУКТУРА
СЕЛЬСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ
СССР

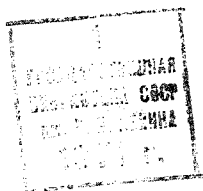
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

Москва · 1971

32С4

А 86

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1-8-2
52-71

Памяти отца моего, Вартана Георгиевича Арутюняна, посвящена эта книга.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к проблемам села в нашей стране глубок и традиционен. Каждый сознает, что состояние сельской экономики в значительной мере определяет уровень материального благосостояния народа. Несмотря на переход некоторых функций сельского хозяйства к промышленности (в частности, за счет развития пищевой и химической отраслей), сельское хозяйство служит до сих пор главным источником продуктов питания и сырья для легкой индустрии.

«...Глубокий поворот экономики к решению многообразных задач, связанных с повышением благосостояния народа», обозначенный XXIV съездом КПСС, особенно поднимает роль сельского хозяйства в процессах экономического развития страны. Не случайно съезд подчеркнул, что «подъем сельского хозяйства является всенародным делом...»¹.

Но вопрос не только в экономике. Ведь даже сейчас, после нескольких десятилетий бурной урбанизации и индустриализации, более 100 миллионов человек, т. е. почти половина населения страны (44%), проживает в селах. Хотя бы уже поэтому не только экономический, но и социальный потенциал страны во многом зависит от положения села. Оно в значительной мере определяет темпы воспроизводства населения страны. За счет села, на которое до сих пор приходится основная часть прироста населения Советского Союза, возмещается сниженные рождаемости в городах.

---

¹ «Резолюция XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза по Отчетному докладу Центрального Комитета КПСС». М., 1971, стр. 14, 16.

Село участвует в «воспроизводстве» общества и в самом широком смысле слова. Вследствие постоянного оттока сельского населения оно служит социальным резервом пополнения всех слоев нашего общества. От образования, культуры, социального опыта сельского населения немало зависят повседневная социальная практика, система управления, идейная жизнь общества в целом. Всемерная интенсификация социального развития села исключительно актуальна для судеб всего нашего народа.

Совершенно очевидно, что в коммунистическое общество, не знающее неравенства, село и город не могут вступить не одновременно, по очереди. Поэтому селу предстоит догнать город в социальном развитии, преодолеть сохраняющееся еще отставание. Село тем самым превращается в «поле» интенсивной социальной жизни, активных общественных процессов. Без подъема села не могут быть решены важные социальные проблемы современности — ликвидированы различия между рабочими и крестьянами, сельскохозяйственным и промышленным трудом. Даже ликвидация тяжелого физического труда также во многом зависит от темпов социального развития села, ибо здесь до настоящего времени концентрируется основная масса неквалифицированной рабочей силы.

Наконец, и процессы ликвидации остатков фактического неравенства между народами Советского Союза, которое проявляется в их неодинаковой еще социально-профессиональной структуре и культурном уровне, также в значительной степени решаются путем всемерной профессионализации и активизации культурного развития сельского населения ряда республик. Ведь относительно невысокий уровень образования или малая миграционная подвижность некоторых народов (например, в Средней Азии) объясняются концентрацией основной части народа в сельской местности, их слабой урбанизованностью. Таким образом, от развития села во многом зависят социальные и культурно-этнические интеграционные процессы в нашей стране, направление и темпы формирования бесклассового общества.

Отсюда понятно исключительное теоретическое и политическое значение проблемы социальной структуры сельского населения. Под социальной структурой обще-

ства мы понимаем не любые общественные структуры (их множество!) — национальную, поселенческую, половозрастную и т. п. — а лишь ту, которая прежде всего выражает и одновременно детерминирует ход общественного развития. Социальная структура обозначает основное для общества строение, определяемое господствующими в обществе производственными отношениями. Образующие целостность устойчивые совокупности людей, функционально взаимосвязанные производственными отношениями, присущими данному конкретно-историческому способу производства, суть социальная структура. Каждый элемент структуры — класс, слой, социально-профессиональная группа — консолидирован общностью интересов и отличается от других своим специфическим местом в общественном производстве. Сельское население, будучи внутренне дифференцированной целостностью, выступает в то же время как подсистема всего общества. Взаимоотношения «общества» и «села», части и целого существенны не только для сельской подсистемы, но и для каждого ее элемента.

На карте социальной структуры, отмеченной границами классов, слоев, социально-профессиональных групп, по существу фиксируются направления и результаты социальных процессов села, которые выступают как органическая и существенная части развития всего советского общества.

Анализ основных социальных изменений современного советского общества — ликвидации существенных различий между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством, между людьми физического и умственного труда — невозможен без четкого и полного представления о содержании и изменениях социальной структуры советского села.

Мы научились более или менее точно измерять производственные результаты, итоги развития народного хозяйства, о которых систематически отчитываются соответствующие органы. Важно, чтобы с такой же точностью, используя методы конкретных социальных исследований, мы могли бы судить о результатах социального развития страны, о том, как выполняются социальные задачи, сформулированные в Программе КПСС. Исследование социальной структуры села имеет большое практическое значение. Известно, что между

профессиональной и производственной структурами общества существует зависимость. Однако эта зависимость неоднозначна: гармония устанавливается через преодоление несоответствия и противоречий. В одни периоды наблюдается опережающий рост производства, экономики и социально-профессиональная структура отстает от потребностей, вызванных этим ростом; в другие периоды может наблюдаться «избыточное образование», «избыточная профессионализация», не находящие должного применения в производстве. Изучение соотношений между социально-профессиональной структурой и производством является одним из самых актуальных практических вопросов регулирования трудовых ресурсов.

Наконец, существен и политический аспект проблемы. Дифференциация населения по социальному и экономическому положению обуславливает различия в общественном мнении, настроениях, социальных потребностях и запросах. Изучение общего и отличного в социально-психологическом состоянии различных групп населения, связь этого состояния с объективным положением чрезвычайно важно учитывать в повседневной политической и идеологической работе партии. «...Политика партии, — отмечалось в Отчетном докладе Центрального Комитета XXIV съезду КПСС, — приносит нужные результаты тогда, когда она точно учитывает как интересы всего народа, так и интересы составляющих его классов и социальных групп, направляет их в одно общее русло»¹.

При всей актуальности и многоплановой значимости проблема социальной структуры сельского населения до сих пор изучалась недостаточно. Существовавший длительное время слишком общий подход к этой проблеме, недоучитывавший специфику внутриклассовых различий, не отвечал потребностям ни теории, ни практики.

Между тем в истории отечественной общественной мысли сложились определенные традиции анализа социального развития села. До революции земства уделяли большое внимание этой проблематике. При всей ограниченности, связанной с их идеологическими и мировоззренческими установками, земские статистики давали

¹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, стр. 89.

богатый и довольно точный материал о социальной структуре деревни. Не случайно этот материал явился статистической базой для труда В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

В 20-е годы вопрос о социальной структуре сельского населения в России был в социологии центральным. Многочисленные исследования, предпринимавшиеся в научных и практических целях, должны были ответить на вопросы: «Куда идет деревня — к социализму или капитализму?», «Как развивается в деревне нэп?», «Как происходит и происходит ли вообще в крестьянстве процесс расслоения?» Причем, если экономисты отвечали на этот вопрос, основываясь на статистических материалах, например судили о дифференциации по посевам, по наличию скота¹, группировали хозяйства по размеру доходов², то социологи не удовлетворялись одними экономическими показателями. Для них было безразлично, в частности, какими средствами — собственным трудом или путем эксплуатации — добыто состояние. В полном соответствии с определением В. И. Ленина о том, что «кулак — тот, который живет чужим трудом, который грабит чужой труд и использует для себя нужду»³, исследователи интересовались источниками появления кулацкого хозяйства, выясняли, кого сами крестьяне считают кулаками⁴.

Проблема социальной природы колхозов, важная для понимания социальной структуры нашего общества, активно обсуждалась на заре колхозного строя. Кульминационным пунктом этого обсуждения была первая конференция аграрников-марксистов в 1930 г. После этого к проблемам социальной структуры села длительное время не возвращались.

Это, конечно, не могло не отразиться на разработке проблемы социальной структуры.

Основные причины отставания в этой области были, однако, объективными. Марксистская теория социальной

¹ См., например, А. И. Хряцева. Группы и классы в крестьянстве. М., 1926.

² См. А. Гайстер. Расслоение советской деревни. М., 1928.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 256.

⁴ См. П. Я. Лежнев-Финьковский, К. Д. Савченко. Как живет деревня. М., 1925, стр. 31; «Деревня при нэпе. Кого считать кулаком, кого — тружеником. Что говорят об этом крестьяне?». М., 1924.

структуры антагонистического классового общества создавалась в условиях, когда капиталистическое общество сложилось и достаточно определилось. Советской социологии предстояло создать теорию общественной структуры относительно молодого строя с совершенно новой системой социальных отношений. Принципиальные положения теории классового общества нельзя было, естественно, переносить на новое общество. Сложная задача осмысления только сложившейся структуры требовала времени и больших усилий.

В характеристике социальной структуры и научной классификации общественных групп особенно велика роль социальной статистики. Каким требованиям должна она отвечать? В первую очередь статистика, естественно, должна отражать, улавливать реальные социальные отношения. От того, как она это делает, насколько точно и своевременно, зависит решение коренных теоретических вопросов развития общества. С помощью социальной статистики решался в начале XX в. спор между народниками и марксистами, к ней прибегали в поисках ответа на вопрос «Куда идет Россия?» в период нэпа. Социальная статистика отражала процесс вытеснения капиталистических элементов и развития социализма, и именно она призвана в настоящее время способствовать выяснению темпов и направления процесса складывания новой общности, стирания социальных различий и граней в нашей стране.

Надо сказать, что статистика обычно отстает от жизни. О силе инерции в ней убедительно говорит исторический опыт. В период развития капитализма в России статистика длительное время представляла крестьянство в целом, игнорируя его внутреннюю классовую дифференциацию, что служило маскировкой реальных отношений, складывавшихся в обществе. Во время нэпа, отражая дифференциацию крестьянства, статистика брала за основу прежде всего группировку крестьян по размерам посевов, механически копируя ленинскую методику из книги «Развитие капитализма в России». Но та методика, которая давала блестящие результаты при анализе предреволюционного периода, оказывалась недостаточной в условиях, когда в стране была осуществлена уравнительная земельная реформа, сгладившая дифференциацию крестьян по размерам посевов. Отставала

социальная статистика от жизни и в период построения социализма, и это отставание зашло достаточно далеко.

По сей день в статистических сборниках публикуются таблицы о классовом составе населения СССР. В них всё население распределяется по следующим общественным группам: 1) рабочие и служащие; 2) колхозное крестьянство и кооперированные кустари; 3) крестьяне-единоличники и некооперированные кустари; 4) буржуазия, помещики, торговцы и кулаки. В обществе, в котором давно исчезли буржуазия, помещики, торговцы и кулаки, практически нет крестьян-единоличников и некооперированных кустарей, подобные таблицы могут в лучшем случае иметь значение лишь для истории. Что касается актуальных социальных процессов, то такого рода статистика отражает их далеко не достаточно. Так, под рубрикой «рабочие и служащие» в статистических таблицах объединены все работники государственного сектора, начиная от министров и кончая разнорабочими. Такое объединение имело смысл в период вытеснения капиталистических элементов, но сейчас, когда ставится задача построить коммунизм, который должен покончить «с делением общества на классы и социальные слои»¹, ограничиваться подобной группировкой, конечно, уже недостаточно.

Разумеется, в основе классового деления общества лежит отношение к собственности, и, пока существует общенародная и колхозно-кооперативная собственность, выделение в качестве самостоятельных классов рабочих и служащих, с одной стороны, колхозного крестьянства — с другой, оправданно. Эта группировка выражает реальные отношения, их нельзя игнорировать, их надо изучать, причем гораздо внимательнее, чем это мы делаем сейчас. Но вместе с тем совершенно очевидно, что ограничиться таким делением общества никоим образом нельзя. Для нынешней эпохи характерно стирание классовых граней, сближение двух форм собственности. Различие между колхозно-кооперативной и общенародной собственностью постепенно теряет свое принципиальное значение. В этих условиях становится все более очевидной необходимость изучения внутриклассовых различий.

---

¹ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. III. М., 1962, стр. 274.

Об этом уже несколько лет назад писал журнал «Коммунист», отметивший, что нужно исследовать «социологически не только отношения межклассовые, но и отношения внутри рабочего класса, колхозного крестьянства, а также интеллигенции»¹. К тому времени не только выдвигались идеи о несовпадении социальной структуры с классовой², но стали уже появляться конкретные исследования внутриклассовых групп и социально-профессиональной мобильности³.

Новые требования жизни к научным исследованиям нашли отражение на конференции по социальной структуре советского общества, проходившей в 1966 г. в Минске. Независимо друг от друга социологи из разных мест (Москвы, Ленинграда, Свердловска и т. д.) обнаружили одинаковый подход и принципы исследования социальной структуры общества. Не говоря уже о том, что внутриклассовый аспект был признан существенным практически всеми, обнаружен был также и общий, единый по существу критерий характеристики внутриклассовых различий. К таким критериям социологи относили характер и содержание труда.

Разумеется, когда речь шла о труде, имелась в виду не его абстрактная ценность, так сказать «сортность», а его социальная специфика и необходимость для воспроизводства данной системы общественных отношений. Характерно, что совпали не только общие принципы анализа внутриклассовой структуры, но и практические результаты этого анализа. В частности, выступавшие на конференции выделили среди работников умственного труда помимо интеллигенции категорию служащих — людей, занятых неквалифицированным и малоквалифицированным умственным трудом, не требующим специальной подготовки и квалифицированного обучения.

¹ «Коммунист», 1965, № 1, стр. 17.

² См. С. А. Кугель. Закономерности изменения социальной структуры общества при переходе к коммунизму. М., 1963, стр. 48—57; В. С. Семенов. Социальная структура советского общества. — «Коммунист», 1965, № 11.

³ См. Ю. В. Арутюнян. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг. М., 1960; его же. Социальная структура сельского населения. — «Вопросы философии», 1966, № 5; «Изменение социальной структуры социалистического общества». Свердловск, 1965; О. И. Шкаратан. Социальная структура советского рабочего класса. — «Вопросы философии», 1967, № 1.

Вместе с тем в дискуссии обнаружались некоторые различия, которые наложили отпечаток на историографию проблемы социальной структуры в последующие годы. Однако, на наш взгляд, эти разногласия часто были не столько продуктом действительно серьезных расхождений, сколько сводились к терминологическим спорам и взаимному недопониманию.

Наиболее существенным было разногласие по поводу границ классов и места интеллигенции в общественной структуре. Некоторые пытались включить интеллигенцию (всю или часть ее) в состав рабочего класса и колхозного крестьянства, другие возражали им, считая, что интеллигенция, характеризующаяся прежде всего общностью, а не различиями, является самостоятельной социальной прослойкой. Очевидно, однако, что неправомерна была сама альтернативная постановка вопроса и абсолютизация как той, так и другой точки зрения. Разумеется, признание интеллигенции самостоятельной прослойкой не исключало ее рассмотрения в составе государственного или колхозно-кооперативного сектора. Разногласия эти напоминали, к примеру, спор физиков о природе света: что он — волна или частица? На самом деле в системе квантовой физики верно оказалось и то и другое. Примерно так же закономерна двухмерная характеристика интеллигенции. Если речь шла о форме собственности, скажем колхозной, то интеллигенцию (по отношению к собственности) объединяла с другими группами колхозников общность интересов, связанная с общностью форм собственности. С другой стороны, по характеру труда та же колхозная интеллигенция объединялась в один слой с другими категориями интеллигенции. Таким образом, все зависело от сечения — вертикального (по труду) или горизонтального (по собственности), и оба сечения были закономерны для характеристики этой группы. Отрывать колхозную интеллигенцию от колхозников так же неверно, как неверно абстрагироваться от принадлежности ее к определенной категории населения, выделенной по характеру труда, т. е. интеллигенции в целом. Принципиально в этом отношении интеллигенция не отличается от других прослоек общества, допустим людей, занятых квалифицированным или неквалифицированным физическим трудом, или служащих. Во всех случаях не только воз-

можно, но и необходима по крайней мере двухмерная (если брать основные социальные признаки) характеристика людей из этих групп.

Скорее видимый, чем реальный, характер носили также споры о конкретной структуре классов и слоев сельского населения. Большинство социологов, в их числе и автор этих строк, с самого начала исходили из четырехчленной группировки колхозного крестьянства¹.

Некоторые выделяли в крестьянстве три группы, игнорируя служащих². Разумеется, деление социальных групп и споры об их числе не имели особого смысла. Важен был сам принцип выделения групп по социально значимым признакам: производственным функциям, содержанию и характеру труда. Число же этих групп могло колебаться в зависимости от принятых интервалов и масштабов классификации. При самом малом масштабе приходилось ограничиваться двучленным делением: на работников умственного и физического труда. Более дробное деление позволяло выделить отмеченные четыре группы, которые в настоящее время получили наибольшее распространение³.

Естественно, каждая из этих групп не вполне однородна, она делится на более дробные категории. В исследовании, осуществленном в 1966—1967 гг. на более

---

¹ Работники умственного труда были разделены на две категории: категорию лиц, занятых квалифицированным умственным трудом, требующим высшего образования, и служащих, занятых неквалифицированным умственным трудом без специальной подготовки; среди работников физического труда также были выделены обученные, в большинстве своем механизаторы, и необученные — разнорабочие, младший обслуживающий персонал, животноводы без механизаторской квалификации и т. д. (см. Ю. В. Арутюнян. К изменениям в социальной структуре сельского населения. — Изменения социальной структуры советского общества». Материалы к научной конференции. М., 1965, стр. 119).

² См. «Классы, социальные слои и группы в СССР». М., 1968, стр. 85, 86.

³ См., например, А. Харламов. К вопросу о диалектике социально-групповой структуры колхозного крестьянства в период строительства коммунизма (на материалах колхозов Ставропольского края). — «Материалы к межвузовской научной конференции «Ленин и проблемы строительства коммунизма», посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина». М., 1970, стр. 62—67; В. П. Леутин. Внутриклассовая структура колхозного крестьянства и некоторые вопросы его трудовой и общественной активности. — Там же, стр. 67—70.

широком массовом материале, мы получили возможность (не нарушая принципов репрезентативности групп) исследовать более полный набор, состоящий из 9 категорий, приняв во внимание при этом такие связанные с содержанием труда характеристики, как профессия, заработок, образование и участие в управлении¹.

В 1968 г. новосибирские социологи с помощью математического метода распознавания образов выделили примерно те же группы. Различия были весьма незначительны и объяснялись, скорее всего, неполным учетом стратообразующих признаков. Например, при использовании пяти признаков блокировки профессий доярки и свиначи были выделены в самостоятельные группы. Когда вместо пяти признаков были применены шесть (в частности, учитывалась как признак продолжительность работы), доярки (как и у нас) оказались уже в одной группе со свиначами. Применение математических методов для социальной классификации в данном случае было полезно для контроля правильности содержательного решения².

¹ В число этих групп вошли: 1) руководители высшего звена, 2) руководители среднего звена, 3) специалисты высшей квалификации, 4) специалисты средней квалификации, 5) служащие, 6) механизаторы, 7) квалифицированные работники физического труда (неиндустриального профиля), 8) преимущественно неквалифицированные и малоквалифицированные постоянные работники физического труда, 9) неквалифицированные, преимущественно сезонные работники физического труда (см. «Советская этнография», 1968, № 4, стр. 11).

² В литературе описан также опыт использования энтропийного анализа для определения социальной структуры. Было отобрано 27 признаков, которые представлялись существенными для классификации рабочего класса. В результате произведенного с помощью ЭВМ анализа авторы выделили те же восемь групп, которые с самого начала рассматривались ими как элементы социальной структуры промышленного предприятия. Сложный аппарат не дал поправок и уточнений, хотя можно было ожидать выделения в самостоятельные группы руководителей разного уровня — первичных коллективов и предприятий, объединенных исследователями в одну группу «организаторов производственного коллектива» (см. *И. Н. Таганов, О. И. Шкаратав*. Исследование социальных структур методом энтропийного анализа. — «Вопросы философии», 1969, № 5). Авторы полагают, что их опыт является подтверждением целесообразности использования энтропийного анализа. На наш взгляд, пока он доказывает лишь преимущество и целесообразность логического анализа. В частности, при классификации соци-

Другой пункт расхождения, который также не носит характера реальных различий, — это вопрос о соотношении внутриклассовых и межклассовых различий. Уже на конференции по социальной структуре в Минске был выдвинут тезис о том, что различия в характере труда в настоящее время больше сказываются на реальном положении людей в нашей стране, чем различия по форме собственности. Для доказательства этого тезиса приводились сравнительные данные о положении сопоставимых групп колхозников и рабочих совхозов. Некоторые не поняли логики этой постановки вопроса и стали утверждать, что по колхозам и совхозам нельзя судить о различии между рабочим классом в целом и колхозным крестьянством. Но никто и не делал подобных попыток. Конечно, различия между колхозниками и рабочими обусловлены не только формами собственности, но также и другими обстоятельствами, в частности их местом в организации производства, различиями между городом и селом, между сельскохозяйственным и промышленным трудом. Сравнение колхозников и рабочих совхозов позволяет судить лишь о глубине различий, вызванных спецификой формы собственности.

Таким образом, споры были в известной мере вызваны либо терминологическими разночтениями, либо недостатком конкретного материала. Нам кажется, что именно в недостаток конкретного материала и упирались основные трудности. Обстановка требовала более широкой постановки конкретных исследований. Проникнувшись именно этой идеей и чувствуя необходимость более развернутой аргументации выдвинутых положений, мы провели в течение последующих лет (в основном в 1967 г.) серию исследований в различных районах нашей страны. От исследований отдельных гнезд-комплексов «колхозов — совхозов — предприятий» мы перешли к исследованию сплошных районов, в том числе и целой республики с трехмиллионным населением — Татарской АССР. В данной работе обобщены итоги этих исследований.

✓ Цель монографии — изучить соотношение межклассовых и внутриклассовых различий, раскрыть сущность

альных групп решающим арбитром является социальный интерес. Но как раз он математическими средствами до сих пор не улавливался.

и конкретное проявление различий между городом и деревней, между отдельными социально-профессиональными группами сельского населения, вскрыть тенденции развития сельской структуры, направление и темпы мобильности отдельных социальных групп, сравнить запросы и потребности людей с социальной реальностью и оценить с этой точки зрения перспективы развития сельского общества. j

Многие из этих вопросов ставились раньше, в частности и автором данной работы. Однако на нынешнем этапе в исследовании затрагиваются ряд новых аспектов, которые, на наш взгляд, представляются существенными для понимания социальной структуры села и особенностей ее развития.

Прежде всего мы пытаемся шире, чем прежде, подойти к анализу классовых и внутриклассовых различий сельского населения, т. е. по возможности дать более разносторонние характеристики социальных групп. Если анализ классового, профессионального, демографического состава населения предполагает лишь изучение его «анатомии», то исследование структуры требует также выяснения закономерностей функционирования ее элементов во взаимосвязи и взаимодействии, т. е. как системы. В работе рассматривается влияние классовых и социально-профессиональных особенностей не только в основной, социально-экономической сфере, но и в таких областях, как семья, социально-психологические отношения, управление и др. При этом мы исходим из того, что разносторонняя характеристика общественных групп дает более адекватное представление о них как о структурном (а не составном!) элементе общества. Это понятно, поскольку на поведение группы оказывает влияние множество факторов.

Далее, принимается во внимание разнообразие социальной структуры, ее многовариантность, обусловленная различиями экономических и географических условий отдельных районов страны. Если раньше мы изучали лишь локальные гнезда и по ним, как по моделям, судили о соотношении социальных различий, то сейчас исследование ставит своей задачей проследить влияние местных условий на проявление общих процессов. Используются, в частности, данные менее развитой в сельскохозяйственном отношении Калининской области и

наиболее развитого сельскохозяйственного района — Краснодарского края, промышленного района — Московской области и этнически разнородной среды — Татарской АССР¹. Это дает возможность создать как бы пространственную шкалу, на которой и прослеживается многовариантность социальных структур.

Существенным представляется учет этнического аспекта. Дело в том, что в рамках общей социальной формации существуют пока еще серьезные различия между отдельными национальными районами: Народы, которые миновали целые стадии исторического развития, конечно, испытывают на себе влияние прошлого, что отражается на специфике их социальной структуры (в частности, можно отметить резкое преобладание крестьянства).

Далее, значительно расширено исследование динамических процессов социальной структуры, и в частности социальной мобильности, в том числе в этнически разнородной среде, анализируется роль национального фактора в социальной мобильности.

Наконец, по-новому ставится вопрос о зависимости между структурой сельского населения и социальными изменениями. Социальная структура не просто производная от определенного сочетания экономических и в известной мере политических сил. Между структурой и социально-экономическими факторами, определяющими ее, существует прямая и обратная связь. В социальной структуре, с одной стороны, как бы кристаллизуются социально-экономические, культурные и политические изменения среды. Они создают тот фундамент, который определяет контуры социальной структуры. Но с другой стороны, структура сама влияет на изменения, определяя их темпы, направление, характер и особенности.

Изменения в структуре и в среде происходят не всегда синхронно. То потребности групп, их социальный «спрос» опережают предложения среды, то, наоборот, среда оказывается опережающей формой, между средой и социальными группами с их интересами существует динамическое равновесие. Нарушение синхронности в развитии среды и структуры может создать социальную

---

¹ Обоснование выборки объектов и методику исследования см. в приложении.

напряженность, которая в известных случаях может перерасти в конфликты и противоречия. Развитие само по себе является формой разрешения этих противоречий. Изучая их, социолог, естественно, держит руку на пульсе общества, отражает конкретные социальные ситуации и способствует рациональному управлению.

Уделяя главное внимание общему взаимодействию структуры и социальных изменений, мы попытаемся на конкретном материале показать влияние динамики социальной структуры на направление развития деревни. Такой подход даст возможность не только оценить изменения в прошлом, но и представить себе перспективы нашего села, а, значит, в определенной мере и общества в целом.

* * *

Особенность социологического исследования состоит в том, что оно предполагает доброжелательное участие в нем очень многих людей. В нашем случае это тысячи опрошенных, сотни интервьюеров, многие добровольные помощники, принимавшие участие в шифровке, кодировке, статистической обработке материалов. В монографии приводятся материалы работавших под руководством автора многочисленных экспедиций, организованных Комитетом по социологическим проблемам села Советской Социологической Ассоциации, Институтом истории АН СССР, Московским государственным университетом, Институтом этнографии АН СССР, «Литературной газетой», журналом «Сельская новь» и др. Всех, кому автор обязан, перечислить здесь, естественно, нет возможности. Но нельзя не воспользоваться случаем и не выразить признательности М. Г. Панкратовой, написавшей 6-ю главу книги, В. С. Кондратьеву — соавтору методического приложения, В. А. Большакову, бравшему на себя труд по статистической обработке материалов, и Е. Н. Шацкой, помогавшей в технической подготовке рукописи.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛА

Процесс формирования современной социальной структуры села уходит корнями в прошлое, отдаленное от нас по крайней мере четырьмя десятилетиями. Есть ли смысл социологу обращаться к истокам этого процесса? Безусловно, да, если он хочет заглянуть... в будущее. Анализ истории процесса, выявление динамических изменений во времени помогают лучше понять тенденции современного развития, отделить основное от второстепенного, закономерное от случайного, судить о темпах и направлениях эволюции, выявить детерминанты изменения структуры, что в конечном счете дает возможность производить необходимую в социологических прогнозах экстраполяцию социального развития на будущее.

Один из известных знатоков истории западной социологии, Д. И. Маккинни, склонен даже считать, что историческая процедура в социологическом исследовании является признаком его культуры¹. Отмечая некоторое пренебрежение историческим подходом со стороны американских социологов, он объясняет его отсутствием достаточного социологического кругозора или узким практицизмом. На наш взгляд, причина здесь глубже. Дело в методологии. Для марксистской методологии, поскольку она исходит из того, что изменения закономерны, что они подготовлены предшествующим развитием, исторический подход органичен. Марксистская конкрет-

---

¹ См. Г. Беккер, А. Босков. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961, стр. 263.

ная социология, рассматривающая социальные явления как объективно обусловленные, исторична по самому своему существу.

В то же время, обращаясь к истории, мы отдаем себе отчет в том, что подходы социолога и историка к прошлому отнюдь не совпадают. Историческая процедура в социологическом исследовании — это не историческое исследование само по себе. Более того, они в каком-то плане противоположны по целям и задачам. Перед историком стоит задача реконструировать историческое прошлое в том виде и в том состоянии, которое существенно для исследуемого периода. Социолог же обращается к прошлому для анализа современных явлений, он по существу их исследует, но в контексте с прошлым. При анализе социальной структуры крестьянства 20-х годов историк занимается наиболее актуальными для того времени процессами и среди них в первую очередь анализом имущественных отношений, имущественной дифференциации крестьянства. Социолога волнует проблема кристаллизации современных классов, социально-профессиональных групп и слоев населения, глубина различий и взаимоотношений между городом и деревней, между социальными секторами общества. Эти проблемы и будут в центре нашего внимания, когда речь пойдет о формировании социальной структуры сельского населения.

ИСХОДНЫЕ РУБЕЖИ:
СОЦИАЛЬНОЕ ЛИЦО
ДЕРЕВНИ 20-х ГОДОВ

Какой-нибудь десяток лет отделял деревню, приступившую к строительству социализма, от дореволюционной деревни, темной и невежественной, обремененной остатками крепостнических отношений. Как известно, в царской России несколько десятков тысяч помещичьих и других крупных хозяйств владели большим количеством земли, чем 17 млн. бедняцких и середняцких дворов, многие из которых вообще не имели посевов (15%), лошадей (30%) и сельскохозяйственного инвентаря (34%)¹. После Октябрьской революции и национализации земли в распоряжении крестьянства оказалось 98% сельскохозяйственного фонда против 58% до революции².

О коренных изменениях в социальной структуре деревни можно судить по табл. 1.

Данные таблицы говорят не только о коренном послереволюционном преобразовании частного сектора сельского хозяйства, исчезновении помещиков, резком сокращении кулаков, осереднячивании бедняков, но и о появлении ростков современной обобществленной аграрной подсистемы. Наряду с существенно изменившимся частным сектором возникает общественный, представленный перед коллективизацией 33,3 тыс. колхозов и 3,1 тыс. государственных хозяйств. В этом секторе было объединено более 2 млн. человек, что составляло 1,7%

---

¹ См. «Народное хозяйство СССР в 1958 г.». Статистический ежегодник. М., 1959, стр. 347.

² См. там же, стр. 345.

Социальная структура деревни

Социальные группы	До революции ¹				К моменту коллективизации в 1928 г.			
	Хозяйства		%		Хозяйства		Население	
	число	%	число	%	число	%	тыс. человек	%
<i>Частный сектор</i>								
Помещики и другие крупные земледельцы	28 тыс. ²	—	24,573 млн. ³	—	—	129 150 ⁴	—	97,4
Крестьяне	20 млн.	100	—	—	—	—	100	—
В том числе:								
бедняки	13 млн.	65	8,6 млн.	—	35	44 027	—	34,1
средняки	4 "	20	14,7 "	—	60	75 475	—	58,4
кулаки	3 "	15	1—1,3 "	—	4—5	5 000—6 289	—	4—5,0
Баграки (не имеющие собственности, кроме дома)	н/св.	—	—	—	—	1 270 ⁵	—	0,9
<i>Итого в частном секторе . . . . .</i>								
	более 20 млн.	100	24,573 млн.	—	100	130 420	—	98,3
<i>Общественный сектор</i>								
Колхозы	—	—	33,3 тыс. ⁶	—	—	1 9827	—	1,55
Совхозы	—	—	3,125 тыс. ⁸	—	—	199 ⁹	—	0,15
<i>Итого в общественном секторе . . . . .</i>								
	—	—	36,4 тыс.	—	—	2 181	—	1,7
<i>Всего в сельском хозяйстве . . . . .</i>								
	более 20 млн.	—	24,609 млн.	—	—	132 601	—	100

Примечание. В таблице учтено все население сельскохозяйственных предприятий и крестьянских хозяйств (без занятых в лесном хозяйстве и рыбном промысле) независимо от того, какое место в их доходах занимало сельское хозяйство. Численность учтенного населения, таким образом, выше численности сельскохозяйственного. Используемые источники см. в сносках 1—9 на стр. 22.

всего населения сельскохозяйственных предприятий и крестьянских хозяйств.

Но, несмотря на происшедшие сдвиги, социальная структура деревни принципиально отличалась от социальной структуры города. Если в деревне преобладало мелкотоварное, единоличное хозяйство, то в городе государственный, общественный сектор занимал господствующее положение. По данным за 1929 г., обобществленный сектор промышленности давал 89,5% всей промышленной продукции, в то время как на долю обобщественного сектора в сельском хозяйстве приходилось лишь 10,5% валовой продукции сельского хозяйства¹. В цензовой (относительно крупной) промышленности в 1928 г. трудилось 2,6 млн. рабочих и служащих, почти все они (98,7%) были сосредоточены на государственных предприятиях². В мелкой промышленности работало 4,4 млн. человек и больше 1 млн. из них (25,3%) было вовлечено в социалистический сектор³.

¹ См. «Сельское хозяйство СССР». М., 1960, стр. 8.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 62. Число хозяйств учтено только по Европейской России. В. И. Ленин учел только крупных помещиков и землевладельцев с землей свыше 500 дес. у каждого, а не всех помещиков, которых на самом деле было гораздо больше (см. «Вопросы экономики», 1961, № 10, стр. 133).

³ См. «Народное хозяйство СССР». М.—Л., 1932, стр. 123.

⁴ См. «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928». М., 1929, стр. 16.

⁵ См. «Народное хозяйство СССР», стр. 413; ЦГАОР, ф. 5466, оп. 10, д. 24, л. 2; оп. 12, д. 308, л. 13.

⁶ См. «Народное хозяйство СССР», стр. 130.

⁷ См. там же.

⁸ См. «Народное хозяйство СССР», стр. 125.

⁹ См. «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928», стр. 21. В источнике указано, что в совхозах было 99 258 рабочих и служащих. Исходя из принятого в то время в статистике коэффициента соотношения «едоков» и работников в совхозах (см., например, «Сельское хозяйство Союза ССР в 1924—25 году». М., 1925, стр. LXIX), для определения населения в совхозах удваиваем указанное число рабочих и служащих совхозов.

¹ См. «Социалистическое строительство СССР». М., 1936, стр. XLII.

² См. «Народное хозяйство СССР», стр. 11, XLVII. К крупной промышленности ЦСУ относил промышленные предприятия с числом рабочих свыше 16 человек при наличии механического двигателя и свыше 30 без двигателя (см. «Социалистическое строительство СССР», стр. 703).

³ См. «Народное хозяйство СССР», стр. 96, 113. В основном мелкая промышленность была представлена крестьянскими промыс-

Сосредоточив в своих руках всю крупную промышленность, государство полностью определяло ее развитие, от государства зависели условия и организация труда, формы и размеры заработной платы рабочих и служащих. В то же время влияние государства в сфере сельского хозяйства было ограничено. Через различные формы кооперации, кредит, цены государство оказывало лишь косвенное влияние на сельское хозяйство. Каждое крестьянское хозяйство жило своей жизнью.

О различном влиянии диктатуры пролетариата в городе и деревне можно судить, например, по данным о политической активности крестьянства и рабочего класса. Если среди рабочих и служащих один коммунист (по данным на 1927 г.) приходился примерно на 40 человек населения, то среди крестьянского населения — соответственно на 600—650 человек¹. В сельсоветах члены партии и комсомольцы составляли 13%, а в горсоветах — больше половины их состава². На выборы в городские Советы депутатов трудящихся Российской Федерации в 1927 г. явилось 59,1% избирателей, а на выборы в сельские Советы — 48,4%³.

Влияние государства на экономику сельского хозяйства также было ограничено. Об этом говорит тот факт, что государство, несмотря на огромные усилия, не в состоянии было мобилизовать товарную продукцию сельского хозяйства, достаточную для нужд индустриализации страны. В 1928 г. уровень сельскохозяйственного производства превзошел довоенные показатели, а товарной продукции сельское хозяйство давало в 2 раза меньше, чем до войны⁴. Это объяснялось как дробностью крестьянского хозяйства, так и тем обстоятельством, что между сельскохозяйственными и промышленными това-

---

лами, производством бочарно-бондарным, рогожным, валяной обуви, телег и саней, овчинным и т. д. Почти 89% мелкой промышленности сосредоточивалось на селе, 74,4% работников мелкой промышленности было непосредственно связано с сельским хозяйством (см. «Народное хозяйство СССР», стр. 113).

¹ См. «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927 гг.». М., 1927, стр. 21. Из 1,144 млн. коммунистов (членов и кандидатов) 637,8 тыс. были рабочими по социальному положению, 258,1 тыс. — служащими и лишь 217,4 тыс. — крестьянами.

² См. там же, стр. 14—15.

³ См. там же, стр. 9.

⁴ См. «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», стр. 350—351.

рами сложилось неблагоприятное для крестьянства соотношение цен, вызванное отставанием легкой промышленности. В 1928 г. производство средств производства выросло по сравнению с 1913 г. на 55%, а предметов потребления — только на 20%¹. Темпы роста легкой промышленности даже отставали от темпов роста сельского хозяйства. Чтобы способствовать увеличению товарной продукции сельского хозяйства, государство должно было в большем количестве давать деревне потребительских товаров, а это затруднило бы рост крупной промышленности, задержало бы индустриализацию страны и в конечном счете подорвало бы интересы самого крестьянства, заинтересованного в механизации сельскохозяйственного производства.

Глубокие социальные различия между городом и деревней непосредственно сказывались на характере и развитии сельскохозяйственного и промышленного производства. Следует отметить, что, избавленное от необходимости расходовать средства на покупку земли и арендные платежи, крестьянское хозяйство в годы восстановления быстро пошло в гору. Если в 1921 г., к концу гражданской войны, объем валовой продукции сельского хозяйства по сравнению с 1913 г. уменьшился на 40%, то уже в 1926 г., т. е. за какие-нибудь пять лет, он был не только восстановлен, но и превзойден на 18%².

Но, несмотря на успехи в восстановлении, крестьянское хозяйство 20-х годов оставалось примитивным и отсталым. Если в промышленности крупное производство сложилось еще до революции, то сельское хозяйство России по существу еще не знало крупного производства. Появившиеся после революции государственные хозяйства и кооперативы были еще слишком малочисленны и слабы, чтобы изменить общую картину. Тем не менее по характеру производства, по уровню развития производительных сил в системе сельского хозяйства государственные хозяйства значительно выделялись. В среднем на такое хозяйство приходилось свыше 500 га посевов и более сотни работников. В распоряжении этих хозяйств находилась значительная часть тракторов: на каждое из них приходилось примерно по два трактора.

---

¹ См. «Народное хозяйство СССР в 1958 г.», стр. 144.

² См. там же, стр. 350.

тогда как в кооперативных и единоличных хозяйствах их по существу не было.

При расчете на 1 работника или на 1 га посева в государственных хозяйствах тягловой силы, основных средств производства и капиталовложений было в несколько раз больше, чем в кооперативных и единоличных хозяйствах. Производственные показатели в госхозах были, естественно, наилучшими. Однако удельный вес госхозов был весьма незначителен, их развитие требовало больших капиталовложений и кредитов.

Что касается кооперативов, то они не были еще хозяйствами достаточно крупными в современном понимании этого слова. В среднем кооператив объединял всего лишь 12 крестьянских дворов. Число работников не превышало трех десятков, а посевная площадь — 42 га. В числе кооперативов преобладали тсозы (товарищества по совместной обработке земли) с очень низкой степенью обобществления¹ крестьянской собственности, и в особенности скота. Вследствие этого, а также в виду того что в кооперативы объединялись главным образом бедняцкие хозяйства, на каждый кооператив в среднем приходилось всего лишь примерно две коровы, три лошади и один вол, т. е. коллективное хозяйство по обеспеченности скотом, а в иных случаях и посевами немногим превосходило крупные крестьянские единоличные хозяйства. При расчете на 1 работника или на 1 га посева оказывается, что тягловых сил, основных средств производства и капиталовложений в кооперативах было меньше, чем в единоличных хозяйствах. Таким образом, тогда роль кооперативов в сельском хозяйстве не могла быть сколько-нибудь значительной не только ввиду их малочисленности, но и вследствие их экономической слабости.

Социальное лицо деревни определялось единоличным крестьянским хозяйством. 24,6 млн. крестьянских дворов, на каждый из которых в среднем приходилось 4,5 га посева, 1 корова и 1 лошадь, по существу представляли сельское хозяйство Советского Союза накануне коллективизации.

---

¹ В числе 33 258 кооперативов было 19 546 тсозов, 11 374 сельхозартели, 1747 коммун (см. «Народное хозяйство СССР», стр. 130). Посевы по всем колхозам были обобществлены на 54%, рабочий скот — на 27%, коровы — на 17%.

Разумеется, крестьянские хозяйства не были однородными, наблюдались и географические и классовые различия. На Северо-Западе, Западе и в центральных районах РСФСР преобладали более мелкие хозяйства, на Юге, в степных районах — более крупные. Например, в Ленинградской, Западной, Московской, Ивановской областях в среднем на хозяйство в 1929 г. приходилось 2,5—3,5 га, в Нижне-Волжском, Северо-Кавказском и Сибирском краях — 5,5—6,3 га¹. Наряду с бедняками, часть которых вообще не заседала землю и была лишена средств производства, имелись зажиточные, так называемые многопосевные хозяйства. Но на противоположных полюсах — беднячком и кулачком — концентрировалась небольшая часть крестьянства, к тому же степень различия между ними, т. е. глубина имущественной дифференциации, была не столь значительна. По данным гнездовой переписи 1927 г., хозяйства, наиболее обеспеченные средствами производства, при наличии семи душ (в круглых цифрах) имели в среднем по две—три коровы, более двух голов рабочего скота и до 10 га посева. Такие хозяйства составляли всего 3,2% общего числа обследованных крестьянских дворов². Основная масса крестьянских хозяйств была середняцкая, состояние которых приблизительно, но достаточно правильно отражают средние цифры.

Все эти различия — социальные и экономические — не влияют на общий вывод о том, что сельское хозяйство кануна коллективизации было дробным и мелким. Крестьянин хозяйствовал на жалком клочке земли допотопными орудиями производства. Неизбежным спутником такого земледелия была староредедовская агротехника с консервативным трехпольем и чересполосицей. Агрономические знания и методы, наталкиваясь на незримые, но прочные барьеры миллионов крестьянских «владений», внедрялись медленно. В 1929 г. основная часть земель все еще не была охвачена землеустройством, несмотря на большое внимание к этому вопросу.

Профессиональная структура села была исключительно бедной. В море крестьянских хозяйств терялись скудные кадры агрономов и других специалистов. При

¹ См. «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами». М., 1931, стр. 68—69.

² См. «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928», стр. 154—155.

наличии миллионов крестьянских дворов, в 1926 г. в РСФСР было всего лишь около 3 тыс. агрономических пунктов¹. Один агроном приходился на 300—400 селений со многими тысячами крестьянских хозяйств (см. табл. 2).

Таблица 2

Обеспеченность сельского хозяйства кадрами агрономов²

Районы	На 1 агронома приходилось		
	селений	крестьянских хозяйств (в тыс.)	посева (в тыс. десятин)
Северо-Западный	423	7,3	13,8
Центрально-Промышленный	144	4,5	12,3
Башкирия	149	8,9	26,6
Северный Кавказ	70	7,6	38,6
Сибирь	184	11,9	36,9

Подготовка агрономов была крайне низкой, лишь небольшая часть их имела высшее образование: в Псковской губернии — 7,7%, в Курской — 17,4, в Тамбовской — 22,1, в Кубано-Черноморской — 38,0%³.

Техническое оснащение сельского хозяйства также было примитивно. Главной тягловой силой в деревне была, как известно, лошадь. В 1926 г. удельный вес тракторов, которые в это время только появлялись, в энергетических ресурсах сельского хозяйства составлял 1,7%, в 1928 г. — 2, в 1929 г. — 2,8%.

Все важнейшие виды работ в сельском хозяйстве производились вручную: сеяли «россыпью», жали серпами, молотили цепами. В 1928 г. сев яровых был произведен на 74,4% вручную, уборка зерновых косами и серпами охватывала 44,4 посевной площади, 40,7% урожая было обмолочено цепами и другими ручными способами. Наш современник Виталий Закруткин, хорошо знакомый

¹ См. «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах...», стр. 221.

² См. «Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг.». М., 1960, стр. 264.

³ См. там же.

с крестьянской жизнью, вспоминает: «...пахали разболтанными однолемешными плугами, бороновали ветхими деревянными боровами, сеяли, перекрестясь, вручную, раскидывали зерно, кто как умел; травы и хлеба косили косами, а вдовы, у которых не было мужей, жали серпом»¹.

Материально-техническая база мелкого землевладения делала нерациональным применение не только трактора, но и некоторых сравнительно простых сельскохозяйственных машин², а иногда даже лошади и железного плуга³.

Затраты рабочей силы, естественно, занимали в то время основное место в издержках сельского хозяйства. Низкая энерговооруженность работников вообще, а по сравнению с промышленностью в особенности делала понятным значительное отставание деревни от города по производительности труда⁴. По нашим примерным подсчетам, промышленный рабочий в год (имеется в виду ценовая промышленность) создавал ценностей примерно в 18 раз больше, чем крестьянин⁵.

¹ В. Закруткин. Лик земли. — «Правда», 22 мая 1960 г.

² См. В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957, стр. 390—392.

³ См., например, «XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет. М.—Л., 1928, стр. 773, 1066. На съезде, в частности, указывалось, что из 24,5 млн. мелких крестьянских хозяйств в 8 млн. не было рентабельно применение лошади и в некоторой части хозяйств не окупал себя полностью и железный плуг.

⁴ По данным, приведенным М. И. Калининым на XVI партийной конференции, в сельском хозяйстве на одного работника приходилось всего (при переводе с живого тягла в механическую силу) 2,96 единицы механической энергии, тогда как в крупной промышленности — 20 единиц (см. «XVI конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет. М.—Л., 1929, стр. 131).

⁵ М. И. Калинин привел данные о том, что один день человеческого труда в сельском хозяйстве давал валовой продукции всего на 1 р. 53 к., тогда как в промышленности — на 18 р. 36 к., т. е. в 12 раз больше («XVI конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет, стр. 131). Поскольку в выступлении М. И. Калинина, естественно, не было указаний о методике исчислений этих цифр, а они весьма ответственны, необходимо подкрепить их данными статистических справочников. Можно предположить следующий расчет валовой продукции на одного работника в промышленности и сельском хозяйстве в течение года. В ценах 1926—1927 гг. стоимость валовой продукции фабрично-заводской

Ручной, по-крестьянски универсальный, крайне примитивный труд исключал какое-либо разделение хозяйственных функций, выработку профессиональных навыков, специализацию, или, как писал Маркс, разнообразие талантов и общественных отношений¹. Тянувшийся от зари до зари², он требовал огромного физического напряжения и поглощал многие миллионы рабочих рук.

По данным переписи 1926 г., на селе было сосредоточено 82% населения страны (120,7 млн. из 147,0 млн.)³. Для 77% жителей (113,8 млн.) сельское хозяйство являлось главным источником существования⁴; земледелием и животноводством было занято 71,7 млн. человек, из них больше половины (36,2 млн.) мужчин. Во всех других областях деятельности — промышленность, транспорт, торговля, культура — трудилось лишь около 11 млн. человек, т. е. в сельское хозяйство было вовлечено 86,7% самодеятельных⁵. По структуре населения СССР в то время почти не отличался от таких отсталых стран, как Индия, Египет, Турция⁶. На-

---

промышленности равнялась 11 439 млн. руб. (см. «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах...», стр. 232), число занятых — 2 760,5 млн. человек (см. там же, стр. 334). Таким образом, один рабочий выработал продукцию стоимостью 4144 руб. Валовая продукция сельского хозяйства оценивалась в 16 485 млн. руб., занято в сельском хозяйстве 71,7 млн. человек. В год один работник создавал продукции на 232 руб.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 207.

² Средняя продолжительность рабочего дня в фабрично-заводской промышленности составляла в 1926 г. 7,4 час., а в индивидуальных крестьянских хозяйствах рабочий день тянулся от 8,8 час. зимой до 12 час. летом (см. «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах...», стр. 338; «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928», стр. 89).

³ См. О. Квиткин. Население Союза ССР по положению в занятости и отраслям народного хозяйства. — «Краткие сводки Всесоюзной переписи населения», вып. X. М., 1929, стр. 4.

⁴ См. там же, стр. 194.

⁵ См. там же, стр. 13.

⁶ В 1926—1940 гг. в Индии в сельском хозяйстве было занято 66% населения, в Турции — 82, в Египте — 71%. Для сравнения укажем, что в то же время в Бельгии к сельскохозяйственному населению было отнесено 17%, в Германии — 27, в США — 19% (см. «Сельское хозяйство капиталистических стран». Статистический сборник. М., 1958, стр. 26—29). Любопытно отметить, что, по данным Первой Всероссийской переписи 1897 г., процент сельскохозяйственного населения был ниже, чем в 1926 г. Группируя вместе население, имеющее главным источником существования сельское хо-

чавшийся с 1923 г. отлив некоторой части населения в город не в состоянии был существенно изменить положение, так как он далеко не поглощал ежегодного прироста сельчан. По ориентировочным подсчетам, ежегодный прирост сельского населения в 1925—1928 гг. колебался в пределах 3 млн., а отлив — примерно 1 млн. человек¹. В 1925 г. в городах осело 1 187 тыс. человек, в 1926 г. — 945 тыс., в 1927 г. — 989 тыс., в 1928 г. — 1 062 тыс. человек².

зайство, лесоводство, охоту и рыболовство, получаем в 1897 г. 74,6% сельскохозяйственного населения (93 702 тыс. из 125 681 тыс.) против 77% в 1926 г. (см. «Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения», т. II. СПб., 1905, стр. 241—242, 255). Произведя тот же расчет на сопоставимой территории, О. Квиткин получил следующие цифры: в 1897 г. сельскохозяйственное население РСФСР, БССР, УССР и ЗСФСР составило 76,9% ко всему населению, в 1926 г. — 78,2% (см. О. Квиткин. Население в СССР по положению в занятости и отраслям народного хозяйства. — «Краткие сводки Всесоюзной переписи населения», вып. X, стр. 10).

Комментируя этот на первый взгляд неожиданный результат, О. Квиткин пишет: «Возможность отвести получающийся вывод неодинаковостью методов регистрации здесь, по-видимому, исключена, так как постановка вопроса в обеих переписях почти совпадает. Несомненно, что динамика рассматриваемого явления была далеко не одинаковой в различных частях тридцатилетнего промежутка между переписями. До войны мы наблюдали симптомы острого и усиливающегося аграрного перенаселения. В 1917—1919 гг. имели место отлив из городов части населения и возвращение его к сельскому хозяйству» (там же).

Между 1917 и 1920 гг. города в Европейской части РСФСР потеряли $\frac{1}{3}$ населения (см. О. Квиткин. Население городов Европейской части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920 и 1923 гг. — «Бюллетень ЦСУ», 1923, № 77. Этот же факт упоминается в цитируемой выше статье).

Для расчетов использована Сводная таблица динамики народонаселения СССР, опубликованная Е. З. Волковым. Вначале определим естественный прирост городского населения. Для этого из данных об абсолютном приросте вычтем показатель механического прироста. Для 1926 г. получаем следующее: абсолютный прирост городского населения составил 1 193,5 тыс., механический — 945 тыс. (см. Е. З. Волков. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.—Л., 1930, стр. 271). Таким образом, прирост городского населения (248,5 тыс.) составил около 1% (все городское население — 25 164,3 тыс.). Таким же путем находим естественный прирост городского населения в 1928 г., данные о котором мы извлекли из тех же источников. Получаем: 1 241,5 тыс. — 1 062,0 тыс. = 179,5 тыс.

² См. «Контрольные цифры по труду на 1928/29 год». М., 1929, стр. 11, 23; «Социалистическое строительство СССР», стр. 545.

Причины аграрного перенаселения объяснялись не только безработицей в городах и насыщенностью бирж труда, но и отсталостью, малопродуктивностью крестьянского хозяйства, требовавшего в страдную пору сосредоточения всей, или почти всей, особенно мужской, рабочей силы, необходимой на тяжелых работах (пахота, косовица).

Как же сельскохозяйственный труд вознаграждал крестьянина? Благосостояние его зависело, разумеется, от возможностей крестьянского хозяйства. 4 с лишним гектара посева и 1—2 коровы на семью из 5 человек определяли уровень благосостояния крестьянской семьи среднего достатка. От этого среднего уровня были отклонения как в ту, так и в другую сторону. Так, в потребляющей полосе посевов на семью приходилось меньше, чем в производящей, но коров больше и т. д. Наблюдались, конечно, и классовые различия, отражавшиеся на уровне доходов различных групп крестьянства. Об этих различиях, а также о различиях в доходах городского и сельского населения можно составить представление по данным табл. 3.

Таким образом, душевой доход в кулацких хозяйствах («хозяева-предприниматели») был больше, чем в середняцких в 2 раза и бедняцких — в 3 раза. Высокими доходами среди сельскохозяйственного населения выделялись служащие. В целом доходы сельскохозяйственного населения были в 3 раза ниже, чем городского. Но из этого факта не следует делать вывод о том, что благосостояние сельскохозяйственного населения было в 3 раза хуже, чем городского. Реальные доходы зависели, разумеется, от цен на промышленные и сельскохозяйственные товары и соотношения между ними. Однако между городом и деревней была существенная разница в источниках доходов и характере их. Для основной части городского населения главным, а в большинстве случаев единственным источником доходов была заработная плата. По материалам месячных бюджетов 1926 г., в семьях рабочих зарплата составляла $\frac{4}{5}$ всех доходов, от собственного хозяйства и различного рода продаж поступало немногим более 2% дохода в месячном бюджете¹. Для преобладающей же части сельско-

¹ См. «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах...», стр. 348.

Душевой доход различных групп населения
СССР в 1926—1927 гг.¹
(по расчетам комиссии СНК по изучению тяжести
налогового обложения)

Группы населения	Всего душ населения (в тыс.)	В среднем на душу руб. дохода
Все население	148 069	161,4
Несельскохозяйственное население	35 346	315,3
Пролетариат:	24 005	334,6
а) рабочие	11 574	327,6
б) служащие	8 369	389,9
Трудящееся непролетарское население	6 913	176,8
Мелкие полукapиталистические предприниматели	2 421	426,9
Буржуазия	284	1 289,9
Сельскохозяйственное население	112 723	113,2
Пролетариат:	4 713	108,2
а) рабочие	4 374	93,6
б) служащие	339	297,3
Хозяева:	108 010	113,4
бедняки	21 106	78,6
средняки	81 045	113,3
предприниматели	5 859	239,9

хозяйственного населения собственное хозяйство давало основную часть средств существования. Причем, чем крупнее было хозяйство, тем большей была доля доходов от сельского хозяйства. Это очень наглядно подтверждают крестьянские бюджеты 1924—25 гг., особенно относящиеся к крестьянским хозяйствам потребляющей полосы. По этим данным, в беспосевных и малопосевных хозяйствах даже преобладали заработки несельскохозяйственного происхождения. В основной, середняцкой массе хозяйств главным источником доходов было сельскохозяйственное производство, а в крупных хозяйствах почти исключительно все доходы поступали от собственного хозяйства². С этим была связана и разница в характере доходов. Та же тенденция, прав-

¹ См. «Тяжесть обложения в СССР». М., 1929, стр. 27, 31.

² См. «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах...», стр. 200—201.

да в меньшей степени, проявлялась в производящей полосе. В городе почти все доходы носили денежный характер, в деревне же — натуральный. Все это отражалось на динамике и характере потребления сельского и городского населения.

При сравнении питания городского рабочего и сельского населения можно заметить некоторые различия. В городе питание было гораздо качественнее. Городские рабочие потребляли меньше сельчан хлебных продуктов, но зато значительно больше (почти в 2—3 раза) мяса, сахара, яиц, растительного и коровьего масла.

Еще существеннее отличались друг от друга бюджеты рабочих и служащих по потреблению промышленных товаров. Крестьяне почти не тратили средств по статьям «гигиена», «культурно-просветительные расходы» и «общественно-политические расходы», гораздо меньше покупали мануфактуры, обуви. В то время как рабочие расходовали только на одежду примерно 20% своих средств¹, крестьянин тратил на обувь и мануфактуру не более 2% условно чистого дохода². Ограниченный в денежных средствах, крестьянин старался не только накормиться, но и одеться за счет своего хозяйства. В тот период он еще не мог расстаться с лаптями и домотканой одеждой. Душевая норма всех бумажных тканей в крестьянских хозяйствах в среднем составляла 12,6 метра в год, из них примерно половина производилась в своем хозяйстве. Причем, чем менее состоятелен был крестьянин, тем меньше покупал он фабричной мануфактуры и других товаров³. Основное место среди промышленной продукции, покупаемой крестьянами, занимали товары хозяйственного назначения (гвозди, строй-

---

¹ См. «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах...», стр. 349. В справочнике расходы на одежду объединены с расходами на туалет. Они вместе составляют свыше 20% (21,28) всех расходов. Условно допускаем, что расходы на одну одежду составляли примерно 20%.

² Подсчитано по: «Сельское хозяйство СССР. 1925—1928», стр. 447 (бюджеты 1925—1926 гг.).

³ Ткани фабричного производства составляли $\frac{1}{4}$ всех потребленных тканей в наименее доходных крестьянских хозяйствах (с условно чистым доходом от 20 до 60 руб.) против $\frac{4}{5}$ в наиболее доходных (свыше 150 руб.) (см. «Статистическое обозрение», 1928, № 1, стр. 19; «Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг.», стр. 556).

материал, хозяйственный инвентарь, керосин и т. д.). В бюджете рабочих, напротив, удельный вес этих товаров был незначителен.

Характер потребления сельского населения особенно рельефно отражал полунатуральную природу крестьянского хозяйства и глубокие различия в образе жизни в городе и на селе.

Не менее, если не более существенными были различия между городом и деревней в области культуры. В крупных городах уже широко применялось электричество, входили в быт водопровод, канализация, радио и телефон. Книга, библиотека, театр, кино занимали прочное место в жизни горожанина. Все это для деревни было редкостью, а иногда и диковинкой, чудом.

Благодаря усилиям Советского государства в деревне стали появляться различные политико-просветительные учреждения, клубы, избы-читальни, расширялась сеть школ. Однако возможности в этом отношении были еще ограничены. В деревне не хватало работников культуры, интеллигенции и материальных средств. Серьезным препятствием для распространения культуры были консерватизм и невежество самих крестьян. Чтобы открыть даже избы-читальню, нередко приходилось преодолевать сопротивление крестьянского схода. Характерна, например, следующая корреспонденция из села Карели Маршанского уезда Тамбовской области:

«Свою работу, — пишет учитель, — я начал с агитации в пользу избы-читальни на сельском сходе. После первой моей речи несознательная масса крестьян загудела, словно пчелиный рой.

— Эта самая читальня нам не нужна!

— Она на шею нам сядет!

— Мы не господа, нам некогда читать!

— Жили раньше без читальни и теперь проживем!

— Верно! — кричала толпа.

Я сказал крестьянам, что они ни копейки не будут платить за содержание избы-читальни. Но сход так и разошелся — оппозиционно настроенный против избы-читальни»¹.

¹ Цит. по: «Избы-читальни». — «Сельское хозяйство на путях восстановления». М., 1925, стр. 829.

Разумеется, настроения, описанные в вышеупомянутой статье, не были в деревне всеобщими. Выступавшая на XV съезде партии

Преодолевая эти трудности, Советское государство уже в годы восстановления добилось значительных результатов в борьбе за рост культуры деревни. Показателем серьезных сдвигов могут служить данные о ликвидации неграмотности — основном моменте в просветительной работе среди сельского населения (см. табл. 4).

Сравнение данных переписи 1926 г. с переписью 1897 г. показывает, что процент грамотности в стране за этот период удвоился. Если в 1897 г. грамотной была лишь $\frac{1}{4}$ населения, то в 1926 г. больше половины. Этот рост произошел главным образом за счет ликвидации неграмотности в деревне, где концентрировалась основная масса населения. Наиболее существенные результаты в ликвидации неграмотности были достигнуты уже при Советской власти. Темпы ликвидации неграмотности с 1920 по 1926 г. выросли в 2—2,5 раза по сравнению с предшествующим периодом (1897—1920 гг.). В результате за 7 лет Советской власти (с 1920 по 1926 г.), несмотря на то что это были очень трудные годы, в области борьбы с неграмотностью было сделано почти столько же, сколько за предшествующие 23 года.

Как известно, страна унаследовала от прошлого не только общую культурную отсталость, но и значительные диспропорции в уровне культуры и грамотности города и деревни, мужчин и женщин, центральных районов и национальных окраин. В общем росте культуры и грамотности преодолевались эти диспропорции. В то время как грамотность городского населения в 1926 г. (по сравнению с 1897 г.) выросла в 1,5 раза, процент грамотных на селе увеличился почти в 2,5 раза.

Уровень грамотности снижался от центральных, по своему характеру промышленных, районов к окраинным и национальным, преимущественно сельскохозяйственным районам. В 1926 г. в Ленинградско-Карельском, Центральном-Промышленном районах примерно 85% мужского и 60% женского населения было грамотным.

Н. К. Крупская говорила, что само крестьянское население чрезвычайно остро сознает, какие «имеются препятствия в поднятии культурного уровня». «Сейчас на любом собрании, — говорила она, — крестьянин будет говорить о необходимости поднятия культурного уровня, о школе, о ликбезе, об избе-читальне, особо много говорит об этом беднота» («XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет, стр. 1118).

Изменение грамотности населения СССР в 1926 г. по сравнению с 1897 г. (в тыс.)¹
(без Узбекистана и Туркменин)

Группы населения	1897 г.			1926 г.		
	Общее число	Грамотные		Общее число	Грамотные	
		Общее число	%		Общее число	%
Городское и сельское население (вместе)						
В возрасте 10 лет и старше	73 370,9	18 331,7	25,0	104 653,1	55 662,7	53,9
Всех возрастов	101 239,7	19 235,2	19,0	140 688,4	57 742,5	41,0
В том числе:						
мужчин	50 125,6	14 181,9	28,3	67 080,4	35 731,0	52,8
женщин	51 114,1	5 053,2	9,9	73 008,0	22 011,5	30,1
Городское население						
В возрасте 10 лет и старше	9 828,0	5 426,3	55,2	20 135,6	15 737,7	78,1
Всех возрастов	12 266,9	5 572,6	45,4	25 067,2	16 292,1	65,0
В том числе:						
мужчин	6 517,9	3 621,3	55,6	12 252,4	8 830,1	72,1
женщин	5 748,9	1 951,3	33,9	12 814,8	7 462,0	58,2
Сельское население						
В возрасте 10 лет и старше	63 829,0	13 005,5	20,4	84 517,5	39 926,0	47,2
Всех возрастов	88 972,9	13 662,6	15,4	115 622,1	41 450,4	35,8
В том числе:						
мужчин	43 607,7	10 560,6	24,2	55 428,0	26 900,9	48,5
женщин	45 365,2	3 102,0	6,7	60 194,2	14 549,5	24,2

¹ См. «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. XVII, отд. I. М., 1929, стр. 64—65.

Южнее и восточнее (Центрально-Черноземный район, Средне-Волжский и Нижне-Волжский края, Северный Кавказ, Украина, Сибирский и Дальневосточный края) этот процент уменьшался до 60—75% для мужчин и 25—40% для женщин. Наиболее отсталыми были национальные районы. В РСФСР число грамотных среди мужчин составляло 46%, среди женщин — 28%; в Средней Азии уровень грамотности был еще ниже: в Киргизии, Узбекистане и Туркмении число грамотных мужчин не превышало 10—23%, а женщин — 4—8%. Таким образом, хотя в 20-е годы тенденция роста культуры национальных окраин была очевидной, диспропорция между ними и центральными областями была еще значительной. Особенно отставали по уровню культурного развития сельские местности национальных республик: из 100 мужчин в селах Узбекистана лишь 4 были грамотными, из 100 женщин — 1; в Туркменистане — соответственно 5 мужчин и 1 женщина; в Киргизии — 20 мужчин и 5 женщин; в Якутии — 16 мужчин и 5 женщин; в Дагестане — 20 мужчин и 4 женщины. Если учесть, что в сельское население входили и представители местной власти, учителя и т. д., то станет понятным, что само крестьянство в этих районах было почти поголовно безграмотным.

Таким образом, несмотря на существенные сдвиги в культурном развитии страны, процент грамотных в деревне, особенно среди сельского населения национальных окраин, был неизмеримо ниже, чем в городе. По данным 1924 г., в городе до 4-го года обучения в школах доходило больше половины поступивших детей, а в сельских местностях — меньше $\frac{1}{5}$; средняя продолжительность обучения в сельских местностях составляла 2,3 года, а в городах — 3,1 года. В городе дети шире были охвачены школами, чем в деревне¹.

Таковы некоторые основные итоги общественного развития советского крестьянства накануне коллективизации. Несмотря на происшедшие в 20-е годы крупные сдвиги, крестьянство продолжало оставаться наиболее отсталой частью населения страны. Существенны были

---

¹ См. О. Бем. Школа в деревне. — «Сельское хозяйство на путях восстановления», стр. 844, 845.

различия между отдельными социальными прослойками внутри самого крестьянства. Но еще более значимыми являлись различия между городом и деревней, между рабочими и крестьянами. Социальная природа крестьян и рабочих продолжала оставаться разнотипной. Совхозные и колхозные островки, разбросанные в море крестьянских хозяйств, не меняли существа дела. Совершенно отличными друг от друга были экономические и культурные условия жизни рабочего класса и крестьянства. Хотя они жили в одном государстве с единой системой управления, жизнь их проходила по-разному. Это отражалось и на размерах и способах получения средств существования, и на их быте, и на интересах, уровне культуры, грамотности. В преодолении колоссальных различий между рабочим классом и крестьянством, между городом и деревней заключался величайший социальный смысл всей дальнейшей истории нашей страны.

Глава II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛА

Узловым и определяющим моментом дальнейших изменений в социальной структуре села была коллективизация. В мировой истории немного можно назвать явлений, которые по своей значимости и последствиям шли бы в сравнение с этой массовой ломкой старых производственных отношений и созданием совершенно нового типа общественной и хозяйственной организации людей. Прежде замкнутые в рамках своего хозяйства, ограниченные узкособственническими интересами, миллионы крестьянских хозяйств за какие-нибудь несколько лет обобществили свои средства производства, уничтожили межи и объединились в коллективные хозяйства с общими задачами и интересами, капиталом и трудом.

Уже в 1932 г. основная часть крестьянства, а к концу 30-х годов практически все оно было оторвано от част-

ной собственности¹. Причем темпы коллективизации не находились в какой-либо жесткой зависимости от предшествующего социального опыта крестьянства. В республиках Средней Азии, где недавно господствовали феодально-патриархальные отношения, процент обобществления был тот же, что и в Союзе в целом².

Таким образом, в 30-е годы повсеместно в своих принципиальных чертах сложилась социальная структура современного советского общества. Колхозное крестьянство, составляющее почти половину населения страны (47% — по данным 1939 г.)³, отныне стало важнейшим фактором социального развития. В сельском населении колхозники — основная социальная категория. По нашим ориентировочным расчетам, в 1939 г. свыше 71% жителей села (вместе с семьями) — колхозники, 3% — единоличники, 26% — рабочие и служащие (в том числе 7% — рабочие и служащие сельского хозяйства (МТС и совхозов), остальные 19% — несельскохозяйственных государственных предприятий)⁴.

Массовый разрыв крестьян с частной собственностью привел к консолидации социальной структуры, к единообразию ее составных элементов, их однотипности. Существовавшие в условиях господства мелкого частно-собственнического хозяйства противоречия между аграрной подсистемой и социальной системой в целом были теперь устранены.

¹ В 1932 г. было коллективизировано 61,5% крестьянских дворов, а к 1940 г. — 96,9% (в границах до сентября 1939 г.) (см. «Сельское хозяйство СССР», стр. 9).

² Правда, там некоторое время преобладали простейшие формы кооперации — тозы (см. «Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926—1932 гг.». М., 1960, стр. 340—341).

³ См. «Народное хозяйство СССР в 1968 г.». М., 1969, стр. 35.

⁴ Численность колхозного населения (наличного и отсутствующего) определена по годовым отчетам колхозов — 81,4 млн. (см. «Колхозы в 1939 году», ч. I. М., 1941, стр. 20). Процент от всего сельского населения (114,5 млн. человек в границах до сентября 1939 г. см. «Сельское хозяйство СССР», стр. 12) рассчитан при условном допущении, что все колхозное население жило в селах. Число работников МТС, совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий составило 2 млн. человек (см. там же, стр. 13). Вместе с семьями они достигали примерно 8 млн. человек, т. е. 7%; 3,1% сельского населения были единоличниками.

При расчете в новых границах доля колхозников будет ниже — 62,5%, единоличников выше — 11,5%. Удельный вес рабочих и служащих останется прежним — 26%.

Социальная однотипность колхозного крестьянства и рабочего класса, одинаково связанная теперь с общественной собственностью, еще не означала, однако, их полной однородности. Колхозное крестьянство отличалось существенными особенностями, обусловленными своеобразием колхозного сектора, т. е. специфической колхозной формой общественной собственности. Последняя, как известно, отличалась от государственной масштабами обобществления. В то время как государственная собственность была обобществлена в масштабах всей страны и в равной мере принадлежала каждому и непосредственно управлялась государством, колхозно-кооперативная собственность, обобществленная в рамках коллектива, принадлежала коллективу и юридически управлялась им. Отсюда вытекала особенность экономических условий развития колхозно-кооперативных предприятий, пестрота этих условий.

В государственном секторе, разумеется, могли быть коренные отличия между отдельными отраслями и предприятиями в характере, объеме, направлении производства. Металлургический завод и обувная фабрика, совхоз и шахта — вряд ли можно найти что-либо общее между этими предприятиями. Здесь все разное: и характер производства, и производственные процессы, и организация и условия труда; могут быть разными и структура фондов, норма прибыли, норма накопления, доходы и т. д. Но тем не менее их хозяйственная деятельность и перспектива, условия быта и зарплата рабочих не зависели от доходов и рентабельности этих предприятий. Все решали доходы, возможности, планы государства.

Экономические условия на предприятиях определяло государство, руководствуясь принципами целесообразности развития тех или иных отраслей, того или иного предприятия с точки зрения народного хозяйства в целом. Предприятие могло бы быть в данный момент нерентабельным, но государство, если это предприятие необходимо, в таком случае дотировало его. Это создавало нормальные экономические условия для функционирования предприятия, не отражалось на его развитии, на положении рабочих данного предприятия. К примеру, заработная плата на таком предприятии могла быть не ниже, а даже выше, чем на каком-либо другом, высоко-

рентабельном предприятии¹. Таким образом, в государственном секторе экономические различия между отраслями и предприятиями как бы уравнивались государством, управляющим собственностью, обобществленной в масштабах всей страны.

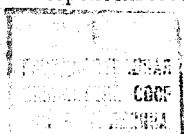
Совсем иное дело было в колхозах. В колхозно-кооперативном секторе каждое предприятие, пусть даже одного направления и в пределах одного и то же района, было экономически автономным. Оно имело, в частности, не только «свой» уровень доходов, но и свои часто отличающиеся друг от друга фонды распределения и потребления. Дробность колхозно-кооперативной собственности составляла важнейшую ее специфическую черту.

В этих условиях существенное значение приобретала другая производная от основной (от масштабов обобществления) социально-экономическая особенность колхозного сектора. Сводилась она, условно говоря, к степени или к глубине обобществления собственности. При специфическом положении в общегосударственной системе колхозного сектора, при слабом развитии его производительных сил и существенном участии в общегосударственных расходах общественные фонды распределения в кооперативных хозяйствах чаще всего оказывались недостаточными для возмещения трудовых затрат колхозников. Отсюда возникла объективная необходимость в неполном обобществлении и сохранении за колхозниками части средств производства, которые могли служить для них дополнительным источником существования.

На предприятиях государственного сектора практически были полностью обобществлены все орудия производства. В колхозах же часть посевов и скота находи-

---

¹ Если судить на основании производства валовой продукции в расчете на одного рабочего в 1932 г., то можно убедиться, что между отдельными отраслями промышленности были весьма значительные колебания в этом отношении. Выработка на одного рабочего колебалась с 37,6 тыс. руб. в топливно-перерабатывающей промышленности до 1,7 тыс. руб. на лесоразработках. Но тем не менее слесарь данного разряда в топливно-перерабатывающей промышленности получал примерно такую же заработную плату, как на лесоразработках, не исключено даже, что на последних заработная плата была выше (см. «Социалистическое строительство СССР», стр. 5).

лась в личной собственности колхозников. Накануне массового колхозного движения, когда преобладала простейшая форма кооперации — тозы, уровень обобществления был сравнительно невысок. В 1929 г. в тозах посеы были обобществлены на 74%, рабочий скот — на 24, коровы — на 2,6%, в артелях уровень обобществления был значительно выше: по посевам достиг 90%, по рабочему скоту — 62,6, по коровам — почти 40%. Уже в 1930 г. эта разница стала стираться: многие тозы стали переходить на устав сельхозартели¹. В то же время отказались, как известно, от преждевременного «полного обобществления» в коммунах. «Основной формой колхоза, — записал XVI съезд партии, — на данной стадии является сельскохозяйственная артель»². В 1932 г. уже почти 96% колхозов перешли на устав сельхозартелей. Товарищества по общественной обработке земли остались главным образом в национальных районах Востока как переходная форма к артели³.

Примерный Устав сельскохозяйственной артели 1930 г. предусмотрел границы обобществления. В личном пользовании колхозников оставались приусадебные земли, сельскохозяйственный инвентарь, корова, мелкий скот и домашняя птица. Весь рабочий и товарно-продуктивный скот обобществлялся⁴.

Но, говоря о специфическом в этом отношении положении колхозника, не следует его переоценивать. На-

¹ См. «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР...», стр. 34.

² См. «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет, т. II. М., 1935, стр. 1277.

³ Распределение колхозов по уставным формам на 1 июня 1928—1933 гг. (по СССР в %):

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Коммуны	5,4	6,2	8,8	3,6	2,0	1,8
Артели	34,8	33,6	73,9	91,7	95,9	96,3
Тозы	59,8	60,2	17,3	4,7	2,1	1,9

Подсчитано по: «Сельское хозяйство СССР». Ежегодник 1935 г., М., 1936, стр. 636—637.

⁴ См. «Коллективизация сельского хозяйства». Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935. М., 1957, стр. 282—283.

до учесть два момента: во-первых, его личное хозяйство хотя и сохранялось, но на всех этапах развития колхозов играло второстепенную, подсобную роль в производстве; во-вторых, личное хозяйство было подчиненно колхозу и подвержено регулирующему воздействию государства.

Функции личного хозяйства определялись уже его размерами. Удельный вес личного хозяйства колхозников в полеводстве колхозов был ничтожен, на их долю приходилось менее 3% всех посевов, в среднем на двор — 0,16 га. Почти 1/3 колхозных дворов (27,7%) вообще не имела никаких посевов (1932 г.). Основные культуры — зерно, технические культуры — почти целиком сосредоточивались в общественном растениеводстве. Значительное место занимало личное хозяйство колхозников лишь в производстве бахче-овощных культур и в животноводстве¹.

В целом доля личного хозяйства в валовой продукции колхозов (вместе с усадьбами колхозников) составила 34,6% в 1931 г. и 28,2% — в 1932 г.² Подчинение личного хозяйства колхозу выражалось многосторонне. По Уставу сельхозартели, размеры усадебных земель, где это необходимо, изменялись по решению артели и с утверждением общего собрания. А в случае если члены артели выбывали из колхоза, они землей за счет артели не наделялись. «Выбывающие из артели, — было записано в Уставе, — могут получать землю лишь из свободных земель госфонда»³. Таким образом, в качестве фактического хозяина приусадебного участка земли выступал колхоз.

Личное хозяйство колхозников играло подсобную роль и потому, что оно, лишенное собственной зерновой и кормовой базы, целиком и полностью зависело от общественного колхозного хозяйства во всех жизненных условиях своего развития. Все это говорило о том,

¹ В 1932 г. в расчете на 100 колхозных дворов приходилось 68 голов крупного рогатого скота общественного стада и 85 личного стада колхозников, в том числе коров — соответственно 20 (общественного стада) и 54 (личного). Распределение овец, коз и свиней в расчете на двор колхозников было примерно одинаковым (подсчитано по: «Социалистическое строительство СССР», стр. 359).

² Данные И. Е. Зеленина проверены по архиву (ЦГАОР, ф. 1562, оп. 81, д. 57, л. 6, 8—9).

³ «Коллективизация сельского хозяйства», стр. 282.

что между индивидуальным хозяйством колхозника и прежним индивидуальным хозяйством крестьян не было ничего общего. Прежнее единоличное хозяйство было альтернативой колхозу, индивидуальное же хозяйство колхозника сочеталось с общественным¹.

Отмеченные социально-экономические отличия колхозов обуславливались уровнем их производственно-технического развития. Многие авторы склонны объяснять внедрение социализма в сельское хозяйство через колхозы (основанные на групповой собственности) психологией крестьянства, сохранением частнособственнических пережитков среди крестьян. Такое объяснение, однако, представляется односторонним. Известно, что крестьяне постоянно пополняли ряды пролетариев и сам рабочий класс, как это подчеркивал В. И. Ленин, не был однородным ни по организованности, ни по психологии, ни по сознательности². Почему же какая-то часть крестьян (недавно ставших рабочими) могла быть сразу же вовлечена в государственный сектор, а другую, основную часть крестьянства надо было в течение десятилетий «перевоспитывать», избавлять в колхозах от собственнических настроений? Все станет на свое место, и вопрос о причинах появления в деревне групповой собственности, корнях социально-экономических особенностей колхозного сектора получит ответ, если помимо «психологии» обратиться к экономическим, материальным факторам — уровню развития производительных сил сельского хозяйства и промышленности.

Промышленность и сельское хозяйство в результате коллективизации не только в социальном, но и в производственно-техническом отношении стали на путь сближения. Создание крупного сельскохозяйственного производства, концентрация людей на производстве, внедрение машинной техники в сельскую экономику означали сближение основ сельскохозяйственного производства с промышленным, свидетельствовали о складывании сходных условий производства материальных благ в городе и в деревне. Со временем крупное производство и тех-

¹ См. «XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет. М., 1934, стр. 29.

² Об этом см., например, А. А. Матюгин. Некоторые вопросы изучения истории советского рабочего класса. — «Вопросы истории», 1960, № 6, стр. 103—104.

ника должны были превратить сельское хозяйство в отрасль, «равноправную» с промышленностью. Но в тот период этот процесс только начался. Не говоря уже о том, что сельское хозяйство находилось в зависимости от стихийных сил природы и сезонности¹, оно и по насыщенности техникой и оборудованием, и по степени энерговооруженности труда еще очень отставало от промышленности. Электричество, получившее широкое распространение в городе, в сельскохозяйственном производстве еще не имело практического значения, двигатель внутреннего сгорания только появился. Судя по такому обобщающему показателю, как «фондовооруженность» работника, колхозы по материальному оснащению резко отставали не только от промышленных предприятий, но и от совхозов² (см. табл. 5).

Несоответствие в обеспеченности средствами производства, различная насыщенность хозяйств материальными ценностями, принципиальные отличия в структуре основных фондов в значительной мере предопределяли разный уровень производительной силы труда и доходов в промышленности и в сельском хозяйстве.

В промышленности труд был несравненно эффективнее. Вооруженный сложными орудиями труда, индустриальный рабочий в одну и ту же единицу времени, что и сельскохозяйственный, создавал гораздо больше материальных ценностей, большую долю народного богат-

---

¹ Правда, и в промышленности было время, когда, например, машины первых хлопчатобумажных фабрик приводились в движение силой речного течения и производство, таким образом, в определенной мере зависело от стихии. Но развитие производительных сил в промышленности давным давно покончило с элементами такой зависимости. В деревне же 30-х годов подобное «освобождение» могло мыслиться лишь теоретически. До полного сближения материальных условий сельскохозяйственного производства с промышленностью было еще очень далеко.

² При расчете фондовооруженности учитывается стоимость всех средств производства: зданий, сооружений, силовых установок, машин, инструментов и инвентаря, транспорта, скота в расчете на одного занятого. В предлагаемых ниже расчетах не учтен скот, который занимал до $\frac{1}{3}$ стоимости основных фондов сельского хозяйства (см. «Социалистическое строительство СССР», стр. 24, 238; «Социалистическое сельское хозяйство СССР». М.—Л., 1939, стр. 22). С учетом скота разрыв в фондовооруженности между колхозами и предприятиями окажется менее значительным, но сам факт существенного разрыва не будет опровергнут.

**Основные фонды социалистического сектора
народного хозяйства в 1932 г.**
(в ценах 1933 г.)

Отрасли	Фонды в млн. руб.	Число работников (сред- негодовое) в тыс.	Основных фондов на 1 работни- ка в руб.
Крупная промышлен- ность	22 615 ¹	6 951 ²	3 254
Социалистическое сельское хозяйство .	11 367 ³	32 480,3	350
Совхозы	2 700	2 030,5 ⁴	1 330
МТС	825	340,3 ⁴	2 424
Колхозы	7 842	32 140,0 ⁵	244
	8 667	32 480,3	267

ства. Мы уже отмечали, что в конце 20-х годов выработка промышленного рабочего была примерно в 18 раз больше, чем у крестьянина. В реконструктивный период в этом отношении мало что изменилось, так как сельскохозяйственное производство не выросло. В то же время выработка рабочего в крупной промышленности с 1928 по 1932 г. увеличилась более чем на $\frac{1}{3}$ ⁶. Таким

¹ См. «Социалистическое строительство СССР», стр. XXIII. Сведения даются на конец года.

² См. там же, стр. 3. Приводится среднегодовое число работников. В разделе «Труд» этого же сборника приводится другой показатель численности рабочих — 6481,3 тыс. человек (стр. 508). Эта цифра подтверждается справочником «Труд в СССР» (М., 1936, стр. 11). Расхождение объясняется тем, что учет рабочих отделами промышленности и труда не совпадал: они охватывали разную номенклатуру работников. «Трудовая» отчетность не учитывала, например, в числе работников крупной промышленности кооперированных кустарей. При составлении таблицы отдано предпочтение поэтому более полным сведениям промышленной статистики.

³ В отличие от промышленных фондов, учтенных на конец года, по сельскому хозяйству даются фонды среднегодовые. Мы не воспользовались данными о среднегодовых фондах в промышленности, так как они даются не по крупной, а по всей промышленности (см. «Социалистическое строительство СССР», стр. XXXI).

⁴ См. «Сельское хозяйство СССР». Ежегодник 1935 г., стр. 715.

⁵ См. «Колхозы во второй сталинской пятилетке». М.—Л., 1939, стр. 35.

⁶ См. «Социалистическое строительство СССР», стр. XXXV.

образом, разрыв между рабочими и крестьянами в этом отношении оставался по-прежнему глубоким¹.

Чтобы поднять производственную эффективность труда крестьянина до уровня индустриального рабочего, надо было прежде всего приравнять их по оснащенности средствами производства, т. е. надо было сразу ликвидировать ту глубокую пропасть в техническом и вместе с тем в культурном развитии города и деревни, которая образовывалась веками. Практически это требовало таких материальных средств, которыми страна тогда не располагала. Ассигнования шли в первую очередь на создание многообразной тяжелой и мощной оборонной промышленности. Были выделены громадные (по масштабам того времени и финансовым возможностям государства) средства для создания группы государственных предприятий сельского хозяйства — совхозов. По объему и структуре своих фондов, как это мы пытались показать, они действительно близко стояли к государственным промышленным предприятиям. На такую «роскошь» для всей массы крестьянских хозяйств государство пойти не могло, тем более что опыт не свидетельствовал об эффективном использовании этих средств. В таких условиях наиболее рациональной с точки зрения выполнения программы индустриализации, принятой Коммунистической партией, представлялась форма сельхозартелей.

Колхозы, с одной стороны, позволяли вовлечь крестьян в социалистическое строительство, использовать материальные ресурсы сельского хозяйства для воспроизводства не капиталистических, а социалистических отношений; с другой стороны, они предотвращали растворение государственных фондов и социалистических накоплений индустрии в сельском хозяйстве.

Своеобразие социально-экономического положения колхозников отражалось на их социальных интересах.

¹ В крупной промышленности рабочий выработывал в среднем в год (1932 г.) продукцию стоимостью примерно 6 тыс. руб. (в ценах 1926—1927 гг.). В некоторых отраслях промышленности, как, например, топливно-перерабатывающая, пищевкусовая, парфюмерная, продукция в расчете на одного среднегодового рабочего измерялась десятками тысяч, и ни в одной отрасли не была ниже 1,5 тыс. руб. Один же работник сельского хозяйства создавал продукцию всего в несколько сот рублей. (см. «Социалистическое строительство СССР», стр. 3—18).

Вообще говоря, коренные социальные интересы всего общества не снимают, не исключают специфических социальных интересов отдельных групп и слоев населения. Глобальные общественные интересы сосуществуют с конкретными интересами, хотя и подчиняют их себе. Разумеется, любая социальная группа заинтересована в развитии и приумножении общественного достояния, когда оно принадлежит всем. В этом смысле интересы социальных групп совпадают. Но как распределять общественное достояние? Совершенно очевидно, что наличие «общего котла» вовсе не страхует от столкновения интересов. Ведь любое изменение в распределении в такой ситуации означает перераспределение продукта. Рост доли общественного продукта, выделяемого той или иной группе населения, неизбежно отражается на любой другой группе. В этом смысле каждая социально-профессиональная или отраслевая группа имеет свой экономический интерес и колхозное крестьянство не представляет собой ничего исключительного. Однако в рамках государственного сектора между отдельными отраслевыми группами и профессиями эти различия не выступают в обнаженном виде. Они как бы гасятся, опосредствуются государством, которое несет ответственность за тот или иной способ распределения.

По-иному обстоит дело с колхозным крестьянством. Здесь различия выступают на поверхности, так как колхозник непосредственно сам реализует свой продукт либо государству через заготовительные организации, либо на рынке, где он сталкивается с покупателем лицом к лицу. Различия прослеживаются и при распределении капиталовложений, товарной продукции и особенно в политике цен. Колхозники заинтересованы в высоких заготовительных ценах на свою продукцию и в низких — на промышленную продукцию, потребляемую ими; поступление в государственный бюджет, напротив, тем больше, чем выше цены на товары промышленного производства и ниже на сельскохозяйственные. Непосредственно сталкиваются интересы на колхозном рынке, где колхозники выступают как продавцы, а городские рабочие и служащие — как покупатели. Быстрый рост цен на колхозном рынке в последние годы реконструкции сельского хозяйства имел жизненно важное значение не только для колхозников, но и для всего сельскохозяйственного населе-

ния, так как рынок приносил ему существенную часть доходов.

Подчеркивая специфику экономических интересов, в частности, колхозников и рабочих, городского и сельского населения, не следует вместе с тем ее абсолютизировать. В конечном счете сельское население, так же как и городское, было заинтересовано в финансировании индустрии и на этой базе росте промышленных товаров потребительского и производственного назначения. С другой стороны, подрыв материальной заинтересованности в сельскохозяйственном производстве, резкое нарушение в эквивалентном обмене между городом и деревней затрудняли рост сельского хозяйства, нарушали пропорции между накоплением и потреблением и тем самым отражались на экономике страны в целом. Таким образом, коренные, глубинные интересы городского и сельского населения, рабочих и крестьян имели общее основание. На этой базе и строилась политика союза рабочего класса и крестьянства. Взаимоотношения между рабочим классом и крестьянством опирались «в последнем счете, — как это было сформулировано еще XII съездом РКП(б), — на взаимоотношения между промышленностью и сельским хозяйством»¹.

Специфический характер колхозно-кооперативного сектора вовсе не означал его отделенности или принципиальной обособленности от системы в целом. Сохраняя определенную специфику в своем общественно-экономическом устройстве, сельское хозяйство благодаря колхозам и совхозам по существу сомкнулось с индустрией, деревня — с городом в целостный хозяйственно-политический организм. Руководящее начало в этом объединении принадлежало индустрии, где уровень развития производительных сил был несравненно выше, чем в сельском хозяйстве. Основанная на государственной собственности, индустрия явилась главной экономической базой государственной власти. Как мы уже отмечали, единоличное хозяйство в слабой мере поддавалось государственному регулированию. Осуществляя те или иные мероприятия, государство неизменно наталкивалось на частокол индивидуальных крестьянских дворов. Анар-

---

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 2. М., 1970, стр. 410.

хия единоличного крестьянского производства лишь в известной мере корректировалась рыночным регулированием и только начавшей складываться системой производственной контрактации. В контрольных цифрах тех лет фигурировали не плановые задания, а «плановые» предположения. Давалась, например, единоличникам общая директива о посеве, вспоминал на XVII съезде партии нарком земледелия Я. А. Яковлев, а посеют они или нет, мы узнавали через полгода через ЦСУ, и то с поправкой в 30—40%¹. Мелкособственническая деревня чрезвычайно ограничивала мобилизационные возможности государства. Она очень болезненно реагировала на «ножницы цен» (когда крестьянство переплачивало на промышленных товарах и недополучало на сельскохозяйственных), необходимые для развития промышленности. Причем реагировало не только экономически — сокращением посевных площадей тех культур, производство которых недостаточно поощрялось ценами, но иногда и в острых политических формах².

Социальная реконструкция сельского хозяйства коренным образом меняла обстановку. Единство социально-экономических основ всех элементов общества создавало объективную основу для его всемерной консолидации. Между важнейшими элементами системы — колхозно-кооперативным и государственным секторами — складывается новый тип социальных отношений, характеризуемый приспособленностью, подчиненностью более частных интересов — аграрной подсистемы, предприятий, личности — интересам системы в целом, или, точнее, общегосударственным интересам. Роль государства, олицетворяющего эти интересы, в этой связи принципиально возрастает.

Естественно, процесс этот происходит не самотеком. Коммунистическая партия принимает ряд специальных мер для расширения и углубления политических связей между элементами структуры, для обеспечения взаимодействия колхозно-кооперативного сектора с общей сис-

¹ См. «XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет, стр. 154.

² Показательно в этом отношении восстание в Грузии в конце августа — начале сентября 1924 г. Организаторы мятежа пытались использовать недовольство крестьян низкими ценами на хлеб и высокими на промтовары (см. А. Н. Малафеев. История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). М., 1964, стр. 94).

темой. Развиваются многочисленные формы политических и институциональных связей, страхующих от несогласованности, дисфункции аграрной подсистемы.

Уже в 1928 г. при партийных комитетах — от Центрального Комитета до райкомов — образуются отделы по работе в деревне¹, несколько позже в деревне по производственному принципу (принятому в городе) перестраиваются партийные и комсомольские ячейки²; в МТС и совхозах создаются профсоюзные организации³, «лицом к деревне» перестраиваются и советские органы власти. В 1929 г. был образован Народный комиссариат земледелия СССР⁴, в составе областных и районных исполкомов создаются земельные отделы⁵, значительно укрепляются и сельские Советы⁶.

В своей деятельности партийное и советское руководство опиралось на кооперативную систему, которая также была организована сверху донизу. В районах руководство колхозной системой осуществлялось райколхозсоюзом, в республиках и областях, — республиканскими и областными союзами; общее руководство всей колхозно-кооперативной системой лежало на Союзе союзов представителей Колхозцентра, Трактороцентра и Союзколхоз банка⁷.

Важнейшим орудием руководства колхозами были машинно-тракторные станции, в лице которых, как указывалось в постановлении Центрального Комитета нашей партии, была «выявлена и проверена на массовом опыте форма организации Советским государством коллективного сельского хозяйства на высокой технической базе»⁸.

---

¹ Они предназначались для того, чтобы помогать партийным комитетам осуществлять руководство государственными и кооперативными организациями, систематически проверять выполнение партийных директив, участвовать в подборе и подготовке кадров для различных областей деревенской работы (см. «Коллективизация сельского хозяйства», стр. 51, 53, 54).

² В условиях разрозненного мелкособственнического хозяйства партийные и комсомольские организации строились в деревне по территориальному признаку.

³ См. «Коллективизация сельского хозяйства», стр. 173—176.

⁴ См. там же, стр. 240.

⁵ См. там же, стр. 327—328.

⁶ См. там же, стр. 262—275.

⁷ См. там же, стр. 230, 314.

⁸ Там же, стр. 347.

Развитие и дифференциация многочисленных систем связей между обществом в целом и аграрной структурой само по себе было недостаточно для повышения эффективности государственного руководства сельским хозяйством. Решающим и качественно новым обстоятельством была завершенность этой системы крупными предприятиями: колхозами и совхозами.

В 1928 г. И. В. Сталин назвал колхозы опорными пунктами «для обеспечения руководящей роли рабочего класса»¹. С победой колхозного строя не отдельные опорные пункты, а сплошная сеть их, охватывающая все крестьянство, обеспечивала многократное усиление влияния Советского государства в деревне. Тысячами нитей по партийной, советской, профсоюзной и кооперативной линии колхозы были прочно связаны с Советской властью.

Естественно, колхозы подобно Советам были лишь формой организации, определяющее значение имело то содержание, которое будет влито в эту форму. Но партия в условиях господства Советской власти, разумеется, имела все возможности, чтобы использовать колхозы в интересах создания новой формации, превратить колхозы в свое орудие, «вливать» в них свое, партийное содержание. К руководству колхозной системой партия призывает промышленных рабочих-двадцатипятидесятников и проявляет много забот о росте армии сельских коммунистов.

За счет притока горожан и внутреннего роста сельские партийные организации в период реконструкции выросли почти вдвое. Если в 1930 г. 1 коммунист приходился на 313 сельских жителей, то в 1933 г. — на 159 (в то же время в городе удельный вес коммунистов оставался без изменения: на 20 человек — 1 коммунист)².

Коммунисты на селе занимали все ключевые позиции, прослойка их в советских и кооперативных органах неуклонно росла³. В 1932 г. лишь 16,5% колхозов имели

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 193.

² Подсчитано по: «Народное хозяйство СССР», стр. XXIII; «Социалистическое строительство СССР», стр. 542; «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет, т. I, стр. 157; «XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет, стр. 557.

³ В сельсоветах РСФСР, избранных в 1929 г., было 9,3% коммунистов, а в результате выборов 1931 г. этот процент вырос до

свои партийные организации. В 1933 г. партийно-комсомольские группы были в $\frac{1}{3}$ колхозов¹.

Таким образом, в деревне была создана стройная система: совхозы и колхозы, руководимые наиболее преданными делу партии людьми, часто из среды рабочего класса; машинно-тракторные станции, обслуживающие колхозы не только технически, но и организационно; райкомы партии и райисполкомы, подбирающие кадры руководителей и направляющие всю работу сельскохозяйственных предприятий.

Доминирование общегосударственных интересов и руководящая роль государства, выражающего эти интересы, являются закономерностью, определяющей специфику социальных отношений новой системы. Эта закономерность вообще характерна для развития советского общества. Однако ее конкретное проявление меняется на разных исторических этапах.

В период коллективизации и в первые десятилетия после нее преобладала форма непосредственного прямого управления всеми сторонами жизни, в частности аграрной подсистемой. В условиях острой классовой борьбы на первый план неизбежно выдвигались чисто политические функции управления. Это отражалось на всех сторонах не только политической, но и хозяйственной жизни. Политический критерий становится основным в регулировании любых вопросов.

В кадровой политике приоритет отдавался партийной принадлежности, социальному происхождению. Главное условие выдвижения — преданность Коммунистической партии. Ни один вопрос не решается как чисто хозяйственный: заготовки — политическая кампания, сев или уборка — хозяйственно-политическая кампания и т. д.

В сфере экономической этот способ социальной связи более всего проявлялся в области товарного обмена между городом и деревней и в планировании. После

14,1 (см. «Развитие союза рабочего класса и крестьянства в СССР». М., 1958, стр. 190). Партийно-комсомольская прослойка в среднем по СССР в правлениях колхозов, по данным 1931 г., составляла около $\frac{1}{3}$ (см. «Колхозы весной 1931 года». М.—Л., 1932, стр. 137).

¹ См. «Партийное строительство», 1932, № 11—12, стр. 46—47; № 23—24, стр. 1; «XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет, стр. 557.

коллективизации товарно-денежные отношения были ограничены и допускались лишь в тех формах и в том объеме, которые государство считало целесообразными для развития хозяйства и страны в целом. Плановые предположения были заменены плановыми заданиями. Все стороны экономических взаимоотношений сельскохозяйственных предприятий с государством были строго регламентированы. Кредиты, семенные ссуды, централизованное распределение основных фондов сельскохозяйственных машин, твердые заготовительные цены и плановые задания по заготовкам характеризовали этот тип экономических отношений между колхозами, совхозами и государством.

По многочисленным каналам — посредством налогов, займов, покупкой тракторных обязательств, а главное, заготовками — деревня непосредственным образом участвовала в создании индустриального потенциала страны. О возрастающей роли государственного регулирования в области обмена полнее всего говорили государственные заготовки, масштабы которых с развитием социалистических форм предприятий в деревне неуклонно возрастали¹. Основную часть заготовок зерна давали колхозы, чьи преимущества над единоличными хозяйствами в этом отношении выявились достаточно очевидно. В 1932 г., например, с посевов колхозов государству удалось заготовить 27,5% урожая зерновых, тогда как с посевов единоличников лишь 16,6%, хотя нормы поставок у них были выше, чем колхозные². Государственные заготовки производились по твердым ценам, которые оставались практически без изменений, в то время как розничные цены на сельскохозяйственную продукцию неуклонно росли³. «Независимость» государства от законов рынка была результатом новых производствен-

---

¹ Если в 1928 г. государству удалось заготовить только около 15% валовой продукции зерновых, то в 1929 г. — 22,4, в 1930 г. — 26,5%, а в 1931 г. — почти $\frac{1}{3}$ всей валовой продукции; в 1933 г. в связи с допуском колхозной торговли государство несколько снизило план заготовок (см. «Коллективизация сельского хозяйства», стр. 411—413), но и в этом случае было заготовлено более $\frac{1}{4}$ валового сбора зерновых (см. «Сельское хозяйство СССР». Ежегодник 1935 г., стр. 192).

² Подсчитано по: «Сельское хозяйство СССР». Ежегодник 1935 г., стр. 194.

³ О ценах см. «Народное хозяйство СССР», стр. 352—356.

ных отношений в деревне, достигнутых благодаря приспособлению экономических интересов села общегосударственным целям¹.

С 1932 г. была, как известно, введена колхозная торговля и были допущены, таким образом, рыночные отношения между городом и деревней, между колхозно-кооперативным и государственным секторами, но колхозная торговля не занимала большого места по сравнению с государственной торговлей сельскохозяйственными продуктами, и главное — она полностью регулировалась государством. К примеру, государство разрешало колхозную торговлю хлебом только после того, как колхозы выполняли свои обязательства перед государством и засыпали семенные и другие общественные фонды. Государство оказывало также регулирующее влияние на колхозные цены².

Разумеется, подчеркивая огромную роль государства в регулировании обмена между городом и деревней, нельзя забывать, что этот процесс был двусторонним. Продукция промышленности направлялась в сельское хозяйство. Причем цены на поставки производственного назначения также были стабильными³. Участвуя в создании индустрии, сельское хозяйство по существу способствовало собственному техническому перевооружению. Фонды социалистического накопления в колхозах состояли как бы из двух частей, одна из которых шла в распоряжение государства, а другая составляла внутриколхозное накопление⁴.

---

¹ Подробнее см. *А. А. Барсов*. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969.

² См. «Развитие союза рабочего класса и крестьянства в СССР», стр. 210—212.

³ Таким образом, колхозное и совхозное накопления имели как бы две формы — внутреннюю и внешнюю. В начале 30-х годов экономист К. Луговский, говоря об источнике воспроизводства в сельском хозяйстве, делал акцент на внутриколхозное накопление. Он писал, что, хотя процессу расширенного воспроизводства в колхозах служат и внешние и внутренние источники, сам «процесс накопления выражается лишь накоплением внутренних ресурсов...» («На аграрном фронте», 1932, № 1, стр. 90). Д. Давыдов и Д. Лурье поправили Луговского, указав, что и внешние накопления являются частью ресурсов колхозного строя (на эти накопления создаются МТС) (см. «На аграрном фронте», 1933, № 3, стр. 90).

⁴ См. «На аграрном фронте», 1933, № 4, стр. 154.

Руководящая роль государства в области сельскохозяйственного производства выражалась в регулировании государственными органами всей деятельности колхозов, совхозов и МТС. Целесообразность подобного руководства специально обосновывалась И. В. Сталиным. При индивидуальном хозяйстве, говорил он, забота и ответственность за хозяйственную деятельность лежала на частновладельце. В колхозах ответственность переместилась от отдельных крестьян на руководящее ядро колхозов. «Это значит, что партия уже не может теперь ограничиваться отдельными актами вмешательства в процесс сельскохозяйственного развития.

...Партия, если она хочет руководить колхозным движением, должна входить во все детали колхозной жизни и колхозного руководства»¹.

Применение подобной практики обусловилось некоторыми особенностями исторического развития деревни. Если в промышленности формы и методы крупного производства возникли еще при капитализме (после революции им было придано новое содержание), то в сельском хозяйстве в условиях нашей страны крупное производство практически возникло при новой формации. Этим обстоятельством объяснялись дополнительные трудности в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью.

Быстрое внедрение общественных форм крупного производства, когда основная масса крестьянского населения была малограмотна и не имела необходимого социального опыта, вызывало специфические проблемы и целую серию особых социально-производственных противоречий.

С одной стороны, в деревне быстро распространяются новые, совершенно непривычные для нее, перенимаемые большей частью из промышленности формы общественной организации труда: создаются крупные производственные коллективы, бригады, звенья; внедряется культура организации и управления крупного производства: вводится сдельщина, тарифы, нормы, бухгалтерский учет и т. п. С другой стороны, в новых коллективах трудятся вчерашние единоличники, не имеющие навыков совместной работы и тем более управления обществен-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 223, 224.

ными делами¹ в крупной производственной кооперации. Почти четверть сельского населения (даже по данным 1939 г.) была совершенно неграмотна. Только 3,7% людей, имеющих образование, обучались в школе свыше 7 лет².

С одной стороны, в деревне интенсивно развиваются новые производственно-технические формы, хозяйства укрупняются и пополняются машинной техникой. С другой стороны, ощущается острый дефицит технических знаний, специалистов; кадры механизаторов готовятся в сжатые сроки из людей, не имеющих достаточной общей и технической подготовки (вплоть до 1933 г. на каждый колхоз приходилось в среднем не более чем по одному трактористу), а что касается специалистов сельского хозяйства с высшим и средним специальным образованием, то их даже накануне войны было по одному человеку на каждые восемь колхозов³. По уровню образования колхозная интеллигенция почти не выделялась из основной массы колхозников⁴. Обстановка ос-

¹ Вовлеченное в массу своей в колхозы, крестьянство не было, однако, в такой же мере вовлечено в колхозное производство. Особенно это относилось к началу 30-х годов, когда в колхозах использовалась небольшая часть рабочей силы — до $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{5}$ запасов труда (см. «На аграрном фронте», 1931, № 6, стр. 43; 1932, № 3, стр. 34—35). Это объяснялось разными причинами: излишками рабочей силы, унаследованными от старой перенаселенной деревни, сезонностью сельскохозяйственного труда, низкой тогда еще дисциплиной общественного труда. Я. А. Яковлев, приведя данные хронометража на косовице (когда оказалось, что за рабочий день колхозники косили лишь 2 час. 14 мин., а остальное время простаивали — обедали, курили, ждали бригадира и т. п.), заметил, что удивляться такому примеру нечего: колхозники — вчерашние одиночники — не выработали еще навыков трудовой дисциплины крупного производства. «Чудом, — сказал Я. А. Яковлев, — было бы обратное» («Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1933, № 2, стр. 43—44). Колхозный труд как общественный труд, таким образом, сложился далеко не сразу.

² См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР». М., 1962, стр. 81; Ю. С. Борисов. Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период. М., 1960, стр. 271.

³ См. «Колхозы во второй сталинской пятилетке», стр. 1; Ю. В. Арутюнян. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг., стр. 46, 78; «Сельское хозяйство СССР», стр. 50, 467.

⁴ См. Ю. С. Борисов. Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период, стр. 141; Ю. В. Арутюнян. Опыт социологического изучения села. М., 1968, стр. 50.

ложнялась также последствиями классовой борьбы, обусловившими определенную политическую напряженность, а также трудным экономическим положением, отсутствием достаточных материальных средств для экономического стимулирования общественного труда. Таким образом, если формы прямого регулирования в сфере экономических отношений между городом и деревней были вызваны слабым развитием материального производства, недостаточным развитием «потребительских» отраслей экономики и в связи с этим ограничением возможностей эквивалентного обмена между промышленностью и сельским хозяйством, то подобные формы в сфере производственно-технического управления связаны были с отставанием людей от социальных и технических требований нового крупного производства.

Коротко говоря, такой способ социальной связи был вызван несоответствием социальной структуры населения структуре производства. Очевидно, что производственная структура детерминирует в конечном счете социальную структуру населения. Изменения в характере производства, в его технической основе вызывают изменения в социальной структуре. Однако эти изменения, как уже подчеркивалось выше, происходят не всегда синхронно. Сложившиеся формы управления явились по существу способом разрешения социальных противоречий, вызванных отставанием структуры населения от производственной структуры. Отсутствие опыта масс как бы возмещалось активностью руководства, недостаточная материальная заинтересованность компенсировалась прямым регулированием.

Серьезную дезорганизацию структурных элементов деревни вызвала война. Наиболее квалифицированные слои сельского населения, по существу только ставшая крепнуть новая сельская интеллигенция, прослойка индустриальных работников, сильно сократились и в значительной мере были замещены малоопытными людьми, главным образом женщинами¹. Конечно ни о каком эквивалентном обмене между городом и деревней в годы

---

¹ До войны 3,9% председателей были женщины, в конце 1943 г. — 14%. Доля женщин-бригадиров выросла соответственно с 9 до 42%, трактористов — с 8 до 55%, комбайнеров — с 8 до 54% и т. п. (см. Ю. В. Арутюнян. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970, стр. 107, 109, 113).

войны не могло быть речи: все ресурсы мобилизовались для фронта, поставки селу промышленной продукции резко уменьшились. Государство вынуждено было принять дополнительные меры для обеспечения фронта и промышленности продовольствием и сырьем. В государственном секторе села — совхозах, МТС, на промышленных предприятиях и учреждениях, так же как и в городе, действует трудовое законодательство военного времени (запрещение самовольного ухода с предприятий, удлинение рабочего дня, отмена отпусков и т. п.). В колхозах действует закон об обязательном минимуме трудовых, невыполнение которого карается судебными санкциями, расширяется система уполномоченных, а в самые трудные годы (1942—1943) при МТС создаются политотделы. Колхозное крестьянство, сознающее необходимость максимального напряжения сил во имя победы, шло на выделение в пользу государства (без соответствующей материальной компенсации) дополнительной колхозной продукции.

Разумеется, такой характер развития социальных отношений, хотя и объясним, отнюдь не был абсолютным благом. Распространенный в то время метод управления породил многие неблагоприятные явления не только в социальной жизни в широком смысле этого слова (включая нравственные, этические аспекты), но и непосредственно в производстве. Чрезмерно централизованное управление неизбежно вызывало к жизни те отрицательные явления, которые неизменно сопутствуют непомерной регламентации производства вообще, сельскохозяйственного в особенности. В сельском хозяйстве, зависимом от природных условий (весьма разнообразных и по существу не поддающихся точным прогнозам), из центра вообще невозможно безошибочно предусмотреть, допустим, сроков проведения сельскохозяйственной кампании, потребностей в рабочей силе, материальных средствах и т. п.¹

---

¹ Коммунистическая партия неоднократно подвергала критике недостатки излишней регламентации сельскохозяйственного производства. В 1934 г. на XVII съезде Я. А. Яковлев говорил: «Первое и основное — это то, что люди до сих пор еще центр тяжести своей работы видят в издании общего приказа, циркуляра, направленного «всем, всем», иногда, может быть, и очень умного, но который в 90% случаев не имеет значения, потому что на такие циркуляры

Естественно, история поджидала того момента, когда стало бы возможно изменить сложившиеся социальные отношения, сделать их более рациональными с точки зрения использования человеческих ресурсов. И такой момент подготавливался исподволь. Сложившиеся отношения не были вечными. Они были преходящими хотя бы уже потому, что зависели от уровня развития производительных сил и состояния структурных элементов системы, а они постоянно менялись.

Уже в 30-х годах аграрная подсистема — колхозы, совхозы, МТС — накопила известные социальные предпосылки (правда, еще недостаточные для коренных изменений), необходимые для того, чтобы со временем при дальнейшем развитии и в благоприятной ситуации преодолеть отмеченную систему противоречий между социальной структурой и структурой производства. Колхозный строй был создан не для того, чтобы законсервировать отсталость крестьян, а чтобы, не нарушая общих для системы тенденций развития, способствовать в конечном счете преодолению этой отсталости. Война затормозила социальные процессы в стране, ослабила общественное хозяйство в колхозах, замедлила культурный рост крестьянства. И тем не менее главное осталось непоколебимым: общественная система хозяйства в деревне по-прежнему была господствующей, и на этой базе уже в послевоенные годы продолжается необратимый процесс аккумуляции социальных сил сельского населения, «дозревания» социальной структуры крестьянства новой формации.

В чем выражался этот процесс?

В деревне постепенно укореняются, становятся все более привычными разнообразные формы общественно-го труда. В конце 40-х — начале 50-х годов сельское население пополняется уже поколением, которое вообще не застало частной собственности, капиталистической

пункто не обращает внимания, раз не организована проверка исполнения». Колхозная отчетность, например, насчитывала 46 форм с 4,5 тыс. показателями (см. «XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет, стр. 153, 280). Сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС указал как на недостатки руководства сельским хозяйством — излишнюю регламентацию, раздутую отчетность, большое количество планированных заданий (см. «Правда», 13 сентября 1953 г.).

эксплуатации, единоличных форм хозяйства и с самого начала воспитывалось в условиях новой социальной формации. Колхозно-совхозное сельское хозяйство по типу и характеру производства все ближе приближалось к промышленности: оно постепенно укрупнялось и механизировалось. Различия между колхозами и совхозами постепенно уменьшались (см. табл. 6). Известное сбли-

Таблица 6

Концентрация колхозно-совхозного производства

Годы	Средние размеры колхоза ¹			Средние размеры совхоза ²		
	Число дворов	Посевная площадь в тыс. га	Число тракторов* (физич.)	Число работников	Посевная площадь в тыс. га	Число тракторов (физич.)
1928	13	0,4	меньше 1**	250	1,2	5
1936	76	0,5	1,4	512	3,7	23
1940	79	0,5	около 2	285	2,8	19
1953	220	1,4	6	352	3,1	20
1958	276	1,9	9	605	8,7	41
1959	343	2,3	12	610	8,3	48

* С учетом тракторного парка МТС.

** По данным 1933 г.

жение с городским населением происходит не только в условиях производства, но и потребления. В частности, общие черты наблюдаются в самой структуре потребления сельского и городского населения. Теперь, когда крестьянин не ведет частного хозяйства, он избавляется от бремени больших производственных расходов (покупка инвентаря, скота, строительных материалов, аренда земли и т. п.) и имеет возможность, так же как рабочий, использовать основную часть денежных средств на личные потребительские нужды — питание, промышленные товары, улучшение материального и культурного положения³. За счет «экономленных» средств крестьянин

¹ См. «Колхозы во второй сталинской пятилетке», стр. 6, 24; «Сельское хозяйство СССР», стр. 57, 63, 410.

² См. «20 лет Советской власти». Статистический сборник. М., 1937, стр. 47; «Сельское хозяйство СССР», стр. 49, 13.

³ Судя по некоторым бюджетным обследованиям, проведенным в Краснодарском крае, соотношение производственных и личных

приобретает больше потребительских товаров промышленного производства — тканей, обуви, мебели и т. п. Например, если в 1925—1926 гг. в среднем на «крестьянскую душу» было куплено 5,8 м ткани¹, то в 1950 г. — более 7 м, а в 1953 г. — около 10 м². Еще заметнее выросли покупки других более качественных товаров — шелковых и шерстяных тканей, готовой одежды, обуви, мыла и т. п. В результате полностью была возмещена убыль от «денатурализации» крестьянского хозяйства. В бюджете крестьянина появились такие свойственные прежде лишь городскому населению прогрессивные статьи расхода, как, например, затраты на культурно-бытовые нужды. Понятно, что потребление городских товаров уже само по себе постепенно способствовало изменению культурного облика крестьянина.

Следующая таблица позволит более подробно судить об этих новых тенденциях в развитии потребления сельского населения (см. табл. 7).

Данные говорят, однако, о том, что, несмотря на выраженную тенденцию сближения структуры расходов колхозников и рабочих, между ними сохраняются еще устойчивые различия. У колхозников характерная для менее урбанизированного населения структура потребления. Они большую долю средств расходуют на питание, отопление, накопление и меньше (чем рабочие) на культтовары и культурно-бытовые нужды. Симптоматично также, что у колхозников и абсолютно и относительно меньше расходы на спиртные напитки и табак. Что касается рабочих совхоза, то структура их потребления свидетельствует о промежуточном положении

расходов изменилось следующим образом: в 1926—1927 гг. производственные расходы составляли почти $\frac{1}{3}$ всех денежных расходов в расчете на хозяйство, что почти соответствовало доле личных расходов (остальное — налоги, страховка и прочие расходы), а в 1935 и 1936 гг. производственные расходы занимали не более 10—12% всех расходов, зато личные возросли примерно до 70% (Архив Министерства сельского хозяйства СССР, оп. 456, св. 392, д. 122, л. 3).

¹ См. «Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг.», стр. 556 (см. также главу I).

² См. В. Б. Островский. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967, стр. 213. В последующие годы потребление хлопчатобумажных тканей не увеличивалось в связи с ростом покупок готовой одежды и более качественных сортов ткани.

Таблица 7

Распределение годовых расходов семей колхозников
и рабочих РСФСР¹

Статьи расходов	Колхозники			Рабочие совхозов (постоянные)		Рабочие промышленности	
	1953 г.	1958 г.	1961 г.	1958 г.	1961 г.	1958 г.	1961 г.
Всего расходов, %	100	100	100	100	100	100	100
В том числе:							
питание	57,7	53,3	53,8	47,2	45	42,1	42,9
ткани, одежда, белье, обувь	15,5	16,9	17,1	20,6	20,9	19,2	18,3
мебель, предметы домашнего обихода	1,2	1,7	2,2	2,4	3,0	2,8	3,3
культуртовары, велосипеды, мотоциклы и т. п.	0,9	1,6	1,7	2,5	2,7	2,6	2,9
культурно-бытовые нужды	1,5	2,2	2,6	5,4	6,4	11,7	12,3
предметы санитарии и гигиены	0,9	1,5	1,7	0,8	0,9	0,9	1,0
отопление, освещение	3,7	2,7	2,2	1,4	0,6	0,6	0,5
табак, спиртные напитки	2,7	4,2	4,5	5,5	6,0	5,4	5,6
накопления	9,6	11,0	9,1	5,5	4,1	3,6	2,4

этой социальной группы (между колхозниками и рабочими промышленности).

В самой структуре питания сельского населения отразилась та же тенденция роста урбанизации, но в очень слабой мере. И это понятно: ведь собственное подсобное хозяйство оставалось главным источником продуктов питания для колхозников и «денатурализация» затронула сферу продовольственного потребления меньше, чем промышленного. То, что собственное хозяйство крестьянина сократилось, конечно, отражалось на уровне его питания.

Правда, в последнее время оно существенно улучшилось и по структуре приблизилось к городскому².

¹ См. В. Б. Островский. Колхозное крестьянство СССР, стр. 209—213; ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 323, д. 1; оп. 324, д. 122, 455, 666, 931.

² Известным индикатором этих изменений может быть, например, рост расходов на сахар и кондитерские изделия: судя по се-

Однако, как мы вскоре увидим, рост потребления не означал еще адекватного удовлетворения потребностей. Между потреблением и потребностями существует не односторонняя, а двусторонняя связь. Рост потребления каждый раз вызывает соответствующее расширение потребностей, порождает новые запросы в еще более широком, чем прежде, объеме. Но об этом позже.

Самый заметный сдвиг произошел в образовании и культуре сельского населения. Если в 1926 г. половина сельского населения (в возрасте 9—49 лет) была неграмотной, в 1939 г. большинство овладело грамотой (87%), то в 1959 г. — практически все (98,5%)¹. Темпы роста образования в деревне были выше, чем в городе. Поэтому из поколения в поколение разрыв в уровне образования городского и сельского населения последовательно уменьшался (см. табл. 8).

Уже в 1939 г. практически все сельские дети, особенно младших возрастов, обучались в школе. Разница в охвате городских и сельских детей школьным образованием была уже незначительной. В возрасте 9—15 лет посещали школу 94% городских детей и 85% сельских, в возрасте 16—17 лет — 87% городских и 77% сельских². Если в 20-е и начале 30-х годов учеба сельских детей главным образом ограничивалась пределами начальной школы, то в 50-х годах почти половина школьников на селе обучалась в неполной средней и средней школе³.

Характерно, что сельские дети-школьники (согласно переписи 1959 г.) имели в среднем более высокое образование, чем взрослые. Образование детей в возрасте 10—19 лет составило в среднем 5 классов, взрослых (старше 19 лет) — 4,2 класса; в городе картина была иной: образование детей — 6,2 класса, взрослых — 6,4 класса⁴. Кстати сказать, эти данные, говорящие об отставании сельской культурной среды, свидетельствуют не только о менее благоприятных условиях социализа-

мейным бюджетам, потребление этих продуктов в 60-е годы стало приближаться к уровню потребления рабочих промышленности (см. *Б. Б. Островский. Колхозное крестьянство СССР, стр. 209—210*).

¹ См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», стр. 88.

² ЦГАОР, ф. 4372, оп. 37, л. 24.

³ См. «Культурное строительство СССР». М., 1956, стр. 123.

⁴ См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», стр. 79.

Изменение образовательного уровня
сельского населения¹

Возрастные группы	Высшее образование		Незаконченное высшее и среднее (включая неполное среднее образование)	
	На 1000 человек данного возраста имеются	Во сколько раз меньше, чем в городе	На 1000 человек данного возраста имеются	Во сколько раз меньше, чем в городе
20—24 года	7	2,6	546	1,3
25—29 лет	19	3,5	291	1,6
30—34 года	15	4,0	370	1,5
35—39 лет	17	4,5	341	1,6
40—44 года	12	4,8	171	2,3
45—49 лет	7	7,0	69	3,6
50—54 года	5	10,0	45	4,7
55—59 лет	4	11,7	33	5,5
60—64 года	3	12,3	25	5,8
65—69 лет	2	13,5	18	6,2
70 лет и старше	1	15,0	12	6,0

ции и культурного развития сельской молодежи, но и частично объясняют малую привлекательность сельских условий (среды) для молодежи, ее стремление в город.

Чрезвычайно примечателен быстрый рост образования сельской женщины, отражающий интенсивный процесс ее вовлечения в общественную жизнь². В 1959 г. среди сельских женщин в возрасте 20—24 лет доля имеющих среднее образование уже несколько выше, чем у мужчин.

Вместе с ростом образования сельского населения постепенно преодолевалась культурная изолированность деревни. Этому в немалой степени способствовало быстрое распространение на селе средств массовой коммуникации: радио, газет, кино. По некоторым важным показателям — киноустановки, клубы, книги в библиотеках,

¹ См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», стр. 77, 79.

² Подробнее см. главу V.

Сравнительные данные о развитии культуры
в городе и на селе в 1928—1953 гг.¹

	Годы		
	1928	1940	1953
Дети в яслях и детсадах ² :			
город	41	219	202
село	1	40	42
Дети в школах ² :			
город	1 178	1 660	1 455
село	671	1 822	1 680
Учителя (без совместителей) в дневных общеобразовательных школах ² :			
город	н/св.	н/св.	62
В том числе с высшим образованием	»	»	22
село	»	»	95
В том числе с высшим образованием	»	»	11
Число книг и журналов в массовых библиотеках (на 100 человек населения):			
город	163	186	272
село	20	49	197
Киноустановки (число мест в стационарных киноустановках) ² :			
город	н/св.	н/св.	377
село	»	»	314
Клубы ³ :			
город	2	2	1
село	2	8	10
Радиоприемники и радиоточки ³ :			
город	—	36	111
село	—	12	63
Число посещений киносеансов в расчете на одного жителя:			
город	—	10	11
село	—	2	3

количество радиоприемников, газет, журналов в расчете на одного жителя — село быстро приближалось к горо-

¹ См. «Социологическое изучение села: культура, быт, расселение», вып. I. М., 1968, стр. 4—5.

² В расчете на 10 тыс. человек населения.

³ В расчете на 1 тыс. человек населения.

ду в довоенные, а тем более в послевоенные годы (см. табл. 9).

Благодаря расширенному культурному строительству, распространению средств массовых коммуникаций в деревне форсированными темпами происходил процесс децентрализации культурных ценностей, традиций, понятий, образцов поведения; крестьянское население постепенно воспринимало глобальную шкалу ценностей общества в целом, запросы и потребности крестьянского населения теряли деревенскую специфику и приобретали общие с городским населением черты, что имело огромные социальные результаты.

Среди деревенского населения постепенно распространяются индустриальные навыки и технические знания. В 1928—1929 гг. в обобществленном секторе сельского хозяйства было не более 30 тыс. трактористов, частично пришедших из города. В 1934 г. численность трактористов в колхозном секторе достигла почти полумиллиона человек, а в начале 50-х годов значительно превысила миллион, в середине 60-х годов — 2 млн. Доля механизаторов в колхозном производстве составила в 50—60-х годах до 10%, а среди постоянных рабочих совхозов — примерно 23%¹. По данным 1959 г., примерно 3—4% колхозников принадлежали к категории руководителей общественного производства и специалистов (основных профессий); в совхозах их удельный вес был заметно выше².

Прослойка квалифицированных работников была, конечно, не очень велика. Основная масса крестьян, как их отцы и деды, продолжала заниматься ручным, «традиционным» трудом, не требующим специализации. Состояние производства было таково, что в нем самолет, опыляющий поля, уживался еще со стародедовской мотыгой. Другое дело «качество кадров». Здесь чаще всего, как и в 30-е годы, спрос отставал от предложения. Разрыв, конечно, с годами уменьшался. Но «качественное» отставание социальной структуры от требований производства оставалось до конца не преодоленным. В какой-

¹ См. Ю. В. Арутюнян. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг., стр. 271; «Сельское хозяйство СССР», стр. 457.

² См. «Сельское хозяйство СССР», стр. 470—473 (одних специалистов в совхозах было 4%) (см. «Труд в СССР». М., 1968, стр. 127).

то степени сквозным индикатором подготовленности кадров могут быть показатели их образования. Если сравнить уровень образования руководителей и специалистов сельского хозяйства в 30-х и начале 50-х годов (до 1953 г.), то нетрудно убедиться, что в этом отношении особых сдвигов не произошло, хотя общая культура всего сельского населения заметно выросла (см. табл. 10).

Таблица 10

Образование руководителей и специалистов
сельского хозяйства (в %)

	1933 г. ¹	1940 г. ²	1953 г. ³	1954 г. ³
Директора МТС и их заместители				
Высшее образование	13	4	23	79
Среднее »	32	26	47	
Начальное »	55	70	30	
Заведующие Райзо				
Высшее образование	8	6	—	—
Среднее »	20	29	—	—
Начальное »	72	65	—	—
Директора совхозов и их заместители				
Высшее образование	12	н/св. }	70*	н/св.
Среднее »	35			
Начальное »	53	—	30	»
Председатели колхозов				
Высшее образование	—	—	1	70
Среднее »	2	2	11	
Начальное »	98**	98	88	
Агрономы				
Высшее образование	22	30	н/св.	н/св.
Среднее »	67	59	»	»
Начальное »	11	11	»	»

* Данные 1950 г. (см. И. Е. Зеленин. Совхозы СССР (1941—1950). М., 1969, стр. 188).

** В число имеющих начальное образование (4 класса и ниже) включены также 6% неграмотных (см. Ю. С. Борисов. Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период, стр. 141).

¹ Архив Министерства сельского хозяйства СССР, оп. 258, св. 49, д. 189, л. 90—94, 95—99, 120—124, 125—129, 180—184, 185—189.

² ЦГАНХ СССР, ф. 7486, д. 2846, л. 1; д. 2845, л. 27.

³ См. «Правда», 6, 21 марта 1954 г.

В 1940 г. образование руководителей и специалистов было не только не выше, но иногда даже и ниже, чем в 1933 г. И это на фоне общего роста культуры и грамотности сельского населения. Такое явление было связано как с политическими, так и с экономическими причинами. Главная причина экономического порядка — невыгодные материальные и вслед затем этические условия работы в деревне (в частности, низкий престиж сельскохозяйственных профессий). Нарушение принципа материальной заинтересованности, недостаточная компенсация за сельскохозяйственный труд делали сельскохозяйственные профессии малопривлекательными для людей образованных, в особенности образованной молодежи. Промышленность, предъявлявшая огромный спрос на рабочую силу, отсасывала крестьянское население¹. Среди «выбывающих» преобладала наиболее перспективная и молодая сила деревни.

Все перечисленные факторы — укоренение в деревне общественных форм хозяйства, организации и методов труда, сближение структуры потребления сельского населения с городским, подъем культурного уровня деревенских жителей, распространение технических и специальных знаний, развитие средств массовых коммуникаций, — бесспорно, свидетельствовали о существенном изменении социального потенциала сельского населения. Но этот потенциал, судя, в частности, по данным о сельскохозяйственных кадрах, в самой деревне использовался недостаточно полно.

В результате социального развития села были созданы известные предпосылки для рационализации сложившихся форм управления и отношений между государством и аграрной подсистемой. Однако для реализации этих возможностей, для проявления накопленного социального потенциала одной эволюции сельской подсистемы было мало.

---

¹ В 1936 г. в СССР было 80 млн. крестьянского населения, в 1940 г. — 78 млн., в 1944 г. — 64 млн. В 1940 г. в стране было 76 млн. колхозников, в 1946 г. — 63,5 млн. Только с 1950 по 1954 г. из деревни в город перешло 9 млн. человек (см. Ю. В. Арутюнян. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны, стр. 322, 324; *его же*. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг., стр. 112—113).

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛА

Социальная система — единый организм. Поэтому ни одно сколько-нибудь существенное изменение в любой части организма не может происходить изолированно. Имея множество следствий для общества в целом, такое значимое изменение в то же время само предопределяется состоянием всей системы. Хотя от села в немалой степени зависели повороты отечественной истории, город, промышленность, рабочий класс, интеллигенция всегда, во всяком случае в XX в., давали импульсы и энергию для таких поворотов и соответствующего им развития. Коллективизация не была бы осуществлена без постоянного участия города, промышленности, рабочих и руководства партийного авангарда этим процессом.

Так было и после того, как страна закончила восстановление разрушенного войной хозяйства. Потребность в изменении сложившихся форм управления и взаимоотношений с деревней зрела не только в деревенском, но и в городском населении. Растущие города предъявляли повышенный спрос на сельскохозяйственную продукцию, особенно наиболее качественную и дефицитную — животноводческую. Зерновой баланс в начале 50-х годов был настолько напряженным, что при неурожае приходилось использовать государственные запасы и сокращать экспортные операции. Возросшим потребностям соответствовали и новые возможности. После восстановления пострадавшей от войны промышленности возникли новые условия, при которых можно было перераспределить материальные ресурсы в пользу потребительских отраслей экономики, и в первую очередь сельского хозяйства. Именно так обосновывалось изменение сельскохозяйственной политики Советского государства на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС, положившем начало новым отношениям между аграрной подсистемой и системой в целом. С этого времени обмен между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством шаг за шагом начинает приобретать эквива-

лентный характер. Ассигнования сельскому хозяйству растут за счет различных источников: символические заготовительные цены на продукты сельского хозяйства сменяются более реальными, снижаются налоги с колхозов и с подсобного хозяйства колхозников, упорядочиваются расчеты колхозов с машинно-тракторными станциями, увеличиваются капиталовложения в колхозно-совхозное производство¹.

Рост фондов оплаты труда позволяет ликвидировать грубые нарушения принципа материальной заинтересованности и сделать все более ощутимой компенсацию за труд колхозников. Изменения экономических условий и отношения к сельскому хозяйству в целом довольно быстро отражаются на «качестве» кадров. Из табл. 10 видно, что уже в 1954 г. произошел перелом: уровень образования специалистов и руководителей, который почти не менялся в предшествующее 20-летие, сразу резко вырос. Таким образом, материальный импульс, данный городом, промышленностью, позволял более полно использовать социальный потенциал сельского населения, а также улучшить этот потенциал за счет горожан, которые в этот период направляются партией на работу в деревню.

Теперь, когда экономические условия в сельском хозяйстве стали улучшаться и квалификация работников больше соответствовала требованиям производства, государство получило возможность пойти на известную производственную децентрализацию. Государственные планы сельскому хозяйству перестают быть столь жесткими, как прежде. Государственные органы стараются планировать лишь выход производства, валовую продукцию, а впоследствии только заготовки, предоставляя колхозникам и работникам совхозов самим решать, каким конкретным путем реализовать эти плановые задания, т. е. планируется цель, но не средства. Разумеется, даже планирование одних только заготовок уже предопределяет, какие виды культур или скота должны развиваться, но тем не менее в этих пределах сохраняются известные степени свободы для определения конкретных путей осуществления поставленных государством задач.

---

¹ Подробнее см. «Союз рабочего класса и крестьянства на современном этапе». М., 1962, стр. 52—72.

В этой обстановке возникают принципиально новые проблемы развития социальной структуры. Если раньше социальная структура работающего населения отставала от требований производства, то теперь, когда квалификация и образование людей значительно выросли, условия производства оказываются нередко не соответствующими социальным запросам населения. Социальная структура все более становится динамическим фактором, требующим ускорения общественного развития.

При всем разнообразии социальных запросов сельского населения экономическая основа для их удовлетворения практически одна — это экономически обоснованное планирование, развитие эквивалентных товарно-денежных отношений между городом и селом, внедрение последовательного хозяйственного расчета во все звенья сельскохозяйственного производства. Именно эти меры способны дать экономический эффект, необходимый для стимулирования и оживления всех сторон сельской жизни. Вместе с тем одни экономические меры часто «пробуксовывают» даже при решении отнюдь не самых сложных производственных вопросов. Люди, как мы в этом позже убедимся, не ограничиваются просто требованиями материального порядка и даже к производству все чаще предъявляют, скорее, социальные требования: упорядочение рабочего дня, повышение престижа сельскохозяйственных профессий, более полное вовлечение работников в управление, повышение их инициативы, ответственности и прав и т. п.

Таким образом, социальная структура населения не просто и не только следствие сложившейся производственной структуры. Она оказывает обратное влияние на производственную и культурную среду, стимулируя их развитие. Причем рост этого обратного влияния — знамение времени.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что при более высокой материальной компенсации и при более полном удовлетворении культурных потребностей социальные запросы населения растут такими ускоренными темпами. На самом же деле это вполне закономерно: ведь некоторые группы сельского населения по своему социальному уровню быстро приближаются к смежным городским группам. Понятно, что они не могут мириться со все еще заметным отставанием со-

циальных, культурных и производственных условий деревни от города. Урбанизированное население нуждается в урбанизированной среде. Чем больше население урбанизируется, тем сильнее эта необходимость и тем больше ощущаются пережитки и отсталость «традиционной» среды. Точно так же, как физическая частица: чем крупнее ее заряд, тем более чутко она реагирует на любую, пусть даже незначительную, разность потенциалов магнитного поля.

Наилучшие возможности для удовлетворения многих социальных потребностей, а также культурных запросов людей предоставляет город, городской образ жизни. Именно поэтому урбанизация, понимаемая в широком смысле этого слова как распространение городских стандартов, наиболее полно и обобщенно выражает основные тенденции развития социальной структуры сельского населения. Это направление развития социальной структуры соответствует не только субъективным интересам, но и объективному ходу вещей — росту индустриализации, новому разделению труда между промышленностью и сельским хозяйством, перемещению многих функций сельскохозяйственного производства в промышленность (переработка сельхозпродукции, ее хранение и др.).

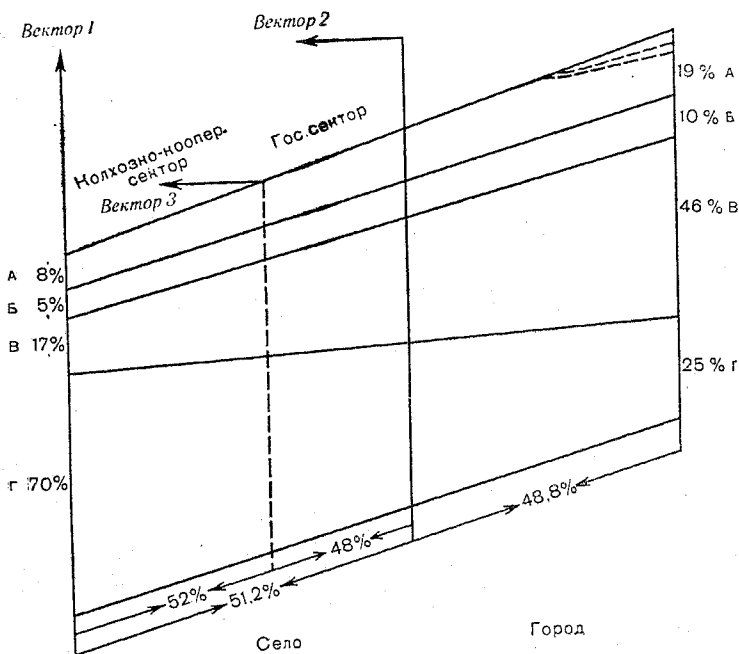
В каких же направлениях эволюционирует социальная структура сельского населения под влиянием этих сил? Характер сложившейся социальной структуры и тенденции ее дальнейших изменений отражены в динамической схеме 1.

Представленная схема построена не на горизонтальной, а на наклонной плоскости не случайно: тем самым подчеркивается, что идентичные социально-профессиональные группы находятся в городе как бы в лучшем социальном положении уже благодаря преимуществам городского образа жизни. В схеме отражены направления как внутриобщественных процессов, происходящих в масштабах всей страны, так и внутрисельских.

Направления эти следующие:

1. Сближаются основы хозяйственной и культурной жизни города и деревни, ликвидируются существенные различия между ними (тенденция эта «схвачена» вектором 1, выражающим выравнивание уровней города и села и перемещение всей схемы из наклонной плоскости в горизонтальную).

Динамическая модель социальной
структуры советского общества
(по данным переписи 1959 г.)

Обозначения

- А — интеллигенция
- Б — служащие
- В — работники квалифицированного физического труда
- Г — работники преимущественно неквалифицированного физического труда

2. Смещаются границы между городом и селом (вектор 2); доля городского населения последовательно растет. Если в 1940 г. в СССР горожане составляли 33% населения, то в 1959 г. — 48, в 1968 г. — 55 (оценка на 1 января), а в 1970 г. — 56%¹.

¹ См. «Народное хозяйство СССР в 1968 г.», стр. 7; «Правда», 19 апреля 1970 г.

3. Становится все более условной граница между колхозно-кооперативной и государственной собственностью (равно как между городом и деревней). По уровню энерговооруженности и машиновооруженности колхозы все больше приближаются к государственным сельскохозяйственным предприятиям, постепенно унифицируются размеры и формы потребления в колхозах и совхозах, различия в экономическом положении колхозников и рабочих становятся все менее существенными.

4. Последовательно увеличивается государственный сектор внутри села (вектор 3). Если в 1939 г. численность рабочих и служащих, занятых в государственном секторе на селе, составляла 26% всего сельского населения, то в 1959 г. — 36%, а в 1967 г. — примерно половину¹.

5. Одновременно усложняется социально-профессиональная структура сельского населения, сокращается численность людей, занятых неквалифицированным физическим трудом (группа «Г»), а прослойка, занятая квалифицированными видами труда, — индустриальные работники физического труда (группа «В»), служащие («Б»), интеллигенты («А») — последовательно увеличивается. Например, в Татарской АССР доля интеллигенции с 1939 по 1959 г. выросла с 9 до 13%, служащих — с 6,8 до 7,1%, квалифицированных рабочих и колхозников — с 16 до 29%, а удельный вес разнорабочих и других неквалифицированных рабочих уменьшился с 65 до 49%. Эти сдвиги имели место как в городе, так и на селе, причем в деревне они происходили даже несколько быстрее².

Естественно, внутриобщественные и внутрисельские процессы органически связаны друг с другом. Сближение двух форм собственности или усложнение профессиональной структуры села, приближение ее к городской структуре вместе с тем являются важными проявлениями выравнивания уровня городского и сельского насе-

¹ Рассчитано по данным: «Сельское хозяйство СССР», стр. 12; «Колхозы в 1939 году», ч. I. М., 1941, стр. 20. Расчет структуры 1959 г. см. «Вопросы философии», 1965, № 5, стр. 54; об изменениях в 1967 г. мы судим по проведенным нами выборочным обследованиям в ряде районов страны.

² Так, в деревне доля интеллигенции увеличилась с 5,6 до 7,4%, в городе — с 18,5 до 19,8%; доля квалифицированных работников физического труда на селе — с 10,8 до 17%, в городе — с 35 до 46%.

ления. С другой стороны, ликвидация существенных различий между городом и селом в свою очередь способствует профессионализации и культурному росту сельских жителей.

Если положение сельского жителя в обществе в целом зависит от развития самого села, степени его социальной «отдаленности» от города, то положение сельчанина внутри села зависит от двух основных факторов — сферы (социальной и отраслевой) приложения его труда (прежде всего имеются в виду колхозный и государственный секторы) и качества этого труда (квалификация, профессия и роль в управлении).

Материалы переписи 1959 г. дают возможность получить некоторое статистическое представление о распределении населения по классам и социальным слоям, дифференцированным по видам труда (см. табл. 11).

Таблица 11

Распределение занятого населения города и села¹

Виды труда	В млн. человек				В %			
	Город	Село		Всего	Город	Село		Всего
	Гос. сектор	Гос. сектор	Колхозный сектор		Гос. сектор	Гос. сектор	Колхозный сектор	
Физический и умственный труд	46,8	20,3	32,0	99,1	47,3	20,5	32,2	100,0
В том числе:								
физический труд	32,4	15,0	31,2	78,6	41,2	19,1	39,7	100,0
умственный труд	14,4	5,3	0,8	20,5	70,2	25,9	3,9	100,0
Удельный вес занятых умственным трудом	32,6	26,1	2,5	20,7	—	—	—	—

Таблица говорит о существенном различии социальной структуры городского государственного сектора, сельского государственного сектора и сельского колхозного сектора. Известным индикатором может служить

¹ См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», стр. 104—109.

доля занятых умственным трудом. Если в городском государственном секторе она составляла примерно $\frac{1}{3}$, в сельском государственном секторе — примерно $\frac{1}{4}$, то в колхозном лишь 2,5% всего занятого населения. Занятые преимущественно физическим трудом проживают в основном на селе, тогда как 70% людей умственного труда сосредоточены в городе. Эти данные подтверждают взаимозависимость процессов ликвидации существенных различий между городом и деревней, физическим и умственным трудом.

Таблица 12

Социальная структура занятого сельского населения¹

Секторы	Отрасли	Все занятое население	Преимущественно физический труд (квалифицированный, неквалифицированный)	Преимущественно умственный труд (квалифицированный, неквалифицированный)	Удельный вес занятых умственным трудом (в %)
Государственный	Учреждения, предприятия, обслуживающие население	5 861 908	2 403 872	3 458 036	59,0
	Промышленность, стройки, транспорт, связь	7 272 734	6 431 877	840 857	11,4
	Сельское хозяйство	5 601 127	5 108 221	492 906	8,8
Колхозно-кооперативный	Все отрасли	31 050 596	30 260 336	790 260	2,6
Прочее сельское население		2 533 141	2 004 055	529 086	20,1
Все занятое сельское население		52 319 506	46 208 361	6 111 145	11,7

¹ Перепись дает численность сельского населения, занятого физическим и умственным трудом: 52,3 млн., в том числе физиче-

Теперь представим себе более конкретно социальную структуру сельского населения, распределив его не только по секторам, но и по отраслям производства внутри секторов (см. табл. 12). Как видно, на селе представлены все общественные группы нашего населения. В государственном секторе занято почти 19 млн. человек, что приближается к 40% сельского населения. Они распределяются примерно в равных пропорциях между государственными учреждениями и различными предприятиями, обслуживающими население (12%), промышленностью, строительством, транспортом (15,3%) и сельским хозяйством, главным образом совхозами (11,2%). С течением времени доля занятых в государственном секторе увеличивается. О том, как быстро происходит этот процесс, свидетельствуют данные табл. 13.

Таким образом, в 1965 г. почти половину сельского населения составляли рабочие и служащие. Эти данные говорят, насколько неправомерно в настоящее время сводить социологию села лишь к проблемам колхозного крестьянства и насколько перспективно по материалам сельской местности можно исследовать различия и сходство между рабочими и крестьянами и интеллигенцией.

Занятое население городов, государственного сектора сельской местности и колхозники распределяются в пропорции 2 : 1 : 1. По отношению к колхозам государст-

---

ским — 46,2 млн., умственным — 6,1 млн. (см. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», стр. 131).

Эти данные включают население, находящееся в рядах Советской Армии и не указавшее или неточно указавшее место работы (см. о численности этой группы там же, стр. 108).

Наша схема требует распределить это население по общественным группам и секторам. Для этого воспользуемся таблицей о распределении сельского населения по общественным группам (см. там же). Принимаем служащих за занятых преимущественно умственным трудом в государственном секторе. Тогда на долю колхозников, занятых преимущественно умственным трудом, приходится: 6 111 145 — 5 302 285 (число служащих госсектора) = 808 860 человек. Сюда входят и колхозники, находящиеся в рядах Советской Армии, занятые преимущественно умственным трудом. Условно принимая, что последние находятся среди лиц умственного труда в такой же пропорции, как среди всей группы колхозников (2,3%), определяем число колхозников преимущественно умственного труда без находящихся в Советской Армии: 808 860 — 18 600 = 790 260. Это число колхозников, занятых умственным трудом, в определенном приближении подтверждается и другими справочниками (см., например, «Сельское хозяйство СССР», стр. 467).

Социальный состав сельского населения¹

	В млн. человек		В %	
	1959 г.	1965 г.	1959 г.	1965 г.
Все население	108,5	107,1	100	100
В том числе:				
рабочие и служащие . .	45,5	50,05	42,7	46,8
колхозное крестьянство и кооперированные кустари	63,0	57,05	57,3	53,2

венный сектор в сельской местности является как бы первым поясом, первой зоной поглощения крестьянского населения, государственный сектор в городах — вторым поясом, второй зоной. Выявленная картина социальной структуры села и основные тенденции ее развития свойственны не только обществу в целом, но и локальным его «подразделениям».

Социальная структура дискретна. Конкретная форма ее существования — локальная общность. Существует как бы иерархия общностей, распределяемых по степени

¹ Справочники дают процент колхозного крестьянства и кооперированных кустарей в целом по стране: за 1959 г. — 31,4%, за 1965 г. — 24,6% (см. «Народное хозяйство СССР в 1965 г.», М., 1966, стр. 42). Зная численность всего населения: 208,8 млн. — в 1959 г. и 231,9 млн. — в 1965 г. (см. там же, стр. 7), находим численность колхозного крестьянства, учтенного вместе с кооперированными кустарями: в 1959 г. — 66 662 тыс., в 1965 г. — 56 947 тыс. Затем определяем процент колхозного крестьянства в сельском населении по численности сельского населения (см. там же).

Следует заметить, что перепись не вполне точно распределяет население по группам физического и умственного труда. Так, среди лиц преимущественно физического труда оказываются бригады комплексных бригад (см. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», стр. 159). Такое понимание функций бригад сейчас явно устарело. В настоящее время бригады колхозов, особенно на юге страны, обслуживают территории, соответствующие прежним колхозам. В бригаду входят по 100—120 человек, десятки тракторов и других машин, за ними закрепляются посевы на сотнях и даже тысячах гектаров. Некоторые бригады имеют высшее и специальное образование. Конечно, считать их труд умственным можно с гораздо большим основанием, чем, скажем, труд канцелярский.

контактности людей. Низовая ячейка в расселенческом сечении — поселенческий коллектив (в сечении производственном — производственный коллектив). Низовые ячейки, как любые первичные группы, характеризуются максимальной контактностью, взаимодействием «лицом к лицу». С укрупнением поселений контактность ослабевает, систематические связи заменяются эпизодическими, прямое взаимодействие — косвенным. Теоретически можно построить строгие шкалы в иерархии локальных социальных структур (территориально локализованных структур), меняющихся в зависимости от силы контактности. Но как бы ни была велика иерархия (на любом уровне), каждый раз принципиально будет повторена одна и та же по типу социальная структура, характерная как для общества в целом, так и для любой территориальной локальности. Принципиальное единство социальной композиции на всех уровнях общности — существенная черта социальной структуры населения, отличающая ее, в частности, от принципа построения этнической структуры¹. В каждой республике, крае, области, районе социальная структура представлена однотипными классами и социально-профессиональными группами; в каждом локальном территориальном образовании повторяются те же основные тенденции развития структуры, что и общества в целом.

Однотипность, однако, не предполагает полного сходства, однородности во всех деталях каждой локальной территориальной общности. Разнообразие обуславливается прежде всего естественными различиями между отдельными районами и поселениями. На социальную структуру сельского населения влияют и направление

¹ Если социальная структура иерархична и в основных чертах повторяема на каждой ступени территориальной локальности, то этническая структура общества как бы мозаична, т. е. индивидуальна в каждом районе. Если между всеми элементами социальной структуры села ввиду их единства практически всегда происходят прямые контакты, то между элементами этнической структуры такие контакты весьма ограничены, а на селе в подавляющем большинстве вовсе исключены. Социальная структура общества действительно едина, тогда как этническая структура множественна, совершенно специфична в той или иной зоне. Поэтому об этнической структуре общества в отличие от социальной можно говорить лишь условно. Точнее было бы понятие множества, конгломерата этнических структур, слабо связанных или вовсе не связанных друг с другом.

хозяйства, и тип расселения, и сложившееся разделение труда, в первую очередь между промышленностью и сельским хозяйством. Не менее значимы исторические особенности развития тех или иных районов, историческое прошлое преобладающих в том или ином месте народов и т. п.

Прежде всего существенны колебания между районами и народами в удельном весе сельского и городского населения (т. е. в урбанизации в прямом смысле этого слова). В РСФСР доля городского населения в 1939 г. составила 33%, а в Таджикской ССР, полярной в этом отношении республике, — лишь 17%. В 1959 и 1970 гг. численность городского населения последовательно росла всюду, но колебания остались примерно прежними. В 1970 г. в городах Эстонии, Латвии, РСФСР проживало 62—65% населения республик, а в городах Молдавии и республик Средней Азии — 32—37%. Между переписями 1959 и 1970 гг. доля городского населения в среднеазиатских республиках росла медленно: в Таджикской ССР она даже несколько уменьшилась, в Киргизии увеличилась с 34 до 37%, в Узбекистане — с 34 до 36%, в Туркмении — с 46 до 48%¹ (см. табл. 14).

Приведенные данные отражают не только различия в естественных условиях между относительно аграрными южными и промышленными северными республиками. Они говорят и о том, что в 1959 г. еще не полностью было преодолено отставание отдельных наций, обусловленное их историческим прошлым. Не случайно в Молдавии и республиках Средней Азии городское население формировалось в основном за счет других национальностей². Жизни одного поколения оказалось недостаточно, чтобы устранить многовековое несоответствие между нациями. Тем не менее разрыв заметно уменьшился за счет того, что многие нации ранее отсталых окраин страны дали высокие темпы прироста горожан. Самый стремительный рост городского населения отмечался среди туркмен, казахов и киргизов, что касается узбеков и таджиков, где и до индустриализации была большая доля городского населения — торгового,

¹ См. «Правда», 19 апреля 1970 г.

² Так, в Киргизии доля городского населения составляла 34%, а среди самих киргизов лишь 11%. В Туркмении городского населения было 46%, а среди туркмен — 25% и т. п.

Рост численности и изменение доли городского населения в 1926—1970 гг.¹
(в границах соответствующих лет)

	Рост численности городского населения			Доля городского населения			
	1939 г. в % к 1926 г.	1959 г. в % к 1939 г.	1970 г. в % к 1959 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.
СССР	230	165	136	18	32	48	56
РСФСР	221	170	131	18	33	52	62
Украинская ССР	239	141	134	19	34	46	55
Белорусская ССР	162	219	158	17	25	31	43
Узбекская ССР	145	186	160	22	23	34	36
Казахская ССР	326	241	160	9	28	44	51
Грузинская ССР	179	161	131	22	30	42	48
Азербайджанская ССР	178	153	131	28	36	48	50
Литовская ССР	н/св.	н/св.	150	н/св.	23	39	50
Молдавская ССР	н/св.	н/св.	176	н/св.	13	22	32
Латвийская ССР	н/св.	н/св.	126	н/св.	35	56	62
Киргизская ССР	221	258	158	12	19	34	37
Таджикская ССР	235	259	167	10	17	38	37
Армянская ССР	219	240	168	19	29	50	59
Туркменская ССР	304	168	148	14	33	46	48
Эстонская ССР	н/св.	н/св.	131	н/св.	34	56	65

промышленного, то здесь проходила не столько урбанизация, сколько реурбанизация, вовлечение в промышлен-

¹ См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», стр. 13; «Итоги Всесоюзной переписи... РСФСР». М., 1963, стр. 11; «Итоги Всесоюзной переписи... Украинская ССР». М., 1963, стр. 11; «Итоги Всесоюзной переписи... Белорусская ССР». М., 1963, стр. 11; «Итоги Всесоюзной переписи... Молдавская ССР». М., 1962, стр. 11; «Итоги Всесоюзной переписи... Узбекская ССР». М., 1962, стр. 11; «Итоги Всесоюзной переписи... Армянская ССР». М., 1963, стр. 11; «Итоги Всесоюзной переписи... Азербайджанская ССР». М., 1963, стр. 11; «Итоги Всесоюзной переписи... Грузинская ССР». М., 1963, стр. 11; «Итоги Всесоюзной переписи... Киргизская ССР». М., 1963, стр. 11; «Итоги Всесоюзной переписи... Латвийская ССР». М., 1962, стр. 11; «Итоги Всесоюзной переписи... Эстонская ССР». М., 1962, стр. 11; «Итоги Всесоюзной переписи... Туркменская ССР». М., 1963, стр. 11; «Итоги Всесоюзной переписи... Казахская ССР». М., 1962, стр. 11; «Итоги Всесоюзной переписи... Литовская ССР». Вильнюс, 1963, стр. 17; «Итоги Всесоюзной переписи... Таджикская ССР». М., 1963, стр. 11; «Правда», 19 апреля 1970 г.

ность городского населения, приобретение торгово-ремесленным населением специфических городских профессий и соответственно изменение образа жизни.

Чтобы лучше представить себе сдвиги в урбанизации народов, сравним, как изменилось отклонение доли городского населения в составе отдельных наций и народов от средней доли городского населения по Союзу (см. табл. 15).

Таблица 15

Колебания доли городского населения
(средняя доля городского населения по Союзу принята за 100%)

	1939 г.		1959 г.
Армяне	— 128	Русские	— 120
Русские	— 118	Армяне	— 118
Украинцы	— 91	Латыши	— 99
Грузины	— 79	Эстонцы	— 98
Белорусы	— 65	Украинцы	— 82
Азербайджанцы	— 65	Грузины	— 75
Казахи	— 50	Литовцы	— 73
Узбеки	— 46	Азербайджанцы	— 73
Таджики	— 38	Белорусы	— 68
Туркмены	— 33	Туркмены	— 53
Киргизы	— 12	Казахи	— 50
		Узбеки	— 45
		Таджики	— 43
		Молдаване	— 27
		Киргизы	— 23

При принципиальной однотипности структуры в республиках и отдельных «этнотонах» население распределялось неодинаково по секторам и социально-профессиональным группам. В целом среди ранее отсталых народов преобладали обычно класс колхозников и прослойка людей малоквалифицированного труда. Можно считать, что колхозы были конкретной формой и каналом строительства новой системы отношений для преобладающей части населения как раз тех наций, которые миновали капиталистическую стадию в своем развитии. Не случайно среди коренной национальности в Таджикской ССР было 74% колхозников, в Киргизской ССР — 70, в Туркменской ССР — 64, в то же время в РСФСР — 24, в Эстонии — 27, в Латвии — 35% (см. табл. 16).

Пестрота наблюдалась в самой социально-профессиональной структуре сельскохозяйственного населения, хо-

Социальная структура населения
союзных республик в 1959 г. (в %) ¹

Республики	Все население				Коренная национальность				
	Рабочие и служащие	Из них		Колхозники и пр.	Рабочие и служащие	Из них			Колхозники* и пр.
		рабочие	служащие			рабочие	в том числе в промышленности	служащие	
РСФСР	76	54	22	24	76	54	23	22	24
Эстонская ССР	79	55	24	21	73	51	19	22	27
Латвийская ССР	73	51	22	27	65	46	19	19	35
Казахская ССР	79	58	21	21	60	44	6	16	40
Армянская ССР	62	40	22	38	60	38	17	22	40
Литовская ССР	56	40	16	44	48	34	12	14	52
Украинская ССР	58	41	17	42	47	34	15	13	53
Грузинская ССР	56	32	24	44	45	22	10	23	55
Белорусская ССР	51	35	16	49	43	31	11	12	57
Азербайджанская ССР	57	35	22	43	39	24	8	15	51
Узбекская ССР	57	40	17	43	35	27	4	8	65
Туркменская ССР	57	37	21	42	31	22	5	9	69
Киргизская ССР	58	40	18	42	30	22	4	8	70
Таджикская ССР	46	30	16	54	26	18	4	8	74
Молдавская ССР	32	21	11	68	17	13	4	4	83
Итого: по СССР 1959 г.	68	48	20	32					
1939 г. (для сравнения)	50	32	18	50					

* Вместе с колхозниками учтены кустари и единоличники, численность которых по нациям колебалась вокруг 1% населения.

¹ См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», стр. 90; «Итоги Всесоюзной переписи... РСФСР», стр. 150; «Итоги Всесоюзной переписи... Украинская ССР», стр. 68; «Итоги Всесоюзной переписи... Белорусская ССР», стр. 40; «Итоги Всесоюзной переписи... Молдавская ССР», стр. 28; «Итоги Всесоюзной переписи... Узбекская ССР», стр. 43; «Итоги Всесоюзной переписи... Армянская ССР», стр. 28; «Итоги Всесоюзной переписи... Азербайджанская ССР», стр. 45; «Итоги Всесоюзной переписи... Грузинская ССР», стр. 40; «Итоги Всесоюзной переписи... Киргизская ССР», стр. 38; «Итоги Всесоюзной переписи... Латвийская ССР», стр. 30; «Итоги Всесоюзной переписи... Эстонская ССР», стр. 30; «Итоги Всесоюзной переписи... Туркменская ССР», стр. 39; «Итоги Всесоюзной переписи... Казахская ССР», стр. 62; «Итоги Всесоюзной переписи... Литовская ССР», стр. 40; «Итоги Всесоюзной переписи... Таджикская ССР», стр. 38.

тя доля квалифицированных работников и выросла повсеместно (см. табл. 17).

Таблица 17

Сельскохозяйственное население,
имеющее квалификацию в 1959 г.¹

(в % к общему числу имеющих занятия
в сельском хозяйстве)

Нация	Всего квалифицированных работников	В том числе				Механизаторы (для сравнения) в СССР
		руководители и специалисты		механизаторы		
		всего в республиках	в СССР	в республиках	в СССР	
Русские	15,7	3,6	4,5	10,6	11,2	3,4
Украинцы	10,6	2,7	2,9	7,0	7,7	3,0
Казахи	13,1	6,5	5,9	7,9	7,2	2,7
Узбеки	6,5	2,2	2,2	4,3	4,3	1,3
Туркмены	7,1	1,9	2,8	2,9	4,3	1,3
Белорусы	7,6	2,3	2,5	4,3	5,1	1,1
Армяне	7,0	3,8	3,8	3,3	3,2	0,9
Киргизы	5,3	2,4	2,3	3,2	3,0	0,9
Азербайджанцы	6,5	3,5	3,3	3,3	3,2	0,7
Грузины	5,4	3,9	3,9	1,5	1,5	0,4
Таджики	4,5	1,9	2,0	2,2	2,5	0,4
Эстонцы	12,1	5,3	5,5	6,4	6,6	—
Латыши	11,5	4,7	5,2	6,2	6,3	—
Литовцы	8,1	3,2	3,3	4,7	4,8	—
Молдаване	5,5	1,1	1,2	4,2	4,3	—

¹ См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», стр. 150—152; «Итоги Всесоюзной переписи... РСФСР», стр. 264—266; «Итоги Всесоюзной переписи... Украинская ССР», стр. 134—135; «Итоги Всесоюзной переписи... Белорусская ССР», стр. 134—135; «Итоги Всесоюзной переписи... Молдавская ССР», стр. 76—78; «Итоги Всесоюзной переписи... Узбекская ССР», стр. 101—103; «Итоги Всесоюзной переписи... Армянская ССР», стр. 74—75; «Итоги Всесоюзной переписи... Азербайджанская ССР», стр. 100—101; «Итоги Всесоюзной переписи... Грузинская ССР», стр. 100—102; «Итоги Всесоюзной переписи... Киргизская ССР», стр. 92—94; «Итоги Всесоюзной переписи... Латвийская ССР», стр. 78—79; «Итоги Всесоюзной переписи... Эстонская ССР», стр. 79—81; «Итоги Всесоюзной переписи... Туркменская ССР», стр. 94—95; «Итоги Всесоюзной переписи... Казахская ССР», стр. 126—128; «Итоги Всесоюзной переписи... Литовская ССР», стр. 132—134; «Итоги Всесоюзной переписи... Таджикская ССР», стр. 88—90.

Прослойка работников квалифицированного труда среди труженников сельского хозяйства была заметно большей у тех народов, которые были расселены в степных районах (русские, украинцы, казахи) или районах интенсивного земледелия (эстонцы, латыши). Именно в этих районах получила развитие механизация сельского хозяйства и относительно больше была армия механизаторов. Что касается народов Закавказья и Средней Азии, часто проживающих в районах с горным ландшафтом и возделывавших в первую очередь технические культуры, то среди них доля механизаторов значительно ниже.

В сельском хозяйстве народы экономически развитых районов, так же как и в промышленности, передавали свой опыт и земледельческие навыки народам других республик. Причем, поскольку мигранты, естественно, чаще всего занимались квалифицированными видами труда, доля квалифицированных работников сельского хозяйства у таких народов за пределами республики оказывалась выше, чем в самой республике. Табл. 17 зафиксировала более высокую долю за пределами республики среди специалистов сельского хозяйства у русских, украинцев, белорусов и некоторых других народов. Особенно активной в развитии земледелия страны была роль наиболее многочисленного народа — русских. Например, в сельском хозяйстве Казахстана в 1959 г. трудилось 280 тыс. русских, причем в их составе было 28% механизаторов, среди казахов их было 8%. В Киргизии в сельском хозяйстве было занято 43 тыс. русских, число механизаторов достигло 15% (среди киргизов их было 5,5%). В Молдавии в сельском хозяйстве было занято 27 тыс. русских, и 9% из них были механизаторами (против 4% в составе молдаван). В других республиках русских в сельском хозяйстве было меньше, но всюду число квалифицированных работников среди них преобладало (по сравнению с местным населением).

Комбинация естественных и исторических условий предопределяла разнообразие социальной структуры сельского населения. С течением времени значимость исторических условий ослабевала, так как ранее отсталые народы быстро профессионализировались и урбанизировались. Уровень профессионально-образовательной подготовки населения любого района Советского Союза и любого народа оказался вполне достаточным для освое-

ния современных видов усложняющегося сельскохозяйственного труда.

Таким образом, в социальной структуре села в настоящее время сказываются лишь некоторые остаточные различия между народами, объясняемые историческими условиями. Главная же причина разнообразия социальной структуры территориальных локальностей — естественное разделение труда, в известной мере связанное с природными особенностями.

Социальные структуры различаются не только между республиками и областями, но и внутри каждой республики и области, между отдельными поселениями. Причем, чем более крупное поселение, тем более сложна социально-профессиональная структура его населения. Проиллюстрировать это положение можно по данным наших исследований на полярных по условиям сельскохозяйственного производства районах — Краснодарском крае и Калининской области (см. табл. 18 и 19).

В этих различных по условиям сельскохозяйственного производства районах Российской Федерации повто-

Таблица 18

Социально-профессиональная структура по группам поселений Краснодарского края (в %)

Социально-профессиональные группы	Все сельское население	Типы сел с населением			
		до 500 человек	501—1000 человек	1001—2000 человек	свыше 2 тыс. человек
Число опрошенных:					
а) фактическое	1 508	424	566	142	376
б) взвешенное	5 602	1 575	2 098	529	1 400
	100	28,1	37,5	9,4	25,0
Руководители и специалисты высшего звена	3,8	3,7	2,0	5,5	5,8
Руководители и специалисты среднего звена	4,4	3,5	3,6	4,6	8,1
Служащие	2,6	1,7	1,9	2,1	4,8
Механизаторы	11,3	10,3	9,4	9,7	16,2
Работники квалифицированного ручного труда	13,6	9,4	14,1	16,9	16,5
Работники неквалифицированного ручного труда	64,3	71,4	69,0	61,2	48,6

Социально-профессиональная структура
по группам поселений Калининской области (в %)

Социально-профессиональные группы	Все сельское население	Тип сел с населением			
		до 100 человек	101—200 человек	201—1000 человек	свыше 1000 человек
Число опрошенных:					
а) фактическое	1 353	610	421	107	215
б) взвешенное	5 821	2 623	1 808	464	926
Руководители и специалисты высшего звена	100	45,1	31,1	8,0	15,8
Руководители и специалисты среднего звена	3,1	1,1	1,9	9,2	7,6
Служащие	5,3	3,1	4,8	8,0	9,0
Механизаторы	5,6	2,9	5,0	6,5	14,1
Работники квалифицированного ручного труда	11,8	7,4	10,0	23,4	21,3
Работники неквалифицированного ручного труда	8,5	7,9	5,7	12,2	13,6
	65,7	77,6	72,6	40,7	34,4

руется одна и та же картина: доля неквалифицированного труда резко снижается от малых населенных пунктов к крупным. Величина села — понятие относительное. В понятиях краснодарцев, села с населением от 200 до 500 и 1000 человек — мелкие, тогда как для сельчанина Калининской области они средние, если не крупные. Критерием для определения этой категории села может служить средний размер села по тому или иному району. С этой точки зрения средние села в Краснодарском крае — примерно с 1000 человек населения, в Калининской области — с 200 человек. Эти села представляют наиболее характерную для района в целом социально-профессиональную структуру населения.

В средних селах проживает не более $\frac{1}{3}$ сельского населения. Таким образом, социально-профессиональная структура большинства населения районов значительно отличается от усредненных показателей по району в целом. Причем в наиболее крупных селах социально-профессиональная структура по сложности приближается к

структуре населения мелких городов. Если судить по развитости социальной структуры, то село с городом смыкается в непрерывный континуум. К примеру, в Краснодарском крае в мелких селах интеллигенция составляет 7,4% населения, в крупных — 13,9% населения, а в городах — 29%; в Калининской области в мелких селах доля интеллигенции в населении составляет 4,2%, в крупных — 16,6, а в городах — 27%.

Таким образом, при анализе социальной структуры общества в целом мы оперируем усредненными показателями, за которыми скрывается огромное разнообразие. По существу все данные, характеризующие социальную структуру общества, представляют собой систему равнодействующих из гигантского количества многовариантных показателей. Это обстоятельство следует учесть при интерпретации данных конкретного анализа.

Разнообразие в социальной структуре — это известное разнообразие и в общественных интересах, и в конкретных социальных ситуациях. Конечно, однотипность социальной структуры сама по себе уже предполагает единство коренных интересов различных групп. Но единство не исключает множества конкретных комбинаций, возможных в пределах этого единства. Относительное преобладание в той или иной республике (области, районе, поселении) сельского или городского населения, промышленности или сельского хозяйства, колхозов или совхозов, интеллигенции или разнорабочих, бесспорно, накладывает отпечаток на социальные интересы населения этих локальностей. Различия, однако, не заслоняют общих явлений, интересов, и для познания основных закономерностей от этой многовариантности в тенденциях развития социальной структуры можно абстрагироваться. Зато при конкретном подходе, особенно в практической деятельности и повседневной политике, учет особенностей необходим, так как частное и особенное есть конкретная форма существования и проявления общего. Общее не знает другого способа выражения, кроме как через частное и особенное.

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ

До сих пор в центре нашего внимания была социальная структура села (аграрная подсистема общества) в целом. Мы рассматривали лишь пространственные ее различия, зависящие от территориальных, природных и естественноисторических особенностей развития. Теперь перед нами стоит иная задача. Предстоит заглянуть «внутрь» аграрной подсистемы, выяснить специфику отдельных компонентов — общественных групп, ее составляющих. Чтобы судить о развитии общественных процессов, недостаточно знать композицию структуры в целом. Надо представлять также специфику каждой группы, сходство и различия в их социально-экономическом, культурно-бытовом и социально-политическом положении, объективно детерминирующие психологические особенности и ценностные ориентации людей.

Специфика социальных групп села, глубина различий между ними — вот главный вопрос, который будет нас интересовать. Ответ на него предполагает анализ положения и состояния социальных групп в разных плоскостях: социально-экономической, культурно-бытовой, социально-психологической и социально-политической (в частности, престиж группы, социальная мобильность). В итоге появится возможность судить не только о том, насколько велики те или иные различия, но и как взаимосвязаны, взаимозависимы группы друг от друга. Таким путем, как нам кажется, можно приблизиться к всесторонней социальной характеристике современного села, что необходимо, если мы хотим представить его как управляемую систему.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГРУППОВЫХ РАЗЛИЧИЙ

Прежде всего, что лежит в основе социальных различий групп? Каков критерий их классификации? Чтобы ответить на этот вопрос, надо уяснить, в чем состоит принципиальное отличие системы социальных отношений нового общества от системы отношений классов капиталистического общества. Очевидно, что такое отличие в первую очередь связано с изменением роли собственности. Как известно, в классовом обществе проходила четкая граница между теми, кто владел собственностью на средства производства, и теми, кто был лишен ее. На одном полюсе концентрировалось все общественное богатство, все то, что от первого примитивного рычага и до атомной электростанции наращивало производительную силу общества, поднимало человека над миром животных, давало ему власть над природой. На другом полюсе — люди, лишённые собственности, способные функционировать в современном обществе только продажей своей рабочей силы, физической ли, умственной ли. Понятно, что социализм, ликвидировавший мир собственников и мир лишенных собственности, передавший все средства производства в руки государства, которое от имени народа управляет общественным достоянием, в корне изменил роль собственности.

Владение собственностью перестало иметь прежнее значение, ибо частного владения не стало. Собственностью владеют все, но никто в отдельности, персонально. Роль собственности как критерия социальной принадлежности хотя и сохранилась, но существенно трансформировалась.

Чтобы понять метаморфозу собственности, необходимо себе уяснить изменение ее функций в новом обществе. Собственность продолжает функционировать и реализовываться в процессе деятельности отдельных коллективов и индивидов. Однако произошло расщепление ее функций. В классово антагонистическом обществе тот, кто владеет собственностью, часто и распоряжается ею, извлекая из нее определенную пользу. В условиях социалистического общества, где частных собственников на средства производства, как таковых, нет, функции «владения», «распоряжения» и «использования» могут не совпадать и обычно не совпадают. Коллективы и индивиды, не владея в отдельности общенародной собственностью, в то же время распоряжаются ею и используют ее. Они выступают в качестве «функционеров», «агентов» общенародной собственности. В общем (коллективном) владении и индивидуальном использовании собственности и состоит ее трансформация.

Переход от понятия «владение» к понятиям «распоряжение» и «использование», на наш взгляд, имеет практический смысл. Появляется возможность трезво оценить социальное значение собственности, ее роль в системе стратообразующих факторов. Прежде всего такой подход возвращает собственности ее социально-экономическое содержание. Говоря о собственности лишь как о присвоении (объекте присвоения), заполняли это понятие только вещественным содержанием. Не случайно развитие той или иной формы собственности, например колхозно-кооперативной, сплошь да рядом отождествлялось в литературе с развитием материально-технической базы производства. Укрупнение колхозов, рост их неделимых фондов выдавались за развитие собственности, т. е. исчезало основное содержание развития производственных и социально-экономических отношений по поводу собственности, в процессе использования собственности¹.

¹ Эта точка зрения уже подвергалась критике в литературе. А. К. Покрытан, В. И. Касаткина, В. Н. Мазур пишут по этому поводу: «Тот, кто говорит о собственности как о присвоении, обычно считает, что продукты производства, будучи объектом присвоения, составляют вещественное содержание собственности. Но отстаивание вещного содержания собственности приводит к тому, что затем отождествляют развитие той или иной формы собственности, в частности социалистической собственности, с ростом мате-

Находясь в равных отношениях «владения» общенародной или коллективной собственностью, люди именно в процессе использования собственности вступают в разнообразные связи. Эти связи включают в себя систему множественных отношений: государства и коллективов, государства и индивидов, коллективов и индивидов, коллективов и коллективов и т. д. Осуществляются эти связи в разных сферах: экономической, управленческой, организационной, правовой.

Далее оперирование понятием «использование» позволяет собственности жить в пространстве и во времени, оценить изменения, происходящие с собственностью в процессе исторического развития. Появляется возможность количественно измерить степень использования собственности. Это проясняет многие вещи. Например, если исходить только из владения собственностью, то покажется, что колхозник находится в преимущественном положении по сравнению с рабочим: он выступает не только в качестве совладельца государственной собственности (подобно рабочему), но и в качестве совладельца колхозно-кооперативной собственности. Однако в действительности такое «двойное владение» ему преимуществ не дает¹.

Все становится на свое место, если учесть, что колхозник в гораздо меньшей мере, чем рабочий, исполь-

---

риально-технической базы производства и умножением общественного богатства. Считают, например, что количественный рост колхозно-кооперативной собственности — это умножение общественного богатства колхозов, их неделимых фондов, а качественное ее изменение — это внедрение более совершенных орудий труда... Таким образом, за развитием средств производства и ростом колхозного богатства исчезает основной предмет исследования — производственные отношения» (А. К. Покрытан, В. И. Касаткина, В. Н. Мазур. Социалистическая собственность при переходе к коммунизму. М., 1964, стр. 30).

¹ «Владение», как известно, иногда шло вразрез с реальными интересами колхозников. Длительное время (начиная с апреля 1940 г.) колхозам начислялись обязательные поставки не с фактических посевов, а с каждого гектара закрепленной за ними пашни (или переданной в вечное пользование земли). Не имея возможности (особенно в годы войны) освоить всю землю, колхозы тем не менее должны были выполнять с них поставки (см. П. И. Симуш. Колхозная экономика и психология коллектива. — «Социологическое изучение села: социальная структура, труд, управление». М., 1968, стр. 27; Ю. В. Арутюнян. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны, стр. 198—199).

зует общенародную собственность, а именно на ее долю приходится основная часть средств производства ($\frac{9}{10}$ основных фондов)¹, и именно она определяет экономическое положение. Наконец, появляется возможность оценить изменения в степени использования собственности в процессе исторического развития. Так, с точки зрения владения колхозно-кооперативной собственностью на разных этапах развития колхозного строя мало что изменилось, но с точки зрения использования очевидны серьезные сдвиги, происшедшие после 1953 г. Развитие эквивалентного товарно-денежного обмена сопровождалось с этого времени (с некоторыми отклонениями в 1959—1963 гг.) все более эффективным и полным использованием колхозно-кооперативной собственности колхозниками, и это отражалось не только на экономических отношениях, но и на системе управления колхозами и планирования колхозного производства. Таким образом, исследование использования собственности открывает широкие перспективы для конкретного исторического и экономического анализа развития отношений собственности.

Способы использования общенародной собственности меняются в зависимости от характера и природы объекта всенародной собственности и субъектов собственности. Земля предоставляется в бесплатное пользование, основные производственные и непроизводственные фонды, т. е. все то, что создано трудом и обладает стоимостью, предоставляются колхозам и населению только за плату. Продукция государственных социалистических предприятий отчуждается в форме купли и продажи, т. е. предметы потребления целиком входят в сферу товарно-денежных отношений. Товарно-денежный обмен — основной способ использования и потребления общенародной собственности индивидами.

Возникает вопрос: что же является мерой использования общенародной и коллективной собственности? Поскольку общенародная собственность используется и потребляется индивидами в порядке денежного обмена, совершенно очевидно, что такой мерой может быть труд, создающий стоимости, участвующий в обмене. Еще Маркс, говоря о социализме, писал: «...каждый отдель-

---

¹ См. «Народное хозяйство СССР в 1964 г.». М., 1965, стр. 507.

ный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему... Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились, потому, что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда...»¹. Индивиды как бы предъявляют трудовой вексель, погашаемый государством или кооперативом. При социализме первичность труда очевидна, тогда как при капитализме первична собственность. Характерная для капитализма связь: собственность — общественное положение — труд — заменяется обратной связью: труд — общественное положение — степень использования собственности.

Понятно поэтому, что решающим социально образующим фактором, во всяком случае в рамках той или иной формы собственности, выступает труд, точнее, качество труда. Само собой разумеется, что, когда мы говорим о качестве труда, мы имеем в виду не его «сортность», а его специфику, его необходимость для воспроизводства данных общественных отношений².

Закономерно поэтому при анализе структуры социалистического общества выделить профессионально-квалификационные группы по качеству труда. Анализ конкретного материала позволяет выделить следующие социально-профессиональные группы: 1) интеллигенция (люди, занятые квалифицированным умственным тру-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 18.

² Значимость, а следовательно, и оценка обществом и государством отдельных занятий (например, военных, политических деятелей, блюстителей порядка и т. д.) могут меняться в зависимости от внешней и внутренней обстановки, предопределяющей как бы колебания «стоимости» данного занятия на внутреннем рынке. В истории известны примеры изменения оценки и престижа некоторых занятий. Например, американские социологи отмечают, что в начале XIX в. (в период золотоискательства) занятие ювелира в стране было одним из самых почетных; ювелиры котировались наравне с крупными капиталистами и капитанами морских судов, составлявшими цвет аристократии тогдашней Америки. Впоследствии, как известно, ювелир превратился в простого мастера. В XX в. в нашей стране также наблюдается известная девальвация некоторых профессий, прежде уникальных, а теперь массовых, например профессия шофера. С другой стороны, вырос престиж некоторых творческих занятий — актеров, композиторов и т. п.

дом, требующим высшего и среднего специального образования), в том числе интеллигенция административная, художественно-творческая, научная, производственно-техническая и массовая (врачи, учителя и т. д.); 2) служащие (преимущественно люди без специальной подготовки); 3) работники квалифицированного физического труда, требующего специальной подготовки, и 4) работники неквалифицированного физического труда, для которого не нужна какая-либо предварительная подготовка (см. схема 2).

Схема № 2

Схема социальной структуры советского общества

Сфера деятельности				
Преимущественно производственная сфера		Преимущественно непроизводственная сфера		
Город	Село	Домохозяйство	Армия	Учеба
Государственный сектор	Колхозно-кооперативный сектор			
Интеллигенция				
административная, научная художественно-творческая производственно-техническая массовая (врачи, учителя и др.)				
Служащие				
Рабочие, крестьяне				
Квалифицированные работники физического труда Неквалифицированные работники физического труда				

При этом нужно учитывать и сферы приложения труда, ибо место человека в обществе зависит не только от качества его труда, но и от того, к какой сфере этот труд прикладывается. Помимо производственной сферы выделяется непроизводственная — домашнее (включая личное подсобное) хозяйство, армия, учеба. Согласно

переписи 1970 г., в непроизводственной сфере находилось больше половины населения (52,2%): пенсионеры (13,7%), иждивенцы (36,8%), лица, живущие на стипендии и за счет других источников средств существования (1,7%)¹. Эти категории также распределяются по социально-профессиональным группам: пенсионеры — по характеру своей прежней трудовой деятельности, иждивенцы — по занятию кормильца, а учащиеся — в зависимости от типа учебных заведений (например, студенты относятся к интеллигенции соответствующих профилей, учащиеся ремесленных училищ — к рабочим и т. п.). В схеме различаются также две большие социальные сферы приложения труда — государственный и кооперативно-колхозный секторы. Таким образом, социальную структуру общества можно описать в системе понятий.

В практике ЦСУ, как известно, обычно выделяются общественные группы, дифференцирующие население в зависимости от его отношения к средствам производства: это «колхозники» и «рабочие и служащие». Таким путем выделяется население, занятое в двух основных социальных сферах или секторах — колхозно-кооперативном и государственном. ЦСУ СССР дает эту классификацию в таблице, названной «Классовый состав». В прямом смысле слова (имея в виду владение собственностью) можно рассматривать эти группы действительно как классы. Однако если исходить из ленинского определения классов более всесторонне, то эти категории можно лишь условно интерпретировать как классовые. Это действительно «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства...»². Но что касается роли в общественной организации труда и способов получения и размеров доли общественного богатства — другой части ленинского определения классов, то внутри этих категорий отмечаются столь существенные различия, что вряд ли такой общей классификацией «совокупного» рабочего и «совокупного» колхозника можно будет ограничиться.

¹ См. «Правда», 17 апреля 1971 г.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

Эти совокупности, вернее, каждая из них выравнены в части владения собственностью: «совокупный рабочий» — общенародной, точнее, государственной, «совокупный колхозник» — колхозно-кооперативной. Однако любой член совокупности выравнен лишь в правах владения, но отнюдь не в правах распоряжения и использования собственности. Поэтому «группировка по владению» собственностью, значимая в обществе, где совмещаются функции владения, распоряжения и использования, где капитал противостоит труду, теряет свой первоначальный смысл в наших условиях. Ввиду этого целесообразно использовать понятие класса также и в более узком и прямом смысле слова. Общепринятое представление о классах, выделяющее из числа колхозников, рабочих и служащих прослойку интеллигенции, больше соответствует ленинскому определению. Если при определении классов в широком смысле этого слова классификация ведется главным образом с учетом отношения к средствам производства, то в этом более узком и прямом употреблении понятия класса учитывается также и характер труда. В этом случае под колхозным крестьянством и рабочим классом понимаются большие группы людей, занятых главным образом физическим трудом, в отличие от прослойки интеллигенции, занятой умственным трудом.

В принципе выделенный В. И. Лениным признак «роль в общественной организации труда» является как бы скользящим, изменяемым в зависимости от принятых масштабов классификации или интервала. «Колхозники» в целом и «рабочие и служащие» в целом выполняют, конечно, разную роль в организации труда всего общества, но при более конкретном подходе, при уменьшении интервала классификации возникает необходимость уточнения и дальнейшей дифференциации общественных ролей. В этой связи и выделяется интеллигенция. Но может быть принят еще меньший интервал. В таком случае элементом структуры становится социально-профессиональная группа. Социально-профессиональные группы в рамках государственного сектора и в рамках колхозно-кооперативного сектора находятся в равном отношении к средствам производства, или, точнее, выравнены в условиях владения собственностью. Таким образом, они теряют признак классовой характеристики.

Социально-профессиональные группы могут рассматриваться под различным углом зрения. С одной стороны, они выступают как внутриклассовые группы, т. е. определяют внутреннюю структуру класса. Но с другой стороны, поскольку между классами стираются различия, а смежные группы приобретают все большее сходство по характеру труда, они могут выступать и рассматриваться как внутриобщественные группы — слои. При таком взгляде на структуру общества представляет собой многослойную систему, в которой интеллигенция является одним из социальных слоев. Кроме нее в качестве самостоятельных прослоек (или слоев) выступают служащие, квалифицированные работники физического труда, малоквалифицированные и неквалифицированные работники физического труда. Естественно, при более детальном анализе эти категории в свою очередь распадаются на внутренние слои, что особенно касается интеллигенции. Можно условиться применять различные понятия при разном подходе к социальным слоям. В нашем исследовании, когда социальный слой рассматривается внутри класса, мы именуем его социально-профессиональной группой в отличие от «слоя», рассматриваемого в масштабах всего общества.

Социально-профессиональная группа — первичный элемент социальной структуры. Она объединяет не просто технологически сходные профессии и занятия, но лишь такие, которые социально однородны, т. е. занимают равное и одинаковое положение в общественной организации труда, в формах и размерах присваиваемого группами общественного продукта, в использовании и распоряжении общественной собственностью.

Таким образом, для описания общественного положения людей недостаточно применения какой-либо однозначной характеристики, нельзя обойтись каким-либо одним признаком или определителем — принадлежностью к сектору, классу, социально-профессиональной группе, поселенческому или производственному коллективу. Социальная характеристика многомерна и требует применения целого комплекса определителей, в числе которых принадлежность к социально-профессиональной группе представляется весьма существенной.

Многомерность социального положения людей означает многоплановость их социальных интересов. При

в совпадении коренных общественных интересов существуют специфические, связанные с принадлежностью к классу, слою, социально-профессиональной группе, поселенческому или производственному коллективу. Вопрос о том, какие интересы играют решающую роль, какие социальные признаки в наибольшей мере детерминируют социальный интерес, — предмет специального исследования. В данном случае представляется целесообразным подчеркнуть, что сходство в материальном и культурно-бытовом положении само по себе вовсе не обязательно предполагает сходство социальных интересов¹.

К примеру, в положении (материальном и культурно-бытовом, уровне образования, зарплате, жилищных условиях и т. п.) может не быть сколько-нибудь существенных различий между административной интеллигенцией, выполняющей специфические функции по руководству, и производственной. Но это не будет означать полного сходства социальных интересов, так как специфические функции административной интеллигенции по руководству несколько отличаются от функций производственной интеллигенции, даже в условиях деревни. Или: механизаторы колхоза и механизаторы совхоза могут не отличаться друг от друга в материальном и культурном положении, но имеют специфику в социальных интересах в связи с занятостью в разных секторах.

Но, несмотря на возможные различия в интересах, сходство в материальном и культурном положении тем не менее предопределяет общность условий, образцов поведения, психологических особенностей, навыков, ценностных ориентаций, детерминирует социальные настроения людей и, таким образом, если не прямо, то косвенно создает почву для социальной общности. Поэтому анализ материально-бытовых и культурных условий представляется существенным для исследования социального сходства и различий между группами.

Вопрос о том, что больше влияет на положение людей, на их образ жизни, материальный и культурный

---

¹ К. Маркс различал, например, как классы земельных собственников и капиталистов. Хотя они могли быть одинаково богаты и влиятельны, у них разный способ получения прибыли и ее источник, разные интересы, они принадлежат к различным классам (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 457—458).

уровень — принадлежность к социально-профессиональной группе или классу, — предмет специального анализа, который нам предстоит проделать. По существу это вопрос о соотношении межклассовых и внутриклассовых различий в важнейших сферах жизни.

До недавнего времени все реально существующие различия между колхозниками, с одной стороны, рабочими и служащими, с другой стороны, связывались лишь с существованием двух форм собственности. В результате произошло серьезное смещение факторов. Различия между колхозниками, рабочими и служащими действительно существенны, но надо себе отдавать отчет, за счет чего они происходят.

Прежде всего на различия, обусловленные формами собственности, накладываются различия между городом и деревней. Как видно из табл. 11, $\frac{2}{3}$ рабочих трудится в городе. Городские условия, бесспорно, отражаются на образе жизни людей, их культурно-бытовых особенностях. В этом плане серьезные различия наблюдаются не только между рабочими и колхозниками, но и между рабочими города и рабочими села. Далее, сравнивая население колхозного и государственного секторов, следует иметь в виду различия в структуре их населения. К примеру, в колхозном секторе, как мы уже отмечали, лишь 2,5% людей заняты умственным трудом, тогда как в государственном секторе на селе — примерно $\frac{1}{4}$, а в городе — $\frac{1}{3}$. Различия между колхозниками, с одной стороны, рабочими и служащими — с другой, в данном случае опять же вызваны не непосредственно формой собственности, а отставанием профессионально-квалификационной структуры колхозников от рабочих. Таким образом, классовые различия, обусловленные особенностями форм собственности, на практике сочетаются с различиями между городом и деревней, физическим и умственным трудом, сельским хозяйством и промышленностью. Чтобы анализ был бы действительно корректен, надо сравнивать идентичные профессионально-квалификационные группы. В тех случаях, когда мы хотим выяснить реальную роль различий, обусловленных непосредственно разными формами собственности, мы должны «очистить» эти различия от других наслоений, и в первую очередь от наслоений, вызванных городским образом жизни.

Используя данные общесоюзной статистики, можно лишь в общих чертах заполнить предложенную схему социальной структуры советского общества. Представить более конкретную картину, как распределяются рабочие, служащие и колхозники по более детальным социальным категориям, зависящим от квалификации физического и умственного труда, невозможно. Тем более нельзя выяснить, насколько разнятся друг от друга в экономическом и культурно-бытовом отношении выделенные в схеме группы. Для этого надо было бы иметь массовые данные о материальных достатках и культурно-бытовых условиях жизни различных социальных слоев сельского населения.

Поскольку в обобщенном виде этими данными мы не располагаем, остается опробовать предложенную схему на местном материале. Итак, задача состоит в том, чтобы выяснить, правомерно ли выделение отмеченных выше социальных групп, действительно ли отличаются и в какой мере отличаются эти группы друг от друга.

Прежде всего каково их отношение к собственности? Теоретически мы уже пытались показать преимущество понятия «использование собственности» (над «владением собственностью»), мы выяснили необходимость анализа отношений использования собственности для воссоздания реальных отношений, складывающихся между людьми — индивидами, коллективами, социальными группами, классами — по поводу собственности. Эмпирическая задача, которая теперь стоит перед нами, сводится практически к замеру степени использования собственности классами и группами.

В последние десятилетия условия использования собственности в государственных и колхозно-кооперативных предприятиях существенно сблизились. Сближение произошло как за счет развития хозрасчетных отношений в совхозах, так и за счет известных преобразований социальных и экономических отношений в колхозах, благодаря которым распоряжение собственностью стало более непосредственным. Особенно существенные сдвиги произошли после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, предусмотревшего для колхозов твердый план закупок на ряд лет, единые для колхозов и государственных предприятий цены на сельскохозяйственную техни-

ку, снижение подоходного налога с колхозов, перевод их на банковское кредитование и т. п.¹

Сближение социально-экономического положения колхозов и совхозов хотя и сглаживало, но далеко не ликвидировало существенных различий между ними. Они выражались прежде всего в разном механизме реализации продукции колхозов и совхозов, разных источниках формирования фондов распределения, различиях в структуре управления и самоуправления этих предприятий. К примеру, в совхозах существуют профсоюзы, которые контролируют условия труда и отдыха рабочих; колхозы, с другой стороны, в последнее время создали собственную организацию, выражающую их интересы, — систему колхозсоюзов.

Однако отмеченные черты, свидетельствующие об общем и специфическом в положении колхозов как кооперативных организаций, говорят лишь об их месте в общественной организации труда в масштабах всего общества, как бы в системе «общество — предприятие». В этом случае колхоз (равно как и совхоз) выступает как объект управления, использующий собственность на определенных условиях, пользующийся соответствующими социальными, экономическими правами, социальной и экономической властью.

Но как выглядят совхоз и колхоз в качестве субъектов управления — это совсем иной, как бы внутренний аспект проблемы. При таком подходе центральным становится вопрос о распределении прав и власти внутри коллектива, между его членами. Иными словами, предстоит выяснить, как реализуется уже данная в использование собственность в системе «коллектив—социально-профессиональная группа — индивид». Здесь возможны разные варианты. В одном случае рост инициативы и самостоятельности в распоряжении колхозной собственностью может быть сведен к умножению власти лишь

¹ Выравнивается и материальное положение колхозников и работников совхозов. С июля 1966 г. введена гарантированная денежная оплата в колхозах по нормам и тарифным ставкам совхозов. Сближаются условия пенсионного обеспечения колхозников и рабочих. В 1964 г. введены пенсии для колхозников. С сентября 1967 г. размеры пенсий колхозников значительно повышаются, а с июля 1971 г. (согласно Директивам девятой пятилетки) на колхозников распространяется порядок исчисления пенсий, установленный для рабочих и служащих.

руководителя предприятия, в другом — противоположном — возросшие права по использованию собственности могут быть равномерно распределены внутри коллектива.

В последнее время широко распространено мнение, что колхоз как кооперативная организация представляет по сравнению с совхозом больший простор для инициативы и самостоятельной деятельности. В принципе это верно. Но, спрашивается, чьей именно инициативы? Отражается ли это на каждом колхознике, или право распоряжения собственностью сосредоточивается у профессионально подготовленных к управлению людей и, таким образом, можно говорить лишь о разном положении руководителей государственных предприятий и колхоза, а отнюдь не обо всех социально-профессиональных группах и каждом индивидуе?

Чтобы ответить на это, необходимо представить себе суть такого феномена, как обобществление собственности. Оно не есть единовременное действие. Скорее, это длительный процесс. От юридического или, точнее, политического акта обобществления до реального обобществления лежит целая полоса, может быть, даже эпоха исторического развития, лишь открытого непосредственным актом обобществления. Революция в нашей стране отменила порядок, при котором собственность была отделена от труда, и создала условия для их воссоединения. Но такое воссоединение возможно лишь через длительную эволюцию и ряд промежуточных социально-экономических форм. Критерием воссоединения средств производства и рабочей силы, овеществленного и живого труда служит мера осуществления самим производителем функции управления или, иначе, распоряжения обобществленной собственностью.

Эффективность реализации функции распоряжения зависит в определенной мере от конкретной формы социально-экономического устройства предприятия. В этом смысле между колхозами и государственными предприятиями имеется определенная разница в устройстве и механизме управления. В колхозах действительно этот механизм в большей степени приспособлен для привлечения индивида к управлению и для контроля за деятельностью администрации со стороны колхозников. Выборы председателя колхоза, а в соответствии с новым уставом

возможность выбора бригадира, регулярные общие собрания или собрания уполномоченных с широкими функциями, деятельность правления, бригадные советы, производственные совещания облегчают для каждого колхозника возможность влиять на решение общеколлективных дел и фактически участвовать в распоряжении собственностью. (Соответствующий механизм, но несколько в иной модификации существует и на государственных предприятиях). Однако конкретные исследования показывают, что на практике этот механизм сам по себе еще не обеспечивает достаточно эффективного участия каждого в распоряжении собственностью¹.

Такой результат объясняется тем, что реализация функций распоряжения собственностью (в условиях сложившейся однотипной социалистической системы) зависит не только от конкретных форм устройства производства, но и от самого производителя. В колхозах и на государственных предприятиях разные системы персонификации общественных отношений. Но результат примерно один и тот же, так как нет существенной разницы в «управляемых». В. И. Ленин говорил о том, что каждая кухарка будет управлять. Но было бы вульгаризацией и наивностью понимать это буквально. Кухарка, которая способна принимать участие в управлении сложным общественным или техническим организмом, не может оставаться прежней кухаркой.

Реализация общественной функции распоряжения собственностью непосредственно обществом и каждым членом этого общества возможна лишь при высоком образовании населения, умноженном на богатый социальный опыт. Пока этого нет, функцию распоряжения независимо от конкретного устройства социальных институтов осуществляют, и не могут не осуществлять, в первую очередь специально предназначенные для этой цели профессионально подготовленные руководители (так называемая административная интеллигенция). О справедливости этого заключения можно судить на основе анализа деятельности конкретных институтов внутриколхозного, внутрисовхозного управления. Такие варианты исследования известны. Можно подойти к этой проблеме

---

¹ См. Ю. А. Хагуров. Некоторые социальные аспекты внутриколхозного управления. М., 1970, стр. 15, 16 и др.

и с другой стороны — выяснить у самих колхозников и рабочих, насколько они ощущают себя хозяевами предприятия, какова их роль в решении текущих дел коллектива. Такой подход, может быть, и не даст точного представления о конкретной деятельности людей и институтов, но он даст нечто большее: степень осознания (пусть субъективного) человеком своей общественной роли как совладельца той или иной формы обобществленной собственности. По существу это субъективное восприятие степени реального обобществления собственности.

Опрос, проведенный нами в хозяйствах Калининской области, Краснодарского края, Татарской АССР, показал принципиально совпадающую во всех трех случаях картину. Процесс соединения рабочей силы со средствами производства продвинулся достаточно далеко. Несмотря на усложнение производства, быстрое увеличение объема специализированной информации, требующей технических знаний, больше половины тружеников сельской местности чувствуют свое влияние на дела коллектива. Однако вопреки существующему мнению о преимуществах колхозной формы для выражения воли и влияния рядовых тружеников эти данные свидетельствуют, что колхозники в меньшей мере, чем рабочие, влияют на решение «важных вопросов в коллективе». Во всех случаях доля «влияющих» больше в совхозах и особенно высокая на промышленных предприятиях и в учреждениях. В Калининской области «не влияют» на решения коллектива в колхозах 63% работников, в совхозах — 54, а на предприятиях и в учреждениях — 29%. Примерно то же самое обнаружилось в Краснодарском крае и Татарской АССР¹.

Чем объяснить такое устойчивое отставание, казалось бы, наиболее самоуправляемой кооперативной формы? Ответы на вопросы мы находим при анализе участия социально-профессиональных групп в распоряжении собственностью. Группа работников неквалифицированного труда — разнорабочие, животноводы, — естественно, хотя бы в силу недостаточного образования, мало влияет на производственные дела. Чем выше квалификация людей, тем больше они разбираются в современном слож-

¹ В Краснодарском крае процент «не влияющих» в колхозах составляет 53, в совхозах — 63, на предприятиях и пр. — 43; в Татарской АССР в колхозах — 62,5, в совхозах — 54,7.

ном производстве, выше их ответственность за судьбы коллектива, активнее общественная роль. По существу они влияют на дела производства по своим обязанностям, «по должности». Практически все руководители и специалисты высшего звена как в колхозах, так и в совхозах, естественно, влияют «на решение важных вопросов в коллективе». Руководители и специалисты среднего звена оказывают влияние в большинстве случаев, механизаторы — примерно в половине и т. д. (см. табл. 20).

Эти данные делают понятным относительно слабое участие колхозников в управлении и распоряжении «собственной собственностью». Ведь социально-профессиональная структура колхозов менее развита, чем совхозов и тем более несельскохозяйственных отраслей государственного сектора. Здесь меньше квалифицированных рабочих, а главное, меньше интеллигенции, функционально выполняющей управленческие, распорядительные роли. Правда, Кубань составляет исключение. В колхозах Краснодарского края в отличие от Калининской области и Татарии влияют на дела коллектива несколько больше людей, чем в совхозах (см. табл. 20). Но дело в том, что Кубань — это один из немногих в стране районов, где социально-профессиональная структура в колхозах сложнее, чем в совхозах (см. гл. III). Таким образом, это исключение подтверждает правило: в условиях советской действительности не форма собственности непосредственно, не социальный тип предприятия, а социально-профессиональная структура работников предопределяет степень самоуправления и фактического распоряжения собственностью.

Поскольку большая часть колхозников не имеет какой-либо квалификации и достаточного образования, все расширяющиеся права колхозов прежде всего персонализируются руководителями и специалистами, которые должны сочетать интересы общества (государства) с интересами коллектива, социально-профессиональных групп и индивидов внутри коллектива. Разумеется, не будучи индивидуальными владельцами собственности, они ограничены и в правах распоряжения ею. Во-первых, деятельность по распоряжению собственностью всесторонне регламентируется общегосударственными нормами и развивается в рамках плановых предопределений; во-вторых, она контролируется как сверху (со стороны

Доля людей, считающих, что они
не оказывают влияния на дела производственного коллектива
(в разрезе социально-профессиональных групп)

Группы	Абсолютное число опрошенных		Процент не оказывающих влияния			
	фактиче- ское	взвешен- ное	в колхозах	в совхозах	в Учреж- денных и на с.-х. предприя- тиях	Итого
<i>Краснодарский край</i>						
Руководители и специали- сты высшего звена (А ₁)	130	213	10	9	н/св.	9
Руководители и специали- сты среднего звена (А ₂)	148	243	28	18	24	21
Служащие (Б)	135	146	48	33	50	44
Механизаторы (В)	414	637	45	61	32	50
Квалифицированные рабо- чие ручного труда (Г ₁)	117	767	48	66	67	55
Неквалифицированные и малоквалифицированные (Г ₂₋₃)	536	3 593	59	74	67	65
Всего . . .	1 480	5 599	53	66	43	57
<i>Калининская область</i>						
Руководители и специали- сты высшего звена (А ₁)	111	297	н/св.	8	н/св.	9
Руководители и специали- сты среднего звена (А ₂)	162	283	12	13	13	13
Служащие (Б)	150	321	19	39	35	31
Механизаторы (В)	191	642	53	51	36	44
Квалифицированные рабо- чие ручного труда (Г ₁)	83	492	67	61	32	57
Неквалифицированные и малоквалифицированные (Г ₂₋₃)	478	3 606	65	55	н/св.	58
Всего . . .	1 175	5 641	63	54	29	51
<i>Татарская АССР</i>						
Руководители и специали- сты высшего звена (А ₁)	225	478	13	н/св.	20	12
Руководители и специали- сты среднего звена (А ₂)	164	258	17	36	н/св.	20
Служащие (Б)	220	286	33	48	37	38
Механизаторы (В)	444	785	54	45	45	50
Квалифицированные рабо- чие ручного труда (Г ₁)	117	313	64	51	58	58
Неквалифицированные и малоквалифицированные (Г ₂₋₃)	943	3 046	69	72	68	69
Всего . . .	2 113	5 166	63	55	50	56

вышестоящих организаций), так и снизу (со стороны управляемых); в-третьих, по мере развития общества и роста культуры населения наряду с профессиональным управлением расширяется непрофессиональное и участие его постоянно активизируется, по мере того как растет социальный опыт масс. Социальная задача, стоящая на очереди дня, сводится к необходимости дальнейшей демократизации функций распоряжения собственностью. XXIV съезд КПСС призвал «шире вовлекать трудящихся в управление экономикой»¹ и особо подчеркнул первостепенное значение экономического образования широких масс.

Естественно, что и тогда, когда все население будет принимать активное участие в руководстве производственными и общественными делами, не исчезнут специфическая функция управления и люди, ее осуществляющие. Но с развитием общества их деятельность, все более контролируемая снизу, превратится в административно-технологическую деятельность по наиболее рациональному выполнению общественных установлений. В этих условиях каждый становится распорядителем общественной собственности и осознает себя таковым. Цель процесса демократизации функции распоряжения сводится к тому, чтобы добиться сочетания коллективных и общегосударственных интересов не на уровне руководителей, а на первичных ступенях, придать личный характер общественным интересам и общественный — личным. Этому служат многие творческие поиски, среди которых можно выделить создание безрядных звеньев и бригад, утверждающих в каждом труженике чувство хозяина, призванных к тому, чтобы дать почувствовать работнику непосредственную зависимость вознаграждения от его собственной инициативы и труда. Но какие бы результаты ни были достигнуты на этом пути, процесс соединения средств производства и рабочей силы, как уже отмечалось, неотделим от развития самой рабочей силы.

Не только социально-профессиональная структура рабочей силы, но даже такие изменения в ней, как например, расширение кругозора и рост образования работников, активно влияют на их социально-производст-

¹ «Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы». М., 1971, стр. 10.

венную деятельность, втягивают их в осуществление деятельности по распоряжению собственностью. Из приведенной таблицы видно, например, что даже в пределах одних и тех же социально-профессиональных групп в Калининской области разнорабочие в колхозах меньше влияют на дела коллектива, чем в Краснодарском крае и Татарской АССР. И это не случайно. Оказывается, что в силу специфических условий (относительная зажиточность кубанских колхозов по сравнению с совхозами, менее активная миграция из татарских колхозов) уровень образования разнорабочих Кубани и Татарии выше, чем в Калининской области. В Калининской области среди разнорабочих в колхозах значительно больше малограмотных (30%), чем в совхозах (19%), в Краснодарском крае и Татарии — наоборот (в колхозах — 15%, в совхозах — 17—20%). Таким образом, одна и та же социально-профессиональная группа в силу разной подготовленности оказывает разное социальное влияние и именно в силу своей собственной потенции более эффективно использует в одном случае форму колхоза, а в другом — форму государственного предприятия. Как говорят, «не место красит человека, а человек место». В особом значении образования для участия трудящихся в управлении можно убедиться и из данных табл. 21.

Таблица 21

Доля людей, считающих, что они не оказывают влияния на решение важных вопросов в коллективе¹

(в % к каждой социально-профессиональной группе)

Группы	Краснодарский край		Калининская область		Татарская АССР	
	Без образования	С образованием	Без образования	С образованием	Без образования	С образованием
A ₁	20	6	14	5	12	18
A ₂	20	25	11	9	31	23
Б	44	19	29	35	56	41
В	52	18	52	48	48	50
Г ₁	66	56	62	49	62	55
Г ₂	69	60	59	44	68	68

¹ Сравниваются полярные группы по образованию. Понятие образованности, естественно, меняется из группы в группу. Для разнорабочих, например, принимаются за имеющих образование лица,

Почти во всех случаях в таблице обнаруживается тесная связь между образованием и социально-производственной активностью человека. Но есть и исключения. В группе механизаторов Татарии среди образованных большое количество молодежи, по молодости не особенно влияющей на дела коллектива. (Более зрелый возраст в какой-то мере свидетельствует о стаже социального опыта. Чем больше опыта, тем существеннее влияние в коллективе.) Поэтому если сравнивать тех же механизаторов в одной и той же возрастной группе, то влияние образования скажется в чистом виде и данные вновь подтвердят общую тенденцию. В Татарии среди механизаторов в возрасте старше 34 лет оказывают влияние на дела коллектива при образовании до 4 классов 41%, 4—6 классов — 49, 7 классов и выше — 54%.

Если фактическое распоряжение собственностью, фактическое хозяйствование мало зависят от государственного или кооперативного типа предприятия, а предопределяются функцией людей, их профессией, квалификацией, образованием, то не бессмысленно ли любое изменение общественного устройства? Не достаточно ли совершенствовать производственные отношения лишь косвенно — за счет культуры и квалификации людей? Подобные предположения были бы, однако, преждевременными. Тот факт, что мы ведем сравнение в рамках лишь одного советского типа общественного производства, накладывает исключительные ограничения. Материалы позволяют лишь высказать предположение, что в настоящее время в СССР различия в социальном и отраслевом устройстве производства столь не существенны, что сами по себе не сказываются на уровне фактического распоряжения собственностью, обобществления; глубина демократизации функции распоряжения собственностью в нашем селе зависит от социально-профессиональной структуры населения, его культуры и образования в первую очередь.

Вернемся, однако, к реальным отношениям собственности. Если функция распоряжения собственностью не универсальна и еще длительное время останется тако-

окончившие по крайней мере 7 классов, за не имеющих образования — неграмотные и малограмотные; а среди специалистов высшего звена рассматриваются как образованные лишь имеющие высшее и специальное среднее образование и т. п.

вой, то функция использования собственности всеобща с самого начала. Одни используют собственность, распоряжаясь ею, другие — не распоряжаясь, но используют все. Может показаться, что всеобщее использование собственности в процессе труда возможно и при частной собственности. С внешней стороны это действительно так. Но по сути частное присвоение само по себе все меняет. Поскольку прибавочный продукт идет на частные, а не общественные цели, использование собственности всем обществом в этой ситуации становится, скорее, видимостью, чем реальностью.

Наиболее адекватной, как бы обобщающей мерой использования собственности является доля присваиваемого индивидом общественного продукта, в наших условиях чаще всего в форме материального вознаграждения за труд. Оно служит как бы барометром степени использования собственности и меняется в зависимости от характера и сферы приложения труда. Известно, что принцип социализма — равная оплата за равный труд, использование собственности в зависимости от трудового вклада. Но этот принцип, как и сам социализм, утверждается далеко не сразу. Он внедряется тем дольше, чем менее подготовлены условия для социальных преобразований, чем исторически менее зрелые общественные формы предшествуют развитию новых отношений. Обычно в литературе эти обстоятельства не учитываются и история упрощается. Политические акты и лозунги, которые были лишь провозглашены Октябрем, путаются с историческими процессами и выдаются за свершившиеся.

В случае с реализацией принципа оплаты по труду, так же как и во многих других — равноправие наций, женщин, и т. д., — речь шла о начальных актах процессов, требовавших для своего осуществления целую историческую эпоху. До сих пор существуют разные социальные, отраслевые и экологические сферы труда, где равный труд оплачивается не вполне одинаково. Колхозная сфера отличается от совхозной, сельскохозяйственная в целом — от промышленной, городская — от сельской. Существует, наконец, некая промежуточная область, возникшая (ввиду постоянного дефицита в услугах и товарах) между массовым потребителем и производством и особенно активно захватившая торгов-

лю. В каждой из этих сфер свой уровень материального вознаграждения.

В то же время быстрое развитие эгалитаристских тенденций в области распределения — особенность нынешнего момента нашего исторического развития. Процесс этот развивается в двух основных направлениях. Во-первых, выравниваются сферы приложения труда и в них создаются равные условия возмещения трудовых затрат. Во-вторых, меняется само качество труда, растет доля квалифицированной, высокооплачиваемой рабочей силы, что создает условия для фактического социально-экономического равенства людей.

Наряду с этими основными объективными тенденциями в результате целеустремленной политики государства постепенно повышается обязательный минимум заработной платы и уменьшается разрыв в оплате между поллярными группами. Выравнивание качества труда связано с наиболее фундаментальными социальными изменениями и полностью будет реализовано лишь на новом этапе развития человечества, когда любой труд будет носить социально равноценный, творческий характер. Что касается унификации социально-экономических условий различных сфер труда, то этот процесс активно происходит на наших глазах. Какие факты свидетельствуют об осуществлении этого одного из наиболее фундаментальных процессов современности?

Прежде всего меняется положение в колхозно-кооперативном секторе. С момента коллективизации сельского хозяйства и практически почти до самого последнего времени четкая линия разрезала социальную карту страны по границе государственного и колхозного секторов, где были неравные условия оплаты равного труда. Еще в первой половине 50-х годов (как и в 30—40-х годах) труд в колхозах оплачивался в 2 раза ниже, чем труд в совхозах, и почти в 3 раза отставал от оплаты в промышленности.

Классовые различия в оплате труда особенно сказывались между колхозным крестьянством и промышленными рабочими. Что касается сельскохозяйственного отряда рабочего класса, то он занимал как бы промежуточное положение. Его общность с промышленным рабочим классом предопределялась единством государственной формы собственности, т. е. сходством со-

циальной сферы приложения труда. В то же время совхозные рабочие имели общую с колхозниками (и отличную от промышленных рабочих) отраслевую и экологическую (село) сферу приложения труда. Таким образом, сельскохозяйственная периферия рабочего класса совмещала в себе некоторые черты рабочих промышленности и колхозников. И это отражалось также на уровне материального вознаграждения (см. табл. 22).

Таблица 22

Среднемесячная оплата труда
в колхозах, совхозах
и промышленности (в руб.)¹

Годы	Колхозы	Совхозы	Промышленность
1940	12	22	34
1950	17	38	70
1955	25	47	78
1960	28	54	91
1963 ¹	38	67	98
1967	63	82	112
1968	66	92	122

Естественно, на этих цифрах сказывалось и различие в социально-профессиональной структуре колхозов и предприятий государственного сектора, где по существу труд был профессионально неравный. Но если взять в секторах аналогичные категории работников или даже сравнить с оплатой всех колхозников (включающих, как известно, колхозную интеллигенцию) заработную плату только одних рабочих (совхозов и промышленности), то указанное несоответствие в распределении общественного продукта между рабочим классом и колхозным крестьянством останется фактически прежним. Например, средняя зарплата рабочих, занятых физическим трудом,

¹ «Труд в СССР», стр. 140, 145. Зарплата в промышленности (рабочих и служащих вместе) за 1967—1968 гг. приводится по справочникам: «Народное хозяйство СССР в 1967 г.». М., 1968, стр. 657, и «Народное хозяйство СССР в 1969 г.». М., 1970, стр. 539. Оплата в колхозах приводится с учетом денежной и натуральной оплаты. Натуральная часть оценивается по розничным ценам.

составляла в 1967 г. 109 руб.¹, а всех колхозников — 63 руб. Правда, ввиду сезонности колхозного производства количество отработанных колхозником в течение месяца часов в колхозах будет несколько меньше, чем рабочим в промышленности.

Несоответствие в оплате труда особенно проявлялось в категориях малоквалифицированных и неквалифицированных работников, составляющих, как известно, основную массу крестьянства. По мере роста квалификации между аналогичными социально-профессиональными группами двух секторов уменьшался разрыв в оплате как в уровне, так и в формах ее. Для механизаторов колхозов уже в 30-х годах был введен гарантийный минимум, который последовательно увеличивался. Если в 1939 г. он выплачивался в размере 25 коп. за трудовой день в новом денежном исчислении (не считая оплаты натурой), в 1951 г. — 40 коп., то в соответствии с решениями сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС гарантийный минимум вырос до 50—80 коп. В результате заработка механизаторов в колхозах мало отставали от зарплаток в совхозах (особенно в 1954—1956 гг., когда колхозные механизаторы фактически получали двойную оплату — от МТС и колхоза)². Еще сильнее сближались размеры материального вознаграждения

¹ См. «Народное хозяйство СССР в 1967 г.», стр. 657.

Даже в 60-х годах отмечалось отставание в оплате труда колхозников и рабочих совхоза от аналогичного труда в промышленности. Например, в Новосибирской области, как констатировал В. Н. Ладенков, в 1965 г. среднемесячная оплата трактористов-машинистов колхозов и совхозов составила 63% среднемесячного заработка рабочих машиностроения Новосибирска (средний разряд рабочих и трактористов-машинистов при пересчете на 6-разрядную сетку был примерно одинаковым). В связи с этим автор писал: «По числу рабочих дней в году механизаторы Сибири не уступают промышленным рабочим... Труд механизатора не уступает труду промышленного рабочего соответствующей квалификации и по общественной производительности, поскольку сам этот показатель относится к конкретному труду и имеет смысл лишь в пределах отрасли. Следовательно, дневная и годовая оплата труда механизаторов не должна быть ниже оплаты труда квалифицированных рабочих промышленности» («Социальные проблемы трудовых ресурсов села». Новосибирск, 1968, стр. 274—275).

² Существенное улучшение материального и культурно-бытового положения механизаторов предусматривает постановление «О мерах по улучшению условий труда и закреплению механизаторских кадров в сельском хозяйстве», принятое ЦК КПСС, Советом Министров СССР и ВЦСПС в 1971 г.

специалистов; большинство специалистов, занятых в колхозном производстве, находилось, как известно, в штатах МТС и оплачивалось государством.

Профессиональное сходство, таким образом, как бы сглаживало различия в условиях труда и в материальном положении классов. Чем выше была по квалификации социально-профессиональная группа, тем больше она выступала как единый межклассовый внутриобщественный слой. В наибольшей мере это относилось, понятно, к интеллигенции.

Несмотря на отмеченную тенденцию к сближению социальных сфер приложения труда, классовые различия в использовании собственности — государственной и колхозно-кооперативной — длительное время давали о себе знать довольно сильно. Положительный сдвиг произошел в 1953 г. С этого времени в деревне осуществляются преобразования, в основном завершившиеся мерами 1966—1967 гг., существенно изменившими сложившиеся отношения распределения. Прежде всего в сельском хозяйстве расширяется государственная сфера приложения труда за счет преобразования части колхозов в совхозы. Общее число колхозов, реорганизованных в совхозы, на 1959 г. превысило 13 тыс., что составляло более 15% всех колхозов.

Важные изменения в распределении происходят внутри самого колхозного сектора. Уже в 1956 г. был изменен порядок, при котором фонды оплаты труда колхозников формировались после выполнения всех обязательств перед государством, вводилось ежеквартальное и ежемесячное авансирование по выработанным трудодням. С 1966 г. колхозы переходят на гарантированную оплату труда колхозников, исходя из ставок и тарифов совхозов. Теперь средства на оплату труда выделяются в первую очередь. При недостатке средств государство кредитует колхозы через банк.

В 1918 г. В. И. Ленин писал, что «социалистическая революция несет равенство для всех трудящихся масс...» и поэтому «несправедливо, если каждый городской рабочий получает больше, чем средний крестьянин, не эксплуатирующий чужого труда путем найма или спекуляции...»¹. Принятые меры способствуют устранению отме-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 508.

ченной Лениным «несправедливости» и утверждению социалистического принципа равной оплаты за равный труд в народном хозяйстве СССР. В 1968 г. оплата человеко-дня в совхозах была лишь на 16% выше, чем в колхозах (в 1963 г., например, она была в 1,5 раза выше). Различия эти теперь носят не столько социально-классовый, сколько отраслевой характер, и связаны они с разной занятостью в течение года и производительностью труда. Поэтому при почти равной оплате человеко-дня среднемесячная оплата труда в совхозах (где занятость и производительность выше) заметно больше, чем в колхозах (см. табл. 23). Лишь в некоторых районах развитого сельского хозяйства (например, на Кубани, в Ставрополье) и среднемесячная оплата в колхозах и совхозах почти совпадает. В новой, девятой пятилетке, как предусмотрено Директивами XXIV съезда КПСС, оплата труда колхозников за счет повышения производительности труда еще больше сближится с заработной платой соответствующих категорий работников совхозов.

Если рассматривать, однако, государственный сектор и рабочий класс в целом, а не только в пределах села, разница между колхозниками и рабочими в доле присваиваемого ими общественного богатства окажется пока существенной (см. табл. 22). Причем разница будет еще весомее, когда мы добавим к заработной плате выплаты и льготы из общественных фондов потребления. В расчете на душу населения страны выплаты и льготы составили в 1968 г. 232 руб.; на одного рабочего промышленности приходилось гораздо больше — 525 руб.¹ Значительную роль в сближении материального положения рабочих и колхозников сыграет выполнение нового пятилетнего плана, предусматривающего сохранение опережающих темпов роста заработков колхозников².

Уже сейчас различия между классами в оплате труда связаны не столько с формами собственности (ибо они стираются в пределах сельского хозяйства и села), а с различиями между сельскохозяйственным и индустри-

¹ См. «Народное хозяйство СССР в 1968 г.», стр. 554, 572.

² В то время как заработная плата рабочих и служащих вырастет на 20—22%, оплата труда колхозников в общественном хозяйстве колхозов — на 30—35% (см. «Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы», стр. 46).

**Оплата в совхозах по сравнению
с колхозами в 1968 г.¹**
(оплата в колхозах
принимается за 100%)

Республики	Оплата человеко-дня	Среднемесяч- ная оплата
СССР	116	139
РСФСР	116	135
Украинская ССР	114	143
Белорусская ССР	109	135
Узбекская ССР	101	110
Казахская ССР	97	117
Грузинская ССР	116	139
Азербайджанская ССР	101	109
Литовская ССР	95	105
Молдавская ССР	106	120
Латвийская ССР	108	114
Киргизская ССР	88	100
Таджикская ССР	111	113
Армянская ССР	94	87
Туркменская ССР	103	124
Эстонская ССР	93	104

альным трудом, городом и деревней. Следует иметь в виду, что внутри самого промышленного рабочего класса также существуют большие несовпадения в уровне заработной платы и формах ее. В угольной промышленности, к примеру, заработная плата более чем в 2 раза выше, чем в легкой, в черной металлургии — в 1,5 раза выше и т. д.²

Различия в уровне оплаты труда (фиксирующей использование собственности) сейчас заметнее сказываются не столько между секторами, сколько внутри секторов, между различными социально-профессиональными группами (см. табл. 24).

¹ См. Н. А. Моисеев, А. С. Федоров. Хозрасчет и оплата труда в колхозах. М., 1968; З. Х. Ерзина, Н. П. Щербаков. Оплата труда в колхозах РСФСР. М., 1968; А. Теряева. Зональные проблемы воспроизводства рабочей силы и оплата труда в сельском хозяйстве. — «Вопросы экономики», 1968, № 11, и др.

² См. «Труд в СССР», стр. 140—144.

Среднемесячный заработок (1967 г.)
в разрезе социально-профессиональных групп
сельского населения (в руб.)¹

Группы	Типы предприятий			Итого
	Колхоз	Совхоз	Учреждения и несельскохозяйственные предприятия	
<i>Краснодарский край</i>				
A ₁	133,2	126,1	н/св.	124,4
A ₂	99,6	95,8	85,9	94,5
Б	76,3	69,1	67,8	72,0
В	84,7	78,3	84,2	83,4
Г ₁₋₂	77,7	70,4	68,1	67,8
Г ₃	55,0	51,8	54,5	53,3
Итого . . .	69,9	66,8	79,4	69,7
<i>Калининская область</i>				
A ₁	116,9	126,2	121,9	122,5
A ₂	81,9	88,9	88,7	89,3
Б	56,3	73,3	67,2	70,0
В	69,7	77,0	84,8	79,8
Г ₁₋₂	52,1	65,6	69,2	63,0
Г ₃	34,4	40,6	61,3	40,6
Итого . . .	44,9	57,6	74,5	58,4
<i>Татарская АССР</i>				
A ₁	110,4	129,1	108,8	108,8
A ₂	89,3	100,1	н/св.	84,0
Б	67,8	64,4	66,6	66,1
В	62,3	74,5	87,2	71,8
Г ₁₋₂	55,9	63,1	68,6	59,6
Г ₃	30,6	39,8	55,3	34,5
Итого . . .	42,7	59,4	60,0	54,2

Вывод о приоритете внутриклассовых различий по сравнению с межклассовыми в сфере распределения

¹ Приводятся средневзвешенные цифры. Минимальная оплата принята в среднем за 30 руб., далее последовательно 50, 70, 90, 110, 135, 175, 220 руб. Опрашиваемые указывают, как правило, фактическую зарплату, исключая налоги.

(сделанный нами в 1965 г. на основании гнездовых исследований в Мелитопольском районе) приобретает теперь дополнительные основания. Не только на Кубани, где колхозы особенно зажиточны, но и в Калининской области и Татарской АССР уровень оплаты труда в колхозно-кооперативном секторе если отстает от государственного сектора в сельской местности, то ненамного (не более чем на 30%). В то же время различия внутри секторов между полярными социально-профессиональными группами 2—3-кратные. Даже в пределах социально-профессиональных групп, занятых физическим трудом, неквалифицированные социально-профессиональные группы оплачиваются в 1,5—2 раза хуже, чем квалифицированные. Иначе говоря, материальное положение сельского населения, а косвенно степень использования им собственности — государственной и колхозно-кооперативной — определяется не классовой принадлежностью, а характером исполняемого труда, т. е. принадлежностью к социально-профессиональной группе.

И здесь, в области распределения, еще раз подтверждается, что влияние формы собственности на уровень оплаты труда ослабевает в более продвинутых социально-профессиональных группах. Интеллигенция колхозов в Краснодарском крае оплачивается даже лучше, чем в государственном секторе села, в Калининской области и Татарской АССР примерно одинаково.

По материалам Татарской АССР можно также убедиться в том, что уровень зарплаты городских инженерно-технических работников превышает доходы колхозной интеллигенции от общественного хозяйства не в такой степени (не более чем в 1,5 раза), как зарплата промышленных рабочих оплату колхозников, занятых физическим трудом (в 2 раза)¹.

Выравнивание материальных условий в разных сферах приложения труда на селе имеет еще один существенный аспект. Колхозно-кооперативная собственность, как известно, отличается от государственной, в частности, своей дискретностью. Объединенная в масштабах отдельных хозяйств, она по существу создает огромное разнообразие условий. Поэтому принцип равной оплаты за равный труд осуществлялся в колхозах не столько в

¹ См. «Советская этнография», 1970, № 3, стр. 7.

колхозной системе в целом, сколько в рамках отдельных хозяйств.

Курс на утверждение принципа равной оплаты за равный труд в масштабе всей колхозной системы был принят XXII съездом КПСС. И сейчас уже имеются определенные результаты в реализации этой задачи (см. табл. 25).

Таблица 25

Отклонения от среднесоюзной оплаты
человеко-дня в колхозах¹

(оплата человеко-дня по Союзу ССР
принимается за 100)

Республики	1953 г.	1963 г.	1968 г.
СССР	100	100	100
РСФСР	95	97	103
Украинская ССР	92	95	93
Белорусская ССР	57	73	84
Узбекская ССР	143	141	104
Казахская ССР	141	146	128
Грузинская ССР	153	95	95
Азербайджанская ССР	123	86	94
Литовская ССР	57	78	121
Молдавская ССР	123	102	97
Латвийская ССР	75	94	119
Киргизская ССР	100	148	111
Таджикская ССР	141	118	102
Армянская ССР	137	109	109
Туркменская ССР	151	146	136
Эстонская ССР	70	133	153

Как видно, в 1953 г. оплата человеко-дня между республиками сильно колебалась. В Грузии и республиках Средней Азии человеко-день оплачивался в 3 раза выше, чем в Белоруссии и Литве, в 1,5 раза выше, чем в Российской Федерации и на Украине и т. п. В 1968 г. 2—3-кратных отклонений вообще не было, коэффициент вариации между республиками резко уменьшился. Теперь колебания внутри колхозной системы незначительны отлича-

¹ Подсчитано по: П. А. Игнатовский. Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966, стр. 361; Н. А. Моисеев, А. С. Федоров. Хозрасчет и оплата труда в колхозах; З. Х. Ерзина, Н. П. Щербаков. Оплата труда в колхозах РСФСР.

ются от вариаций внутри совхозной системы (если принять в среднем по совхозам оплату за 100%, то минимальная в Белоруссии составит 79, максимальная в Эстонии — 127%).

Можно, таким образом, констатировать, что фундаментальную задачу выравнивания условий труда в социально-классовых сферах в сельском хозяйстве мы на данном этапе в основном решили. В этом направлении предстоит выравнивание экологическое и отраслевое, ибо различия в сферах городского и сельского труда, сельскохозяйственного и промышленного продолжают сказываться довольно сильно.

Центр тяжести проблемы выравнивания социально-экономического положения людей сейчас все больше перемещается в сферу социально-профессиональных отношений. Именно социально-профессиональные различия предопределяют неравенство в экономическом положении. Причем унификация материального положения социально-профессиональных групп должна происходить не столько за счет каких-то специальных мер подтягивания заработной платы низкооплачиваемых, сколько за счет изменения содержания труда низкооплачиваемых категорий работников, расширения сферы высокооплачиваемого квалифицированного творческого труда. Разумеется, этот связанный с сущностными перспективами социального развития страны глубокий и сложный процесс займет не одно десятилетие. Но важно, что известные предпосылки для развития в таком направлении в результате выравнивания социально-классовых сфер по условиям труда в основном уже созданы.

Специфическая сфера приложения труда в деревне — подсобное хозяйство. По существу это личная собственность. Личное подсобное хозяйство ведется силами и средствами отдельной семьи на земле, переданной ей в индивидуальное пользование. Поэтому продукция личного хозяйства минует обобществленную систему распределения и присваивается непосредственно теми, кто ее производит. На этом основании в теории и на практике длительное время преобладала неверная точка зрения, согласно которой подсобное хозяйство рассматривалось как рудимент частной собственности и противопоставлялось общественному хозяйству. Колхозное крестьянство, в жизни которого подсобное хозяйство играло

особую роль, при таком подходе выглядело как такой класс нового общества, которому свойственны некоторые остаточные черты класса собственника, а личное хозяйство рассматривалось как уступка его психологии.

Противопоставление общественному хозяйству личного порождало порочную практику его необоснованного ограничения. На протяжении истории социалистического сельского хозяйства неоднократно повторялись рецидивы этой практики — в начале 30-х, 40-х, в 1959—1961 гг. Они отрицательно отражались как на сельском хозяйстве в целом, так и на материальном благосостоянии всего народа. Затем эти ограничения сменялись противоположным курсом, который, однако, был недолговечен. И в настоящее время иногда приходится сталкиваться с недооценкой производственной роли личного хозяйства, что не случайно отмечалось на XXIV съезде КПСС¹.

Между тем теоретическое представление о подсобном хозяйстве как о некоем чужеродном элементе социалистической системы в принципе неверно. Оно противоречит всей логике развития народного хозяйства. На самом деле подсобное хозяйство не противостоит, а дополняет общественное, выполняя в наших условиях важнейшие общественные функции.

В области производства между общественным и личным хозяйством сложилось определенное рациональное разделение труда. Общественное хозяйство берет на себя производство наиболее механизированных и поэтому экономичных (при данном уровне развития) в крупном производстве отраслей сельского хозяйства — производство зерна, технических культур и т. п., предоставляя личному хозяйству менее эффективные в обобществленном производстве, трудоемкие и пока слабомеханизированные отрасли — животноводство, овощеводство и садоводство. Из 6,8 млн. га посевов личного хозяйства колхозников, рабочих и служащих (составляющих несколько более 3% всех посевных площадей) 5,2 млн. га отводятся под картофель и овоще-бахчевые культуры². О разделении труда, сложившемся между общественным и подсобным хозяйством, можно судить по удельному

¹ См. Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, стр. 60.

² См. «Народное хозяйство СССР в 1969 г.», стр. 312—313.

весу подсобного хозяйства в производстве и заготовках основных сельскохозяйственных культур. В то время как зерновые культуры, хлопок, сахарная свекла, подсолнечник практически целиком производятся колхозами и совхозами, картофель, овощи, продукты животноводства, по крайней мере на $\frac{1}{3}$, а во многих случаях значительно больше получены в личном хозяйстве (см. табл. 26).

Таблица 26

Удельный вес личного подсобного хозяйства в сельскохозяйственном производстве в 1969 г. (в %) ¹

	Валовая продукция	Товарная продукция
Зерновые культуры	2	—
Хлопок	—	—
Сахарная свекла	—	—
Подсолнечник	2	—
Овощи	39	12
Картофель	67	43
Мясо	35	15
Молоко	37	4
Яйца	56	20
Шерсть	21	15

Ограниченный участок земли крестьянин стремится использовать как можно интенсивнее. Небольшие размеры участков, удобно расположенные, дают возможность утилизировать все ресурсы (навоз полностью идет на удобрение, отходы домашнего хозяйства — на корм скоту, используется труд стариков и подростков и т. п.) и довольно эффективно использовать землю. Вплоть до последнего времени урожайность некоторых культур и продуктивность скота в личном хозяйстве были выше, чем в общественном. На нынешнем этапе развития общественное хозяйство обогнало личное по продуктивности скота ² и приблизилось по урожайности овощей и

¹ См. «Народное хозяйство СССР в 1969 г.», стр. 295, 297.

² В 1950 г. среднегодовой удой молока от одной коровы в колхозах и совхозах был ниже, чем по стране в целом (1137 кг против 1370 кг). Уже в 1960 г. соотношение изменилось (1941 кг — в совхозах и колхозах, 1779 кг — по стране в целом) (см. «Народное хозяйство СССР в 1967 г.», стр. 446).

картофеля¹. Таким образом, сосредоточение в личном хозяйстве части производства давало определенный общественный эффект. Позволяя общественному хозяйству сосредоточиться на наиболее рентабельных в его условиях отраслях, личное хозяйство без всесторонней помощи общественного не может самостоятельно функционировать. Оно нуждается и в транспорте, и в инвентаре, и в семенах, и, самое главное, в кормах². Между общественным и подсобным хозяйствами, таким образом, складываются отношения не конкуренции, а взаимопомощи и взаимодополнения.

Может, однако, возникнуть впечатление, что подсобное личное хозяйство нерационально с точки зрения использования трудовых ресурсов. Оно и в самом деле требует больших затрат труда. По данным бюджетных обследований колхозов СССР в 1964 г., колхозники и члены их семей в личном подсобном хозяйстве затрачивали 29% своего труда, 60% — в общественном хозяйстве и 11% — в государственных и кооперативных организациях³. Но труд, затраченный в личном хозяйстве, дает в то же время не малую отдачу. На долю этого хозяйства в 1966 г. приходилось почти 19,5% продукции земледелия и 40,3% продукции животноводства⁴. Если учесть к тому же, что в личном хозяйстве занимаются главным образом наиболее трудоемкими отраслями сельского хозяйства, большой расход труда будет выглядеть оправданным. Наконец, надо принять во внимание и структуру рабочей силы, занятой в личном хозяйстве. Это хозяйство почти не отвлекает наиболее дефицитной мужской рабочей силы. По данным бюджетных обследований, в 1960 г. в подсобном хозяйстве (при совокупном расходе 30% труда всей семьи) трудоспособные мужчи-

¹ См. «Народное хозяйство СССР в 1969 г.», стр. 293, 295, 340, 342.

² При 0,01% посевов кормовых в личном подсобном хозяйстве находится по крайней мере $\frac{1}{3}$ поголовья коров, $\frac{1}{4}$ свиней, овец и т. п. и поэтому в нем не может содержаться скот за счет собственной кормовой базы («См. «Народное хозяйство СССР в 1967 г.», стр. 353, 426—427).

³ См. В. Я. Чураков, Л. И. Суворова. Использование трудовых ресурсов в колхозах и совхозах. М., 1967, стр. 47.

⁴ По данным В. Г. Венжера, личное хозяйство давало примерно $\frac{1}{5}$ валовой продукции сельского хозяйства (В. Г. Венжер. Колхозный строй на современном этапе. М., 1966, стр. 32).

ны потратили лишь 10% своего труда, а женщины — более 35%; в 1966 г. затраты мужчин составили 12,8%, женщин — 37,9%¹. В подавляющем большинстве случаев женщины, занятые в личном хозяйстве, многодетны, они совмещают работу по дому, обслуживание семьи и воспитание детей с личным хозяйством.

Что касается полностью занятых в личном хозяйстве, то их относительно немного. По переписи 1959 г., только в личном хозяйстве было занято 9 млн. сельских жителей, из них 4 млн. престарелых². Не трудно рассчитать, что только в личном хозяйстве работало лишь 7,4% трудоспособных и 1/3 престарелых. Прошрое наше исследование (в Мелитопольском районе Запорожской области) показало, что личное подсобное хозяйство особенно развито в тех семьях, где есть по крайней мере двое взрослых, из которых один чаще всего нетрудоспособен³. Нынешнее исследование подтверждает зависимость между размером семьи и наличием хозяйства. Те семьи, которые имеют относительно большие размеры подсобного хозяйства и держат корову, гораздо чаще трехпоколенны. Так, в Татарской АССР почти половина разнорабочих, имеющих корову и участки свыше 0,25 га, живут с престарелыми родителями; в семьях разнорабочих, где нет коровы и малы участки (до 0,15 га), с родителями живет лишь 1/4 семей. Иначе говоря, личное хозяйство не только не противоречит разумному использованию трудовых ресурсов, а является в известном смысле рациональной формой применения остаточной трудоспособности сельского жителя. О разделении труда между членами семьи и различной роли личного хозяйства в затратах рабочего времени разных категорий колхозников можно судить по табл. 27.

Важно подчеркнуть, что личное хозяйство при этом не противоречит ничьим интересам. Размеры его регулируются не только юридическими нормами, но и экономическими возможностями для его развития. Зависимость личного хозяйства от общественного регламентирует его

¹ См. В. Я. Чураков, Л. И. Суворова. Использование трудовых ресурсов в колхозах и совхозах, стр. 66.

² См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», стр. 97, 103.

³ См. Ю. В. Арутюнян. Опыт социологического изучения села, стр. 58—59.

Структура распределения затрат
рабочего времени колхозников
Новосибирской области в 1964 г. (в %) ¹

	Распределение фонда рабочего времени в целом за год	
	в общественном хозяйстве	в личном подсобном хозяйстве
Подростки до 16 лет	49,4	50,6
Престарелые и нетрудоспособные в трудоспособном возрасте	37,4	62,6
Трудоспособные мужчины	90,5	9,5
» женщины	65,4	34,6
Всего по трудоспособным	77,9	22,1
Итого по всем категориям	73,3	26,7

деятельность, ограничивая последнюю определенными рамками. Личное хозяйство в основном носит потребительский характер, т. е. служит удовлетворению потребностей владельцев этого хозяйства. Товарный характер приобретает не более 15—20% продукции личного хозяйства (см. табл. 26) ². Таким образом, закон стоимости не является регулятором развития личного хозяйства.

Не менее, если не более значимы (чем в производстве) функции личного хозяйства в распределении, где оно также выполняет важную общественную роль. По существу личное хозяйство было формой возмещения трудовых затрат крестьян в общественном производстве, т. е. средством воспроизводства рабочей силы для общественного хозяйства. В недавнем прошлом эта его роль была особенно велика, ибо личное хозяйство являлось главным источником доходов крестьянина. В 1952 г. в семье колхозника (по РСФСР) поступления из личного хозяйства не менее чем в 2 раза превышали доходы из

¹ См. В. Я. Чураков, Л. И. Суворова. Использование трудовых ресурсов в колхозах и совхозах, стр. 110.

² См. также В. Г. Венжер. Колхозный строй на современном этапе, стр. 51.

колхоза, в 1958 г. они впервые сравнивались с колхозами и только с 1964—1965 гг. отступили на второй план (см. табл. 28). В прошлом значение личного хозяйства как источника доходов для колхозника повышалось еще и потому, что в общественном хозяйстве оплата не была гарантирована.

Введенная в 1966 г. новая система оплаты труда колхозников окончательно утвердила за общественным хозяйством роль главного источника материального благосостояния колхозного крестьянства. В истории колхозного строительства в отношении распределения наступил новый этап. Если прежде считалось, «что артельное хозяйство почти целиком предназначено для удовлетворения общественных нужд, а небольшое подсобное хозяйство необходимо для удовлетворения личных нужд колхозника», то за последние годы общественное хозяйство «стало играть все большую, а теперь уже преобладающую роль в удовлетворении личных потребностей колхозников»¹.

Таблица 28

Годовые денежные доходы и натуральные
в денежном выражении в ценах
соответствующих лет в РСФСР
(на семью в руб.)²

Годы	Весь доход, денежный и натуральный	В том числе		
		доход из колхоза	чистая про- дукция при- усадебного хозяйства	поступления от государства (зар- плата, пенсия, пособия)
1952	1 047	323	520,6	178,8
1958	1 569	648	658	230
1963	1 633	697	701	199
1965	1 819	836	695	260

В результате этих изменений отношение *всех* сельских жителей к личному хозяйству приобрело большее

¹ «Коммунист», 1969, № 17, стр. 46.

² См. В. Б. Островский. Колхозное крестьянство СССР, стр. 85.

сходство. На ранних этапах развития колхозного строя личное хозяйство менее пропорционально, чем теперь, было распределено между отдельными категориями населения. Обеспеченность приусадебным хозяйством в колхозном секторе (где это хозяйство играло особую роль) была заметно выше, чем в государственном. Особенно значительная диспропорция наблюдалась среди интеллигенции и служащих, из которых лишь немногие в государственном секторе (в отличие от колхозного) имели подсобное хозяйство. С течением времени различия сглаживались как за счет сближения колхозов с совхозами, так и за счет коренизации всех групп сельской интеллигенции.

В конце 50-х — начале 60-х годов различия между колхозниками и рабочими совхозов в использовании личного хозяйства были уже не столь велики. По данным бюджетных обследований 1961 г., все поступления с личного хозяйства у колхозников в РСФСР составляли 42% совокупного дохода, у рабочих совхозов — 23, у рабочих промышленности — всего 1%. В абсолютных размерах разница в доходах с личного хозяйства колхозников и рабочих совхозов не имела сколько-нибудь принципиального значения. Рабочие совхозов получили с личного хозяйства 465 руб. годового дохода (при переводе натуральных поступлений в деньги по розничным ценам), тогда как колхозники — 628 руб., или всего на 123 руб. больше.

В среднем размеры посевов колхозников на немногие доли гектара превышали посеvy рабочих и служащих сельской местности. Разница в обеспеченности скотом также была незначительной. Если учесть, что в 20-е годы к числу бедняцких причислялись хозяйства с посевами до 4 га, то станет ясно, что те сотые доли гектара, о которых сейчас идет речь, не могли служить основанием для существенной дифференциации. Дальнейшее выравнивание доходов колхозников и совхозных рабочих от общественного хозяйства во второй половине 60-х годов, с одной стороны, и колхозное «наследство», полученное многими новыми совхозами, созданными на базе колхозов, — с другой, почти стерли разницу между колхозниками и рабочими совхозов в обеспеченности подсобным хозяйством.

Новые тенденции в развитии личного хозяйства про-

слеживаются довольно четко по материалам конкретно-социологических исследований 1967 г. (см. табл. 29).

Таким образом, уравнивательная тенденция в пользовании личным хозяйством разных групп сельского населения (сказывавшаяся на протяжении всей истории колхозного строя) получила в последнее время новое проявление. Размеры подсобного личного хозяйства колхозников, прежде выделявшегося, оказались теперь значительно ниже уставных норм¹. Причем, если в первый период массового строительства колхозов в соответствии с традициями подсобное хозяйство колхозников на Северном Кавказе было больше, чем на Северо-Западе или в Центральной нечерноземной зоне, то теперь эти различия свелись на нет. В Краснодарском крае, как видно из табл. 29, подсобное хозяйство меньших размеров, чем в Калининской области. Теперь наблюдается новая ситуация: чем ниже доходы от общественного хозяйства в районе, тем больше подсобное. Поэтому вразрез с прошлой традицией подсобное хозяйство в Краснодарском крае оказалось самым маленьким².

Та же закономерность в общем проявилась и в распределении подсобного хозяйства по социальным секторам (государственному, колхозно-кооперативному) и социально-профессиональным группам. Различия между секторами в сельской местности, в целом уменьшающиеся по мере выравнивания классов в использовании общественной собственности, удерживались главным образом за счет разницы между колхозно-кооперативным сектором и несельскохозяйственными предприятиями государственного сектора. Почти равная обеспеченность подсобным личным хозяйством колхозников и рабочих совхозов еще раз доказывает, что личное хозяйство вовсе не было имманентным атрибутом, внутренне и обязательно присущим колхозному крестьянству, как классу. Оно

---

¹ Уставом 1935 г. предельная норма была ограничена 0,5 га, в 1938 г. в среднем по СССР на один колхозный двор приходилось 0,49 га приусадебной земли, а в 1967 г. — 0,31 га (см. «Колхозы во второй сталинской пятилетке», стр. 11—12; «Народное хозяйство СССР в 1967 г.», стр. 344, 466).

² В 1938 г. на Северном Кавказе приусадебный участок колхозников составлял 0,68 га, в северо-западных районах — 0,43 га, в Центральной нечерноземной зоне — 0,39 га, в ЦЧО — 0,47 га и т. д. (см. «Колхозы во второй сталинской пятилетке», стр. 11—12).

**Личное подсобное хозяйство социально-
профессиональных групп сельского населения**

Социально-профессиональные группы	Размеры подсобного хозяйства в га				Хозяйства с коровами в %			
	Всего	В том числе			Всего	В том числе		
		колхозы	совхозы	нес-х. пред-приятия и пр.		колхозы	совхозы	нес-х. пред-приятия и пр.
<i>Калининская область</i>								
Специалисты и руководители высшего звена	0,17	0,24	0,18		28	43	25	
Руководители и специалисты среднего звена	0,22	0,34	0,20		51	95	39	
Служащие	0,21	0,28	0,24		33	62	18	
Механизаторы	0,22	0,34	0,24		42	92	43	
Разнорабочие и другие работники неиндустриального физического труда		0,33	0,33			83	73	
В том числе:								
квалифицированные работники животноводы и др.	0,26	0,34	0,38		54	80	40	
разнорабочие	0,31	0,34	0,34		75	84	78	
Итого	0,28	0,33	0,31	0,18	63	83	64	35
<i>Краснодарский край</i>								
Специалисты и руководители высшего звена	0,17	0,24	0,15		14	21	17	
Руководители и специалисты среднего звена	0,18	0,24	0,18		29	32	32	
Служащие	0,21	0,26	0,17		28	37	23	
Механизаторы	0,21	0,24	0,19		29	37	19	
Разнорабочие и другие работники неиндустриального физического труда		0,26	0,22			33	20	
В том числе:								
квалифицированные работники животноводы и др.	0,20	0,26	0,19		33	40	34	
разнорабочие	0,25	0,26	0,23		26	34	15	
Итого	0,23	0,25	0,21	0,14	26	34	20	25

не «вытекало» из колхозной формы собственности и лишь соответствовало каждый раз конкретно-историческому этапу ее развития.

Конечно, личное хозяйство отличает колхозника, равно как и рабочего совхоза, от промышленного рабочего. Но это связано не с различиями в формах собственности (которая у колхозников и рабочих совхозов не совпадает), а с сельскими условиями жизни. Компенсация труда промышленного рабочего лишь за счет зарплаты и общественных фондов вовсе не есть особенность, всегда свойственная рабочему классу. Может быть ситуация (как это случилось во время войны), когда подсобное хозяйство как форма воспроизводства рабочей силы приобретет существенную роль и для промышленного рабочего. Если учесть общественные функции подсобного хозяйства, его опосредованно общественную роль, то станет понятным, что это вовсе не приведет к какому-либо социальному перерождению рабочих¹.

Что касается социально-профессиональных групп, то, как показывают данные, наблюдается известная разница в обеспеченности подсобным хозяйством между группами относительно высокой и малой квалификации. Подсобное хозяйство как бы создает дополнительный источник

¹ С. А. Кугель считает, что личное подсобное хозяйство является одним из признаков, отличающих класс крестьянства. Свою точку зрения он аргументирует следующим образом: «На наш взгляд, при сопоставлении классов и их признаков следует выделять прежде всего признаки, присущие всему классу, а не какой-либо его части. Ядру рабочего класса — городским промышленным рабочим — не свойственно личное подсобное хозяйство, а среди колхозников оно имеет всеобщее распространение. Поэтому в литературе правильно указывают на этот факт как на одно из различий в источниках и формах получения доходов, т. е. различие классового характера» (С. А. Кугель. Новое в изучении социальной структуры общества. Л., 1968, стр. 20, 22).

Всему рабочему классу присуща только одна общая черта — занятость в государственном секторе. С другой стороны, если личное хозяйство входит в число классовообразующих признаков, то классовая граница пройдет по рабочему классу, отделив сельскохозяйственных рабочих от городских, промышленных. Можно, конечно, говорить о подсобном личном хозяйстве как о преимущественном признаке колхозного крестьянства и отсутствие такового рассматривать как преимущественную черту рабочих. Но следует отдавать себе отчет в том, что это своеобразие рабочих и крестьян не связано с их отношением к общественной собственности. Точнее было бы поэтому рассматривать эти различия как аспект различий между городом и деревней.

дохода, который в совокупном доходе тем значительнее, чем менее квалифицирована и материально обеспечена группа. Бюджетные обследования также подтверждают, что квалифицированные работники затрачивают сравнительно мало времени в подсобном хозяйстве. Так, в июне 1963 г. полеводы-мужчины расходовали в личном домашнем хозяйстве 8,3% своего суточного бюджета времени, животноводы — 6,7, механизаторы — 5,4, а административно-управленческий аппарат и специалисты — только 4%¹. Однако из этого не следует, что между социально-профессиональными группами существует какая-то принципиальная разница в отношении к подсобному хозяйству, что доходность его у малоквалифицированных работников, безусловно, максимальная. По наблюдениям, например, В. Б. Островского, механизаторы и животноводы получают от личного хозяйства больше доходов, чем разнорабочие². В. Я. Чураков, А. А. Николаева, исследовавшие вопрос в Новосибирской области, пишут, что «с повышением доходов семьи от общественного производства показатели развития личного подсобного хозяйства не только не снижаются, но возрастают»³.

Дело в том, что личное подсобное хозяйство не требует приложения квалифицированного труда и ведется силами семьи, которая возмещает недостаток трудовых затрат в хозяйстве самих квалифицированных работников. В то же время специалисты и другие квалифицированные работники имеют возможность интенсивнее вести свое хозяйство, в большей мере пользуются помощью общественного (корма, транспорт и т. п.).

Известное представление о факторах и условиях развития подсобного хозяйства можно получить по данным Татарской АССР, сравнивая в пределах одних и тех же социально-профессиональных групп семьи, имеющие разное хозяйство (см. табл. 30).

Эти материалы убедительно свидетельствуют о том, что развитие личного хозяйства зависит не только от потребности в нем, но и от возможностей семьи. Потреб-

¹ См. В. Я. Чураков, Л. И. Суворова. Использование трудовых ресурсов в колхозах и совхозах, стр. 94.

² См. В. Б. Островский. Колхозное крестьянство СССР, стр. 86.

³ В. Я. Чураков, А. А. Николаева. К вопросу о резервах рабочей силы общественного производства сельских районов Сибири. — «Социальные проблемы трудовых ресурсов села», стр. 339.

Сравнительная характеристика подсобных хозяйств некоторых социально-профессиональных групп сельского населения по Татарской АССР

(в % к общему числу сильных и слабых подсобных хозяйств)

	Разнорабочие				Механизаторы				Специалисты и руководители высшего звена			
	большое		маленькое		большое		маленькое		большое		маленькое	
	+у	+к	-у	-к	+у	+к	-у	-к	+у	+к	-у	-к
Уроженцы села	79	75	47	66	86	89	60	48	50	18	23	
Жившие в городе продолжительное время	5	2	2	4	7	3	5	14	16	23	19	
Минимальное образование	16	13	9	21	17	12	11	20	26	17	16	
Члены КПСС и комсомольцы	9	11	7	6	48	38	27	57	57	59	58	
Большие семьи (6 и более человек)	52	45	19	14	41	47	24	29	50	14	14	
Минимальный среднелушевой заработок в семье*	70	73	60	60	31	45	32	38	56	15	17	
Многодетные семьи (4 и более детей)	29	26	17	13	22	21	9	10	19	2	4	
Большое подсобное хозяйство	100	22	0	7	100	16	—	100	22	—	3	
Содержат корову	88	100	30	—	74	100	24	71	100	10	—	
3-поколенные семьи	40	42	24	25	50	61	31	43	64	29	39	
Жена (муж) разнорабочие	46	50	33	34	35	41	34	10	14	0	2	

Условные обозначения:

+у — подсобное хозяйство размером 0,26 га и выше
 —у — участки размером ниже 0,25 га
 +к — хозяйства, имеющие корову
 —к — хозяйства без коровы

* Под минимальным душевым заработком и минимальным образованием имеются в виду заработок (в расчете на члена семьи) и образование ниже средних показателей для каждой группы.

ность эта определяется размерами семьи, доходами от общественного хозяйства, числом детей в семье. Больше указанная потребность ощущается в семьях разнорабочих, сравнительно меньше у механизаторов и наименее всего у специалистов и руководителей высшего звена. Что касается возможностей, то они больше там, где в семье три поколения, а также в семьях, в которых кто-либо занимается в колхозе малоквалифицированным сельскохозяйственным трудом (супруга — разнорабочая). Играть роль и привычки. Не случайно поэтому относительно крупные хозяйства чаще встречаются у сельских уроженцев, не живших в городе и имеющих относительно небольшое образование.

Хотя потребность в подсобном хозяйстве для абсолютного большинства сельских жителей, безусловно, настоятельна, оно само по себе не является абсолютным благом. Необходимое в данных конкретно-исторических условиях, подсобное хозяйство не может считаться прогрессивной сферой приложения человеческого труда. Остается фактом, что оно носит полунатуральный характер и основывается на использовании самого неквалифицированного ручного труда. В то же время (по данным Г. И. Шмелева) единица труда, затраченного в подсобном личном хозяйстве, оплачивается выше, чем единица труда, затраченная в общественном колхозном производстве. И хотя труд в личном хозяйстве не создает каких-либо нетрудовых доходов¹, для малоквалифицированной рабочей силы он все же выгоден. Конечно, при некоторых условиях личное хозяйство может стать средством спекуляции и наживы². Но это не значит, что личное хозяйство само по себе создает с необходимостью социальную почву для такого результата. Нарушения социальных нормативов могут быть и на почве государственной собственности. И в том и в другом случае они рассматриваются как правонарушения и преследуются законом. Так что какой-либо особой социальной проблемы в этом

---

¹ По расчетам Т. И. Заславской, при оценке продукции личного хозяйства в розничных ценах доходность его соответствует заработной плате совхозных рабочих, т. е. находится на уровне обычной для общества оплаты аналогичного труда (см. Т. И. Заславская. Распределение по труду в колхозах, стр. 59).

² См. И. Левыкин. Некоторые методологические проблемы изучения психологии крестьянства. Орел, 1970, стр. 28.

плане не возникает. Важнее, однако, что и при нормальном развитии личное хозяйство в определенной ситуации может раздваивать в какой-то мере интересы колхозника и его ориентацию¹.

Реальный социальный ущерб личное хозяйство может, однако, причинить самому владельцу этого хозяйства. Подсобное хозяйство пожирает досуг крестьянина, и в этом его главное зло. Это хозяйство ведется за счет вне-рабочего времени. В результате в сельскохозяйственный сезон рабочий день колхозника и рабочего совхоза оказывается продолжительнее, чем у рабочих промышленности. В летние месяцы свободное время колхозников значительно меньше, чем у рабочих совхоза и тем более у рабочих промышленности². Как справедливо отмечает Г. И. Шмелев, у мужчин-колхозников, как и у рабочих совхозов, затраты труда в личном хозяйстве совершаются за пределами рабочего дня в общественном производстве, нормального для промышленности. Таким образом, личное хозяйство в известной степени выглядит как бы штрафом, выплачиваемым сельским жителем за отсталость производительных сил.

Поэтому в принципе общество по мере своего развития должно ликвидировать эту неравноправную по сравнению с другими сферами область приложения труда. От чего зависит эта перспектива? Вряд ли серьезно можно предполагать, что ей препятствует психология крестьянина³. Специальное обследование, проведенное в Краснодарском крае, показало, что колхозники в подавляю-

---

¹ Исследователи, например, отмечают, что в период уборочных работ (в 1964 г. в Новосибирской области) трудоспособные колхозники затрачивали в подсобном хозяйстве большую долю времени, чем в среднем за год. Так, женщины в среднем за год тратили на общественное хозяйство 65,4% рабочего времени (остальное в личном подсобном хозяйстве), а в период уборочных работ лишь 54,9% (см. В. Я. Чураков, Л. И. Суворова. Использование трудовых ресурсов в колхозах и совхозах, стр. 110).

² В структуре бюджета времени (по данным 1963 г.) свободное время колхозников-мужчин в будний день составляло 9,4%, рабочих совхозов — 14,7, рабочих промышленности — 16,8% (см. В. Я. Чураков, Л. И. Суворова. Использование трудовых ресурсов в колхозах и совхозах, стр. 90).

³ Исследователи отмечают, например, что «молодые механизаторы и животноводы считают личное подсобное хозяйство делом обременительным...» («Социологическое изучение села: социальная структура, труд, управление», стр. 207).

щем большинстве случаев рассматривают подсобное хозяйство как вынужденную необходимость. 75% среди них ответили, что оно необходимо, так как «дает дополнительный доход семье», причем на эту причину чаще указывали менее обеспеченные группы (80—85%). Для них условием сокращения личного хозяйства является рост зарплаты (70—72%), тогда как для интеллигенции и служащих более существенной предпосылкой для этого является «улучшение снабжения села продуктами» (95%).

В условиях села личное хозяйство, по-видимому, вообще сохранится. Однако в будущем оно будет не средством существования, а перейдет в сферу досуга, развлечения, будет отвечать естественным потребностям и привычкам сельских жителей.

На данном этапе, однако, когда это хозяйство выполняет важные общественные функции, необходима система мер, облегчающих сельскому жителю работу в подсобном хозяйстве. Малая механизация для небольших приусадебных участков, обеспечение кормами скота колхозников, рабочих и служащих, помощь им тягловой силой, транспортными средствами, ветеринарная и зоотехническая помощь, повышение культуры земледелия, облегчение реализации продукции подсобного хозяйства — все это будет способствовать подтягиванию этого отсталого участка социально-экономической сферы приложения труда, позволит обществу сэкономить необходимый труд и более рационально использовать производительные силы¹.

Однако высвобождение рабочей силы из личного хозяйства должно быть подготовлено не только экономическими, но и глубокими социальными мерами. Одно только развитие производства и услуг для этого недостаточно. Высвободившееся время колхозника должно быть рационально использовано. Нынешний уровень образования сельского жителя, его культурные навыки и привычки, состояние культурной среды не дают еще возможности достаточно эффективно занять досуг и не позволяют

---

¹ В последние годы экономисты В. Г. Венжер, И. И. Дмитрашко, В. Я. Чураков и особенно Г. И. Шмелев, занимаясь проблемами подсобного личного хозяйства, обосновали и выдвинули систему мер его совершенствования.

еще рассчитывать на то, что это время может быть разумно использовано.

Таким образом, заканчивая анализ этих вопросов, следует сказать, что внутри сельского хозяйства сферы приложения труда за последнее время существенно выровнялись. Коренное решение проблемы выравнивания сфер приложения труда может быть, однако, осуществлено лишь в будущем, с ликвидацией существенных различий между индустрией и сельским хозяйством, городом и деревней. Труд возмещается в конечном счете не только в форме прямой компенсации и денежного вознаграждения. Использование общественной собственности предполагает также и потребление культуры, и, пока город и деревня предоставляют в этом отношении разные возможности, приложение труда в сельском хозяйстве будет менее выгодным, чем в промышленности.

Следовательно, полная реализация принципа равной оплаты за равный труд возможна в результате глубоких социальных изменений. Выравнивание условий труда внутри сельского хозяйства — это первый существенный шаг к ликвидации неравенства локальных сфер приложения труда. При всей значимости различий в этих сферах особую роль в настоящее время приобретает, однако, дифференциация сельского населения по качеству труда. Именно социально-профессиональная структура, детерминируемая качеством и характером труда, в наибольшей мере определяет в настоящее время различия в использовании общественной собственности.

Глава V

КУЛЬТУРА И НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ГРУПП СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Многозначное употребление термина «культура» сделало чуть ли не обязательным любому описанию этого явления предпосылать его определение. Учитывая обилие соответствующих дефиниций (их уже насчитывается более 200), мы не станем предлагать еще одну. Оговорим лишь намерение ограничиться специальной темой —

распространением современной урбанизованной культуры (скорее культурных благ, чем культурных ценностей) ¹ среди различных групп сельского населения.

Многие вопросы, имеющие отношение к культуре в широком смысле этого слова, — образцы поведения людей, глубина и сохранность традиционных форм культуры, активная творческая деятельность людей, которая вновь опредмечивает усвоенные культурные ценности, — по необходимости останутся в стороне или будут рассмотрены в иной связи и в другом месте. Стало быть, наша задача здесь не в том, чтобы конкретно описывать культуру сельского населения во всем ее пространственном и этническом разнообразии, а в выявлении социальных различий людей в сфере потребления культуры.

Как известно, каждый общественный строй создает свой социальный механизм нормирования не только материальных, но и культурных ценностей. Феодалное общество распределяет культурные блага по феодалской собственности, знатности, происхождению. Строй, основанный на частнокапиталистической собственности, руководствуется при этом наличием капитала. Одновременно каждый общественный строй вырабатывает свою систему охранительных мер, предназначенных для того, чтобы обеспечить функционирование принятых в обществе способов распределения всех социальных благ, в том числе культурных.

Недостаточный уровень развития производительных сил на протяжении всей истории давал возможность лишь для небольшой части людей заниматься подлинно человеческой, творческой умственной деятельностью. В современном антагонистическом обществе необходимость развития производства вынуждает социальную элиту в той или иной мере приобщать все население к образованию и культуре, хотя объективно это угрожает ее монополии на власть, позволяет массам активнее сопротивляться насилию и диктатуре. Господствующие классы ищут, однако, выход в ограничении и устранении «вредных» (с их точки зрения) последствий образования.

---

¹ Н. С. Злобин обоснованно предлагает различать культурные ценности и культурные блага, поскольку создание последних лишь воспроизводство, тиражирование ценностей (см. *Н. С. Злобин. Некоторые методологические вопросы культуры и культурной революции. М., 1969, стр. 2).*

Вместо подлинной культуры они пропагандируют псевдокультуру, которая тормозит реальный культурный рост народа: познания заменяются предрассудками, теории — догмами, сознание затуманивается политическим фанатизмом, национализмом и расизмом. Истинные духовные блага и ценности подменяются фиктивными, примитивными, развивается массовое стремление к потреблению низкопробных культурных стандартов, распространяются суррогаты культурных ценностей.

Социалистический строй при распределении культурных ценностей руководствуется принципом: «Каждому — по труду». Так же как материальные блага, культурные ценности присваиваются в соответствии с качеством труда, квалификацией, общественными ролями и функциями людей.

Однако этот принцип распределения культурных благ утверждается не сразу. Формальная общедоступность культуры, равно как и общенародной собственности в целом, не делает ее фактически общедоступной, и не только потому, что люди заняты разными видами труда, разной социальной значимости (и поэтому неодинаковы и «нормы» культурных ценностей), но и в силу того, что сохраняется существенное неравенство в условиях культурной жизни различных сфер социальной системы.

Советская власть утвердилась в стране, которая в течение столетий развивалась неравномерно. Естественно, новый общественный строй не мог сразу уничтожить систему неравенства. При равном труде в разных зонах общественной жизни, в разных сферах приложения труда сохранились, и в известной мере сохраняются до сего времени, различия условий потребления культурных благ, свои социальные нормы освоения культурных ценностей урбанизированного общества.

Одна из важнейших задач революции сводилась к ликвидации неравенства в распределении культурных ценностей между отдельными народами. Необходимо было не только ослабить языковые барьеры, но и добиться фактического социального равенства как необходимого условия равного приобщения к современной культуре. Социально-культурное развитие бывших окраин велось опережающими темпами. С течением времени оно привело к значительной унификации условий жизни в прошлом отсталых и развитых районов, центров и окраин, что

сказалось благотворно на процессе выравнивания социального уровня наций в целом¹.

Процесс выравнивания различий в культурной экологии наций проявился не только в масштабах страны, но и еще более четко в отдельных зонах и районах, где население находилось в разных естественноприродных условиях. В этом отношении характерны данные по Татарии. До революции и в первые годы после нее русские села в Татарии имели заметное преимущество в культурном отношении. Среди русских мужчин в 1920 г. грамотных было 55%, среди татар лишь 27%; больницы, фельдшерские ветеринарные пункты, почтово-телеграфные отделения, телефонные станции, сельскохозяйственные орудия в основном концентрировались в русских поселениях, которые были расположены вблизи дорог, по водным и сухопутным артериям (например, на татарское население, которое составляло абсолютное большинство, приходилось 10% больниц, 16—17% почтово-телеграфных отделений)².

В настоящее время в татарских районах не только преодолено отставание в культурном строительстве, но и наблюдаются известные преимущества в обеспеченности клубами, библиотеками, школами, киноустановками (см. табл. 31). Если в прошлом более крупные размеры татарских сел были одной из причин их замкнутости и натурального характера хозяйства, то сейчас эта их особенность дает им некоторые преимущества³.

Конечно, все это не значит, что в настоящее время сняты все различия в усвоении современной культуры между национальными районами, нациями и народностями. Однако различия сейчас прежде всего определяются уровнем урбанизации народов с однотипной (в отличие от прошлого) социальной структурой, находящейся на одной стадии социально-экономического развития.

Город и село в настоящее время оказываются главными сферами, где проявляется разница в потреблении и

---

¹ См. Л. М. Дробизева. О сближении уровней культурного развития союзных республик. — «История СССР», 1969, № 3, стр. 64—69.

² См. «Труд и хозяйство», 1925, № 11, стр. 29—30; 1926, № 6—8, стр. 454.

³ В районах с преимущественно татарским населением в селе в среднем проживает 412 человек, в русских районах — 281 человек.

Число культурных учреждений,
их оснащенность
(в расчете на 1 тыс. человек населения)

	„Татарские“ районы*	„Русские“ районы**
Число клубных учреждений	1,08	1,0
Число библиотек	0,8	0,7
Количество книг в библиотеках	5 853	4 663
Число киноустановок	1,3	1,05
Процент сел, в которых демонстриру- ются фильмы	78,8	66,9
Количество школ	2,02	1,75
Число учителей в школах	15	14,4
Количество детских садов и яслей	0,23	0,27
Процент детей в детских садах и яс- лях	17,0	15,3

* Районы: Азнакаевский, Актынашский, Арский, Балтасинский, Кукморский, Муслимовский, Сабинский, Сармановский. Татары составляют 82,4% всего населения этих районов и 36,6% всего сельского татарского населения республики.

** Районы: Бугульминский, Верхне-Услонский, Высокогорский, Куйбышевский, Лаишевский, Пестречинский. Русские, проживающие в этих районах, составляют 65,3% всего населения их и 32% русского сельского населения ТАССР.

нормировании культурных благ. На селе по существу сохраняются иные, чем в городе, условия культурного развития, иные, заниженные нормы потребления культурных ценностей. Правда, судя по опережающим темпам улучшения сельской культурной среды, тенденции в целом благоприятны (см. табл. 32).

Если до войны (см. гл. II) село отставало от города по всем показателям, то сейчас, как видит читатель, оно по некоторым — число учителей, детей в школах, киноустановок, клубов, книг в библиотеках (в расчете на одного жителя) — даже опередило город. По другим показателям — количество радиоприемников, выписываемых газет и журналов — преимущества города уже незначительны. По обеспеченности многими атрибутами современной культуры наше село стоит на уровне самых передовых индустриально развитых стран. В Великобритании, где газеты пользуются самым большим спросом в капиталистическом мире, на 100 жителей

**Сравнительные данные о развитии
культуры в городе и на селе
в 1958—1966 гг.¹**

	1958 г.	1966 г.
Дети в яслях и детсадах*:		
город	277	496
село	63	138
Дети в школах**:		
город	1 369	1 704
село	1 459	2 038
Учителя (без совместителей) в дневных общеобразовательных школах*:		
город	66	74
В том числе с высшим образова- нием	27	39
село	101	122
В том числе с высшим образова- нием	22	41
Число книг и журналов в массовых биб- лиотеках*:		
город	3 690	4 520
село	3 530	4 550
Киноустановки (число мест в стацио- нарных киноустановках)**:		
город	437	—
село	1 023	—
Клубные учреждения**:		
город	1	1
село	11	10
Радиоприемники и радиоточки**:		
город	234	327
село	198	294
Телевизоры**:		
город	24	123
село	2	31
Число посещений киносеансов в расче- те на одного жителя		
город	22	20
село	12	16
Число посещений театров**:		
город	737	688
село	103	154

* В расчете на 10 тыс. человек населения.

** В расчете на 1 тыс. человек населения.

¹ См. «Социологическое изучение села: культура, быт, расселе-
ние», вып. 2. М., 1968, стр. 4—5.

	1958 г.	1966 г.
Объем бытовых услуг промышленного характера на душу населения (в руб.):		
город	5,60	10,24
село	0,63	2,94
Услуги непромышленного характера на душу населения (в руб.):		
город	2,70	4,97
село	0,19	0,92

приходится 51 экз. газет, тогда как в СССР — 52 экз. (для сравнения укажем, что в Африке и Индии — 1 экз. на то же количество жителей). В сельских районах Великобритании в 1957—1958 гг. вообще не бывало в кино 49% населения (в городах с населением 50 тыс. — 30%, в городах свыше 50 тыс. — 25%). В селах СССР этот процент значительно меньше. В Краснодарском крае — 16%, в Татарской АССР — 26%, в Калининской области, где преобладает население пенсионного возраста, — 44%¹.

Хотя результаты культурного развития села внушают оптимизм, разница между городом и селом остается существенной. Табл. 31 не дает возможности в полной мере оценить эту разницу прежде всего потому, что в ней сравнение дано по ассортименту, привычному для сельской культурной среды (т. е. по освоенным в деревне видам культуры — клубам, библиотекам и пр.). Но культурное богатство города этим не исчерпывается. В городе есть много другого. Театры, выставки, концертные залы, спортивные клубы, плавательные бассейны — все это практически остается пока достоянием города. Если бы существовал какой-то показатель, суммирующий потребление всех культурных благ, то по-видимому, пришлось бы внести поправки в оценку масштабов культурного строительства на селе. В качестве такого показателя в известной мере могут служить данные о расходах на

¹ Данные по зарубежным странам см. К. Жигульский. Пути развития массовой культуры. М., 1969, стр. 11, 36. Данные по селам СССР приведены по нашим исследованиям 1967 г.

культурные нужды, учтенные обследованиями семейных бюджетов (см. табл. 33).

Таблица 33

Соотношение расходов семей колхозников,
рабочих совхозов и рабочих
промышленности в 1961 г.
(расходы колхозников принимаются за 100%)

Статьи расхода	Рабочие совхозов	Рабочие промышленности
Все расходы	132	144
В том числе питание	111	117
Ткани, обувь	162	154
Табак, спиртные напитки	177	182
Культтовары	210	250
Культурно-просветительные нужды (кино, театр и т. п.)	280	330
Культурно-бытовые расходы (коммунальные услуги, транспорт) и пр.	380	830

Как видно, в области материального потребления колхозник уже в 1961 г. приблизился к горожанину, но по культурному и бытовому — резко отставал. Если расходы на питание колхозника почти соответствовали расходам городского жителя, а расходы на одежду и обувь отставали примерно в 1,5 раза, то в потреблении культурных благ, судя по бюджетным данным, он отставал от городского рабочего в 3 раза, а бытовых услуг — в 8 раз.

Потребление городской культуры на селе зависит не только от спроса сельского населения, но и от «способов предложения» культурных ценностей со стороны города, т. е. от коммуникативности и транспортабельности различных видов культуры. При изучении городской культуры И. Рябиковой была предложена условная классификация информационных каналов по следующим типам: 1) средства массовой коммуникации: пресса, радио, телевидение, кино; 2) канал научно-технических и специальных знаний: лекции, доклады, научно-техническая пропаганда, библиотеки; 3) эстетико-художественный канал: театры, филармонии, музеи и пр.; 4) канал свободного обмена информацией, т. е. сфера непосредственного общения. Если принять эту классификацию, то можно

прийти к заключению, что село имеет возможность полностью выравняться с городом лишь в потреблении первого вида информации — средств массовой коммуникации. Что касается других каналов информации, то здесь мощной и развитой городской «культурной индустрии» село, пока оно остается селом, может противопоставить лишь клуб, библиотеку, школу.

Естественно, село должно иметь более высокую, чем город, плотность размещения этих учреждений. И не только потому, что в условиях села они несут исключительную социальную нагрузку, но и в силу особенностей сельского расселения. По данным 1959 г., в СССР было 700 тыс. сел и деревень. Очевидно, что городскому населению, сконцентрированному в крупных населенных пунктах, и сельскому населению, разбросанному по множеству мелких, приходится иметь разную норму обеспеченности культурными учреждениями. Таким образом, даже то равенство, о котором идет речь в табл. 31, требует расшифровки. Ведь остается фактом, что много мелких сельских населенных пунктов вообще не имеют ни школ, ни клубов, ни каких-либо очагов и передатчиков массовой культуры¹.

В случае бездорожья те несколько километров, которые отделяют некоторые села от школы, клуба, библиотеки, могут оказаться значительным препятствием в потреблении культуры. Кроме того, по своему «качеству» сельские культурные учреждения в массе своей гораздо хуже городских. В Татарской АССР, например (в 1967 г.), лишь 4% сельских клубов имели рояли и пианино, 3% — комплекты музыкальных инструментов для духовых оркестров, 16% — телевизоры и 19% — магнитофоны (в городе почти все клубы имели этот культурный ассортимент). Хотя клуб — основной элемент сельской культурной среды, в городе же он лишь дополнительный, тем не менее оплата труда клубных работников в селах ниже, чем в городах. Не случайно в сельских клубах гораздо меньше людей квалифицированных

¹ В 1967 г. в 47% сел в Татарской АССР не было клубов, в 61% — киноустановок, в 71% — библиотек. О нормативах распределения культурных и бытовых учреждений на селе см. В. И. Музыкин. Общие вопросы развития системы культурно-бытового обслуживания в сельской местности. — «Социологическое изучение села: культура, быт, расселение», вып. 2, стр. 54—56.

и специально подготовленных (в татарских селах лишь 11% клубных работников имеют специальное образование, а в городах — 38%).

Горожанин, естественно, интенсивнее потребляет современную культуру, даже те ее виды, которые уже утвердились в сельских условиях. Например, в татарских селах не читают газет 20% населения против 7—9% в городе; не ходят в кино 25% сельских жителей против 6—9% в городе; не смотрят телевизоров 35% против 9% в Казани, 26% — в Альметьевске. Если столь существенна разница по таким уже усвоенным селами видам культуры, то понятно, насколько она значительна в иных отношениях.

Разумеется, при современных средствах коммуникаций, с развитием транспорта и дорог сельское население получает возможность непосредственно «включиться» в городскую среду. В литературе приводятся данные о массовом обслуживании сел городскими театрами, филармониями и даже музеями¹. Однако при всей массовости культурных рейдов из городов (и обратно сельских жителей в города) не ими, конечно, характеризуются наиболее существенные параметры культурного влияния города на деревню.

Связь между городом и селом — явление чрезвычайно сложное и противоречивое. Близость города, с одной стороны, стимулирует культурную жизнь села, с другой — служит причиной ускоренной миграции наиболее молодой и образованной части населения, способной укрепить культурный тонус сельского организма. Именно поэтому образование людей физического труда, и особенно разнорабочих, в пригородных селах, как правило, ниже, чем в селах, отдаленных от города. В то же время более образованная интеллигенция тяготеет к пригородным поселениям, стремясь не порывать связь с городом (где

---

¹ Каждый третий профессиональный театр РСФСР показывал свои пьесы сельскому жителю. Сельский зритель увидел свыше четверти всех городских театральные постановки (см. «Театральная жизнь», 1967, № 21, стр. 3). По данным Т. А. Кудриной, в 1966 г. филармонии республики провели на селе 60 тыс. концертов, на которых присутствовало 13 млн. сельских жителей.

В Татарии в сельские местности выезжали «театральные поезда», «поезда культуры». Сельские жители (особенно школьники) систематически совершали экскурсии в города. В течение одного года музеи татарских городов посетили 10 тыс. колхозников.

нередко остаются семьи). Таким образом, город делает село более контрастным в культурном отношении.

Преимущественную концентрацию в пригородных селах относительно более образованной части интеллигенции и менее образованной категории среди разнорабочих мы наблюдали во всех без исключения обследуемых районах (см. табл. 34).

Таблица 34

Концентрация социально-профессиональных групп в пригородных селах (до 7 км от города) в % к общей численности каждой социально-профессиональной группы

Группы	Татарская АССР			Калининская область			Краснодарский край		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе		Всего	В том числе	
		образо- ванные*	необразо- ванные*		образо- ванные*	необразо- ванные*		образо- ванные*	необразо- ванные*
A ₁	10	12	6	12	19	9	20	28	15
A ₂	9	10	—	8	9	5	32	41	12
Б	11	12	4	11	10	13	20	21	10
В	17	11	29	14	15	9	18	20	16
Г ₁₋₂	20	32	18	8	4	10	11	13	10
Г ₃	8	6	9	6	2	7	17	17	18

* «Образованные» — лица с образованием выше среднего уровня в группе; «необразованные» — ниже этого уровня.

Таким образом, чем сильнее влияние города, тем интенсивнее он отсасывает из села относительно образованную часть людей физического труда и, как бы «перерабатывая» их, возвращает селу обученные интеллигентные кадры. Однако в среднем потери села остаются невозмещенными. Причем, поскольку люди физического труда составляют основную массу сельского населения, более низкий уровень их образования в пригородных селах означает, что усредненные показатели образования в этих селах в целом ниже, чем в селах, отдаленных от города. Относительно более высокое образование интеллигенции в пригородных селах не перекрывает потерь от снижения образования самых массовых слоев сельского населения (разнорабочих).

С помощью парных корреляций мы пытались установить наличие взаимосвязи между расстоянием до города и образованием сельского населения Татарской АССР. Ниже приводятся эти коэффициенты (между двумя факторами «отдаленность города — уровень образования») для каждой социально-профессиональной группы:

Интеллигенция	+0,018
Служащие	+0,164
Механизаторы	+0,336
Работники преимущественно неквалифицированного и малоквалифицированного физического труда	+0,287
Пенсионеры, домохозяйки	+0,101
Все население	+0,286

Между расстоянием села от города и образованием населения обнаруживается положительная зависимость, т. е. приросту расстояния соответствует прирост образования. Эта зависимость со всей очевидностью прослеживается лишь в группах физического труда. Но так как в деревне именно эти группы самые многочисленные, рост их образования в отдаленных от города селах положительно сказывается на уровне образования всего населения.

Не случайно потребление культуры в пригородных селах среди оставшегося в них населения не выше, чем в селах отдаленных. Причем это касается не только людей физического труда, но в некоторых случаях даже и интеллигенции, несмотря на то что уровень образования ее здесь относительно высок (см. табл. 35).

Во всех без исключения социальных группах в отдаленных селах читают книг больше, чем в пригородных. Люди физического труда чаще ходят в кино, регулярнее читают газеты. Это понятно, так как в отдаленных от города селах они, как правило, моложе и, что подтверждается приведенной таблицей, несколько образованнее. Интеллигенция пригородных сел, хотя у нее образование и выше, также читает меньше, чем в отдаленных, и реже ходит в кино. Но эти потери здесь возмещаются главным образом за счет более интенсивного внедрения телевидения. Сельское население в целом в пригородных селах не обнаруживает никаких преимуществ в культурных навы-

Данные об образовании и культурных навыках населения в пригородных (до 3—4 км) и отдаленных от города селах (свыше 30 км) Татарской АССР (в %)

Показатели	Интеллигенция высшего звена		Интеллигенция среднего звена		Механизаторы		Разнорабочие	
	в пригороде	в отдаленных селах	в пригороде	в отдаленных селах	в пригороде	в отдаленных селах	в пригороде	в отдаленных селах
Образованные *	70	58	40	40	35	57	19	39
Постоянно читают газеты	100	91	80	63	61	67	29	39
Постоянно смотрят телепередачи	90	45	80	42	30	25	24	8
Постоянно ходят в кино	10	35	53	33	30	34	5	26
Постоянно читают художественную литературу	30	60	27	47	17	22	0	16

* Имеются в виду лица с образованием выше среднего уровня для группы.

ках. Различия в образовании интеллигенции пригородных и отдаленных сел в конечном счете как бы гасятся принципиальным сходством сельских сред и равенством социально-профессиональных ролей. Таким образом, географическая близость города отнюдь не совпадает с близостью культурной.

* * *

Преимущества города — это в какой-то мере преимущества крупного поселения. Лишь такие поселения делают целесообразной концентрацию дефицитных культурных благ и развитых очагов культуры. Они позволяют добиться такого разделения умственного труда, при котором многими специальными видами культурной деятельности занимаются профессионально подготовленные к этому люди. Понятно, что «поселенческие различия» проявляются не только между городом и селом, как полярными точками, а по всему континиуму последовательно: крупный город — средний — малый город —

крупное село — среднее село — малое. Отмеченная закономерность культурной среды — снижение концентрации современных элементов ее от крупного поселения к мелкому — имеет, естественно, не только внешний аспект, но и внутрисельский, т. е. проявляется не только между городом и деревней, но и между крупными и мелкими сельскими поселениями. Исследования убедительно показывают неравномерность размещения культурных центров внутри самого села. В крупных селах обследованных районов (Калининская область, Краснодарский край и Татарская АССР) в подавляющем большинстве случаев имеются клубы и школы, что не так часто встречается в мелких населенных пунктах (см. табл. 36).

Таблица 36

Процент сел с клубами и школами

	Крупные села		Мелкие села	
	Клубы	Школы	Клубы	Школы
Калининская область . . .	100	100	81	11
Краснодарский край . . .	100	100	85	50
Татарская АССР	100	100	85	14

Парная корреляция показывает (по данным Татарии) значимую обратную связь между численностью населения и расстоянием до клуба ($-0,521$) и до школы ($-0,251$)¹, т. е., чем меньше село (численность его населения), тем дальше оно расположено от клуба и школы. Существуют даже специальные нормативы, предусматривающие строительство очагов культуры в зависимости от величины населенных пунктов и численности населения².

Наиболее густа в деревне сеть клубов, за последнее время окончательно вытеснивших примитивные избы-читальни. В обследованном Курганинском районе Краснодарского края из 42 населенных пунктов только 5 не

¹ Здесь и выше парные корреляции между факторами сельской среды рассчитаны В. С. Кондратьевым.

² Например, в Татарской АССР в селах с населением от 900 до 1200 человек полагается иметь одну массовую библиотеку с одним штатным работником; если библиотека обслуживает микро-район с населением 6 тыс. человек — трех штатных работников и т. д.

имеют сельских клубов. Это небольшие хутора с населением до 200 человек. Клубы расположены от них на расстоянии 4—5 км. Что касается стационарных киноустановок, то сеть их относительно разреженнее. В этом районе 13 населенных пунктов не имеют собственной киноустановки. Самая редкая — сеть массовых библиотек: их не имеют 29 сел, но они в основном находятся в радиусе обслуживания массовых библиотек, примерно на расстоянии 7—9, а иногда 11 км.

Аналогичная картина наблюдалась и в Калининской области, и в Татарской АССР с той лишь разницей, что (поскольку поселения здесь расположены близко друг от друга) расстояния деревень от действующих очагов культуры в этих районах менее значительны. Но бездорожье и более суровые зимы делают эти расстояния ощутимыми для населения.

Таким образом, достаточно однородная урбанизированная культура в том виде, в каком она доходит до сельского потребителя, распределена в селах неравномерно.

Дело не только в неодинаковой концентрации культурных учреждений. Они сильно отличаются друг от друга и качественно. Как правило, чем крупнее поселение и богаче хозяйство, тем вместительнее и оснащенное клуб, школа, библиотека. В то время как в большинстве сельских районов сохраняются клубы в «приспособленных помещениях» (часто в домах бывших сельских богатеев или в правлениях колхозов и т. п.), в зажиточных и крупных хозяйствах, особенно Краснодарского края, можно встретить Дворцы культуры, построенные по специальным проектам (например, в станице Платнировская) из стекла, бетона и других современных строительных материалов¹.

Естественно, крупные современные и небольшие культурные центры имеют разные возможности в использовании каналов массовой информации, доходящих до деревни. В то время как в большинстве мелких и слабых клу-

---

¹ В обследованном Курганинском районе Краснодарского края наряду с Домом культуры станицы Родниковской (рассчитанным на 1110 мест) в подавляющем большинстве хуторов преобладали мелкие клубы на 100—250 мест; в станице Родниковской, кроме того, работали крупная массовая библиотека с 19 тыс. томов, полная средняя школа и кинотеатр.

бов культурный ассортимент ограничивается танцами под радиолу и кинофильмами, которые, однако, также проводятся нерегулярно (особенно в зимний период из-за отсутствия молодежи), в крупных клубах с большой театральной сценой чаще и охотнее выступают театральные коллективы, регулярно демонстрируются кинофильмы, устраиваются вечера художественной самодеятельности¹. Здесь больше кружков (спортивных, технических, художественной самодеятельности, прикладного искусства, фотолюбителей), оркестров духовых инструментов. В больших массовых библиотеках лучший выбор литературы, интенсивнее оборот книги, шире круг читателей.

Итак, культура села выглядит как некое иерархическое образование. Чем меньше село, тем уже канал информации и плотнее фильтр, через который проникает культура урбанизированного общества.

Чтобы выяснить более точно зависимость между размерами поселений и характеристикой культурной среды, мы провели с помощью корреляционного аппарата специальное исследование по материалам Татарской АССР. В результате была обнаружена довольно тесная связь между образованием населения и культурной средой. Оказалось, что с ростом размера села увеличивается концентрация не только различных «передатчиков» культуры — клубов, школ, библиотек, но и значительно повышается уровень образования и культуры самого населения, т. е. меняется не только «вещная», материальная, но и наиболее существенная «человеческая» сторона культурной среды — сферы общения. В крупных селах относительно преобладает (по сравнению с мелкими) молодежь 16—17 и 23—27 лет. Молодежь 18—22 лет примерно одинаково слабо представлена как в крупных, так и в мелких селах, так как эта возрастная группа уходит на учебу в города и в армию. В крупных селах больше интеллигентов как высшего, так и среднего звена, больше служащих. Образование всего населения также выше.

Приведенные в табл. 37 парные коэффициенты корреляции между размерами села и некоторыми признаками,

¹ Например, в крупных станицах (Ново-Алексеевская, поселок Октябрьский) чуть ли не каждую неделю устраивались вечера художественной самодеятельности или лекции, что в мелких клубах было большой редкостью.

характеризующими население, дают возможность более четко представить себе, насколько активнее в крупных селах среды человеческого общения.

Таблица 37

**Зависимость размеров села
и социально-демографических признаков**
(в коэффициентах парной корреляции)

Возраст	Удельный вес социально-профессиональной группы	Уровень образования социально-профессиональной группы
16—17 лет +0,529	A ₁ +0,614	A +0,450
18—22 года +0,016	A ₂ +0,280	Б +0,345
23—27 лет +0,443	Б +0,308	В +0,100
28—34 года +0,141	В +0,016	Г +0,226
35—49 лет +0,132	Г ₁ +0,263	Д —0,060
50—59 » +0,112	Г ₂ +0,290	
60 лет и старше —0,236	Г ₃ +0,003	
	Г ₄ +0,299	
	Д —0,165	
		Итого +0,229

Судя по этим данным, более высокий уровень образования населения крупных сел обуславливается не только преобладанием в этих селах молодого населения и более квалифицированных профессиональных групп, но и в подавляющем большинстве случаев лучшим «качественным» составом этих групп, имеющих в крупных селах более высокое образование. Действительно, в Татарской АССР в селах с населением до 200 человек лишь 28% разнорабочих имеют относительно высокое образование, а в крупных селах (от 1 тыс. до 3 тыс.) — 41%; среди интеллигентов в мелких селах имеют высшее образование 44%, в крупных — 60% и больше и т. п. Понятно, что уровень образования населения крупных и мелких сел сильно различается.

В Калининской области среднее образование трудоспособного населения в малых селах не превышает 4 классов, в средних — 4,6 класса, в крупных — 6,4, а в самых крупных — 6,6 класса. В Краснодарском крае, в экономическом отношении более ровном, чем Калининская область, разница между полярными по величине се-

лами менее контрастна, но все же достаточно заметна: в малых селах среднее образование здесь достигает 5,6 класса, в крупных — 6,5.

С увеличением размеров села, как уже было сказано, растет доля молодежи и, понятно, меняется возраст трудоспособного населения. В Калининской области средний возраст трудоспособного населения в малых деревнях составляет 47 лет, в средних — 44 года, в крупных и самых крупных — 40 лет.

«Культурный тонус» крупных сел значительно выше, чем мелких. В крупных селах гораздо интенсивнее потребление современной культуры. Здесь больше, чем где-либо в сельской местности, читают газет и книг, смотрят кинофильмы, телепередачи. С другой стороны, пережиточные формы культуры в мелких селах заполняют вакуум, поэтому здесь особенно много верующих и людей, придерживающихся старых обычаев и традиций; здесь чаще справляют религиозные праздники и выполняют пережиточные обряды (например, крещение и т. п.). В табл. 38 приведены сравнительные данные по полярным (крупным и мелким) селам, которые позволяют конкретизировать картину.

Как видно, в культурных навыках населения крупных и мелких сел в Краснодарском крае наблюдается меньше контрастов, чем в Татарской АССР и в Калининской области. В целом различия в культурных навыках не столь очевидны, как различия в образовании населения мелких и крупных сел. Объясняется это тем, что культурная среда и равенство социально-профессиональных ролей как бы унифицируют культурные навыки людей независимо от их образования. Не случайно в рамках идентичных социально-профессиональных групп крупных и мелких сел культурные навыки не очень разнятся (см. табл. 39).

Разный «культурный тонус» мелких и крупных сел, распространенность культурных навыков населения объясняются не столько его образованием, сколько различием в социально-профессиональной структуре. Более высокий уровень культурного потребления в крупных селах зависит главным образом от концентрации в этих селах более квалифицированных профессиональных групп населения и уже потом от уровня их образования. В то же время надо иметь в виду сложное и во многом противо-

Зависимость между культурными навыками
и размерами поселения
(в % ко всему занятому населению)
в каждом типе сел)

Признаки	Татарская АССР		Краснодарский край		Калининская область	
	Мелкие села	Крупные села	Мелкие села	Крупные села	Мелкие села	Крупные села
Постоянно читают газеты	47	70	57	61	47	62
Постоянно слушают радио	75	73	64	66	61	71
Постоянно смотрят телепередачи	14	42	29	29	27	33
Часто бывают в кино	11	36	42	47	12	28
Постоянно читают художественную литературу	25	26	31	30	11	31
Верующие	42	20	10	8	20	8
Празднуют религиозные праздники	42	28	нет сведений			
Одобряют обряды крещения или обрезания	39	42	нет сведений			

речивое влияние урбанизированного образа жизни на деревню. Все приведенные данные убеждают, что существует определенная связь между культурной средой и культурой населения. Но связь эта неоднозначна. Культурная среда не сразу и далеко не до конца действует на культуру населения. В культуре населения есть своя инерция, которая, хотя и преодолевается постепенно, долго дает о себе знать. Например, в культурной среде села давно потеряли значение пережиточные институты, особенно связанные с религией. В Татарской АССР (точнее, в Казанской губернии) до революции насчитывалось 680 церквей (и 1890 мечетей), число мулл и попов в 6 раз превышало количество учителей; сейчас в сельских районах Татарии осталось лишь 12 церквей и 7 из них непосредственно в селах. Тем не менее, по нашим данным, в селах республики примерно 30% населения — верующие, около 40% празднуют религиозные праздники и выполняют обряды. Разумеется, религия удерживается среди людей старшего возраста, которые формировались

Культурные характеристики интеллигенции,
механизаторов и разнорабочих в мелких
и крупных селах Татарской АССР

(в % к каждой группе)¹

Признаки	Разнорабочие		Механизаторы		Интеллигенция	
	Мелкие села	Крупные села	Мелкие села	Крупные села	Мелкие села	Крупные села
Образование (выше сред- него для группы)	28	41	н/св.	59	44	60
Постоянно читают газеты	48	64	70	82	96	97
Постоянно слушают радио	80	71	—	74	96	91
Постоянно смотрят телепе- редачи	0	3	7	9	44	41
Часто смотрят кино	26	19	50	53	48	44
Постоянно читают художе- ственную литературу	22	20	17	27	70	53
Не верят в бога	67	75	85	85	96	97
Не справляют религиозных праздников	56	60	66	71	91	97
Не одобряют пережиточных обрядов	57	58	73	68	96	91

в старой, частично дореволюционной, культурной среде. Они остаются в значительной мере нейтральными к новым культурным условиям, тем более что средства массовой информации у нас — это их недостаток — мало ориентированы именно на эту, в основном малограмотную, часть населения.

Как показывает исследование, пожилые люди в деревне (старше 50 и особенно старше 60 лет) практически не пользуются средствами массовой культуры (см. табл. 40). Духовные запросы их в известной мере по-прежнему удовлетворяются главным образом религией.

Вместе с тем разрушение традиционных отношений и внедрение культуры на неподготовленную почву в более

¹ Мелкие села — с населением до 200 или 500 человек. Крупные — свыше 1 тыс., в некоторых случаях до 3 тыс. человек. В данном случае мы вынуждены были сравнивать не вполне однотипные села, так как не по всем группам у нас в селах оказывались статистически достаточные выборочные совокупности.

Данные об изменении культурных характеристик сельского населения Татарской АССР по возрастным группам (в %)

Признаки	16—17 лет	18—22 года	23—27 лет	28—34 года	35—49 лет	50—59 лет	60 лет и старше
Постоянно читают газеты	72	74	67	62	54	31	18
Не читают газет	4	4	7	8	15	44	56
Постоянно слушают радио	79	84	68	72	71	58	51
Не слушают радио	2	2	2	4	4	13	16
Постоянно смотрят телепередачи	26	15	11	16	13	10	6
Не смотрят телепередач	23	28	31	32	36	41	45
Часто бывают в кино	80	71	46	35	23	12	6
Не бывают в кино	4	7	12	14	23	49	58
Постоянно читают художественную литературу	61	54	29	26	14	9	6
Не читают художественной литературы	17	14	25	30	43	64	61
Верующие	8	6	13	16	23	56	81

молодых возрастных группах могут приводить не только к положительным, но и к отрицательным последствиям. Возможна ситуация, когда разрушается традиционная культура и еще не «достроена» новая. Образуется вакуум, который нередко приводит к отклонениям от общественных норм поведения (аномия), в частности к росту алкоголизма. Судя по нашим данным, максимальное потребление алкоголя приходится на средние возрастные группы — 23—27, 28—34, 35—49 лет. Причем крупные села на этот раз выглядят хуже, чем мелкие: алкоголизм здесь больше распространен. Следует заметить, что само по себе потребление современной культуры, даже когда оно достигает относительно высокого уровня, не страхует от проявлений общественной аномии, ибо еще не снимает возможность конфликтов из-за неполной реализации пробужденных культурой социальных ожиданий личности (об этом см. гл. VII).

Несоответствие между культурной средой и культурой населения проявляется не только в этом. Если какая-

то часть жителей села как бы «не дотягивает» до новой культурной среды, то другая часть, наоборот, «превосходит» ее. Об этом речь пойдет подробнее, когда мы будем рассматривать социально-профессиональные различия в потреблении современной культуры. Сейчас отметим лишь противоречивое влияние различных факторов современных элементов культурной экологии на сельское население. Одни факторы — в первую очередь средняя школа — как бы катализируют культурно-социальный рост населения, что часто ставит его как бы вне села; другие, напротив (в особенности клубы), удовлетворяют культурные запросы людей, не выводя их за пределы сельской культурной среды.

Обращает на себя внимание, что в селах, где имеются средние школы, образование у жителей ниже, чем в селах, отдаленных от средних школ. Это на первый взгляд парадоксальное явление легко объяснимо.

Средняя школа «доводит» людей до той «кондиции», когда они легко мигрируют в город. В результате общий уровень образования на селе снижается. В какой-то мере он возмещается за счет приезжих, которых село со школой, естественно, привлекает больше.

В отличие от школ, объективно усиливающих миграционные тенденции сельского населения, клубы и библиотеки, обслуживающие уже сложившееся взрослое население, не только воспитывают новые культурные потребности, но и удовлетворяют их. Тем самым они, скорее, играют роль стабилизаторов сельского населения.

Таблицы парных корреляций, на которые мы уже ссылались, подтверждают эту зависимость. Между расстоянием до школы и образованием населения наблюдается значимая положительная корреляционная зависимость (+0,404), т. е., чем дальше школа, тем выше образование населения, тогда как между расстоянием до клуба и образованием населения связь, скорее, отрицательная (—0,204), т. е., чем дальше клуб, тем ниже образование.

Таким образом, культурная среда современного села характеризуется не традиционными институтами, а концентрацией передатчиков современной культуры — школы, библиотек, клубов и т. п. Мера различия их распределения и определяет разницу между селами в культурных условиях.

Дистанция между городом и селом постепенно уменьшается, хотя и остается существенной. Несмотря на однородность, в сельской культуре сохраняется пестрота в культурных условиях различных районов и сел. Некоторые виды современной культуры село почти не потребляет; освоенные же виды потребляются с разной интенсивностью в зависимости от социального уровня поселковой иерархии.

Выше мы уже констатировали, что при одинаковом по качеству труде социально-профессиональные группы в различных секторах и географических средах находятся в разных условиях. Сейчас можно добавить, что равный по качеству труд неодинаково возмещается в тех или иных сферах его приложения из-за культурных диспропорций, которые делают более заметными экономические различия. Когда речь идет о прямой оплате труда, имеется в виду воспроизводство рабочей силы; когда речь идет о потреблении культуры, имеется в виду нечто более широкое и существенное — воспроизводство личности. Отсюда значимость проблемы выравнивания культурных условий села и города.

Оценивая перспективы развития сельской культурной среды, надо уяснить себе специфику различных аспектов проблемы. С одной стороны, процесс будет развиваться внутри села, т. е. будут сглаживаться различия между сельскими поселениями. Культурная унификация в этом направлении возможна за счет укрупнения села и соответствующей перестройки поселковой культуры¹. Более сложно решение другого, несельского комплекса проблемы, связанного с полной урбанизацией сельской культуры, устранением веками накапливавшихся различий между городом и деревней и выравниванием социально-профессиональной структуры сельского и городского населения.

Совершенствование культурной среды, развитие материальной базы культуры сельских поселений — необходимое, но далеко еще не достаточное условие культурного роста людей. Распространение культурных ценностей, более или менее эффективное действие механизмов этого процесса может ускорять или тормозить (в случае

---

¹ Например, в Курганинском районе Краснодарского края намечено к 1980 г. вместо 42 поселений оставить лишь 8.

недостаточности) культурный рост населения, но вызвать его не может. Сам процесс культурного развития народа зависит от сложного комплекса социальных условий. Для усвоения культуры важно, чтобы сами люди ощущали необходимость в ней. Человек может ощущать ее только в том случае, если социальные условия диктуют соответствующую потребность, если собственные его социальные функции не могут без этого достаточно успешно осуществляться. Понятно в этой связи, почему оказались малорезультативными просветительские усилия, скажем, русской интеллигенции, сталкивавшейся с глубокой спячкой народа, в массе своей отстраненного от социального творчества. С другой стороны, победа революции в октябре 1917 г., пробудившая самые широкие, глубинные слои народа к активной социальной деятельности, явилась мощным катализатором такого культурного развития, которое по праву получило название культурной революции.

Говоря о культурном развитии народа, неправомерно, на наш взгляд, противопоставлять освоение культуры, т. е. пассивное восприятие духовных ценностей, активному освоению культуры — прямому и непосредственному включению людей в процесс созидания культуры. Потребление духовных ценностей означает то или иное духовное развитие человека, приобщение его к творчеству. Таким образом, в сфере духовного производства мера потребления неизбежно является и мерой производства. В целом же культурный рост людей зависит от характера и разнообразия их социальной практики, т. е. в конечном счете детерминирован развитием экономического и социального строя, техническим прогрессом, характером управления и другими социальными факторами, определяющими место индивидов в системе социальных отношений.

При общности культуры социалистического общества в различных социальных группах она функционирует неодинаково. Культурные интересы и потребности людей заметно дифференцированы не только между социально-классовыми, но и между социально-профессиональными группами населения.

У людей разная апперцепция — потребность, способность, готовность к восприятию культуры. Из-за различных социальных запросов, профессиональных требований

и образования возникают как бы определенные социальные пороги, которые накладываются на экологические границы и предопределяют реальный уровень потребления (усвоения) культурных ценностей.

Решающую роль в апперцепции играет образование. Можно сказать, что весь строй жизни людей находится в функциональной зависимости не только от их экономического положения, но и от их образования. Последнее оказывает при этом двоякое влияние. Прежде всего непосредственное. Материальные достатки иного тракториста или комбайнера не ниже, чем сельского учителя, но благодаря более высокому образованию весь строй жизни сельского учителя «культурнее» (еще более убедительно сравнение шахтера и врача и т. п.).

Такое непосредственное воздействие на образ жизни образование оказывает и у нас, и в капиталистических странах. Но в буржуазных странах, поскольку там в конечном счете собственность и имущество предопределяют общественное положение человека, социальная роль образования ограничена. В наших условиях, где не имущество, а квалификация, оцениваемая государством, является решающим условием для определения места человека в обществе, образование приобретает особое социальное значение. Трудно переоценить социальный смысл процесса распространения образования среди деревенского населения.

Процесс сближения между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством, между различными социальными группами должен сопровождаться процессом сближения этих групп по уровню культуры и образования. Если сравнить материалы трех переписей — 1939, 1959 и 1970 гг., то не трудно убедиться в том, что темпы развития образования на селе выше, чем в городе.

Число людей с высшим и средним образованием в городе увеличилось в 1970 г. по сравнению с 1939 г. в круглых цифрах в 3 раза, а на селе — в 8 раз. В результате с каждым поколением разрыв в уровне образования между городским и сельским населением сокращается (см. табл. 41).

Разница в образовательном уровне городского и сельского населения, пока еще существенная, удерживается главным образом за счет людей старших возрастов. Можно предположить, что, по мере того как они будут

Число людей с высшим и средним образованием на тысячу человек населения, имеющего занятия¹

	1939 г.			1959 г.			1970 г.		
	С высшим образованием	Со средним, в том числе неполным	Итого	С высшим образованием	Со средним, в том числе неполным	Итого	С высшим образованием	Со средним, в том числе неполным	Итого
Город	32	210	242	59	505	564	90	658	748
Село	3	60	63	11	305	316	25	474	499

замещаться новыми поколениями, существенные различия в образовательном уровне городского и сельского населения в течение ближайших трех десятилетий в основном будут ликвидированы. Прогноз может быть и еще более оптимистичным, так как в ожидаемых поколениях молодежи города и села различия в уровне образования будут сказываться еще меньше.

Данные статистики говорят о большом разрыве в образовании молодежи и стариков. На селе этот разрыв еще значительнее, так как наследие прошлого здесь сказывается особенно сильно. Доля людей, имеющих по крайней мере неполное среднее образование, в молодых возрастах в 1959 г. была в 50 раз выше, чем в старших, тогда как в городе только в 10 раз. Такая дифференциация уровня образования по возрастам говорит об особой сложности учета культурных запросов сельского населения. Естественно, что с течением времени, по мере замещения людей старших возрастов людьми все более и более образованными, дифференциация в образовании будет уменьшаться так же, как это произошло в городе. Конечно, не следует понимать дело таким образом, что со сглаживанием различий в уровне образования вообще будут сняты всякие различия между поколениями. Актуализация проблемы поколений — особенность нашего времени. Естественно, что в относительно статичном обществе с традиционной культурой различия между поколениями стертые. Чем выше темпы социального и на-

¹ См. «Правда», 17 апреля 1971 г.

учно-технического прогресса, тем динамичнее культура, интенсивнее смена норм, представлений, понятий. Десятилетия становятся равными эпохам в прежнем представлении. Отсюда углубление различий между поколениями, формирующимися в быстро изменяющихся и по существу разных условиях. Дифференциация уровня образования сельского населения по возрастам есть следствие крутой ломки социальных отношений в советской деревне, в короткие исторические сроки вышедшей из состояния глубокой спячки.

В ходе выравнивания культуры населения был в основном ликвидирован разрыв в образовании мужчин и женщин. В этом процессе можно выделить три этапа (первые годы после революции, середина 20-х и 30-е годы и, наконец, послевоенные годы), зафиксированные данными переписи 1959 г. об образовательном уровне трех поколений: старшем — с 45 лет и выше, среднем — 35—44 года — и младшем — до 34 лет включительно. У пожилых (рождения до 1914 г.), чьи школьные годы в основном приходятся на дореволюционное время, разрыв в образовании между мужчинами и женщинами огромен — в 4—7 раз, и он устойчив на протяжении двух-трех десятилетий, предшествовавших социалистической революции: капитализм особенно не преуспел по части культурной эмансипации сельской женщины. Судьба людей среднего возраста (35—44 лет), учившихся в школе в 20-е и 30-е годы, отразила революционный сдвиг в образовании: впервые в истории России женщина стала «догонять» мужчину. Наконец, у последнего поколения (моложе 35 лет), обучавшегося в школе в основном после войны, уровень образования мужчины и женщины выравнивается. Причем в городе среди женщин младшего поколения (до 35 лет) доля образованных (имеющих как высшее, так и среднее образование) уже выше, чем среди мужчин. Село с опозданием на два — три пятилетия повторяет ту же тенденцию. Среди сельских женщин в возрасте 20—24 лет доля имеющих среднее образование уже несколько выше, чем у мужчин. Что касается высшего образования, то здесь преобладание женщин распространяется и на следующую возрастную группу — 25—29 лет¹.

¹ См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», стр. 76—79.

Описанное явление имеет свой социальный смысл. На протяжении жизни одного поколения была преодолена существенная сторона одного из важнейших социальных неравенств. Это неравенство в течение всей истории человечества закреплялось в существовавших нормах и обычаях, ограничивавших доступ женщины к образованию и тем самым к активной социальной деятельности. С развитием производительных сил ограничения постепенно снимались, хотя настоящий качественный сдвиг произошел, как свидетельствуют приведенные данные, лишь при социализме.

Хотя уровень образования сельской женщины в целом пока еще ниже, чем мужчины, но это положение изменяется с замещением нынешних старших возрастных групп младшими (в которых, как мы уже говорили, уровень образования женщины выше, чем мужчины). Можно предположить, что в ближайшее время уровень образования женщины в целом будет даже выше, чем мужчины. Тот факт, что мы уже наблюдаем это явление среди самых молодых возрастов, не случаен. Дело в том, что при одинаковой для обоих полов доступности образования некоторые профессии физического труда (не требующие высокого образования) для женщины в силу ее биологических особенностей малопривлекательны. Мужчина же, и не обладая достаточным образованием, на тяжелой физической работе часто может получить сравнительно высокую оплату. Поэтому женщина ощущает иногда более сильные стимулы к образованию.

Благодаря быстрому распространению образования усилилась культурная дифференциация сельского населения. Если в доколхозном селе население во многом представляло собой однородную едва грамотную массу, то теперь появился слой образованных людей. В селе Терпенье прослежены судьбы тех семейств, данные о которых имеются в архивах за 1927 и 1936 гг. В их истории отразились многие явления, среди них и рост образования. В составе этих семейств в 1927 г. лишь 2% населения имело образование выше 4 классов, в 1936 г. — 6%, кроме того, появились люди, окончившие техникумы. В 1964 г. состав семейств по образованию стал гораздо разнообразнее: 3% — с высшим образованием, 12% — с техническим и специальным, 18% — со средним полным и неполным. Эти данные характерны и для села в целом.

Об уровне образования населения старше 19 лет в сельской местности в 1959 г. можно судить по данным табл. 42.

Таблица 42

Уровень образования взрослого сельского населения¹

Образование	Население	
	Тыс. человек	%
Высшее законченное	608,1	0,93
Высшее незаконченное	405,0	0,62
Среднее специальное	2 336,0	3,57
Среднее общее	1 833,3	2,80
Неполное среднее	10 102,5	15,48
Начальное и незаконченное семилетнее	19 710,9	30,1
Ниже начального	30 435,4	46,70
Итого	65 431,5	100,0

Тот факт, что большая категория сельского населения в 1959 г. имела образование ниже 4 классов, а часть жителей — высшее образование, связан в какой-то мере со структурой сельскохозяйственного труда.

Современная деревня нуждается не только в организаторах и специалистах, но и в людях, занятых малопродуктивным физическим трудом, не требующим никакой квалификации. Самолет, опыляющий поля, уживается пока с ручной прополкой, ручной дойкой и многими другими примитивными операциями.

В связи с этим возникает вопрос: в какой степени образование охватывает те или иные слои населения? И прежде всего необходимо выяснить, существуют ли различия в распространении образования в государственном и колхозно-кооперативном секторах. По данным Всесоюзной переписи 1959 г., в целом по стране рабочие опережали колхозников по уровню образования (39% с семилетним образованием и выше против 21% в колхо-

¹ Подсчитано по: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», стр. 78.

зах) ¹. Даже среди самого сельского населения, занятого в совхозах, грамотных людей относительно больше, чем в колхозах: на каждую тысячу человек начальное, среднее и высшее образование в совхозах имели 780 человек, в колхозах — 676 ². Особенно заметно различие в образовании внутри секторов между квалифицированными и неквалифицированными работниками. Например, подавляющее большинство председателей колхозов и их заместителей (70%) имело как минимум семилетнее образование; среди рядовых колхозников-животноводов, разнорабочих таких лишь небольшая часть, примерно 20% ³.

Разумеется, эти сведения недостаточны, чтобы судить о соотношении в уровне образования между отдельными профессиями и тем более чтобы ответить на вопрос о том, что больше сказывается на уровне образования людей — принадлежность к классу или к социально-профессиональной прослойке, каков потолок образования и связанный с ним уровень культурных запросов отдельных социальных групп. В данном случае пробелы централизованной статистики могут быть в какой-то мере восполнены данными конкретных социологических исследований.

Наглядно судить о соотношении образования по разным социальным группам в колхозном и государственном секторах можно при исчислении среднего количества лет обучения (среднее специальное принимается за 11 классов образования, неполное высшее — 12 и высшее — 14 классов). Результаты этих исчислений представлены в табл. 43.

Как видно, у колхозников образование действительно ниже, чем у работников, занятых в государственном секторе, и тем более на промышленных предприятиях и в учреждениях. Отставание во всех районах прослеживается почти по всем социальным группам: обследованная в колхозах интеллигенция в среднем обучалась 10—11 лет, в совхозах и на предприятиях — 11—13, колхозные механизаторы — 6—6,5, в совхозах и на предприятиях — до 7 лет; неквалифицированные кол-

¹ См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», стр. 176.

² См. там же, стр. 125.

³ См. там же, стр. 181.

Среднее число лет обучения
по социальным группам

Социально-профессиональные группы	Краснодарский край	Калининская область	Татарская АССР	Московская область
<i>Колхозно-кооперативный сектор</i>				
Интеллигенция А ₁	10,6	10,3	11,4	} 8,7
Интеллигенция А ₂	8,9	6,0	8,0	
Служащие	7,4	6,3	6,7	7,6
Механизаторы	6,6	6,4	6,1	6,5
Работники преимущественно малоквалифицированного ручного труда	5,7	3,4	4,8	} 4,3
Разнорабочие	4,9	3,1	4,2	
Итого	5,8	3,4	4,7	5,4
<i>Государственный сектор</i>				
<i>Совхозы</i>				
Интеллигенция А ₁	12,0	11,0	} 12,7	11,0
Интеллигенция А ₂	9,1	8,1		8,4
Служащие	7,4	8,1	5,2	6,0
Механизаторы	6,0	7,0		
Работники преимущественно малоквалифицированного ручного труда	5,3	4,4	4,4	} 4,6
Разнорабочие	5,0	4,0	3,4	
Итого	5,5	4,5	4,6	6,8
<i>Предприятия и учреждения и пр.</i>				
Интеллигенция А ₁	—	—	} 13,4	11,0
Интеллигенция А ₂	10,3	9,6		8,5
Служащие	9,2	7,9	6,6	7,1
Механизаторы	7,7	6,9		
Работники преимущественно малоквалифицированного ручного труда	6,8	5,9	6,6	} 4,7
Разнорабочие	6,5	н/св.	4,9	
Итого	8,5	5,2	6,0	6,9
Все население	5,9	4,8	5,3	6,2

хозники обучались в среднем 4—5 лет, а неквалифицированные рабочие промышленных предприятий 5—6 лет. Но разница между колхозниками и рабочими села незначительная (не превышающая 20—25%). Зато внутри колхоза или промышленного предприятия гораздо заметнее различия в образовании, связанные с разным характером труда. В этом случае различие между полярными группами интеллигенции и неквалифицированных рабочих достигает 2—3 раз.

Таким образом, каждый социально-профессиональный слой имеет свой образовательный потолок. Интеллигенция как в колхозном, так и в государственном секторах преимущественно находится на уровне среднего специального и высшего образования. Подавляющее большинство служащих имеет среднее образование, механизаторы и другие квалифицированные рабочие индустриального профиля — в основном неполное среднее, а работники неквалифицированного физического труда, скорее, начальное. Причем, как подтверждается таблицей, преимущество в образовании соответствующих категорий работников государственного сектора по сравнению с колхозно-кооперативным не столь значительно.

«Выравнивание» тружеников двух секторов по образованию—явление новое. Еще до войны колхозники сильно отставали от рабочих в этом отношении¹. Интеллигенция тогда почти целиком концентрировалась в государственном секторе, руководители и служащие мелких и слабых колхозов того времени по уровню образования едва выделялись из основной массы колхозников².

С усложнением колхозного производства и развитием разделения труда колхозный сектор по существу приобрел

---

¹ В 1939 г. только 17 колхозников из 1000 имели высшее или среднее образование (включая неполное), тогда как рабочих с таким образованием было 60 (см. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», стр. 116).

² Например, в селе Терпенье Запорожской области, обследованном в 1936 г., работники умственного труда почти так же, как и работники физического труда, имели преимущественно лишь 3—4-классное образование.

Среднее количество лет обучения составило для группы интеллигенции (А) — 3,6; служащих (Б) — 3,9; механизаторов (В) — 4,2 класса; разнорабочих и животноводов — 2,8 класса (подсчитано по анкетам, учтено 37 работников, занятых умственным трудом, и 100 — физическим).

рел свою интеллигенцию. Выделение работников квалифицированного умственного труда в сельском хозяйстве сопровождалось дифференциацией по размерам оплаты труда, слабо выраженной в колхозной деревне 30-х годов. Появление колхозной достаточно образованной интеллигенции — одно из сопутствующих явлений процесса сближения колхозно-кооперативного и государственного секторов, города и деревни. Тем не менее доля работников умственного труда в общей массе трудящихся на селе пока значительно ниже, чем в городе: 12% против 32,6%.

Мы рассмотрели две стороны процесса культурного развития села — материальные условия культуры и уровень образования. В связи с этим возникает существенный с точки зрения социального планирования вопрос о том, как соотносятся эти два аспекта в реальной действительности. Поскольку рост культуры населения зависит от внешних условий, от среды, естественно предположить, что отмеченные две стороны (условно говоря, материальная и духовная, объективная и субъективная) сбалансированы. В общем это верно, но только в общем. Если присмотреться к действительности, то нетрудно убедиться в том, что равновесие, устанавливающееся между средой и личностью, не статично, а динамично. Между этими «комплексами» происходят изменения, наблюдается опережающий рост то одного, то другого, возникает противоречие.

Какой характер носит отмеченное противоречие в настоящее время? Пока аналогичный вопрос поставлен социологами лишь применительно к производству. Новосибирскими социологами установлено, например, противоречие между фактическим уровнем образования и требованием к нему со стороны сельскохозяйственного производства. На производстве образованная личность находится в преимущественном положении. Диапазон производственных занятий на селе в отличие от его культурной среды достаточно широк; он способен удовлетворить как человека малограмотного, так и высококвалифицированного специалиста. Что касается культурной среды, то в деревне (в отличие от города) она в целом ориентирована на невысокое образование. Если житель крупного города может сообразно своему вкусу проводить досуг, скажем кто в цирке, на футболе, а кто в консерватории,

то все сельчане пользуются одним и тем же клубом, кинотеатром и т. д. В деревнях, особенно мелких, сферы общения несравненно беднее. Естественно поэтому на селе в культурной среде гораздо резче, чем в производственной, обнаруживается «излишек» образования, хотя «избыточное» образование в молодых возрастах в последнее время ощущается и на производстве.

Чем выше образование, тем сильнее ощущается его «излишек», а значит, неудовлетворенность условиями сельской жизни. Особенно заметно это среди интеллигентов, почти исчерпавших тот (как покажет последующий анализ) ассортимент элементов современной культуры, который может предоставить сегодняшняя деревня.

Материалы конкретных исследований убедительно обнаруживают зависимость между социально-профессиональным статусом и оценкой культурно-бытовых условий села (см. табл. 44). Самый низкий уровень удовлетворенности у интеллигентов, высокий — у людей физического труда, причем в подавляющем большинстве случаев не имеющих квалификации. Выявленная зависимость особенно выпукло прослеживается, когда население исследуется в однотипных селах (см. табл. 45).

Личность в настоящее время формируется не столько под влиянием локальной среды, сколько под влиянием общих условий, а реализуются ее возможности прежде всего локальной средой. Чем образованнее человек, тем сильнее влияние общей среды и острее противоречие между личностью и локальной средой. Кино, радио, телевидение и прочие средства удовлетворения культурных запросов на селе подчас становятся источником неудовлетворенности. По каналам массовой информации в деревню, давно покончившую с былой обособленностью, проникли и завладели сознанием многих сельских жителей городские стандарты культурной жизни. Но деревня подчас не в состоянии удовлетворить возникающие под их влиянием запросы и требования. Главным образом этим и порождаются настроения неудовлетворенности культурно-бытовым положением в деревне, несмотря на бурные темпы культурного строительства. Данные табл. 44 объясняют связанные с этим процессы: чрезмерную утечку молодежи, большую текучесть наиболее дефицитных для деревни квалифицированных кадров.

Оценка культурно-бытовых условий села

Социально-профессиональные группы	Краснодарский край	Калининская область	Татарская АССР
<i>Индекс удовлетворенности культурными и бытовыми условиями*</i>			
Интеллигенция А ₁	+ 5	—	+ 2
Интеллигенция А ₂	+13	+ 2	+ 2
Служащие	+14	+10	+17
Механизаторы	+17	+20	+21
Работники неквалифицированного и малоквалифицированного ручного труда	+29	+18	+25
Итого	+18	+13	+23
<i>Индекс удовлетворенности культурно-массовой работой</i>			
Интеллигенция А ₁	+25	+ 5	+10
Интеллигенция А ₂	+23	+ 1	+22
Служащие	+27	+16	+30
Механизаторы	+31	+20	+35
Работники неквалифицированного и малоквалифицированного ручного труда	+43	+18	+60
Итого	+39	+15	+52

* При расчетах принято: удовлетворен (+1); не вполне удовлетворен (0); не удовлетворен (-1). Данные таблицы показывают разницу между числом удовлетворенных и неудовлетворенных на каждые 100 человек.

Некоторые социологи, обнаруживая разрыв между запросами личности и объективными условиями, сложившимися на селе, высказывают предложения, которые по существу сводятся к тому, чтобы затормозить рост образования и тем самым «приспособить» человека к наличным условиям. Такой «выход» неприемлем и с точки зрения требований формирования гармонически развитой личности нового общества. Выход, по-видимому, должен

**Индекс удовлетворенности культурными
и бытовыми условиями в поселках
в зависимости от населенности деревень**

Социальные группы	Краснодарский край			Калининская область		
	крупные села	средние села	мелкие села	крупные села	средние села	мелкие села
Работники умственного тру- да	+22	+5	+12	+12	+4	-7
Работники физического тру- да						
В том числе:						
квалифицированного	+30	+12	+9	+27	+23	0
малоквалифицированного и неквалифицирован- ного	+35	+18	+21	+45	+29	+8

состоять во всемерном ускорении развития производи-
тельных сил села. В планировании культурно-бытового
строительства необходимо исходить не только из суще-
ствующих экономических, но и из социологически обосно-
ванных нормативов. Это означает необходимость реги-
страции запросов и требований различных социальных
групп и ведения культурного строительства с учетом спе-
цифики этих запросов в отдельных районах и местностях.
Большие задачи в этой связи стоят перед социологией
села. В частности, специальными исследованиями можно
было бы установить, какой прирост ассигнований на
культурные нужды должен отвечать соответствующему
приросту образования для полной его реализации. По-
добные исследования способствовали бы улучшению со-
циального планирования и научному руководству про-
цессом сближения культурного уровня города и села.

* * *

Различия в уровне образования влияют на весь куль-
турный облик в широком понимании этого слова — ми-
ровоззрение, круг интересов и даже психический склад
человека. Образование оказывает не только прямое влия-

ние, порождая соответствующие культурные потребности, но и косвенное, открывая доступ к более квалифицированной, высокооплачиваемой работе и тем самым расширяя материальные возможности для «освоения» культуры.

Естественно, что интеллигенция, в большинстве своем имеющая высшее и среднее специальное образование, легче и свободнее приобщается к достижениям культуры, чем, скажем, работники неквалифицированного труда преимущественно с начальным образованием. А более высокие доходы делают для интеллигенции культуру материально более доступной, т. е. духовным запросам соответствуют и материальные средства, необходимые для удовлетворения этих запросов: в семьях интеллигентов предметов культуры больше — телевизоров, проигрывателей, книг и др. (см. табл. 46).

Таблица 46

**Распространенность средств культуры
в социальном разрезе**
(Луховицкий район Московской области)

Наличие предметов культуры в семье	Колхоз				Совхоз				Предприятия и учреждения			
	А	Б	В	Г	А	Б	В	Г	А	Б	В	Г
Библиотека	50	20	38	20	58	17	31	24	61	26	23	10
Выписывают по крайней мере 2 газеты	79	45	53	39	77	50	62	14	85	76	59	29
Радиоприемники	86	85	75	84	87	67	74	62	94	88	95	55
Телевизоры	79	45	38	25	81	70	88	46	73	65	68	41

Разумеется, оснащенность атрибутами культуры неодинакова в разных местах. В большинстве районов она хуже, чем в Московской области (см. табл. 47).

Но тенденции всюду одинаковы: различия между социально-профессиональными группами и в зафиксированных в таблицах случаях, так же как и во всех остальных, прослеживаются значительно четче чем между секторами. Как показывает табл. 46, основная часть семей интеллигентов в обследованных селах Московской области имеет телевизоры, радиоприемники, библиотеки, вы-

**Доля владельцев телевизоров
и радиоприемников в социально-
профессиональных группах**

Социально-профессиональные группы	Краснодарский край		Калининская область	
	Телевизоры	Радио-приемники	Телевизоры	Радио-приемники
Интеллигенция А ₁	46	69	61	66
Интеллигенция А ₂	41	70	44	77
Служащие	41	67	39	75
Механизаторы	35	74	42	72
Малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие	23	63	36	59
Всего	27	65	36	59
В том числе:				
колхоз	28	70	27	66
совхоз	25	62	30	64
предприятия, учреждения и пр.	38	68	44	73

писывает по несколько периодических изданий; среди работников неквалифицированного физического труда такие семейства в меньшинстве.

Логично предположить, что более квалифицированные социально-профессиональные группы благодаря высокому образованию и сравнительно богатому набору культурного инвентаря легче приобретают культурные навыки — привычки к газете, книгам, кино, телевизорам, радио.

О том, как проходит процесс приобщения к современной культуре сельского населения, можно получить представление по материалам опроса. При опросе мы выясняли, кто постоянно слушает радио, читает газеты, книги, смотрит телепередачи, бывает в кино. В итоге получили распределение, которое при всех колебаниях по районам вполне определенно выражает некоторые общие тенденции (см. табл. 48).

Активные культурные навыки сельского населения в социальном разрезе (в %)

Социально-профессиональные группы	Читают газе- ты	Слушают радио	Смотрят теле- передачи	Смотрят кино	Читают худо- жественную литературу
<i>Краснодарский край</i>					
Интеллигенция А ₁	87	78	61	49	64
Интеллигенция А ₂	80	70	40	51	53
Служащие	69	71	46	49	42
Механизаторы	72	68	36	47	38
Малоквалифицированные и неква- лифицированные работники руч- ного труда	51	61	26	42	26
Итого	56	63	29	43	30
В том числе:					
колхоз	58	69	33	45	30
совхоз	52	58	25	42	28
предприятия, учреждения и пр	68	67	40	42	46
<i>Калининская область</i>					
Интеллигенция А ₁	79	79	54	34	51
Интеллигенция А ₂	80	80	45	34	43
Служащие	71	76	35	37	33
Механизаторы	76	75	41	38	33
Малоквалифицированные и неква- лифицированные работники руч- ного труда	46	62	26	11	10
Итого	54	68	31	18	19
В том числе:					
колхоз	49	65	25	10	11
совхоз	49	65	27	14	17
предприятия, учреждения и пр.	68	79	44	35	34

Анализ таблицы позволяет сделать некоторые выводы:

1) Прежде всего видно глубокое проникновение современной культуры в самую толщу сельского насе-

ния. Действительно, подавляющим большинством населения усвоены привычки к регулярному прослушиванию радиопередач и чтению газет. Сельский житель уже сравнялся с городским по отношению к этим атрибутам культуры. Об этом говорят и статистические данные: в настоящее время на сельского жителя приходится такое же количество газет, радиоточек и киносеансов, что и на городского. Глубина распространения культурных привычек колеблется по отдельным районам в зависимости от степени их индустриализации и урбанизации. Села Московской области дают наилучшие показатели.

2) По степени проникновения в массы средства коммуникаций располагаются в определенном порядке. Самым распространенным видом является радио, ставшее уже традиционным для советской деревни. Вслед затем идут газета, кино, книга и телевизор. Радио и в какой-то мере газета находятся вне конкуренции и постепенно вытесняют все неофициальные, неформальные источники информации. Между радио и газетой, с одной стороны, кино, телевидением и книгой — с другой, существует известное разделение труда, при котором газета и радио удовлетворяют рациональным запросам населения, тогда как кино, телевидение и книга больше отвечают эмоционально-эстетическим запросам. И если газета и радио доходят практически до каждого жителя, то этого пока нельзя сказать о книге или телевизоре. Эмоционально-эстетический вакуум в какой-то мере заполняется также за счет устаревших форм культуры.

3) Видны серьезные различия в уровне внедрения и предпочтительности тех или иных атрибутов культуры для различных социально-профессиональных групп. Наиболее «демократично» радио, которое одинаково адресуется и к интеллигенции, и к служащим, и к механизаторам, и к разнорабочим. Газета несколько «разборчивей», она в большей мере достояние сельской интеллигенции. Это тем более верно, если речь идет о женской половине населения. В целом подавляющее большинство сельских интеллигентов регулярно читает газеты, среди разнорабочих их меньше половины. Особенно «избирательны» книги. Тогда как около половины интеллигентов имеют навык к чтению, среди разнорабочих регулярно читает книги примерно $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{10}$ часть.

Занятия в свободное от работы время

Чем больше всего занимаются в свободное от работы время?	Краснодарский край					Калининская область				
	Социально-профессиональные группы									
	А ₁	А ₂	Б	В	Г	А ₁	А ₂	Б	В	Г
Домашним хозяйством, детьми	37	59	74	64	77	54	73	70	55	76
Смотрю телепередачи, слушаю радио	42	28	30	25	17	51	38	31	39	24
Читаю	62	39	33	38	23	53	40	31	32	17
Хожу в кино, на танцы	39	36	38	36	29	41	35	29	29	12
Просто отдыхаю	8	8	11	13	12	9	12	9	21	28
Играю в домино, в карты	6	6	6	13	8	14	11	13	20	7
Занимаюсь спортом, охотой, рыбной ловлей	12	16	10	14	4	29	9	15	32	6
Учусь, занимаюсь самообразованием	22	16	8	4	3	35	12	9	6	3
Участвую в самодеятельности	9	5	3	4	3	4	3	5	6	3

Таким образом, разные социально-профессиональные группы получают разную по плотности информацию. Среди сельской интеллигенции эта плотность примерно в 2 раза выше, чем среди людей неквалифицированного физического труда. Различия наблюдаются и между секторами, что в известной мере также связано с более развитой социально-профессиональной структурой государственного сектора по сравнению с колхозно-кооперативным.

Разная степень распространения культурных привычек в социально-профессиональных группах прослеживается также и по распределению свободного времени. Как показывает табл. 49, чем ниже квалификация работников, тем больше времени они расходуют в домашнем хозяйстве, меньше читают, учатся.

Различия между социально-профессиональными группами выражаются не только в периодичности и регулярности, скажем, чтения и т. п., но и в качестве предпочитаемых предметов культуры. Не случайно интеллигенты на вопрос о том, какие книги предпочитают читать, чаще, чем люди, занятые физическим трудом, указывали худо-

жественную литературу преимущественно психологического содержания, производственную, общественно-политическую (см. табл. 50).

Таблица 50

Литературные вкусы в социальном разрезе
(данные по Краснодарскому краю)
(в % к опрошенным)

Социально- и профессиональ- ные группы	Вопрос: «Какую литературу Вы больше читаете?»	О любви и дружбе	О приключениях	О войне и воен- ных событиях	Другую художе- ственную литера- туру	Производствен- ную литературу	Общественно- политическую литературу
Руководители высшего звена		12	18	32	41	12	29
Специалисты высшего звена		28	21	26	51	47	24
Руководители среднего звена		29	25	41	23	16	13
Специалисты среднего звена		35	24	35	41	28	10
Служащие		30	28	33	25	12	9
Механизаторы		19	28	38	17	15	9
Квалифицированные работники ручного труда		27	17	38	19	4	6
Малоквалифицированные работники ручного труда		19	13	15	16	7	9
Разнорабочие и другие неквалифицированные работники		22	18	28	12	4	3
Итого		22	18	27	17	8	7
В том числе:							
колхоз		21	20	33	13	7	5
совхоз		20	15	22	19	7	8

Культурные навыки производны от нескольких переменных, и в первую очередь образования, наличия свободного времени и выполняемой социальной роли. Сельский интеллигент не только имеет возможность благодаря более высокому образованию читать книги и газеты, но и вынужден это делать, чтобы выполнять свои производственные функции.

Активные культурные навыки сельского

Возрастные группы	Краснодарский край				
	читают газеты	слушают радио	смотрят телепередачи	смотрят кино	читают художественную литературу
16—17 лет	48	56	22	73	45
18—22 года	71	74	31	78	67
23—27 лет	62	66	28	59	38
28—34 года	65	61	33	39	33
35—49 лет	60	64	31	40	28
50—59 »	34	63	25	35	16
60 лет и старше	30	49	10	21	15
Всего . . .	56	63	29	43	30
В том числе:					
мужчины	68	66	30	44	31
женщины	46	60	28	42	29,5

На распространении культурных навыков сказываются также и демографические особенности — пол и возраст. Как показывают материалы конкретных социологических исследований, молодежь на селе (особенно 18—22 лет) не только самая образованная, но и самая информированная часть населения. Радиоприемниками, газетами и телевизорами люди разных возрастов пользуются более или менее равномерно, но что касается тех атрибутов культуры, которые несут на себе значительную эмоционально-эстетическую нагрузку или требуют относительно более высокой подготовки, то здесь разница между возрастными группами очень заметна. Так, книги и кино в первую очередь достояние молодых людей (см. табл. 51).

Как видно, не менее половины молодых людей регулярно читают книги и ходят в кино, тогда как в старшей возрастной группе (старше 50 лет) постоянных кинозрителей и читателей не более 10—15%. Сельская моло-

населения по возрастным группам

Калининская область					Татарская АССР				
читают газеты	слушают радио	смотрят телепередачи	смотрят кино	читают художественную литературу	читают газеты	слушают радио	смотрят телепередачи	смотрят кино	читают художественную литературу
46	63	35	88	50	72	79	26	80	61
78	73	29	62	52	74	84	15	71	64
70	65	45	50	36	69	68	11	46	29
75	79	45	25	25	62	72	16	35	26
58	68	34	12	20	54	71	13	23	14
41	66	24	8	5	31	58	10	12	9
37	60	19	5	9	18	51	6	6	6
54	68	31	18	19	55	70	13	32	22
74	75	35	22	24	65	73	13	38	24
42	63	29	14	15	40	64	12	23	19

дежь выделяется «современными вкусами», хотя связь с прошлой крестьянской культурой достаточно сильна. Исследователи сельской молодежи Орловской области отмечают, что наряду с художественными произведениями о героическом прошлом, военными мемуарами среди сельских жителей, особенно старшего возраста, пользуются спросом книги с некоторой долей бытового драматизма¹.

Своими любимыми писателями молодые люди называли М. Шолохова (23% опрошенных), Н. Островского (22%), Л. Толстого, М. Горького, А. Фадеева, Ю. Германа, что свидетельствовало о соответствии художественных вкусов сельской молодежи литературным образцам, наиболее распространенным в их среде через школу и систему пропаганды. Большинство сельских юношей и

¹ См. «Сельская молодежь». Социологический очерк. М., 1970, стр. 84—85.

девушек в отличие от городских прозу предпочитают поэзии, лишь очень немногие — поклонники русской и современной советской поэзии. В этом исследователи усматривают традицию: «Привычка к сдержанности в публичном проявлении эмоций больше отличает старших жителей села, но в какой-то мере отражается и в поведении молодежи. Поэзия частью из них воспринимается как что-то чрезмерно абстрактное, во-первых, и чрезмерно отражающее внутренние побуждения людей, которые лучше держать спрятанными от посторонних глаз, во-вторых»¹.

Что касается изобразительного искусства, то сельские жители, как правило, отдают предпочтение произведениям, отличающимся яркой сочностью красок, четкостью линий и изображений. Исследователи связывают эти вкусы со стремлением украшать жилище плакатами. У сельской молодежи, знакомой с изобразительным искусством в основном по репродукциям, складываются более взыскательные художественные эстетические вкусы².

Различия между мужчинами и женщинами в культурных навыках (чтение, развлечения и т. д.), точно так же как различия в образовании, уже существенно стерты в молодых возрастах и независимо от возраста среди интеллигенции (см. табл. 52).

Приведенные данные могут породить сомнение в выдвинутых выше положениях о причинах существенных различий между социально-профессиональными группами в культурном отношении: не связаны ли эти различия с демографическими особенностями групп? Сомнения эти оказываются неосновательными. В обследованных селах Московской области средний возраст интеллигента составил 41 год, служащего — 38 лет, механизатора — 35 лет, разнорабочего — 44 года. Таким образом, более прогрессивные культурные навыки интеллигенции нельзя объяснить возрастом. Что касается полового состава, то смещения наблюдаются лишь в группе механизаторов, почти целиком состоящей из мужчин. Демографические различия проступают не между группами, а внутри их, т. е. более молодые возрасты той или иной профессиональной группы обладают относительно прогрессивными культурными навыками.

¹ «Сельская молодежь». Социологический очерк, стр. 94.

² См. там же, стр. 101—102.

Культурные навыки мужчин и женщин
в обследованных селах Н. Маслово,
Григорьевское, поселке Газопровод
Луховицкого района Московской области
(в % к числу опрошенных)

Социально-профессиональные группы	число опрошенных	Мужчины				Женщины			
		слушают радио	читают газеты	смотрят теле-передачи	читают худо-жественную литературу	слушают радио	читают газе-ты	смотрят теле-передачи	читают худо-жественную литературу
Интеллигенция (А)	71	77	93	64	88	81	86	45	96
Служащие (Б)	66	81	88	37	78	80	84	67	83
Механизаторы (В) и другие квалифицированные работники физического труда	68	81	85	60	78	—	—	—	—
Неквалифицированные работники физического труда (Г)	196	82	82	57	67	65	50	39	47

Возникает вопрос: в какой мере различия в плотности информации отражаются на жизненных установках и психологическом складе различных социально-профессиональных и демографических групп? Анализ системы социально-психологических установок позволяет в какой-то мере ответить на это. Опрошываемым в Московской области был предложен вопрос: «Что, по-вашему, означает хорошо жить?» Из 11 вариантов ответов наибольший выбор получили: «Иметь счастливую семейную жизнь», «жить обеспеченно, в достатке», «иметь хорошую, интересную работу». Каждая из этих установок получила больше половины выборов и четко определилась как устойчивая ориентация. Вновь обнаружили различия между социально-профессиональными группами. Для людей, занятых умственным трудом, наиболее важной оказалась ориентация на работу и семью; для людей, занятых физическим трудом, на первом месте стояла ориентация на материальный достаток и уже затем на семью. Такое распределение коррелируется с данными об оплате тру-

да. По-видимому, работники физического труда, особенно малоквалифицированного, больше ощущают необходимость материальных достатков. Более «высокие», «духовные» типы ценностной ориентации сельской интеллигенции проявляются также в относительном преобладании таких вариантов ответа, как «жить с чистой совестью» (30—40% выборов к общему числу опрошенных) и «свободы мыслей и поступков» (около 10%). Остальные группы сельского населения практически не делали этих выборов.

И в данном случае, так же как и в некоторых предыдущих, проявляется известная разница в жизненных ориентациях мужчин и женщин (см. табл. 53).

Таблица 53

**Жизненные идеалы в селах
Луховицкого района Московской области**
(в % к числу опрошенных в каждой группе)

Вопрос: «Что, по-вашему, означает хорошо жить?»	А		Б		В	Г	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	мужчин	женщин
Число опрошенных	59	50	29	83	140	122	232
Ответы:							
«Иметь интересную, хорошую работу»	71	78	76	69	63	53	47
«Иметь счастливую семейную жизнь»	68	72	76	62	58	51	54
«Жить обеспеченно, в достатке»	43	50	55	43	65	67	62
«Жить с чистой совестью»	35	44	3	4	16	18	17

В отличие от мужчин у женщин (если взять наибольшую в деревне категорию работников неквалифицированного труда) устойчивее ориентация на семью, чем на работу. Некоторая специфика обнаружилась в ценностной ориентации молодежи (см. табл. 54).

Молодые люди, не достигшие 30 лет, — единственная возрастная группа сельского населения, для которой материальный достаток как ценность отступает на задний план по сравнению с интересной работой и семьей.

Жизненные идеалы мужчин в зависимости от возраста
Луховицкого района Московской области
(в % к числу опрошенных в каждой возрастной группе)

Вопрос: «Что, по-вашему, означает хорошо жить?»	До 30 лет	31—35 лет	36—40 лет	41—50 лет	51 год и старше
Число опрошенных	37	32	43	39	56
Ответы:					
«Иметь интересную работу»	65	53	55	62	65
«Иметь счастливую семейную жизнь»	73	63	70	70	56
«Жить обеспеченно, в достатке»	60	66	74	74	70
«Жить с чистой совестью»	38	22	21	13	15
«Пользоваться свободой мысли и поступков»	11	—	7	—	—

В целом можно говорить о существенных изменениях в психологии сельского жителя. Устойчивый материальный интерес его не противостоит, а дополняет установки на работу и семью. О том, что правильно именно такое понимание, свидетельствует то, что ответу «жить богато» отдали предпочтение только 10% опрошиваемых (против 60% выбравших «жить обеспеченно, в достатке»). Речь идет, таким образом, о материальных достатках, необходимых для удовлетворения потребностей в разумных пределах. Аналогичная картина обнаружилась при изучении нравственных установок сельских жителей.

Чтобы выяснить некоторые установки и другие черты, характеризующие личность, мы задавали интервьюируемому вопросы об отношении к женщине, о взглядах на воспитание детей, об отношении к другим национальностям и т. п. Данные опроса представлены в табл. 55.

Судя по ответам, в основной массе сельского населения уже почти изжиты многие консервативные привычки традиционно-крестьянского уклада жизни. И даже нельзя сказать, что люди, занятые неквалифицированным трудом, существенно отстают в этом отношении от сельской интеллигенции. Правда, среди интеллигенции

**Нравственные представления мужчин
в социально-профессиональном разрезе**
(по материалам обследованных сел
Луховицкого района Московской области)
(«выборы» в % к опрошенным)

Избранные ответы	А	Б	В	Г
Если представится возможность, то же- не лучше заниматься только домаш- ним хозяйством и воспитанием детей	9	30	31	20
При воспитании детей можно применять физические меры наказания	26	22	30	30
Смешанные в национальном отношении браки нежелательны или по этому во- просу нет определенного мнения . . .	10	0	8	18

некоторые привычки прошлого изживаются все же отно- сительно быстрее. Например, только 9% опрошенных интеллигентов-мужчин высказались за то, чтобы жена «занималась домашним хозяйством, если для этого пред- ставится материальная возможность»; среди женщин лишь 5% соглашались с уделом домашней хозяйки. В других группах сельского населения выбор «жена — домашняя хозяйка» имел несколько больший успех (20—30%). Однако по многим другим признакам нрав- ственных установок преимущество интеллигенции выра- жено менее определено. Нормы социалистического об- щества в человеческих отношениях в основном одинако- во господствуют во всех социальных прослойках. При этом обнаружили и в данном случае различия, свиде- тельствующие о более прогрессивной структуре личности молодых людей. Среди них меньшее число высказалось за ограничение функций женщин домашним хозяйством, допустимость физического наказания детей, нежелатель- ность смешанных межнациональных браков и т. д. (см. табл. 56).

В целом эти данные свидетельствуют о значитель- ном психологическом переломе в понятиях сельского жителя¹, который еще в 20-е годы (как свидетельствует

¹ Мы намеренно здесь не касались отношения сельского жителя к труду, так как эта сторона социально-психологического облика

**Изменения нравственных представлений
мужчин в зависимости от возраста**
(по материалам обследования сел
Луховицкого района Московской области)
(«выборы» в % к опрошенным)

Избранные ответы	До 30 лет	31—35 лет	36—40 лет	41—50 лет	51—60 лет
Если представится возможность, то жене лучше заниматься только домашним хозяйством и воспитанием детей	14	25	28	42	26
При воспитании детей можно применять физические меры наказания	28	50	30	24	25
Смешанные в национальном отношении браки нежелательны или по этому вопросу нет определенного мнения	3	3	2	14	20

обследование тех лет) «собственнически» относился к жене и детям и т. д.¹

Таким образом, различия в материальном положении и образовании между группами сказываются четче, чем различия в области обыденного сознания, психологии и нравственности. Это отнюдь не означает полную унификацию социально-психологического облика различных групп населения. Очень резко, например, различие в сфере духовной жизни заметно в отношении к религии (см. табл. 57).

В то время как среди интеллигенции практически нет верующих, в группах менее квалифицированного труда, как умственного, так и физического, доля их последовательно растет и достигает (по материалам обследования сел Московской области), 27% среди мужчин-

описана Н. М. Блиновым по материалам данного исследования (см. «Вестник Московского университета», серия 8, «Философия», 1967, стр. 3—11).

¹ См. Ю. В. Арутюнян. Из опыта социологических исследований села в двадцатые годы. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 3.

Процент верующих по социальным группам

Социально-профессиональные группы	Краснодарский край	Калининская область	Татарская АССР	Московская область всего	В том числе:	
					мужчины	женщины
Интеллигенция А ₁	5	12	3	7	7	7
Интеллигенция А ₂	5	3	4			
Служащие	9	3	9	24	12	29
Механизаторы	4	5	7	12	12	—
Малоквалифицированные и неквалифицированные работники	14	21	35	48	27	60
Итого	12	16	31	32	16	45
В том числе:						
колхоз	13	23	33	44	28	62
совхоз	12	15	23	25	10	39
предприятия и учреждения и пр.	10	5	н/св.	22	8	35

разнорабочих и 60% женщин-разнорабочих. Процент верующих растет вместе с возрастом. При этом соотношение между верующими мужчинами и женщинами остается почти неизменным (см. табл. 58). Преувеличивать, однако, эти данные не следует. Надо иметь в виду, что влияние коммунистической идеологии у нас в стране настолько велико, что религиозность очень часто фантастическим образом сочетается с принципом коммунистической идеологии и морали в обыденном сознании людей¹.

Отсутствие жесткой однозначной связи между социальным положением и социальной психологией является результатом многих факторов, и в первую очередь общ-

¹ Характерные данные получены В. И. Лебедевым, который, исследуя в Пензенской области движение за коммунистический труд на селе, обнаружил, что 9,8% участников этого движения люди верующие, но «смысл своей жизни видят в борьбе за строительство коммунизма» («Вопросы формирования научно-атеистических взглядов». М., 1964, стр. 50—52).

Процент верующих по поло-возрастным группам
(по материалам Луховицкого района
Московской области)

Возраст	Мужчины		Женщины	
	абс.	%	абс.	%
30 лет	39	5	51	16
31—35 лет	31	13	28	47
36—40 »	44	12	30	40
41—50 »	36	17	68	45
51—60 »	40	22	48	65
61 год и старше	15	20	—	—

ности социального происхождения различных категорий тружеников села. Сельская интеллигенция, как показывает обследование, в подавляющем большинстве формируется из тех же социальных источников, что и другие категории тружеников села. Отсюда единство воспитания, а следовательно, норм и представлений. На унификацию социально-психологического облика оказывает влияние также общность идеологических и культурных принципов, систематически распространяемых по всем каналам информации, единство коммунистической идеологии и морали.

* * *

В нашей многонациональной стране важный аспект социальной психологии общественных групп связан с комплексом их национальных чувств, проявляющихся в национальной ориентации или в системе национальных установок. Эта проблема специально изучалась нами только в селах Татарской АССР, где естественным ходом вещей, самой историей был поставлен как бы гигантский эксперимент длительного взаимодействия двух наций, связанных с совершенно разнородными в прошлом религиозными культурами — христианской и мусульманской.

Проблема национально-психологических отношений не была в исследовании основной. Тем не менее ей уделялось достаточное внимание. Национальные ориента-

ции изучались путем фиксации специфических для данной национальности установок и поведения. Выяснялось, например, каково отношение опрашиваемых татар и русских к совместной работе, к инонациональному руководству в производственном коллективе, смешанным бракам и т. д. Установки сравнивались с реальным поведением, например с фактическим выбором супруга, друзей и т. д. Одновременно фиксировались демографические характеристики, некоторые данные о соотношении прошлой и современной культуры, признаки социально-профессионального положения людей, что давало возможность в конечном счете судить о том, в какой мере учтенные факторы определяют те или иные национальные установки.

Прежде всего возникает вопрос о динамике изменений национальных взаимоотношений. В какой-то мере об этом можно вынести суждение, сравнивая некоторые проявления национальных установок людей разных возрастов. Данные свидетельствуют о высокой степени интернационализма, причем отрицательные установки в отношении инонационального руководства в производственном коллективе и национально-смешанного брака уменьшаются в зависимости от возраста опрашиваемых.

Как видно из результатов этого исследования, очень небольшая часть населения сохраняет национальные предпочтения и придерживается отрицательных установок в межнациональных отношениях. Женщины как среди татар, так и среди русских, особенно старших возрастов, отличаются более консервативными взглядами, и это отражается на установках. Так, если среди мужчин-татар лишь 6% имеют отрицательные установки, то среди женщин — 12,5%, среди русских мужчин — соответственно 6% и женщин — 9%. Заметные различия между установками татар и русских наблюдаются лишь в старших возрастах. В то время как лишь немногие русские в старшем возрасте отрицательно относятся к инонациональному руководству и смешанным бракам, среди татар в возрасте 60 лет и старше таковых значительно больше — почти $\frac{1}{5}$.

Это различие понятно, так как татары старших поколений могут испытывать на себе влияние исторического прошлого и сохранить память о том времени, когда татары были угнетенной нацией. Постепенно установки

татар в межнациональных отношениях становились все более положительными. В молодом возрасте у татар и у русских уже нет никаких различий в межнациональных установках. Конечно, здесь могут сказаться и возрастные особенности опрашиваемых, своеобразная интерпретация личного опыта молодежью и стариками, некоторые эмоциональные различия между ними. Однако, поскольку ряд цифр показывает последовательные, достаточно устойчивые изменения, можно утверждать, что они отражают общую тенденцию и, бесспорно, свидетельствуют об эффективности советской национальной политики.

Это, конечно, слишком общий тезис; необходимо конкретно ответить на вопрос, чем вызвано улучшение национальных отношений. Здесь возможны два предположения. Сдвиги могут быть вызваны изменением ситуации для разных возрастных групп, т. е. для молодежи, людей среднего возраста и людей старшего поколения ситуации могут быть различны и различны реакции на эти ситуации. Однако подобное предположение придется сразу отбросить, так как у разных поколений татар в трудоспособном возрасте (23—27, 28—34, 35—49, 50—59 лет), несмотря на сходство ситуаций (работа на одних и тех же предприятиях, в одних и тех же коллективах, наличие семьи и т. д.), наблюдается последовательное снижение отрицательных межнациональных установок. Значит, дело не в ситуации, а в совокупных личностных чертах, характеризующих те или иные возрастные группы. Чем же отличаются возрастные группы друг от друга? Прежде всего более высоким уровнем образования, степенью преодоления религиозных предрассудков, приобщения к интернациональной культуре, овладения русским языком. Устойчивые изменения этих признаков отмечаются из поколения в поколение (см. табл. 59).

Самая тесная связь обнаруживается между национальными установками и религиозными пережитками. Чем успешнее преодолеваются религиозные пережитки, выражающиеся, в частности, в положительном отношении к религиозным праздникам и обрядам, тем быстрее преодолеваются отрицательные межнациональные установки. Следующими по уровню значимости и силе влияния идут такие факторы, как владение русским языком,

Изменение культурных характеристик сельского населения в зависимости от возраста
(в % к каждой возрастной группе)

Возраст	Татары				Русские		
	средний уровень образования	владеют русским языком	одобряют религиозные праздники	одобряют религиозные обряды	средний уровень образования	одобряют религиозные праздники	одобряют религиозные обряды
16—17 лет	7,4	25	2,8	8,3	7,4	4,5	0
18—22 года	8,8	27,9	12,5	14	8,9	24,6	11,5
23—27 лет	8,2	31,6	21,4	27	8,2	21,2	21,2
28—34 года	7,1	23,8	26,7	36,6	7,5	24,2	19,8
35—49 лет	6,0	16,5	34,4	40,9	5,8	38,7	27,5
50—59 »	2,9	11,8	56,5	50,9	3,0	50,6	41,4
60 лет и старше	1,1	5,6	79,6	74,1	1,5	69,4	55,6

чтение русской литературы, чтение газет на русском языке и, наконец, в какой-то мере уровень образования. Таким образом, обнаруживается влияние социально-культурного комплекса на межнациональные отношения. С точки зрения управления общественными процессами особенно перспективно использование такого инструмента, как владение языком межнационального общения, т. е. русским языком. Это гибкий и сравнительно регулируемый канал, дающий значительный эффект (см. табл. 60).

Знание русского языка имеет множество следствий. В условиях Татарской АССР русский язык, как язык межнационального общения, является каналом интернационализации культуры. Знающие русский язык говорят «на общем языке» со многими людьми других национальностей, легче понимают друг друга. И конечно, нет ничего удивительного в том, что среди татар, владеющих русским языком, устойчиво проявляются более положительные установки в межнациональных отношениях, чем среди татар, не знающих русского языка. Причем оказывается, что существует разница в межнациональных установках людей, зависящая от того, когда они овладели русским языком. Среди татар, знающих

**Знание русского языка
и межнациональные установки (в %)**

Вопрос: „Если бы Вам был предоставлен выбор непосредственного руководства, кого бы Вы предпочли?“	Владеющие языком		
	татарским N=1220	русским N=52	обими N=252
Предпочел бы человека одной со мной национальности	12	3,6	3,2
Национальность руководителя не имеет для меня значения, если он владеет татарским языком	16,4	3,6	14,7
Национальность руководителя вообще не имеет никакого значения	65,7	85,7	79
Затрудняюсь ответить на этот вопрос	2,4	7,1	0,8
Нет ответа	3,5	—	2,3
Вопрос: «Одобряете ли Вы браки татар с русскими? Как бы Вы отнеслись, если бы кто-либо из ваших ближайших родственников (сын, дочь, брат, сестра) вступил в такой брак?»			
Считаю брак нежелательным	10,4	3,6	4,4
Предпочел бы человека своей национальности, но возражать бы против такого брака не стал	14,9	5,4	10,7
Национальность не имеет значения, самое главное — личные качества человека	69,4	80,4	75
Затрудняюсь сказать	3,2	3,6	4,8
Нет ответа	2,1	7,0	5,1

русский язык, наиболее благоприятные установки в межнациональных отношениях обнаруживают те, кто окончил русские школы, т. е. овладели этим языком в детстве (см. табл. 61).

Таким образом, овладение русским межнациональным языком и активное приобщение с раннего возраста

Изменение межнациональных установок
в зависимости от языка обучения в школах (в %)

	Татары, владеющие русским языком		Владеющие только татарским языком и окончившие татарскую школу N=1220
	окончившие русскую школу N=61	окончившие татарскую школу N=241	
Не придают значения национальности руководителя и товарищей по коллективу	87	79	66
Не придают значения национальности супруга, супруги	82	74	69

к общесоветским формам культуры дают особенно большой общественный эффект и в какой-то мере страхуют от рецидивов националистических настроений. Это очень важный вывод для управления, так как на практике сейчас делается далеко не все для распространения русского языка в школах, в то время как стремление к обучению детей в русских школах огромно. В 1948 г. в русских школах республики обучалось 48,5% детей, в 1966 г. — 66,4%. И тем не менее при опросе мы обнаружили, что примерно 60% татар, проживающих в селах республики, считают целесообразным обучение в школах на русском языке, но фактически лишь $\frac{1}{4}$ детей татар учится в русских школах¹.

При всей значимости культурного комплекса влияние этого фактора на межнациональные установки не следует, однако, абсолютизировать. По-видимому, оно может меняться в разных социальных средах. Чтобы проверить

¹ По-видимому, это объясняется недостатком русских школ и преподавательских кадров. Несмотря на рост числа учащихся в русских школах Татарии, сеть их после войны осталась без изменения. В 1948 г. в республике 42,8% школ были русскими, в 1966 г. — 44,9, в 1968 г. — 44,2%. В среднем в русской школе в 1948 г. обучалось 146 учащихся, в 1966 г. — 273, в то же время число учащихся в татарской школе (в среднем) осталось практически без изменения (131 учащийся в 1948 г. и 136 — в 1966 г.).

это предположение, мы, выделив две полярные социально-профессиональные группы — интеллигенцию и работников неквалифицированного физического труда, — сравнили влияние, оказываемое на них культурным комплексом (см. табл. 62).

Таблица 62

Изменение межнациональных установок
в зависимости от знания русского языка
в разрезе социально-профессиональных групп
(% отрицательных и неопределенных выборов)

	Мужчины				Женщины			
	интеллигенция		разнорабочие		интеллигенция		разнорабочие	
	не владеют русским языком	владеют русским языком	не владеют русским языком	владеют русским языком	не владеют русским языком	владеют русским языком	не владеют русским языком	владеют русским языком
Отрицательно относятся к инациональному руководству в производственном коллективе или затрудняются ответить	13,6	5,8	9,3	2,8	18,5	9,8	17,7	3,8
Отрицательно относятся к смешанным бракам	13,6	14,7	11	2,8	14,9	14,2	15,6	7,6

Таблица говорит о том, что культурный комплекс сводит практически на нет отрицательные национальные установки разнорабочих и в то же время оказывает очень слабое влияние на интеллигенцию. Процент отрицательно относящихся к смешанным бракам даже среди интеллигентов, как знающих, так и не знающих язык, одинаков. Чтобы выразить эту тенденцию обобщенным показателем, мы подсчитали число отрицательных или неопределенных выборов межнациональных установок среди знающих русский язык татар интеллигентов и разнорабочих. Оказалось, что среди знающих русский язык интеллигентов число отрицательных выборов зна-

чительно превышает число отрицательных выборов разнорабочих (из 200 возможных выборов разнорабочие составили лишь 5,5, интеллигенты — 20,5). Таким образом, эффект от знания русского языка и приобщения к общесоюзной культуре у интеллигентов как бы «гасится». Иначе говоря, несмотря на то что интеллигенция в наибольшей мере преуспела и в образовании, и в преодолении пережитков традиционной культуры, положительных установок в межнациональных отношениях в ее среде не больше, чем в других слоях населения, скорее, даже наоборот (см. табл. 63).

Таблица 63

Установки в межнациональных отношениях

Социально-профессиональные группы	Абсолютное число опрошенных	Считают, что национальность руководителя не имеет никакого значения (в %)	Считают, что национальность не имеет значения в браках (в %)
Руководители высшего звена	25	64	68
Специалисты высшего звена	200	76	68
Руководители среднего звена	56	71	78
Специалисты среднего звена	108	67	63
Служащие	220	78	71
Механизаторы	444	80	79
Неквалифицированные рабочие и колхозники			
постоянные	200	71	74
сезонные	743	70	72

Анализ подобных явлений наталкивает на принципиально важное соображение о двух разнохарактерных источниках узконациональной ориентации. Один из них — национально-культурная ограниченность, обусловленная культурной замкнутостью и отсталостью, сохранением устаревших форм традиционной культуры. Именно такова природа национального предубеждения среди отсталой части людей, занятых физическим неквалифицированным трудом, особенно среди женщин и стариков. Эта разновидность деформации национальных чувств

требует просветительски-пропагандистских мер воздействия, в общем-то широко применяемых.

Иной характер носит узконациональная ориентация среди части интеллигенции. Обычные средства интернационализации культуры в этом случае «пробуксовывают» и не достигают цели. Есть основания предполагать, что этот тип национальной ориентации связан с социально-профессиональными интересами, совокупностью социально-экономических причин — соотношением спроса и предложения на квалифицированную рабочую силу, возможностями социального роста, профессионального продвижения и т. д. Поэтому чрезвычайно актуален, в частности, анализ процессов социальной мобильности в национальных районах.

В программе исследования выдвигалось предположение, что условием быстрого стирания национальных предрассудков является высокая степень социальной мобильности. Однако прямой зависимости между отмеченными явлениями нами не обнаружено.

Темпы роста социального статуса, разумеется, резко колеблются по социально-профессиональным группам. Среди интеллигенции высшей квалификации рост социального статуса по сравнению с родителями в 2 раза больше, чем среди разнорабочих, установки же их, как уже отмечалось, примерно одинаковы.

Может возникнуть вопрос: почему различие в темпах мобильности не отражается на национальном самочувствии и соответственно на установках? Почему среди разнорабочих, чья мобильность крайне низка, соотношение положительных и отрицательных установок такое же, как среди интеллигенции? Чтобы ответить на эти вопросы, надо учесть, что социальное самочувствие — категория психологическая. Оно связано с ожиданиями, потребностями, которые, естественно, различны в разных категориях населения, т. е., иначе говоря, социальное самочувствие зависит не только от достижений, но и от притязаний. Можно сказать, что оно прямо пропорционально достижению и обратно пропорционально притязанию. Если учесть эту двойную зависимость, станет понятным, что высокий индекс социальной мобильности сам по себе не обязательно отражается на социальных, в том числе национальных, отношениях. Уже само наличие высшего образования предполагает более широкие

«ожидания». Не случайно среди интеллигенции сильнее общая неудовлетворенность условиями деревни, чем среди других категорий населения.

Когда социальные «ожидания» остаются не полностью реализованными, появляется неудовлетворенность, которая проецируется и на национальные отношения. Об известной связи между мобильностью и установками в межнациональных отношениях позволяют судить данные, фиксирующие межнациональные установки людей, «повысивших» и «пониживших» свой социальный статус (см. табл. 64).

Таблица 64

Изменение социального положения
и межнациональные установки (в %)

Занятые в начале трудовой деятельности	Занятые в момент опроса	
	умственным трудом	физическим трудом

Отрицательное отношение к инонациональному
руководству в производственном коллективе

умственным трудом . . .	7,1	15,6
физическим трудом . . .	8,7	10,4

Отрицательное отношение
к смешанным бракам

умственным трудом . . .	6,9	9,4
физическим трудом . . .	7,4	7,8

Сравнение приведенных цифр показывает, что наибольший процент отрицательных установок наблюдается в той категории населения, которая «снизила» свой социальный статус, перейдя из слоя, занятого умственным трудом, в группы физического труда. Таким образом, между мобильностью и национальными отношениями существует не сразу очевидная, но все же улавливаемая сложная зависимость.

Если повышенная мобильность не отражается ни положительным, ни отрицательным образом на установ-

ках, то иммобильность способствует некоторому приращению отрицательных установок. Чем благоприятнее условия для мобильности национальных кадров, тем успешнее снимается возможная напряженность в национальных отношениях.

Вывод о разных корнях национальной ориентации в различных группах населения имеет большой практический смысл. Если этот вывод верен, то, значит, не может быть универсальных средств регулирования национальных отношений; в различных социальных группах они могут приводить к различным, иногда даже прямо противоположным результатам. Чрезвычайно актуально в этой связи рассмотреть вопрос о роли среды. Контактная среда, смешение различных этнических групп населения являются мощным средством взаимной адаптации «этносов». Предполагается, что совместное проживание, совместная работа должны способствовать взаимопониманию людей, взаимопроникновению культуры и улучшению национальных отношений. Если верно наше заключение о разных корнях национальной ориентации, то понятно, что контактная среда должна по-разному влиять на отдельные группы населения. Для людей, занятых физическим трудом (этническому взаимопониманию которых мешает лишь культурная обособленность), такие контакты должны служить мощным стимулом культурной интеграции и тем самым улучшению межнациональных отношений. Совсем не обязательно к подобным результатам должны привести контакты интеллигентов, между которыми в смешанной среде может усиливаться соревнование, состязание.

На основании наших материалов мы имеем возможность составить представление по этому принципиальному вопросу, а попутно как бы экспериментально, еще раз апробировать теоретические выводы. Чтобы проверить эти гипотезы, мы изучали национальные отношения в чисто татарских, смешанных и русских селах. В табл. 65 приводятся данные о национальных установках татар-мужчин, проживающих в этнически разнородных селах.

Эти данные подтверждают различную, часто противоположную реакцию интеллигенции и людей физического труда на одну и ту же этническую ситуацию. В смешанных или русских селах более высок процент

**Установки татар-мужчин
в межнациональных отношениях**
(в % к числу опрошенных)

Социально-профессиональные группы	Отрицательное или неопределенное отношение к инонациональному руководству в коллективе		Отрицательное или неопределенное отношение к смешанным бракам	
	в смешанных и русских селах	в татарских селах	в смешанных и русских селах	в татарских селах
Интеллигенция	8,8	6	17,8	10,5
Служащие	11,1	7,7	11,1	5,1
Механизаторы	2,0	9,8	3,9	10,2
Разнорабочие и другие неквалифицированные работники	1,8	10,2	5,5	11,2

интеллигентов с отрицательной установкой; в то же время реакция механизаторов и разнорабочих на смешанную среду максимально благоприятная, отрицательные установки среди них сводятся к минимуму. И наоборот, в татарских селах число отрицательных установок среди механизаторов и разнорабочих повышается, а среди интеллигентов и служащих снижается.

О малой эффективности контактов среди людей, занятых умственным трудом, свидетельствуют также и некоторые другие данные.

Как видно из табл. 66, с увеличением контактов (ростом родственных связей с людьми другой национальности) в группах интеллигенции и служащих число отрицательных установок в межнациональных отношениях не уменьшается, а скорее, наоборот, несколько увеличивается. Конечно, несогласованность установок и поведения — частое явление. Что более точно отражает национальные отношения в таком случае — поведение или установки, — вопрос специальный.

Надо, однако, подчеркнуть, что на самом деле несогласованность установок и поведения не означает их противоречивости и взаимоисключаемости. Вполне, на-

Этническая среда и установки
в межнациональных отношениях

	Села преимущественно с русским или смешанным населением				Села преимущественно с татарским населением			
	контакты		отрицательные или неопределенные установки в отношении		контакты		отрицательные или неопределенные установки в отношении	
	имеют родств. венников, находящихся в браке с людьми других национальностей	имеют супругов других национальностей	к национально-смешанным бракам	к национально-смешанному родству в коллективе	имеют родств. венников, находящихся в браке с людьми других национальностей	имеют супругов других национальностей	к национально-смешанным бракам	к национально-смешанному родству в коллективе
Социально-профессиональные группы	41	15	11	10	30	1	11	10
Интеллигенция	38	19	25	8	31	1	10	9
Служащие	22	3	4	2	8	—	10	10
Механизаторы и работники другой квалификации	9	4	9	6	н/св.	—	14	15
Разнорабочие и другие неквалифицированные работники								

пример, можно предположить вариант, когда отрицательная установка, допустим, к смешанному браку является его следствием.

Таким образом, национальные отношения есть результат сложного взаимодействия культурных, социально-экономических и экологических факторов. Регулирование национальных отношений предполагает осознанное воздействие на каждый из этих факторов. Наиболее регулируемые и управляемые факторы связаны с культурным комплексом. И наоборот, регулирование социально-экономического фактора требует более широких и фундаментальных мер.

Ни одна управленческая задача, особенно в области национальных отношений, где переплетаются довольно сложные вопросы, не может быть решена изолированно, отдельными мерами (например, только строительством школ). Необходим целый комплекс мероприятий — стратегическое решение, состоящее из системы взаимосвязанных операций.

* * *

Весь предшествующий анализ дает основание говорить о том, что при единстве социалистической культуры, общности идеологии существуют известные социальные оттенки в усвоении культуры и духовном облике людей. Различия в уровнях образования отдельных групп населения свидетельствуют о различной адаптации культуры и обуславливают разную степень проникновения многих культурных привычек, норм, представлений, порождая даже известные (правда, неглубокие) различия в социально-психологическом облике работников разного по характеру труда. Группы различаются в основном лишь экономическим и культурным своеобразием, которые в селе практически не закреплены в психологии. Психологическое единство — результат не только настоящей интеграции, но и прошлой однородности. Обозначатся ли в будущем психологические различия в сельском населении, зависит от соотношения процесса интеграции и дифференциации. Село становится профессионально все более дифференцированным, но, с другой стороны, степень различия между дифференцированными слоями имеет тенденцию сокращаться. Достаточно ли сильна эта тенденция для того, чтобы пре-

дотворить закрепление экономических и культурных различий в психологии, покажет лишь время.

Социально-профессиональные различия и связанные с ними различия культурного уровня в значительной мере детерминированы социально-экономической структурой сельского хозяйства. Социально-профессиональная структура, равно как и классовая, является результатом достигнутого уровня развития производительных сил и разделения труда в сельском хозяйстве. Крупное механизированное сельское хозяйство нуждается в культурных организаторах производства, специалистах, механизаторах, но в силу недостаточной еще механизации оно нуждается одновременно и в большой массе неквалифицированного физического труда, исполнение которого не предъявляет высоких требований к уровню других показателей культурного развития личности.

Хотя культура населения, таким образом, объективно обусловлена, является как бы производной от экономики, связь между экономикой и культурой, развитием личности не устанавливается автоматически. На первых этапах существования социалистического государства объективные условия и требования опережали возможности личности. В сельском хозяйстве, быстро укрепившемся и механизировавшемся бурными темпами, ощущалась острая нужда в квалифицированных, грамотных работниках. Их не было, и приходилось допускать к технике малообразованных, малограмотных людей, что приводило к большим издержкам.

Для нынешнего времени, скорее, характерны противоположные тенденции: возможности и запросы личности начинают постепенно опережать производственные, экономические и социальные условия, в которых реализуются эти возможности. Несмотря на бурное культурное строительство и успешное развитие сельскохозяйственной экономики, возросшее образование и культура сельского населения частично остаются неиспользованными. Таким образом, проблемы культурного строительства в деревне именно сейчас выдвинулись в число наиболее острых и требующих пристального внимания как с точки зрения теории, так и с точки зрения практики.

СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ ЖИЗНИ

На протяжении длительного исторического периода семейные взаимоотношения и быт крестьянина отличались многими характерными чертами, проявлявшимися сходным образом в разных экономических, климатических и национальных районах. Эти черты в первую очередь обуславливались ориентированностью семьи на доходы от земледельческого хозяйства. Хозяйство семьи определяло разделение труда внутри ее и роль ее членов. Традиционная система организации труда предполагала разделение занятий на мужские и женские, авторитет хозяина, точное определение производственных обязанностей, соответствовавших возрасту и положению в семейном коллективе.

Огромные социальные изменения, которые произошли в нашей стране за годы Советской власти, естественно, затронули и быт деревни. Индустриализация и коллективизация, связанные с ними коренные преобразования социальной структуры сельского населения, проникновение средств массовой культуры даже в бывшие «медвежьи» углы не могли не изменить весь уклад жизни, быт и психологию сельского населения.

Прежде всего изменился внешний облик сельского поселения. Испокон веков деревня отличалась нищенским видом домов. В годы Советской власти велось широкое жилищное строительство на селе, но оно было прервано войной. Многие села были совершенно разрушены. Не только за линией фронта, но и там, где не бушевали военные действия, было не до благоустройства. Дома обветшали, зачастую пришли в полную негодность. В послевоенные годы землянка была весьма распространенным типом жилища. Ее сменяли небольшие деревянные или глинобитные дома. Крыли их чем удастся. В Московской области на крышу использовалась главным образом солома, да и та была дорога — то ли ее на корм скоту, то ли на крышу. Со второй половины 50-х годов началось широкое жилищное строи-

тельство. Один за другим появляются кирпичные дома, покрытые шифером или железом. Во многих местах вырастают рабочие поселки с 2—3-этажными домами и городскими удобствами. В Московской области, где мы специально фиксировали типы домов, ко времени опроса почти все постоянные жители уже «отстроились» или заканчивали строительство новых кирпичных «пятистенок» под добротными железными или шиферными крышами. Процесс был настолько всеобщим, что разница по имущественному положению на строительстве домов сказывалась мало. В кирпичных домах жили 53% семей руководителей и специалистов, 41% служащих, 55% механизаторов и 35% работников неквалифицированного физического труда. Дома были покрыты железом или шифером (признак крепкого, добротного дома) у 84% семей руководителей и специалистов предприятий, 85% служащих, 95% механизаторов и 73% неквалифицированных рабочих. Аналогичное явление наблюдалось и в других районах.

Сельские жители, как правило, живут в отдельном доме, и это соответствует традиции. Собственный дом — признак оседлости сельчанина. В отдельных домах проживают почти все работники физического труда. Только специалисты и руководители, среди которых много приезжих, в ряде случаев живут в отдельной квартире, во вновь отстроенных государственных или колхозных домах. Очень немногие сельские жители, преимущественно из специалистов и руководителей, снимают жилплощадь. Жалобы на жилищную неустроенность на селе сравнительно редки, связаны с переездом, переменой профессиональной группы или семейного состава.

Так, в селах Татарской АССР среди нуждающихся в улучшении жилищных условий около $\frac{1}{10}$ составляют вновь прибывшие, живущие в данном селе менее пяти лет. Среди них равное количество приехавших по направлению на работу и по семейным обстоятельствам. Некоторая часть (3%) прибыла со специальной целью улучшить свои жилищные условия и, по-видимому, рассчитывает на это улучшение в ближайшем будущем. Все это люди, переехавшие из других сел. Приехавшие из города, как правило, не жалуются на трудности с жильем. Среди неудовлетворенных своими жилищными усло-

виями сравнительно много людей недавно повысивших свой социальный статус, немало специалистов высшей квалификации и руководителей среднего звена (19%), а также служащих (12,5%). Переходя на новое место работы, что в условиях села часто связано с переездом, эти люди пополняют группу временно неустроенных. Жилищная неустроенность способствует усилению их миграционных тенденций, а установка на отъезд мешает решению жилищного вопроса на месте. 1/3 неудовлетворенных своими жилищными условиями выразила желание перебраться в город. Большинство их отметило бытовую неустроенность как главную причину своего желания уехать. Ссылки на неудовлетворенность работой и заработком встречались в этой группе значительно реже.

Конкретные данные о жилищных условиях сельских жителей даны в табл. 67.

Изменился и внутренний облик крестьянского дома. К примеру, одним из традиционных предметов его убранства всегда была деревянная лавка. Но с проникновением городских образцов ее вытеснили стулья и диваны, которые долгое время воспринимались в деревне как атрибуты зажиточности. Сейчас в Московской области у работников предприятий и совхозов, которые к тому же в 1/2—1/3 случаев живут в квартирах, предоставленных государством, лавка практически вышла из употребления. В домах колхозников лавка чаще всего находится в подсобном помещении. Стулья и диваны теперь обычный предмет обстановки, имеющийся во всех сельских домах, а лавки сохранились лишь у 17% обследованных семей Московской области.

Стены в среднерусской деревне не штукатурились, не красились, не оклеивались обоями. Темное тесное помещение с маленькими, пыльными, никогда не открывавшимися окнами производило мрачное впечатление. Хозяйки, пытаясь украсить его в соответствии со своими вкусами и финансовыми возможностями, вешали на стены плакаты. Яркое пятно плаката оживляло помещение и закрывало дефекты на стене. В новых домах с молодым и грамотным населением плакатов на стенах уже не встретишь. Лишь некоторые старушки держатся вкусов своей молодости и по-прежнему считают плакаты украшением своего жилища.

Жилищные условия сельских жителей
Калининской области и Краснодарского края
(в % к числу опрошенных данной группы)

Жилплощадь	Работники ручного фи- зического труда		Механиза- торы		Служа- щие		Специалисты и руководители				
							Средне- го зво- на		высшего звена		
	колхоз	совхоз	колхоз	совхоз	колхоз	совхоз	колхоз	совхоз	колхоз	совхоз	
Отдельный дом											
Калининская об- ласть	93	86	92	48	92	82	95	54	57	44	
Краснодарский край	94	67	92	63	100	54	95	56	86	39	
Отдельная квартира											
Калининская об- ласть	2	8	—	40	8	9	5	25	29	56	
Краснодарский край	1	19	2	29	—	38	3	40	8	61	
Общая квартира											
Калининская об- ласть	1	4	8	2	—	9	—	14	—	—	
Краснодарский край	2	8	2	4	—	8	3	4	4	—	
Общежитие											
Калининская об- ласть	1	2	—	5	—	—	—	—	—	—	
Краснодарский край	3	4	—	2	—	—	—	—	—	—	
Снимает жилплощадь											
Калининская об- ласть	1	1	—	5	—	—	—	7	14	—	
Краснодарский край	2	2	3	3	—	—	—	—	4	—	
На 1 члена семьи приходится свыше 10 кв. м											
Калининская об- ласть	47	38	48	11	62	18	55	43	14	50	
Краснодарский край	33	15	26	8	28	—	47	30	29	17	

По мере роста благосостояния сельского населения и проникновения городских образцов в быту сельского населения появлялись отдельные предметы, которые могли служить индикатором происходящих изменений.

Так, показателем благосостояния сельской семьи в довоенные и первые послевоенные годы стали швейная машина и велосипед. В течение первых послевоенных десятилетий сельское население предъявляло повышенный спрос на эти предметы. Объем продажи их в течение ряда лет непрерывно и быстро увеличивался. В 1950 г. в сельских местностях СССР было продано 230 тыс. швейных машин, в 1960 г. — 1 474 тыс. Однако начиная с 1965 г. продажа швейных машин, несмотря на расширение их ассортимента, начала сокращаться. Швейная машина перестала быть признаком благосостояния — тем предметом, который сельская семья предпочтительнее всего покупала при наличии свободных денег. В 1965 г. было продано уже только 702 тыс. швейных машин, а в 1967 г. — 514 тыс.¹ В значительной мере насыщен спрос на велосипеды.

Эти предметы сейчас представляют для сельского населения интерес только по своему прямому функциональному назначению. Швейная машина нужна, чтобы шить, велосипед для того, чтобы ездить. Элемент престижа и новизны, который эти предметы когда-то имели, теперь утерян. В значительной мере это относится и к радиоприемникам. На смену им приходят новые предметы, которые помимо своего прямого назначения служат для владельца предметом радости и гордости, наглядным доказательством его материального благополучия. Такими предметами являются сейчас холодильники, мотоциклы, телевизоры, стиральные машины. Наличие этих предметов является для исследователя подтверждением и дополнением сведений о доходах, полученных со слов опрошиваемых.

Присутствие в доме некоторых предметов домашнего и культурного обихода о многом говорит социологу. Так, покупка стиральной машины помимо того, что отражает известный уровень материального благосостояния, означает уважение к труду женщины, осознание его ценности для семьи и общества. Покупка телевизора ликвидирует вековую оторванность села от городской культуры, свидетельствует о росте культурных потреб-

¹ См. «Народное хозяйство СССР в 1967 г.», стр. 696. Эта же тенденция продолжалась и в последующие годы. В 1968 г. продано только 492 тыс. швейных машин, в 1969 г. — 476 тыс. (см. «Народное хозяйство СССР в 1969 г.», стр. 582).

ностей и в то же время способствует дальнейшему формированию этих потребностей, изменению многих жизненных стандартов. Особенно важен телевизор для сельского ребенка (и тем самым для будущего деревни), так как превосходит все другие виды культурной информации по возможностям расширения кругозора и в значительной мере выравнивает условия обучения и воспитания в городе и селе.

Появились и другие предметы домашней обстановки, еще недавно незнакомые сельскому жителю. Некоторые из них отражают главным образом благосостояние своих владельцев независимо от их культурных потребностей. Но в большинстве случаев проникновение в деревню предметов современной материальной культуры начинается с более образованных и лучше оплачиваемых групп. При этом вкусы населения обнаруживают значительное единообразие, и различие в обеспеченности отдельными предметами показывает довольно тесную связь между душевым доходом семьи и наличием у нее отдельных вещей. Вместе с тем приобретение тех или иных предметов во многом зависит от состава семьи, возраста, отдаленности селения от центра и т. п. Так, например, более молодые семьи чаще имеют фотоаппараты, велосипеды, мотоциклы, аккордеоны или баяны. Можно отметить и некоторые различия по профессиональному признаку. У руководителей и специалистов больше, чем у других групп, стиральных машин, холодильников, телевизоров и других новых для деревни предметов. Механизаторы, особенно более молодые, имеют больше, чем другие группы, велосипедов, мотоциклов или мотороллеров. В этом сказывается их профессиональный и возрастной интерес к технике (см. табл. 68).

Все эти внешние изменения в быту сельского населения являются отражением более глубоких преобразований всего строя жизни деревенской семьи и ее внутренних взаимоотношений. Известно, что старое крестьянское хозяйство было основано на отношениях собственности и велось с помощью физической силы. Все основные сельскохозяйственные работы исполняли мужчины, на которых лежали наиболее физически трудные обязанности — посев, пахота, боронование, косьба, уход за рабочим скотом. Труд женщины был менее заметен. Денеж-

Таблица 68
Обеспеченность отдельными предметами культурно-бытового инвентаря по группам (в %)

	Работники ручного физического труда		Механизаторы		Служащие		Специалисты и руководители			
	колхоз	совхоз	колхоз	совхоз	колхоз	совхоз	среднего звена		высшего звена	
							колхоз	совхоз	колхоз	совхоз
	колхоз	совхоз	колхоз	совхоз	колхоз	совхоз	колхоз	совхоз	колхоз	совхоз
Имеют стиральную машину	4	11	28	39	23	36	30	57	14	69
Калининская область	30	33	42	36	47	31	61	41	58	78
Краснодарский край	23	22	29	46	46	55	40	46	43	81
Телевизор	18	21	32	33	42	8	43	26	63	57
Калининская область	1	1	4	—	—	9	—	4	14	25
Краснодарский край	2	4	5	7	4	—	26	7	29	44
Холодильник	54	59	88	60	77	64	75	71	57	86
Калининская область	66	60	78	78	65	77	76	78	75	87
Краснодарский край	44	49	80	66	77	55	60	61	43	44
Радиоприемник	57	55	68	62	61	31	68	33	71	35
Калининская область	3	5	8	7	8	27	5	18	—	31
Краснодарский край	11	15	28	18	9	15	26	11	29	22
Велосипед	54	62	80	57	92	73	75	61	57	75
Калининская область	67	65	76	73	79	69	74	70	92	91
Краснодарский край	4	4	12	21	8	27	5	21	14	50
Мотоцикл	4	8	9	9	14	8	26	19	38	26
Калининская область										
Краснодарский край										

ный доход она могла дать лишь от продажи продуктов животноводства или ручных промыслов. Однако доход этот никогда не был большим и не составлял заметной части семейного бюджета. Традиционные женские работы — огородничество, садоводство, прядение, ткачество, шитье и вышивание, приготовление пищи — не создавали ей престижа в семье, так как не приносили значительных поступлений, а натуральные доходы учесть было трудно и ценились они низко. Значение труда мужчин было так велико, что, по данным некоторых исследователей, изучавших непосредственные причины обеднения крестьянских хозяйств после первой мировой войны, в 26,7% случаев такой причиной оказалось отсутствие мужской рабочей силы.

Результатом всего этого было приниженное положение женщины, целиком зависевшей от мужа, его расположения, доходов и прихотей. Общее отношение к женщине, зависимой материально и к тому же ограниченной очень узкими рамками семейного мирка, было пренебрежительным. Не случайно, неграмотность женщин в несколько раз превышала неграмотность мужчин. До первой мировой войны во многих русских деревнях женщины не были полноправными участницами сельского схода даже при отсутствии в хозяйстве взрослых мужчин. Мальчики-подростки, и те признавались более полноправными представителями семьи, чем их матери.

Почти все взрослые члены современной сельской семьи имеют отдельные источники дохода и материально независимы друг от друга. Доходы же их тем выше, чем выше их образование и квалификация. Опыту и стажу старшего поколения противостоит лучшая квалификация и большая физическая сила молодежи.

Как уже было показано в главе V, дистанция между образованием молодых сельских жителей и образованием их родителей велика. Лучшее образование молодежи — основа ее морального авторитета и нравственной независимости. Этот факт особенно отражается на положении женщин и тем самым меняет всю структуру взаимоотношений в семье. Молодое поколение сельских женщин отличается от своих матерей и свекровей и по заработку, и по характеру работы, и по образу жизни, и по престижу, и по исполняемым семейным ролям. Значительная и все возрастающая доля молодых женщин

занята на более квалифицированных работах. В очень большой степени молодая сельская женщина ориентирована сейчас не на домашнее хозяйство, а на деятельность вне дома. Красноречивым показателем этого является то, что заработок ее составляет солидную долю семейного бюджета и обеспечивает материальную независимость молодой женщины, когда-то наиболее бесправной из взрослых членов семьи. 17—20% замужних татарок и 25—50% русских отметили, что они зарабатывают больше других членов семьи. Таким образом, ясно видно изменение традиционного распределения ролей в семье: муж — кормилец, жена — домохозяйка. Следует учесть также, что и в тех случаях, когда муж зарабатывает больше жены, вклад ее как в форме заработка, так и работы в домашнем хозяйстве в общее материальное благосостояние весьма значителен и нагляден.

Это обстоятельство коренным образом меняет строй взаимоотношений в семье, положение женщины, ее самочувствие и мироощущение. Параллельно с ростом образования изменяется соотношение ориентаций на семью и общество. Первая в значительной мере вытесняется второй (см. табл. 69).

Как видим, даже сравнительно мало образованная сельская женщина, занятая физическим трудом, отличается от того, какой была ее мать или бабушка. Более $\frac{1}{3}$ неквалифицированных работниц (это главным образом молодое поколение) читают газеты и книги, являются активными членами своих производственных коллективов. Вполне естественно, что это изменение в облике сельчанки еще сильнее выражено у более образованных женщин, занятых квалифицированным трудом. Их активность по указанным показателям в несколько раз превышает активность женщин, занятых неквалифицированным трудом.

Особенно большие перемены в положении женщин в национальных республиках. В селах Татарской АССР, где проводилось исследование, женщины-татарки отличаются значительной общественной активностью и часто превосходят в этом отношении русских. Так, из числа образованных татарок 70% молодых и свыше 80% женщин старше 35 лет несут общественные нагрузки, главным образом в качестве агитаторов, пропагандистов, лекторов. Их миссия — распространять культуру среди

**Некоторые показатели семейных
и общественных ориентаций сельских женщин
в зависимости от квалификации
и уровня образования**

Показатели ориентаций	Занятые физическим трудом		Занятые умственным трудом	
	Калининская область	Краснодарский край	Калининская область	Краснодарский край
Процент замужних женщин	48	65	68	74
Среднее число детей на иждивении (у замужних)	1,7	1,9	1,5	1,6
	В процентах			
Основную часть внерабочего времени занимаются хозяйством, детьми	82	81	75	60
Семья обрабатывает личный приусадебный участок, размером выше 0,15 га	84	70	48	42
Постоянно читают газеты	35	44	83	77
Постоянно читают художественную литературу	10	26	52	70
Ведут общественную работу	14	15	68	75
Влияют на решения коллектива	40	33	87	75
Отмечают продвижение в должности за последние 5 лет	20	14	32	30

более отсталых слоев населения, и они хорошо сознают значение этой миссии. Образованные татарки, живущие в селе, дали мало пассивных или негативных оценок своей общественной работе. Наоборот, 90% молодых татарских активисток считают свою общественную работу полезной и отдают ей немало сил. Вместе с тем они много заняты на основной работе и вносят солидную долю в семейный бюджет. Средний заработок образованной татарской женщины, хотя и отстает еще от заработка мужчины, составляет тем не менее достаточно значительную сумму. Имея большие семьи и больше детей, будучи больше заняты домашним хозяйством, молодые татарки вместе с тем оказываются активными участниками жизни своего села или своего производственного коллектива.

Как показало исследование, проведенное в Московской и Рязанской областях (где этот вопрос подвергся специальному изучению), подавляющее большинство сельских женщин не мыслит своей жизни без работы в общественном производстве. Не случайно на вопрос, не лучше ли жене заниматься домашним хозяйством и воспитанием детей, если на это есть материальная возможность, более $\frac{2}{3}$ опрошенных ответили отрицательно. Для многих женщин очень важны моральные стимулы к труду. Даже в группах неквалифицированного физического труда около $\frac{1}{4}$ женщины ответили, что работают в первую очередь потому, что работа женщины приносит ей уважение окружающих, а не просто ради заработка или пенсии.

Новое отношение к труду женщины вне дома, изменившее весь бытовой уклад и структуру взаимоотношений в семье, достаточно широко затронуло все категории сельского населения. Тем не менее в разных группах эти изменения проявляются с некоторым своеобразием, продиктованным большей или меньшей степенью удаления от традиционного образца семейных отношений.

Женщина, особенно молодая, в большинстве случаев отказывается быть «просто домохозяйкой» даже тогда, когда жалуется на трудности совмещения работы и домашнего хозяйства. Особенно высоко оценивается производственная работа женщины в семьях работников квалифицированного умственного труда — руководителей и специалистов. Среди них только 5% женщин и 9% мужчин выбирают для женщины удел домашней хозяйки. В группах более низкой квалификации несколько увеличивается доля людей, считающих, что женщине лучше быть домохозяйкой. Так, среди служащих предпочли бы не работать 17% женщин и 28% — среди работниц ручного труда. Соответственно и мужчины в этих группах меньше ценят работу жены вне дома. Предпочли бы, чтобы их жена не работала, 31% мужчин — служащих и механизаторов и 20% мужчин, занятых ручным трудом.

Следует отметить, что восприятие слов «заниматься домашним хозяйством» у разнорабочих и интеллигенции не совсем одинаково. В семьях разнорабочих больше ценится работа женщины на приусадебном участке, в семьях интеллигентов — ее усилия создать уют и ком-

форт для других членов семьи, ее забота о воспитании детей. В этом также сказывается различная степень удаленности от традиционной крестьянской модели семейных отношений.

Женщина, перед которой равное с мужем образование и работа в общественном производстве открывают окно в широкий мир, теперь в большинстве случаев друг и советчик своего мужа. Эта нравственная, духовная связь становится одной из главных нитей, скрепляющих современную семью (см. табл. 70).

Таблица 70

Ответы на вопрос: «Считается ли в Вашей семье муж с мнением жены?» (в %)

Семья принадлежит к группе	Сектор	Без жены ничего не решает		Советуется, но иногда решает сам		Советуется, но все решает сам		С мнением жены не считается	
		муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
интеллигенции	Колхоз . . .	64	63	36	25	—	6	—	—
	Совхоз . . .			Нет сведений					
служащих	Предприятие	39	54	39	36	—	5	4	—
	Колхоз . . .	57	66	28	8	—	8	—	—
механизаторов	Совхоз . . .	73	86	18	—	—	—	—	—
	Предприятие	33	42	33	42	—	—	—	—
	Колхоз . . .	45	44	40	44	5	—	—	—
работников неиндустриального физического труда	Совхоз . . .	64	93	17	7	4	—	—	—
	Предприятие	82	—	12	—	—	—	—	—
	Колхоз . . .	57	56	29	17	—	6	—	—
	Совхоз . . .	40	56	40	19	—	—	—	13
	Предприятие	50	52	—	21	—	5	—	—

Огромный рост общественного и семейного престижа женщины ведет к изменению традиционной структуры семейных отношений. В частности, постепенно разрушается веками складывавшееся разделение труда. В обследованных нами селах Московской области более чем в $\frac{1}{3}$ случаев мужья выполняют значительную часть домашней работы. Интересно, что в семьях работников не-

квалифицированного и малоквалифицированного физического труда, где заработок жены составляет весомую часть семейного бюджета, доля мужей, принимающих активное участие в домашнем хозяйстве, больше, чем в других группах (34%). Можно также отметить несколько меньшую вовлеченность в домашние дела мужей — руководителей и специалистов (23%). Их производственная нагрузка часто настолько велика, что не оставляет времени на помощь в домашнем хозяйстве. В большинстве семей на мужчинах лежит традиционная мужская работа по заготовке дров и ремонту помещения (см. табл. 71).

Таблица 71

Распределение домашних обязанностей
(Данные по трем московским селам
о полных семьях в % к каждой группе)

Социально-профессиональные группы	Обязанности распределены равномерно	В основном домашнюю работу исполняет муж	В основном домашнюю работу исполняет жена	В основном домашнюю работу исполняет бабушка	В основном домашнюю работу исполняют дети до 16 лет
Руководители и специалисты . . .	18	5	72	5	—
Служащие	23	9	61	6	—
Механизаторы	23	7	67	3	—
Работники малоквалифицированного физического труда . . .	29	5	59	6	0,9

В старой деревне совместное ведение хозяйства и отношения собственности объединяли под одной крышей родителей, взрослых детей и внуков независимо от их желания. Каким бы тираническим ни был характер старика отца или свекра, его терпели до последней возможности, так как от старших к молодым должна была перейти собственность на хозяйство, символизировавшая и благосостояние, и престиж в деревне, да и вести единоличное хозяйство легче было большой семьей. При одинаково низком образовании значительную роль тог-

да играл жизненный опыт старшего поколения, знание приемов ведения сельского хозяйства и тому подобные преимущества, морально подкреплявшие основанную на преимущественных отношениях власть родителей.

Быстрый рост образования, новые источники семейных доходов, новое положение женщины привели к серьезным изменениям в структуре семейных взаимоотношений. Как уже говорилось, почти все взрослые дети и по образованию и по заработку превосходят своих родителей. Естественным следствием этого является новое отношение к главе семьи. На вопрос о главе семьи многие жители (20—30%) отвечают: «Мужчина». Но в ответе явно сказывается традиция, потому что на следующий вопрос — об особых правах главы семьи — большинство ответить не может или отрицает эти права. Лишь немногие главой семьи называют того, на кого записаны дом и хозяйство, кто больше зарабатывает (6—11%), или старших по возрасту (10—20%). Как правило, за главой семьи не признается право определять жизненно важные вопросы, единолично распоряжаться семейными средствами и тем более решать вопрос о наказании членов семьи, и в этом отношении современная деревенская семья в корне отличается от традиционной крестьянской семьи. Резко упало и значение стариков в решении жизненно важных вопросов. Большинство сельских жителей, которым еще не исполнилось 40 лет, отвечают на этот вопрос отрицательно или с оговорками: «Надо посоветоваться со стариками, но поступить по-своему». Даже люди более пожилого возраста признают за молодежью это право как фактически существующее. Примерно таково же отношение к вопросу об обязательности согласия родителей при вступлении в брак.

Потребность молодых в утверждении своих жизненных норм, отличающихся от норм старшего поколения, противостоит и превосходит традиционное убеждение старших в своем праве определять жизнь семьи. Столкновение ценностей поколений находит свое наиболее рельефное выражение во взаимоотношениях невестки и родителей мужа. Разница в представлениях о семейном укладе больше всего проявляется в области домашних дел, где сталкиваются женщины. Невестка приносит с собой в семью мужа свои представления о методах ведения домашнего хозяйства, о том, чем следует зани-

маться во вне рабочее время, как воспитывать детей и т. д. Эти представления обычно отличаются от представлений свекрови, а сознание своей материальной независимости не дает молодой женщине слепо подчиняться взглядам и требованиям, которых она не разделяет. Все это определяет тенденцию к отделению молодых семей.

С другой стороны, сохраняется, хотя и в сильно изменившемся виде, потребность во взаимопомощи, замедляющая этот процесс дробления. Во всех группах материальная зависимость взрослых детей от родителей не велика. Наоборот, при заметном разрыве в зарплате, что особенно часто бывает у руководителей и специалистов высшего звена, пожилые и малообеспеченные родители больше зависят от детей. В семьях, где в бюджете велика роль личного хозяйства, основная забота о котором лежит на трудоспособных стариках, оно в значительной мере связывает родителей и детей. При возрастающей занятости молодой женщины на производстве серьезное значение имеет также помощь пожилых родителей в домашнем хозяйстве и присмотре за детьми, когда дети по каким-либо причинам не создали собственной полной семьи или сами родители одиноки, больны и слабы.

Все эти обстоятельства создают такое положение, что число расширенных семей (т. е. таких, где взрослые дети живут совместно с родителями) не определяется материальной зависимостью младшего поколения от старшего, как было когда-то. Во всех профессиональных группах доля ответивших, что больше всех в их семье зарабатывает отец или мать, не превышает 3%. Расширенные же семьи встречаются у руководителей и специалистов чаще, чем у мало- и неквалифицированных групп населения.

Изменилось и отношение к детям. Раньше дети в сельской семье рано начинали работать, работали много, а потребляли мало. Им почти никогда не покупали новых вещей или игрушек, затраты семьи на их питание или уход за ними были минимальными.

Традиционная крестьянская семья не ценила образование и не стремилась дать его детям. Крестьянский идеал — быть всегда сытым — достигался тяжелым физическим трудом и крайней бережливостью, а не «празд-

ным» сидением за книгой или «расточительством» на одежду, обувь, учебники. Да и помочь ребенку в его первых неуверенных шагах к знанию было некому. Неграмотность родителей была важным фактором, задерживавшим интеллектуальное развитие детей. Не случайно, по данным нашего исследования, родители более чем 80% разнорабочих (группа населения, отличающаяся самым низким образованием и не имеющая определенной квалификации) имели образование ниже начального, а многие были совершенно неграмотными.

Результатом всего этого была известная крестьянская многодетность. Детей рождалось «сколько бог послал», и, хотя около $\frac{1}{3}$ их умирало еще в младенчестве от плохого ухода («бог дал, бог взял»), оставшиеся в живых оказывались достаточно большим пополнением крестьянской семьи, ценными работниками и главными кормильцами в случае болезни и старости родителей.

В современной деревне дети в большинстве случаев уже не могут рассматриваться как основной источник материального благополучия родителей в будущем. Судя по результатам нашего исследования, только 8% мужчин старше 50 лет в Краснодарском крае и 12% в Калининской области считают сына или дочь главным кормильцем семьи. Примерно таково же мнение и женщин тех же возрастов (9% — в Краснодарском крае и 13% — в Калининской области). Нет от детей и того важного экономического вклада, который они вносили в семью, работая в индивидуальном хозяйстве.

В то же время воспитание детей стало делом намного более дорогим и трудоемким. Большинство родителей, в том числе и те, кто сам смог окончить лишь два-три класса, мечтают о том, чтобы дать своим детям максимальное образование. В современной семье дети пользуются большим количеством материальных благ, получают доступ к образованию и культуре. На детей уходит (по данным подмосковной деревни) от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ бюджета семьи.

Хотя убеждение родителей в том, что дети обязательно должны помогать в домашнем хозяйстве, остается прежним, фактическая помощь детей существенно отличается от той, которую они оказывали в прежней деревенской семье. Реальный объем домашних обязанностей ребят заметно сокращается. Лишь очень немногие ро-

дители считают, что помощь в хозяйстве — главная обязанность детей, большинство же утверждает, что дети должны помогать лишь в свободное от учебы время. Многие подчеркивают также необходимость дать детям время не только на учебу, но и на отдых.

Из числа опрошенных в трех деревнях Московской области (451 человек) только в одной семье на ребенке до 16 лет лежала основная тяжесть домашней работы. Большинство матерей из московских и рязанских деревень на вопрос о том, можно ли их детям ходить в кино, ответили: «Можно, пусть ходят, сколько хотят». Лишь немногие считают, что детей следует в этом ограничивать. Многие родители читают и покупают книги дошкольникам. Значительное число детей еще до школы узнают азбуку. Новое отношение к детям выражается и в том, что им часто и охотно покупают игрушки и сладости.

Исчезновение иерархической системы семейных отношений ведет к изменению системы применяемых наказаний. Наиболее часто употребляемое наказание в современной семье — это меры морального воздействия: выразить неудовольствие, отругать. К ним примыкает и такая мера, как лишение удовольствия. Меры физического воздействия применяются редко. 30% опрошенных по этому вопросу жителей подмосковной деревни утверждали, что такие меры необходимы, но 18% из них ограничиваются шлепками «за дело» маленьким детям. Лишь немногие родители (12% ответов) при наказании прибегали к ремню, но и среди них мало безусловных сторонников этой меры. Надо учесть, что в эти 12% входят люди, которые сейчас не имеют детей подросткового возраста. Большинство же родителей, признающих эту меру наказания, добавляли: «Пробовали бить — бросили», «За 12 лет побили сильно только 3 раза» и т. п.

Существенные изменения произошли и в количественном составе современной сельской семьи. Семья, в которой более трех несовершеннолетних детей, сейчас почти исключение. Даже в Татарской АССР, где традиции многодетности сильнее, чем в чисто русских областях, у русского населения республики семьи с одним-двумя детьми составляют 45% всех русских семей, а с четырьмя и более детьми только 9%. Чем выше уровень образования и квалификации родителей, тем сильнее

тенденция к малодетности. Так, в Татарии у замужних русских женщин 18—35 лет, занятых физическим трудом, в среднем по 1,7 ребенка, у занятых умственным трудом — 1,5. Однако в последние годы среди людей, занятых физическим трудом, также значительно повысились требования родителей к условиям жизни и образования детей. В связи с этим наметилась тенденция к выравниванию количества детей младшего возраста в семьях людей, занимающихся как физическим, так и умственным трудом. В группе русских работников физического труда процент семей, имеющих детей школьного возраста, больше, чем в группе работников умственного труда. Но в отношении детей до 11 лет, т. е. родившихся в 1956—1967 гг., положение обратное. Семей с такими детьми больше у работников умственного труда (в том и другом случаях речь идет лишь о семьях лиц, не достигших 35 лет). Такое соотношение свидетельствует о наметившейся тенденции к сглаживанию различий в уровне деторождения разных по образованию и общественному положению семей. Об этом же говорит и преобладание семей с одним-двумя детьми как среди работников умственного, так и физического труда.

Можно предположить, что в ближайшие годы семьи представителей физического и умственного труда заметно сблизятся как по числу детей, так и по условиям, в которых дети будут воспитываться. Уже сейчас доход семьи в расчете на одного ребенка постепенно выравнивается. Так, в Татарской АССР соотношение среднего дохода на 1 члена семьи к среднему количеству детей в семье (условная величина, которая дает возможность сравнить представления о необходимом уровне материальной обеспеченности детей в разных группах населения) составляет по семьям с детьми у разнорабочих — 10,4 руб., у животноводов — 12,9, у работников квалифицированного физического труда — 21, у специалистов средней квалификации — 25 и у специалистов высшей квалификации 23,5 руб. Соответственно по всем полным семьям эти цифры равны 15,3; 17,7; 32,4; 37,8 и 31,4.

Таким образом, дети в семьях, принадлежащих к разным профессиональным группам, пользуются примерно одинаковой материальной обеспеченностью. Исключение составляют семьи работников неквалифицированного физического труда. Однако различие в условиях

воспитания детей этой группы в известной мере сглаживается благодаря помощи государства в воспитании детей. Тенденция к выравниванию дохода на одного ребенка свидетельствует о том, что родители, принадлежащие к разным группам квалифицированного труда, придерживаются примерно одинаковых взглядов на тот уровень затрат, которого требует воспитание ребенка. Когда семейный доход превышает пределы, необходимые для этого среднего уровня, семья склонна обзавестись еще одним ребенком. По нашим данным, у специалистов высшей квалификации больше детей, чем у специалистов средней квалификации. Думается, что это связано не только с их сравнительно зрелым возрастом, но и более высокой зарплатой.

Нам представляется, что дальнейшее повышение доходов менее обеспеченных семей в ближайшие годы может привести к повышению уровня материальной обеспеченности детей в этих семьях, а повышение доходов более высоко оплачиваемых групп сельского населения — к увеличению числа детей в этих группах. Тем самым сводится к минимуму влияние различий в социальном положении семьи на уровень образования детей¹.

Известно, что во всем мире урбанизация приводит к серьезным изменениям в семейных отношениях. Коренная ломка традиционной структуры обычно вызывает распад основанных на этой структуре связей и создает впечатление дезорганизации семьи. Быстрое преобразование социально-экономических условий в нашей стране, изменение функций семьи и то обстоятельство, что пребывание в браке и рождение детей стали в значительно большей мере результатом свободного выбора, не могли не отразиться и на нашей сельской семье. Нельзя также не учитывать многообразного влияния на структуру деревенской семьи потрясений, связанных с войной, с интенсивной миграцией из деревни в город, из области в область, с бурным развитием всех видов массовых коммуникаций. Новая структура взаимоотношений в семье

---

¹ Аналогичное явление — тенденция к стабилизации рождаемости — наблюдается в последние годы и в городских поселениях при продолжающемся снижении в сельской местности (см. «Народное хозяйство СССР в 1969 г.», стр. 33).

нередко вступает в конфликт с традиционной, что рождает новые проблемы, иногда весьма сложные.

Однако, несмотря на могущественное влияние всех этих факторов, сельская семья в нашей стране в целом устойчива. По данным наших исследований, сельских семей, близких к распаду, всего лишь 3—5%. Некоторое увеличение числа разводов и уменьшение размеров семьи, в том числе количества детей, вполне закономерны, так как являются выражением свободы выбора супруга и повышения внимания к детям. Эти явления тем заметнее, чем крупнее населенные пункты и сильнее миграционные потоки.

Во всех группах сельского населения сохраняется традиционная приверженность к семейной жизни. Внутрисемейные отношения и бытовые характеристики отдельных социально-профессиональных групп мало различаются. При выяснении семейных взаимоотношений мы не ставили цель получить глубокую психологическую характеристику сельской семьи. Однако полученные данные представляются достаточно объективными и существенно дополняют общую картину жизни сельского населения. В частности, негативный ответ «отношения скорее неудовлетворительные», существенно дополняя статистику разводов, по нашему мнению, дает представление о доле семей, находящихся в состоянии, близком к распаду, и может иметь прогностическое значение.

Вариации по группам сравнительно невелики, но можно проследить связь между ответами на вопрос о семейных отношениях и общим социальным самочувствием. Так, руководители высшего и среднего звена, выражающие наибольшую удовлетворенность своей семейной жизнью, проявляют также значительную удовлетворенность условиями своей работы, реже хотят уехать из села. Вообще между удовлетворенностью семейными отношениями и другими показателями удовлетворенности, как уже отмечалось, существует определенная параллельность. Особенно она заметна между удовлетворенностью семейными отношениями и величиной заработка. В меньшей мере эта тенденция сказывается при сопоставлении оценки семейных отношений с удовлетворенностью содержанием работы. У мужчин старшего поколения (после 35 лет) удовлетворенность семейной

жизнью часто сочетается с высокой оценкой своих взаимоотношений и с товарищами по работе. Хорошие отношения в семье заметно способствуют росту квалификации. Члены таких семей чаще повышают свою профессиональную подготовку. Оценка режима и условий работы, отношений к руководству и товарищам по работе, заработка и содержания работы у удовлетворенных семейной жизнью значительно выше средних по всему массиву.

Большая удовлетворенность своей семейной жизнью и работой вызывает значительно меньшее желание поменять место жительства. Если в Татарской АССР в целом по выборочной совокупности хотят переехать в город 18% татар и 20,5% русских, то среди семей, благополучных по своим взаимоотношениям, переехать в город хотят только 13,4%. Несколько меньше стремятся уехать из села и дети из этих семей. У русских мужчин, наиболее склонных к миграции, при очень хороших отношениях в семье дети уехали в город из 36% семей, при удовлетворительных — из 47%. С другой стороны, неудовлетворенность семейными отношениями сопутствует общей неудовлетворенности. Среди желающих переехать в город процент удовлетворенных своей семейной жизнью и в больших и в малых селах ниже, чем у оставшихся. Неудовлетворенность семейной жизнью коррелирует с желанием уехать даже больше, чем неудовлетворенность работой.

Наибольшую требовательность к своим семейным взаимоотношениям проявляют специалисты высшего звена. Хотя у них мало распадающихся семей, у них и меньше всего отличных оценок своей семейной жизни. Они же в большей мере склонны винить семью в своих жизненных неудачах. Среди них наибольший процент (14) ответивших, что семья помешала им в служебном продвижении. Большая требовательность к жизни, известная «беспокойность» сказывается и в том, что в этой группе значительна доля недавно живущих в селе или желающих уехать из него.

Не только оценка семейных отношений оказалась весьма сходной в аналогичных группах населения географически отдаленных друг от друга территорий РСФСР. Сходны и те помехи в семейной жизни, которые называли опрошиваемые в разных районах. Весь-

ма заметна та же связь их с идущими в стране урбанизационными и миграционными процессами.

Ответы на вопрос «Что мешает Вашей семейной жизни?» можно разделить на две группы. Одна из них характеризует пережиточные явления и содержит жалобы конкретно-материального характера. Сюда относятся указания на грубость, пьянство, конфликты по денежным вопросам в семье, неудовлетворительные жилищные условия. Другую группу составляют, так сказать, «психологические» жалобы, корень которых заключается в столкновении культурно-ценностных представлений. К ним, по нашему мнению, принадлежат недовольство невниманием со стороны супруга, измены и ревность, споры о воспитании детей, жалобы на вмешательство родителей в семейную жизнь молодого поколения и особенно на недостаток времени, которое человек может уделить семье.

«Психологические» жалобы имеют специфически городской оттенок. Их и высказывают чаще новопоселенцы, особенно прибывшие из города. Если всего прибыло из городов, находящихся в пределах или за пределами Татарской АССР, 5,4% опрошенных, то среди недовольных невниманием супруга их около $\frac{1}{4}$. Такую же долю составляют бывшие горожане и среди ссылающихся на недостаток времени. Среди жалующихся на разногласия с родителями их 19%, на споры о воспитании детей — 14%.

Жалобы материального и психологического порядка заметно различаются в зависимости от системы ценностных представлений, которую в первую очередь создают культурная среда и образование. У жалующихся на пьянство, недостаток денег или жилья образование в среднем значительно ниже, чем у тех, кто предъявляет «психологические» жалобы. Так, среди опрошенных, у которых семейной жизни больше всего мешает пьянство, законченное среднее образование имеют только 22%, среди жалующихся на вмешательство родителей — 55%, а в семьях, где семейному миру мешают больше всего споры о воспитании детей, образование выше среднего имеют 87% опрошенных.

Влияние личных трудностей в семейной жизни оценивается опрашиваемыми неодинаково. Во многих случаях, высказывая те или иные жалобы, они в целом да-

ют высокую оценку своей семейной жизни. Это в особенности относится к неудовлетворенным жилищными условиями и еще больше — недостатком времени. В таких случаях сохраняется достаточно высокая общая удовлетворенность семейными отношениями и не случайно жалобы на недостаток времени почти не сочетаются с другими претензиями. Недостаток времени чаще всего ощущают люди, которые любят свое дело и «горят на работе». Эта группа отличается высокой удовлетворенностью содержанием работы, но значительно меньше довольна режимом и условиями своего труда. Среди попавших в эту группу больше всего членов партии. Принадлежащие к этой группе очень активны, продолжают образование в техникумах и вузах, ведут общественную работу, давая ей самую высокую оценку и в то же время проявляя к ней наибольшую требовательность. Эта же группа пользуется наибольшим влиянием в своем коллективе.

Однако интерес к работе в таких семьях иногда воспринимается как помеха семейной жизни, что создает конфликт семейных и производственных ролей. Этот конфликт представляет собой в общем здоровое явление, отражая, так сказать, «трудности роста», которые семья постепенно преодолевает, не подвергаясь существенной угрозе.

Иной характер носят некоторые другие конфликты. В частности, тяжело отражается на семейных отношениях пьянство. Самую большую долю злоупотребляющих алкоголем мы наблюдаем среди мужчин, имеющих неполное среднее образование. Основной причиной этого зла, по-видимому, является разрыв между материальным и культурным уровнем у части населения.

В старой деревне крестьянин был вынужден работать от зари до зари ради того, чтобы прокормиться. Освободившись от тяжелой работы и сэкономив несколько грошей, он получал разрядку с помощью опьянения. Жизнь была достаточно напряженной и во время войны, и в послевоенные годы. Затем в течение короткого срока резко сократился рабочий день, выросли денежные доходы сельского жителя. Культурные же потребности, которые заполнили бы образовавшееся свободное время и помогли бы рационально использовать увеличившиеся

заработки, воспитаться не успели¹. У мужчин образуется в ряде случаев вакуум интересов, которому способствует и все еще большая занятость жены домашним хозяйством.

Это расхождение между сравнительно высокими заработками и увеличившимся свободным временем, с одной стороны, и неумением найти здоровое им применение, с другой, чувствуется в крупных и более урбанизированных селах сильнее, чем в мелких. Не случайно в Московской области злоупотребляющих алкоголем больше, чем в Калининской и Краснодарском крае, а в Татарской АССР меньше всего. Не случайно также, чем крупнее село в пределах одного района, тем выше процент злоупотребляющих алкоголем.

Заполнению вакуума выпивками способствует и традиционное представление об алкоголе как непрременном участнике любых торжественных событий. Большинство жителей выпивает в праздник или по случаю семейного торжества. В каждой профессиональной группе это явление тем более обычно, чем выше ее благосостояние. Аналогичным образом многие сельские жители считают своим долгом отметить встречу с друзьями или «поддержать» компанию. У некоторых это переходит в привычку отмечать выпивкой каждую получку или случайный заработок. Особенно часто это бывает у механизаторов, заработки которых довольно высоки, а культурные потребности не всегда достаточно развиты. Характерно, что близкие по доходам группы механизаторов и служащих заметно различаются по привычке отмечать выпивкой получку или случайный заработок. Все это — неумение заполнить досуг полезным и интересным делом, распространенное представление о выпивке как непрременном условии праздника — в некоторых случаях приводит к серьезному злоупотреблению алкоголем, которое чаще встречается у работников физического труда, особенно у мужчин 30—50 лет. Это поколение, испытавшее тяжесть военных и послевоенных лет, серьезные материальные трудности, разрушение семьи и другие по-

---

¹ О масштабах увеличения количества свободных денег у сельского населения говорит хотя бы рост накоплений в сберегательных кассах. Только за 1965—1968 гг. сумма вкладов в сельских местностях СССР увеличилась с 4 699 млн. руб. до 8 586 млн. руб. (См. «Народное хозяйство СССР в 1969 г.», стр. 585).

трясения, связанные с войной и ее последствиями. Влияние войны сказывается и на части женщин, среди которых наибольшую долю злоупотребляющих спиртными напитками составляют родившиеся в 1916—1930 гг., т. е. от 36 до 50 лет.

Злоупотребление спиртными напитками принимает разные формы и по-разному воспринимается в семьях с разными культурными установками. На грубость, пьянство больше всего жалуются работники малоквалифицированного физического труда. В этой группе почти совпадает процент людей, часто употребляющих спиртные напитки, и процент жалующихся на пьянство как повод для семейных раздоров. Здесь злоупотребление алкоголем в большинстве случаев влечет за собой тяжелые последствия для семейного благополучия. В семьях же с более высоким образовательным уровнем даже частое употребление спиртных напитков значительно реже приводит к эксцессам и вызывает тяжелые семейные конфликты (см. следующие данные по трем селам Московской области в % к каждой группе).

	А	Б	В	Г ₁	Г ₂₋₃
Жалуются, что семейной жизни мешают пьянство, грубость и т. п.	7	3	8	13	20
Часто употребляют спиртные напитки	20	16	42	26	22

* * *

В целом широкое вовлечение женщин в общественное производство, а также воспитательная работа с населением в государственном масштабе привели к заметному изменению во взглядах на семью, ее роль в жизни человека, в отношении к детям, во взаимоотношениях поколений. Это в общем сходное восприятие семьи варьирует в зависимости от образования, общественного положения, доходов людей (см. табл. 72).

Наиболее ценной функцией семьи является воспитание детей. Почти так же ценится (чем выше образование, тем больше) возможность иметь близкого друга,

Влияние социальной принадлежности сельских жителей на восприятие функций семьи!
 Ответы на вопрос: «Что Вы больше всего цените в своей семейной жизни?»

	Возможность иметь близкого человека		Дети — главный смысл семьи		Семья обременяет быт		Без заработка мужа (жены) мне не прожить		Ничего не ценю, семья мне не нужна	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Работники физического труда										
Калининская область	+0,6	+0,5	+1,2	+1,5	-0,1	-0,9	-0,9	-0,9	-0,9	-0,9
Краснодарский край	+0,8	+0,5	+1,3	+1,6	-0,2	-0,1	-0,9	-0,9	-1	-0,9
Служащие										
Калининская область	+0,7	+0,7	+1,5	+1,2	-0,5	-0,3	-0,9	-0,5	-0,9	-0,9
Краснодарский край	+0,9	+0,6	+1,1	+1,5	-0,3	-0,3	-0,8	-0,8	-0,9	-0,9
Работники квалифицированного умственного труда										
Калининская область	+1,1	+1,0	+1,1	+1,3	-0,3	-0,6	-1	-0,8	-0,9	-0,9
Краснодарский край	+0,7	+0,7	+1,7	+1,7	-0,3	-0,4	-1	-0,9	-1	-0,9

«которому можно доверять». Эту функцию семьи мужчины ценят несколько больше, чем женщины. Остальные функции семьи привлекают мало внимания.

Обращает на себя внимание сравнительно небольшой процент голосов, отданных роли семьи по облегчению быта. Ведь бытовые условия в деревне все еще довольно трудные. Одинокий человек не всегда может пообедать в столовой, сдать белье в прачечную, иногда даже просто выйти в магазин купить себе хлеба. Тем не менее большинство опрошенных не считают, что семья создается ради облегчения бытовых проблем. При этом более образованные категории сельского населения проявили еще меньшую заинтересованность в этой функции семьи, чем работники физического труда. Невелика заинтересованность всех групп в заработке супруга. Несколько большую, чем другие группы, заинтересованность в этом отношении проявили только женщины-слушатели.

Как видим, разница в ответах по профессиональным группам невелика, и важные изменения в понимании функций семьи деревенским жителем затронули все слои сельского населения. Центр тяжести в оценке функций переместился от материально-бытовых к эмоциональным функциям. При одинаковом общем направлении происходящих процессов степень урбанизации и источники экономического благосостояния оказываются основными факторами, определяющими различия во внутрисемейных отношениях разных возрастных и профессиональных групп.

---

¹ В таблице дается условный показатель (a), учитывающий как процент ответов по каждой группе, так и число выборов, сделанных опрошиваемыми. Средняя (X), полученная путем деления числа ответов по данной группе на 5 (число возможных выборов), сопоставляется с ее отклонениями по каждой группе:

$$a = \frac{X - x}{x}$$

Преобладание позитивных ответов обозначено знаком плюс, негативных — минус. При полном согласии всех опрошенных получается +4, при полном несогласии —1.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Социальная структура сельского населения, специфика социальных групп, распределение материальных и культурных благ, место социальных групп в системе управления в конечном счете определяются уровнем развития производительных сил, накопленным социальным опытом, реальным соотношением общественных сил. Все это мы пытались в той или иной мере показать в предыдущих разделах. В этой части задача иная. Рассмотрим теперь, каков механизм изменения социальной структуры, подойдя к ней не как к некоей статической данности, а как к динамическому образованию.

Уровень развития социальных групп и связанное с ним соотношение общественных сил не есть нечто неизменное и раз навсегда данное. Общественный потенциал и соответственно общественные потребности постоянно меняются. Хотя эти потребности производны от социально-экономической и политической системы, они относительно самостоятельны. Условия, влияющие на общественные потребности, столь многообразны, что развитие их жестко не контролируется.

С точки зрения теории социальной структуры важно выяснить влияние потребностей на социальные процессы и мобильность. Поскольку общественные потребности динамичны и относительно самостоятельны, система тем жизненнее, чем полнее и своевременнее она их учитывает. Чем меньше социальная система соответствует общественным потребностям, тем жестче аппарат принуждения, и менее устойчива вся система.

Разумеется, власть — это насилие. Однако мера насилия различна. Это может быть насилие над абсолютным большинством населения, как в эксплуататорских государствах, или насилие над абсолютным меньшинством (например, над людьми, патологические отклонения которых представляют собой опасность для здоровья и безопасности близких). Власть в одном случае может выступать как аппарат голого принуждения, в другом, теряя социально-классовое содержание, — преимущественно как общественное регулирование.

Каждое общество вырабатывает не только определенную систему нормирования общественных благ, но и механизм, обеспечивающий действие и воспроизводство этой системы.

Обязательным условием сохранения общественной системы является связь — прямая и обратная — между объектом и субъектом управления. Динамичные социальные системы, функционирующие в условиях научно-технической революции, вообще не могут существовать без развитого механизма обратной связи. Внутренние изменения в обществе регистрируются и материализуются в общественном устройстве.

Современный капитализм пытается использовать этот механизм, чтобы продлить свое существование. Сохранение системы во многом определяется тем, в какой мере господствующим классам удастся приспособиться к внутренним изменениям в обществе. Когда обратная связь нарушается, наступают кризисы, чреватые революционным взрывом.

При наличии активной обратной связи в нашем обществе кризисные ситуации предотвращаются, условно говоря, двояким путем: эволюционным, предполагающим постепенное изменение общественных отношений в соответствии с ростом социальных потребностей, и динамическим, означающим единовременное, обычно плановое изменение статуса отдельных социальных групп или индивидов, аккумулирующих социальную энергию. В случае эволюционных изменений постепенно меняется среда, т. е. условия жизни людей. В случае динамических — люди переходят в среду, соответствующую их потребностям, т. е. меняется социальное положение людей. Динамические изменения реализуются через механизм социальной мобильности — соответственно группо-

вой или индивидуальной. Эволюционные и динамические изменения дополняют и в известной мере компенсируют друг друга.

Интенсивность изменений, масштабы социальной мобильности, механизм и характер комплектования мобильных групп социально обусловлены данной конкретной, исторически определенной системой. Поэтому не всякая мобильность с точки зрения использования потенциала человека есть благо. Масштабы социальной мобильности сами по себе не свидетельствуют о прогрессивности этого явления и строя, его породившего. Без качественного анализа — учета нравственных и профессиональных норм рекрутирования различных социальных групп — нельзя оценить сущность мобильности и системы в целом.

В СССР мобильность отличается прежде всего:

1) своей социальной направленностью, сущность которой сводится к воспроизводству отношений без частной собственности и частнокапиталистической эксплуатации;

2) особыми нормами отбора мобильных групп, когда обязательным условием продвижения являются, с одной стороны, профессиональные, с другой — политические качества. Профессиональные и политические требования взаимодействуют. С развитием общества профессиональные требования к кадрам приобретают все большую значимость;

3) специфичны также факторы социальной мобильности; при отсутствии капитала, частной собственности почти абсолютную значимость в качестве решающего фактора мобильности приобретает образование;

4) своеобразие форм социальной мобильности связано с централизованной организацией общественного производства в СССР; мобильность в значительной мере планируется и управляется партийными и государственными органами. Наряду с косвенными средствами управления (за счет централизованных капиталовложений государство влияет на распределение рабочих мест) существуют прямые, сводящиеся к управлению трудовыми ресурсами различными организационными мерами и путем экономического стимулирования.

В аграрной подсистеме СССР проявились все особенности социальных изменений и социальной мобиль-

ности, присущие формации в целом. Обычно заранее планируемые эволюционные и динамические изменения сочетаются друг с другом. Наряду с улучшением положения сельского населения, особенно активным изменением статуса механизаторов и сельской интеллигенции, происходят интенсивные динамические изменения: имеет место массовая мобильность, как групповая (особенно в недавнем прошлом перевод механизаторов из МТС в колхозы, части колхозников на положение рабочих совхозов), так и индивидуальная.

ОРИЕНТАЦИЯ НА МОБИЛЬНОСТЬ И СРЕДА

Повышение статуса сельского населения в целом, массовый профессиональный рост сельских жителей, их миграция в город и другие аналогичные явления структурного порядка вызваны не только внешними требованиями (например, развитием промышленности, потребностью в сельскохозяйственной продукции и т. д.), но также подготовлены внутренними изменениями социального потенциала населения (его образованием, опытом, общественной активностью и т. п.), состоянием социальных групп села, их насущными потребностями и интересами. Изменение в социальной структуре лишь внешняя реакция на скрытое состояние общественных групп.

В какой мере эти внешние изменения соответствуют потребностям и социальным запросам сельского населения? Анализ соотношения социальной структуры и социальных запросов населения позволит выявить зоны расхождения идеалов и действительности, группы, наиболее нуждающиеся в изменении их статуса, и с этой точки зрения оценить жизненность перспектив и направления социальной политики. Все это чрезвычайно важно для анализа устойчивости аграрной подсистемы, выявления назревших мер ее совершенствования.

При такой постановке вопроса в первую очередь встает задача исследования социальных ожиданий населения. В обществах, где существовало жесткое сословное разделение населения, переходы из одной группы в другую были затруднены и дети из поколения в поколение занимались обычно тем, чем занимались их родители. В таких условиях потенциальная мобильность и связанные с ней социальные ожидания, во всяком случае

для большинства населения, были невелики или отсутствовали вовсе. Иное положение складывается в нашем обществе. Постоянный рост образования населения, усложнение профессиональной структуры, все более расширяющаяся номенклатура занятий делают естественным для всего населения форсированный рост социальных ожиданий. По-видимому, для такого общества можно считать нормальными высокую потенциальную мобильность и известное опережение социальной действительности социальными ожиданиями.

Для оценки перспектив социальной политики очень важно обнаружить меру этого опережения. Для этого мы пытались выявить нереализованные запросы населения и сравнить сконструированную таким образом идеальную модель социальной структуры с реальной. Исследование подтвердило высокий престиж занятий умственного труда и довольно низкий престиж неквалифицированного физического труда, который, как известно, в деревне до сих пор преобладает. Если сравнить долю людей, занятых тем или иным видом труда, с долей претендующих на занятия данным видом труда, можно получить некий коэффициент, свидетельствующий о мере реализации социальных претензий населения. Косвенно этот показатель можно принять за индекс престижа (точнее, привлекательности)¹ данного занятия, ибо, чем больше отстает реальность от запросов, чем более трудно достижим тот или иной вид труда, тем выше его ценность. Обнаруживается, например, что число занятых *интеллигентными* профессиями не менее чем в 10 раз отстает от числа «претендентов» (т. е. предпочитающих этот вид труда). В группе разнорабочих, наоборот, доля фактически занятых в 5 раз превышает число «претендентов». Запросы и их реализация находятся в соответствии друг с другом в группах квалифицированного физического труда, как ручного, так и механизированного. Результаты обследования различных районов дают довольно-таки устойчивое соотношение или, лучше сказать, шкалу престижа сельских профессий (см. табл. 73).

Исходя из социальных предпочтений, можно построить идеальную модель социальной структуры, которая

---

¹ Индекс привлекательности = $\frac{\text{Предпочитающие данное занятие}}{\text{Фактически им занятые}}$

**Престиж занятий
социально-профессиональных групп (в %) ¹**

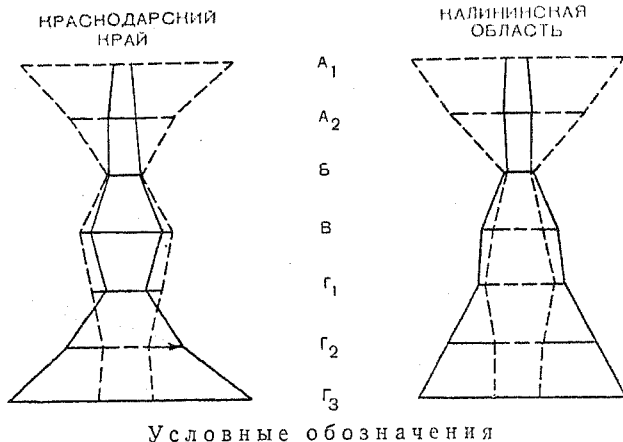
Социально-профессиональные группы	Калининская область			Краснодарский край		
	Фактически заняты	Предпочитают данное занятие	Индекс предпочтительности	Фактически заняты	Предпочитают данное занятие	Индекс предпочтительности
Интеллигенция высшего звена (А ₁)	3,0	38,7	13	3,8	36,5	10
Интеллигенция среднего звена (А ₂)	5,2	15,3	5	4,4	21,8	5
Служащие (Б)	5,5	4,4	0,8	2,6	4,7	1,7
Механизаторы (В)	11,6	12,9	1,1	11,3	9,3	1,2
Квалифицированный ручной труд (Г ₁)	8,4	11	1,4	13,6	11,9	0,8
Малоквалифицированный ручной труд (Г ₂)	21,1	8,6	0,4	27,2	8,5	0,4
Разнорабочие (Г ₃)	43,5	9,1	0,2	37,2	7,1	0,2

полностью соответствовала бы «заявкам» сельского населения. Естественно, она выглядела бы совершенно отличной от модели фактической. Если фактически интеллигенция находится в меньшинстве в деревне, в идеальной модели она в большинстве. Графическое сравнение идеальной и фактической социальной структуры сельского населения, построенное на основе данных, приведенных в табл. 73 (сравнение фактических занятий и предпочтительных), представлено на схеме 3².

Свои социальные запросы население в известной мере коррелирует с собственным социальным положением и образованием. Разнорабочие, например, имеющие невысокое образование, высказывают более скромные запросы и меньше претендуют на занятия, требующие выс-

¹ Для выявления «предпочитающих» в анкете был предусмотрен вопрос: «Если бы Вы начали жизнь сначала, то кем бы Вы хотели быть?» Далее предлагался выбор: «Работать, как сейчас работаю» и для тех, кто предпочитал другое занятие, полный веер соответствующих профессий. Таким образом, при обработке данных появляется возможность выявить претензии и сравнить структуру запросов с фактической структурой населения.

² Сходная картина получена В. Н. Шубкиным при сравнении жизненных планов и их реализации учащимися средних школ.

Фактическая и «идеальная» модель
социальной структуры.

- A_1 — интеллигенция высшего звена
 A_2 — интеллигенция среднего звена
 Б — служащие
 В — механизаторы
 Γ_1 — работники квалифицированного ручного труда
 Γ_2 — работники малоквалифицированного ручного труда
 Γ_3 — разнорабочие
 — фактическая социальная структура
 --- идеальная социальная структура

шего образования, чем, скажем, служащие или тем более специалисты среднего звена.

С ростом образования населения, естественно, социальные ожидания возрастают. Вот почему для своих детей опрошенные предпочитают более совершенную структуру, чем для себя самих. Таким образом, идеальная структура для нынешнего поколения (условно назовем ее ретроспективной) будет менее претенциозна, чем «перспективная» — идеальная структура для будущего поколения. Так, если в Калининской области и Краснодарском крае примерно 40% населения предпочитала занятия, требующие высшего образования, то доля претендующих на высшее образование для детей значительно выше. В Московской области, например, выяс-

нилось, что около 60% населения (из числа ответивших на этот вопрос) хотело, чтобы их дети занимались квалифицированным умственным трудом (требующим высшего образования); в Орловской области 65% сельских жителей хотели дать детям высшее образование и т. п.¹ Если по ретроспективной идеальной модели людей, занятых преимущественно неквалифицированным и мало квалифицированным ручным трудом, должно было бы быть в 2,5 раза меньше, чем фактически, а интеллигенции в 7 раз больше, то по перспективной идеальной модели неквалифицированных работников физического труда должно быть в 6 раз меньше, чем фактически. Более 1/3 сельских жителей сами соглашались на неквалифицированный физический труд, но для детей практически никто (только 7%, по данным Московской области) не был согласен на этот выбор. Следовательно, перспективная идеальная модель отстоит от фактической дальше, чем ретроспективная (см. табл. 74).

Таблица 74

Сравнение фактической и «идеальной»
социальной структуры сельского населения
Луховицкого района Московской области (в %)

Социально-профессиональные группы	Фактическая модель	Перспективная идеальная модель
Интеллигенция	13,7	56
Служащие и специалисты среднего звена	16,7	11,3
Механизаторы	27,6	25,4
Разнорабочие и др.	41,9	7,4

Если учесть, что сейчас в деревне занято умственным трудом примерно 10%, а в городе — 30% населения, то понятно (с помощью экстраполяции это можно установить точнее), что и в ближайшие 15—20 лет доля эта будет весьма сильно отстоять от ожиданий даже сельских жителей. Социальные иллюзии сами по себе — явление нежелательное. Дело не только в возможном

¹ См. «Сельская молодежь». Социологический очерк, стр. 120.

разочаровании, но и в том, что неправильная профессиональная ориентация приводит к серьезным практическим издержкам на жизненном пути многих людей. Некоторые объективные тенденции развития позволяют, однако, ожидать, что в будущем расхождения между идеальной и фактической структурой будут не столь острыми.

Сближению расхождений между социальными ожиданиями и действительностью способствует прежде всего объективное развитие села, эволюция материально-технической базы сельского хозяйства, которая приводит к вытеснению тяжелого физического труда и росту числа квалифицированных рабочих мест. Предусмотренное Программой КПСС исчезновение в стране тяжелого физического труда в первую очередь, конечно, затрагивает судьбы деревни.

Этому же способствует взятый курс на рост оплаты труда людей малой квалификации, сокращение разрыва в материальном положении низкооплачиваемых и высокооплачиваемых групп. Конечно, ждать от этого процесса какого-то существенного изменения взглядов на высшее образование и интеллигентные профессии не приходится. Интеллигентные профессии привлекательны в основном не высокой оплатой, а сами по себе, содержанием труда, преобладанием творческих функций. Высокое качество труда само как бы является возмещением за труд, и с ростом материальной обеспеченности оно (качество труда) как ценность будет непрерывно возрастать. В этой связи возникает вопрос: насколько обоснованно дополнительное материальное вознаграждение и без того привлекательного творческого труда?

Следует учесть также, что то или иное конкретное занятие не воспринимается изолированно, в отрыве от перспектив, в том числе материального порядка, которые оно открывает. В этой связи материальный потолок для людей, имеющих высшее образование и не имеющих его, будет различен, даже если на начальных ступенях у тех и у других заработная плата будет выравнена. Например, разнорабочий без образования, пока он молод и здоров, будет оплачиваться в наибольшей мере для своего занятия, а агроном по мере повышения опыта будет получать возможность переходить на более почетные и высокооплачиваемые должности, вплоть до занятий квалифицированной научной и административной

работой. Таким образом, изменение материального положения должно происходить как бы в соответствующей профессиональной «серии» с учетом наивысших профессиональных возможностей данной «серии». Разумеется, все это не означает, что должен быть нарушен принцип более высокой оплаты за более сложный труд. Но в соответствии с общественными потребностями разрыв между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми категориями должен последовательно уменьшаться. Существующий сейчас разрыв не всегда представляется оправданным.

Изменение отношений распределения, улучшение материального положения низкооплачиваемых категорий создают благоприятную базу для профессиональной переориентации населения, повышения престижа занятий физическим трудом. Хотя профессиональная ориентация является производной от объективных условий¹, развитие ее в какой-то мере относительно самостоятельно. Опыт показывает, что после изменения объективного положения той или иной профессиональной группы население далеко не сразу фиксирует в своем сознании это изменение, низкий престиж ее сохраняется по инерции. Сознательная работа по профессиональной ориентации способствует ускорению преодоления инерции и утверждению соответствующего общественного мнения.

До сих пор мы пытались создать общую картину социально-профессиональных предпочтений (как активных, так и пассивных) сельского населения. Эти подчас весьма аморфные aspirations (желания, стремления) создают определенный социальный фон, предопределяющий основное направление социального развития и влияющий на социальную политику. Но для решения конкретных задач такой общий подход недостаточен.

Представляется целесообразным как с практической, так и теоретической точек зрения выделить в гамме чувств и настроений активные, т. е. те, которые оказывают реальное влияние на фактическое поведение людей. Иначе говоря, необходимо составить представление о тех предпочтениях, которые находятся как бы на уров-

---

¹ Обычно на связь профессиональной ориентации и объективных условий специалисты по профориентации обращают мало внимания.

не потребностей, выражающихся в конкретных запросах населения.

Потребности диктуют поступки людей. Вслед за Щепаньским мы склонны рассматривать потребность как «врожденное или приобретенное» требование организма, «вызываемое ощущением отсутствия чего-либо и побуждающее к действию»¹. Иначе говоря, необходимо выделить активные стремления (в отличие от пассивных предпочтений), отделить «хотения» от пожеланий, «хочу» от «не прочь», «хотел бы».

Если идеальные побуждения, предпочтения не обязательно соизмеряются с реальными возможностями (или соизмеряются весьма приблизительно), то потребности, запросы, определяющие поведение, обычно имеют реальные основания: связаны с образованием, социальным опытом или другими задатками и посылками, способствующими формированию потребностей. Социально-профессиональную структуру населения, спроектированную потребностями, т. е. соответствующую им, мы рассматриваем как внутреннюю потенциальную структуру. Таким образом, социальные предпочтения, пожелания формируют *идеальную структуру* («И»), реализуемые (но еще не реализованные) потребности и запросы — *латентную структуру* («Л»), уже материализованные социальные потребности — фактическую или *реальную структуру* («Ф»). Между этими тремя типами социально-профессиональных структур существуют определенные соотношения. Интервалы между ними взаимообусловлены. Поэтому, например, по расхождению (лагу) между идеальной и реальной структурой можно судить с большим, конечно, приближением о латентной структуре.

Учет расхождений между структурами принципиально важен для оценки устойчивости системы и определения мер по ее совершенствованию. Расхождение (лаг) между типами структур необходимо для функционирования системы. Теоретически можно установить приемлемое и нормальное расхождение для той или иной системы. Однако сделать это без специального исследования трудно. Можно лишь утверждать, что как ситуация,

---

¹ Я. Щепаньский. Элементарные понятия социологии. М., 1969, стр. 51.

при которой отсутствуют дополнительные потребности («Л» = «Ф»), так и противоположная, когда каждый хочет «стать всем» («Л» = «И»), одинаково неприемлемы для любой социальной системы. В первом случае латентные потребности абсолютно реализованы, во втором абсолютно не реализуемы. Нормальным является такое положение, когда латентная структура («Л») больше реальной («Ф») и меньше идеальной («И»). Теоретически возможен и такой вариант: «И» $\geq$ «Л» $\geq$ «Ф», но оптимально «И» > «Л» > «Ф».

Ранжируя социально-профессиональные группы, можно выразить числовыми показателями все три уровня социальной структуры. Принимая, например, ранг разнорабочих за 1, служащих и механизаторов — за 2, интеллигенцию среднего звена — за 3 и высшего — за 4, мы можем (с учетом пропорций социально-профессиональных групп) установить общий суммарный показатель рангов идеальной структуры «И» сельского населения. Он оказался примерно в 2 раза больше, чем рассчитанный аналогичным путем фактический статус сельских жителей («Ф»).

Стало быть, если $\Phi = 1$, а $I = 2$, то выделяемая нами латентная структура (x) должна находиться где-то в промежутке между 1 и 2, т. е. $2 > x > 1$. Действительно, больше половины работающего населения (в Калининской области — 55%, в Краснодарском крае — 59%) своему занятию предпочитает иное (И), но только лишь часть из них (Л) что-то предпринимает или намерена предпринять, чтобы изменить собственный социальный статус (в Калининской области 14% повышают свою квалификацию и 27% хотят переехать в город, в Краснодарском крае — соответственно 14 и 16%).

Таким образом, действенные потребности, определяющие реальное поведение, сильно отстают от «идеальных» предпочтений (побуждений). Мобильность происходит в «силовом поле», образуемом между латентной и реальной структурой, и является одним из средств разрешения противоречий между ними.

Стоит подробнее разобраться в этом вопросе. Прежде всего как операционально выразить и по возможности замерить действенные потребности, формирующие латентную структуру? Теоретически возможно существование неосознаваемых потребностей, наиболее при этом

значимых с точки зрения реальных интересов. Например, потребность в свободе слова или потребность в образовании и просвещении, едва осознаваемая народом в историческом прошлом, выражала глубинные основные интересы его. И наоборот, то, что люди принимают за потребности, может не соответствовать реальным их нуждам, выражать фиктивные интересы, реализация которых не приближает, а отдаляет людей от их целей. В данном случае нас интересуют потребности, определяющие реальное поведение людей. Таким образом, речь будет идти лишь об осознаваемых населением потребностях независимо от меры их соответствия реальным нуждам. С точки зрения управления, в том числе мобильностью, как раз эти потребности существенны и значимы, ибо именно они определяют ориентацию и действия людей.

Осознаваемая потребность, побуждающая к действию, возникает тогда, когда индивид ощущает «нарушение равновесия между средой и организмом, и тогда действие направлено на то, чтобы вновь установить это равновесие, или, точнее, на то, чтобы реадаптировать организм»¹.

Если исходить из этого распространенного в социальной психологии представления, сила потребности может быть выражена мерой ощущения степени нарушения равновесия. В нашем исследовании мы зафиксировали эту меру оценкой индивида собственного положения в терминах «удовлетворен», «не вполне удовлетворен», «не удовлетворен». Удовлетворенность может интерпретироваться как равновесие со средой, неудовлетворенность — как нарушение этого равновесия (в том числе «не вполне удовлетворен» — частичное).

В исследовании в терминах «удовлетворенность» и «неудовлетворенность» регистрировалось отношение индивидов как к собственному социально-профессиональному статусу — содержанию работы, заработку, работе в целом и т. д., так и к статусу сельского жителя в целом (через оценку культурно-бытовых условий села). Такой путь давал возможность выявить более активное отношение (и таким образом приблизиться к фиксации

---

¹ Ж. Пиаже. Избранные психологические труды. М., 1969, стр. 62.

латентной структуры), чем при регистрации «социальных предпочтений», проецирующих модель идеальной структуры. Поэтому у «неудовлетворенных», например, расхождения между фактическим и идеальным статусом были наиболее заметны (в Краснодарском крае у 50% механизаторов фактический статус соответствовал идеальному, а у неудовлетворенных лишь у 38%; у рабочих — соответственно 25 и 18%). В обоих случаях — как при фиксации отношений к производственному статусу, так и к культурно-бытовому положению — доля неудовлетворенных во всех группах оказывалась значительно ниже доли предпочитающих занимать иное социальное положение (отличное от фактического) (см. табл. 75).

Данные подтверждают, что оценка собственной работы и условий жизни во всех социально-профессиональных группах (за исключением специалистов и руководителей высшего звена) фиксирует более активные потребности населения, нежели «предпочтения». Надо полагать поэтому, что между показателями удовлетворенности собственным положением и установкой на изменение его существует относительно более тесная связь. Человек чаще всего стремится к изменению своего положения, когда он неудовлетворен им, когда условия его существования хотя бы в чем-то его не вполне устраивают. Полная удовлетворенность вызывает потребность в сохранении имеющегося статуса, а не в мобильности. Таким образом, нереализованная потребность (регистрируемая «неудовлетворенностью») — скрытая причина мобильности, ее первый акт.

Хотя эта система показателей создает известное представление об активных запросах, побуждающих к действию, надо тем не менее иметь в виду ее ограниченность. И дело не только в том, что ею фиксируются лишь осознанные потребности, но даже среди них удается учесть, по-видимому, не все. Исследование сводилось к выявлению элементарных запросов преимущественно материального порядка: к производству и условиям жизни. Правда, такое сужение учтенных запросов терпимо, так как для абсолютного большинства сельского населения эти потребности наиболее существенны. В какой-то мере об этом можно судить, например, на основании отношения сельских жителей к стереотипам «хо-

**Удовлетворенность сельских жителей работой
и культурно-бытовыми условиями (в %)**

Социально-профессиональные группы	Предпочитающую работу	Неудовлетворенные собственной работой		Неудовлетворенные культурно-бытовыми условиями села	
		частично	абсолютно	частично	абсолютно
<i>Калининская область</i>					
Разнорабочие	56	32	15	32	17
Работники малоквалифицированного ручного труда	60	40	13	40	18
Работники квалифицированного ручного труда	61	23	12	30	17
Механизаторы	40	28	7	38	16
Служащие	70	27	6	39	19
Специалисты и руководители среднего звена	62	25	3	36	26
Специалисты и руководители высшего звена	13	18	4	31	16
Итого	55	32	13	36	20
<i>Краснодарский край</i>					
Разнорабочие	62	41	8	37	16
Работники малоквалифицированного ручного труда	59	38	9	46	14
Работники квалифицированного ручного труда	54	27	7	34	22
Механизаторы	41	31	3	39	17
Служащие	57	19	5	39	19
Специалисты и руководители среднего звена	46	28	1	45	18
Специалисты и руководители высшего звена	24	15	3	44	19
Итого	59	35	7	40	16

рошей жизни» (см. главу V). Поэтому зафиксированные потребности, хотя и не исчерпывают всех, все же дают возможность составить себе представление об основных запросах сельских жителей.

Но вместе с тем очевидна недостаточность этих данных для исследования потенциальной мобильности. Ведь не всякая неудовлетворенность ведет к мобильности и не всякая мобильность продиктована неудовлет-

воренностью. Неудовлетворенность, когда нет лучших перспектив, может вообще не ориентировать на мобильность. Наконец, мобильность может быть следствием не ухода от «плохого», а ориентацией («от хорошего») на еще лучшее. Короче говоря, показатели неудовлетворенности не совпадают с установками на мобильность. Эти показатели в лучшем случае свидетельствуют о нарушении равновесия между средой и потребностями индивида, зафиксированного в сознании сельского жителя. Однако при этом остается неясным, каким путем люди восстанавливают осознанное нарушение и восстанавливают ли его вообще. Нам же нужно выявить потенциально мобильное население — ту категорию населения, которая ориентирована на восстановление равновесия, т. е. на активные действия, направленные на изменение собственного положения. Поэтому аппарат, фиксирующий комплекс неудовлетворенности, должен быть дополнен.

С этой целью в исследовании выявлялись группы, ориентированные на внешнюю (внесельскую) и внутреннюю (т. е. происходящую внутри села и преимущественно сельского хозяйства) мобильность. Выяснялось, кто, каким путем повышает собственную профессиональную подготовку, образование, намерен мигрировать. Случаи, когда индивид повышал профессиональную сельскохозяйственную подготовку, интерпретировались как ориентация на внутреннюю мобильность. Случаи, когда индивид ориентировался на миграцию, часто ссылаясь при этом на стремление получить более высокий заработок или образование, интерпретировались как ориентация на внешнюю мобильность. Принципиально социальные претензии ориентированных на внешнюю мобильность (поскольку возможности профессионального продвижения в городе шире, чем в деревне) выше, чем у тех, кто ориентирован на внутреннюю.

Неудовлетворенность и ориентацию на мобильность в сочетании мы рассматриваем как синдром потенциальной мобильности. Конечно, неудовлетворенность может также сочетаться и с иными действиями, помимо мобильности, направленными не столько на изменение собственного положения, сколько на улучшение или приспособление среды (включая, например, заботу о личном хозяйстве).

Возможен, наконец, и такой вариант, когда неудовлетворенность приводит к асоциальным действиям, например алкоголизму. Это сочетание неудовлетворенности и антисоциальных действий, включающее также другие проявления неконформности личности (например, плохие отношения в коллективе, в семье и т. п.), мы рассматриваем как синдром аномии (т. е. сочетание признаков, свидетельствующих о неприспособленности индивида к среде).

Проявление указанных синдромов потенциальной мобильности и аномии, их сила неодинаковы. Они меняются даже у одних и тех же групп в зависимости от среды — экономической, производственной, культурной, бытовой.

Мы различаем среды не только разного типа: функционально дифференцированные — производственные, культурные, бытовые, поселенческие, этнические, но и *разного уровня* — помимо аграрной подсистемы в целом среды локального, контактного и индивидуального типа.

Под индивидуальной средой понимается та, которая в наибольшей мере является предметом сознательного выбора индивида — в первую очередь семья, хозяйство. *Локальная контактная* среда: конкретное место жительства и работы — колхоз, совхоз, предприятие, деревня, село, где индивид находится в прямом контакте с окружением; *неконтактная* локальная среда (или просто локальная) — край, область, район, т. е. пространственная локальность, характеризующаяся определенной экономической, хозяйственной, культурной и этнической спецификой.

В нашем исследовании локальные среды во многом характеризуются разнородными признаками: Краснодарский край находится в исключительных условиях для ведения сельского хозяйства, Калининская область — в значительно худших, а Татарская АССР дает этнический вариант локальности.

Согласованное поведение групп в разных локальностях дает возможность вынести суждение о сельских условиях в целом (на уровне аграрной подсистемы), несогласованное поведение, наоборот, свидетельствует о роли специфических факторов, характерных для той или иной местности.

Предполагается, что, чем лучше (более подходящи) для индивида (или группы) экономические и культурные условия среды, тем выше удовлетворенность существующим положением, полнее равновесие между средой и индивидом и соответственно менее выражена ориентация на мобильность. С другой стороны, чем менее благоприятна для группы или индивида среда, тем активнее стремление к изменению. Исследование подтвердило данную гипотезу (см. табл. 76).

Таблица 76

Изменение некоторых личностных характеристик
в зависимости от среды

(в % ко всему населению и индексах)

Признаки	Краснодарский край	Калининская область ³⁷
Оценка собственного положения* (индексы):		
удовлетворенность работой	39	32
культурно-бытовыми условиями	18	12
Ориентация на мобильность (в %)		
Доля повышающих профессиональную подготовку и образование	22	17,5
в том числе повышают профессиональную подготовку	14	13
Хотят уехать в город	16	27
Показатели аномии (в %):		
злоупотребляющие алкоголем	13,5	20,5
преимущественно неудовлетворенные семейными отношениями	15,9	16,1
жалобы на грубость, пьянство в семье	10	11
индекс удовлетворенности отношением с руководством*	62,5	58

* Индекс удовлетворенности подсчитан, как в предыдущих случаях (см. например, главу IV).

И в самом деле в Калининской области, где оплата труда была сравнительно ниже, поселения мелкими, а культурно-бытовое обслуживание вследствие этого затруднено, сельское население менее удовлетворено условиями своей жизни и активнее ориентировано на переезд в город; внутри самого села социальный потенциал населения (в частности, образование) слабо реализовыв-

вался¹, и признаки социальной аномии здесь более выражены.

В селах Краснодарского края, где экономические и культурные условия благоприятнее, население больше удовлетворено ими, внутрисельская ориентация его выражена почти столь же четко, как и внесельская; по-видимому, здесь не только выше заинтересованность в сельскохозяйственном труде, но и лучше возможности для профессионального роста. Не случайно здесь индекс удовлетворенности населения возможностью повышать квалификацию выше (индекс равняется 26), чем в Калининской области (соответственно 18).

Конечно, если учесть, что перспективы социального роста в городе в конечном счете лучше, чем в деревне, и социальный прицел мигрирующих за пределы села дальше, чем в селе, то в таких областях, как Калининская, население в целом должно быть мобильнее, чем, скажем, в Краснодарском крае. Однако заметнее различия не в масштабах социальной мобильности, а в ее направлении. Относительно совершенные, в частности благоприятные, сельскохозяйственные условия, стимулируют *внутрисельскую мобильность*, менее совершенные — преимущественно внесельскую.

Эта закономерность действует во всех средах, включая контактную и индивидуальную. В этом нетрудно убедиться, если сравнить потенциальную мобильность в мелких и крупных поселениях, представляющих разные типы контактной среды. В крупных поселениях, где культурно-бытовые условия, как известно, лучше, население больше ориентировано на внутрисельскую мобильность, в мелких — наоборот. Причем эта закономерность проявляется не только за счет различий в социально-профессиональной структуре, но и при сравнении идентичных профессиональных групп (см. табл. 77).

Как видит читатель, население крупных сел гораздо чаще повышает свою сельскохозяйственную квалифика-

¹ Даже в Московской области (Луховицкий район), где специально выяснялось, почему сельские жители не повышают своей квалификации, из 190 человек в трех обследованных селах (Нижнее Маслово, Григорьевское, Газопровод), указавших на причины, мешавшие повышению квалификации, 42 человека ответили: «Негде учиться»; 41 человек — «Мешают домашние дела»; 32 человека — «И так хорошо работаю, нет нужды в этом»; 29 человек — «Из-за возраста»; остальные причины были малозначимыми.

Направление потенциальной мобильности в контактной среде *

Признаки	Калининская область						Краснодарский край								
	Все население			В том числе социально-профессиональные группы			Все население			В том числе социально-профессиональные группы					
	Г		В	Б + А		К	Г		В	Б + А		К			
	М	К	М	К	М		К	М	К	М	К				
Удовлетворенность:	29	43	25	29	50	57	56	61	36	49	32	43	44	62	62
работой	3	44	8	46	0	27	—7	11	21	30	11	35	10	30	15
культурно-бытовыми условиями	9	26	4	5	37	28	37	57	9	25	5	10	16	46	40
Ориентация на мобильность:	28	26	26	23	41	28	27	28	18	12	18	11	17	12	20
повышают профессиональную подготовку															
хотя и переехать в город															

* Удовлетворенность — в индексах; ориентация — в процентах к общему числу опрошенных.

М — мелкие поселения: в Калининской области до 100 человек,

К — крупные поселения: в Краснодарском крае до 500 человек.

М — мелкие поселения: в Калининской области свыше 500 человек,

К — крупные поселения: в Краснодарском крае — свыше 3 тыс. человек.

цию и больше удовлетворено собственной работой, чем население мелких сел. Что касается ориентации на внесельскую мобильность (намерение переехать в город), то она во многих группах, особенно в Краснодарском крае, в мелких селах более выражена, чем в крупных.

В таком же направлении действует на ориентацию и индивидуальная среда: чем крупнее семья и больше хозяйство, тем чаще индивид ориентируется на внутрисельскую мобильность. И наоборот, люди, свободные от семьи и хозяйства, естественно, активнее стремятся в город, где они намерены повысить свою квалификацию и образование. Вопрос о связи между индивидуальной средой и ориентацией на мобильность специально выяснялся в Татарской АССР (см. табл. 78).

Таблица 78

Направление потенциальной мобильности татарского населения в зависимости от индивидуальной среды

Категории населения	Число обследованных	Индекс удовлетворенности		Ориентация на мобильность в %	
		работой	культурно-бытовыми условиями	внутрисельская	внесельская
По размеру семьи:					
одиночки	42	38	26	30	31
2 человека	151	48	28	19	17
3 человека	202	57	20	18	21
4 человека	245	68	24	27	19
5 человек	243	71	26	24	17
6 человек	594	62	32	17	15

В малых семьях (до 3 человек) преобладает внесельская ориентация, в крупных (свыше 3 человек) выше удовлетворенность работой в сельском хозяйстве и определенный перевес приобретает ориентация на внутрисельскую мобильность. Более развитая среда, о каком бы уровне ее ни шла речь, полнее «занимает» человека, возмещает и удовлетворяет его в зависимости от типа среды материально или морально. В производственной

среде такое возмещение носит преимущественно материальный характер. В семье оно более разнообразно.

Эти простые, на первый взгляд очевидные наблюдения заставляют, однако, уточнить некоторые, казалось бы, уже отложившиеся в сознании представления. Если развитие среды действительно усиливает внутрисельскую мобильность, то нельзя безоговорочно согласиться с тем представлением, что индустриализация сельского хозяйства всегда высвобождает рабочую силу из деревни. Ориентация на мобильность определяется сложным комплексом внутренних потребностей человека. Машина не высвобождает рабочую силу, а в лучшем случае возмещает убыль людских ресурсов, движимых собственными интересами и потребностями. Причем в южных районах, или, лучше сказать, в развитых сельскохозяйственных районах, где убыль рабочей силы происходит не столь интенсивно и где ориентация на внутрисельскую мобильность достаточно высока (так же как в национальных районах, особенно в восточных), это возмещение за счет машин достигается без особого труда; в районах же менее развитого сельского хозяйства с высокой долей мигрантов оно, как правило, неполно и недостаточно.

В этой связи стоит уяснить также некоторые виды на перспективу. Следует ли, например, с непоколебимой уверенностью ожидать, что индустриализация и урбанизация развитых сельских районов, особенно на юге, приведут к необходимому высвобождению рабочей силы из деревни? Не сделает ли этот процесс — индустриализация — южное село еще более привлекательным для сельчан? По-видимому, так оно и будет, хотя вряд ли это приведет к повороту в движении рабочей силы. Ибо не только южное село, а вся сельская местность охвачена процессами урбанизации и индустриализации. Таким образом, южное село не получит каких-либо особых преимуществ и вряд ли есть основание предполагать, что нынешний баланс между районами существенно нарушится.

Что касается обмена населением с городами, то здесь также не следует ожидать существенных изменений, так как города не будут стоять на месте; городская среда развивается особенно быстро и у нее всегда есть преимущества, с помощью которых она сможет сбалан-

сировать возросшую привлекательность индустриализованных и урбанизованных сел. Наконец, паряду с урбанизацией местности будет «урбанизироваться» сознание, а значит, будут возрастать и требования сельчан к среде. Что перевесит — урбанизация сельской среды или «урбанизация» личности, — сейчас сказать трудно. Во всяком случае противовес возможному росту внутри-сельской ориентации, бесспорно, мощный.

В соревновании городской и сельской среды преимущества города на данном этапе ощущаются достаточно четко. Чем сейчас может привлечь сельская жизнь?

В селах Нижнее Маслово, Григорьевское, Газопровод Московской области этот вопрос специально выяснялся. Жителей, не желающих уезжать из села, мы спрашивали о причинах их приверженности к сельскому образу жизни. Из 444 человек, назвавших причины, 71% отметили преимущества естественных условий сельской жизни:

«В деревне спокойнее, тише»	—38%
«Люблю сельскую природу»	—23%
«Полезнее для здоровья»	—10%

Что касается материальных преимуществ («В деревне легче прожить материально», «Здесь просторнее жилплощадь») и производственных особенностей («Люблю выращивать зерно, овощи, скот», «Люблю свою специальность» и др.), то на их долю в общей сложности приходилось всего около 30% выборов. Иначе говоря, современное село скорее может противопоставить городу «дары природы», чем труд и материальные блага. Однако в жизни современного человека эти сельские ценности отступают на задний план перед ценностями урбанизированного общества. Сельский житель, как известно, жертвует традиционными ценностями во имя новых — комфорта городской жизни, культуры, перспектив социального роста, некоторых материальных преимуществ. Причем до последнего времени решающую роль в определении его ориентации имели материальные преимущества, которые до сих пор город предоставлял щедрее, чем село. В многочисленных исследованиях сельской миграции установлена тесная зависимость между оплатой труда, доходами, культурно-бытовым обслуживанием и движением рабочей силы.

Новосибирские социологи сделали попытку установить влияние на сельскую миграцию оплаты труда и некоторых показателей культурно-бытового обслуживания: числа учителей, медработников, школ, киносеансов и т. д. Средний уровень оплаты труда во всех случаях оказывался фактором, в наибольшей мере влияющим (по сравнению с перечисленными) на сельскую миграцию¹.

Связь между оплатой труда и движением населения прослеживается не только при синхронном (одновременном) рассмотрении влияния многочисленных факторов на миграцию, но и при диахронном (последовательном во времени) анализе только двух переменных — оплаты и миграции. В одном из сел Рязанской области (Алешня) мы проанализировали связь изменения оплаты труда и движения рабочей силы. Обнаружилось, что на понижение оплаты деревня уже на следующий год реагировала некоторым оттоком рабочих рук (см. табл. 79).

Таблица 79

Годы	Оплата труда в % от предыдущего года	Количество трудоспособных мужчин в % от предыдущего года
1960	85,3	н/св.
1961	91,9	94
1962	159	97
1963	115	100
1964	135,5	96
1965	—	114,5

Не столь жесткая, но все же достаточно очевидная связь прослеживается между оплатой сельскохозяйственного труда и движением рабочей силы в масштабах

¹ См. «Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования». Новосибирск, 1969.

всей страны. Правда, с течением времени растет материальное благосостояние населения и материальные соображения в миграции отступают на задний план. По расчетам Т. Заславской и Л. Антосенковой, в Новосибирской области в 1953—1957 гг. непосредственно из-за материальных соображений уехало из деревни 32%, в 1958—1963 гг. — 16%, а в 1964—1966 гг. — только 12% всех мигрантов¹. Но город при этом не теряет своей привлекательности, теперь он притягивает скорее преимуществами в условиях культуры и быта. Если в Калининской области и в Татарской АССР, где уровень оплаты труда был сравнительно невысок, заинтересованность в заработке все еще является главным фактором городской ориентации мигрантов, то в Краснодарском крае, напротив, на первом месте в качестве причин миграции оказалось образование, затем быт, снабжение, культура и потом уже заработок (см. табл. 80)².

Таблица 80

Структура мотивов потенциальной миграции в город
(в % к общему числу опрошенных)

Калининская область	Краснодарский край	Татарская АССР
Бытовая не- устроенность, недостатки в снабжении —15	Образование —8,3	Бытовая не- устроенность, недостатки в снабжении —7,7
Зарботки —12	Бытовая не- устроенность, недостатки в снабжении —6,8	Зарботки —5,4
Культурные запросы — 9,4	Культурные запросы —6,4	Культурные запросы —5,1
Образование — 7,4	Зарботки —5	Образование —5
Работа — 7,4	Работа —4	Работа —4,5

Эти данные подтверждают, что с изменением ситуации внутренняя иерархия городских ценностей в глазах сельского жителя может меняться, но престиж их в целом остается достаточно высоким. С улучшением эконо-

¹ См. «Социальные проблемы трудовых ресурсов села», стр. 33.

² Аналогичные данные получены по Московской области, где материальный уровень сельского населения так же, как в Краснодарском крае, особенно высок. Среди причин миграции в город здесь прежде всего названы быт, культура, снабжение, учеба и потом уже преимущества материальных условий города.

мического положения деревни, ростом доходов сельского населения город перестает привлекать более высоким материальным уровнем (во всяком случае значение этого фактора ослабевает). Однако на первый план выступают другие городские ценности. С течением времени, по-видимому, подвижная иерархия городских ценностей будет меняться в сторону все большего увеличения значимости ценностей духовных по сравнению с материальными. Совершенствование сельской среды является, таким образом, непреходящей задачей.

В планах преобразования сельской среды идеальным вариантом является совмещение преимуществ села и города. Сейчас человек обычно стоит перед альтернативным выбором и должен отдавать предпочтение либо городским, либо сельским преимуществам. В перспективе противоречия между городскими и сельскими ценностями должны исчезнуть. Причем в этом городской житель нуждается, по-видимому, не меньше сельского. И может быть, к такому совмещению со временем придут не только за счет урбанизации сел, но и известной рурализации городов. Современная пространственная архитектура с большими растительными массивами, зеленые пригороды, города-спутники, возможно, выражают этот объективно необходимый процесс рурализации.

Что касается урбанизации сел и индустриализации сельского хозяйства, то этот процесс тем более должен осуществляться не ценой потери преимуществ села. Пока существуют города как центры культурной и политической жизни, села не могут состязаться с ними по набору и качеству специфических городских преимуществ. Села «под города» не станут хорошими городами, они могут стать лишь плохими селами. Планируя индустриальное развитие и урбанизацию села, следует остерегаться такого исхода. Задача состоит не в замене села городом, сельских ценностей городскими, а в их максимальном сочетании. Урбанизация при сохранении преимуществ естественноприродных условий (высоко ценимых населением, как показывают исследования) — таков наиболее рациональный путь преобразования сельской среды.

Первостепенное значение в процессах преобразования сельской среды имеет решение проблемы расселения. Возможны две принципиальные схемы решения

этой проблемы. Одна — всемерная концентрация сельского населения в агрогородах. Однако тут возникает трудность. С ростом технического оснащения сельского хозяйства и повышения производительности труда плотность работающего на селе населения должна уменьшаться, а рамки сельскохозяйственного производства, масштабы его будут расширяться. Если при этом все население будет сконцентрировано в агрогородах, то зона обслуживания земельных угодий будет чрезвычайно обширна, расстояния от места работы очень велики. Таким образом, возникает необходимость своеобразного «отгонного земледелия». Принципиально такой путь возможен, но при условии значительного разветвления и расширения дорожного строительства.

Возможно и иное решение проблемы размещения аграрного населения, исключающее искусственное ускорение процессов концентрации. Наиболее реально выделить единые культурные и административные центры, обслуживающие сельское население. При этом часть функций по такому обслуживанию должны взять на себя города, включенные в местную систему расселения. Что же касается жилища и производства, то их можно оставить относительно рассредоточенными или укрупнять в той мере, которая необходима для удовлетворения элементарных потребностей. С точки зрения производства такое решение будет разумным, так как производитель непосредственно будет находиться на обрабатываемых участках и, как бы ни росла производительность труда, он не будет отрываться от «рабочего места». И в этом случае, разумеется, тем более должна быть полностью решена транспортная проблема: производственные и жилые пункты должны быть связаны с культурно-административным центром хорошими дорогами. Предстоит математически выяснить, какая из этих схем расселения более выгодна. Хотя у нас отдается предпочтение первой схеме, никто, строго говоря, не доказал ее целесообразность. Предстоит решить этот вопрос с учетом оптимальных размеров производства, размеров жилого массива в расчете на то, что он будет достаточно обеспечен современными коммунальными услугами.

До сих пор мы подчеркивали роль среды в формировании некоторых социальных потребностей сельского

населения, особенно существенных для направления социальной мобильности. Мы видели, что экономическая и культурно-бытовая специфика сред в значительной мере предопределяет социальные потребности населения и влияет как на размеры, так и на направления потенциальной мобильности. Все это, однако, не должно приводить к абсолютизации роли среды. Социальная мобильность зависит по крайней мере от двух переменных. Другой переменной кроме среды является сам субъект социального действия — сельский житель.

Чтобы оценить значение, «вес» этой второй переменной, надо раскрыть понятие «сельское население», рассмотрев его дифференцированно по демографическим и социально-профессиональным группам. При этом оказывается, например, что целые группы населения почти безразличны к тем благам, которые может предоставить современное село; они почти нейтральны к разнообразию сельской среды, т. е. одинаково ведут себя в любых сельских средах независимо от уровня их развития. Сила экономических и культурно-бытовых факторов (средств), которыми располагает современное село, оказывается для них одинаково недостаточной в любой локальной среде.

В первую очередь ограниченное действие условий сельской среды на потенциальную мобильность обнаруживается у молодежи. В Краснодарском крае, несмотря на все его преимущества, степень неудовлетворенности культурно-бытовыми условиями села у работающей молодежи почти такая же, как и в Калининской области (в возрасте 16—17 лет в Калининской области индекс — минус 25, в Краснодарском крае — минус 29). Несмотря на существенное различие условий Калининской области, Краснодарского края и Татарской АССР, доля потенциальных мигрантов среди молодежи этих районов примерно одинакова. В Калининской области хотят уехать в город 52% юношей 16—17 лет и 41% — 18—22 лет; в Краснодарском крае — соответственно 58 и 44%; в Татарской АССР — 49 и 43%. Правда, возрастная структура населения перечисленных районов неодинакова. Молодежи в Краснодарском крае больше (в возрасте до 28 лет — 18,3%), чем в Калининской области (12,1%). Но это не меняет той очевидной истины, что различия в потенциальной мобильности в Краснодар-

ском крае и Калининской области происходят за счет не молодежных, а старших возрастных групп населения.

В зависимости от признаков можно даже провести специальную возрастную границу, когда население начинает ощущать те или иные преимущества сельской среды. Удовлетворенность содержанием работы и культурно-бытовыми условиями в Краснодарском крае выше, чем в Калининской области, лишь в возрастных группах старше 27 лет, работой в целом и заработной платой — старше 34 лет. Что касается городской ориентации (намерения переехать в город), то она среди жителей краснодарского села менее выражена, чем у калининцев, уже в возрастных группах старше 22 лет (см. табл. 81).

Таким образом, преимущества сельской среды ощущаются и реализуются лишь взрослым населением. Молодежь ориентирована на городские ценности. Вспомним, чем привлекательно село для сельских жителей — тишиной, сельской природой, пользой для здоровья. Ясно, что эти ценности молодежь разделять особенно не может. У нее более сложные и развитые социальные требования к работе, образу жизни, досугу. Оценка различных компонентов, из которых складывается отношение к работе у сельского населения Калининской области и Краснодарского края, ранжируется примерно одинаково (в индексах удовлетворенности):

Калининская область		Краснодарский край	
Зарботная плата . . .	3	Зарботная плата . . .	1,4
Режим работы . . .	15	Условия для продвижения . . .	21
Условия для продвижения . . .	15,2	Режим работы . . .	23
Условия для повышения квалификации . . .	17,6	Условия для повышения квалификации . . .	26,1
Условия работы . . .	25	Условия работы . . .	30
Отношения с руководством . . .	58	Содержание работы . . .	54
Содержание работы . . .	66	Отношения с руководством . . .	62,5
Отношения с товарищами . . .	85	Отношения с товарищами . . .	89
Общий индекс . . .	31,5	Общий индекс . . .	39

Потенциальная мобильность половозрастных групп сельского населения
(в индексах и в % к каждой возрастной группе)

Возрастные группы	Калининская область						Краснодарский край						Татарская АССР					
	Удовлетворенность (индекс)			Ориентация (%)			Удовлетворенность (индекс)			Ориентация (%)			Удовлетворенность (индекс)			Ориентация (%)		
	работой	заработной платой	содержанием труда	в том числе	Культурно-бытовыми условиями	повышают квалификацию	образованию	хотят в город	работой	заработной платой	содержанием труда	в том числе	Культурно-бытовыми условиями	повышают квалификацию	образованию	хотят в город		
16—17 лет	6	25	20	26	33	52	14	31	2	24	37	2	29	14	25	58	51	
18—22 года	44	12	39	20	22	41	19	37	24	37	15	3	3	44	27	44	60	
23—27 лет	36	9	42	11	27	49	26	37	9	37	16	7	7	26	8	26	63	
28—34 года	36	4	45	15	18	38	36	15	15	52	20	24	20	16	6	16	63	
35—49 лет	33	2	50	11	16	34	46	8	8	62	15	21	21	11	5	11	61	
50—59 »	28	12	44	13	7	9	42	57	—	26	6	26	6	6	6	6	45	
60 лет и старше	29	3	45	19	4	8	48	52	18	52	6	32	3	3	3	3	20	
Итого	32	3	66	12	13	27	39	1,5	54	18	14	8	16	55	23	59	25	
В том числе:																		
мужчин	33	1	51	10	17	27	33	4	59	15	18	8	12	62	33	65	24	
женщин	30	5,5	43	14	11	26	36	—1	50	21	11	6	19	50	16	54	25	

Принципиально структура требований к работе у молодежи та же, что и у всего населения. Так же как и другие, молодежь чаще всего не удовлетворена зарплатой и иными, скорее всего материальными, условиями труда: режимом, условиями производства и т. п.¹ Социальные условия — содержание труда, отношение к руководству, отношения с товарищами — оцениваются гораздо выше. Но это говорит лишь о том, что люди осознают значимость материальных условий больше, чем социальных.

Остается, однако, неясным, какое влияние оказывают материальные условия на реальное поведение людей, какие факторы весомее, значимее. Под влиянием каких из них складывается общая оценка условий работы и сельской жизни. Методом латентного анализа выяснилось, какие из перечисленных компонентов отношения к труду чаще согласуются с общей оценкой работы в целом¹. Самое большое влияние на оценку работы в целом оказывает содержание труда, а не заработная плата, как могло бы показаться с первого взгляда. Признание работы удовлетворительной или неудовлетворительной зависит от следующих ранжированных ниже факторов:

Содержание работы	—1,298
Режим работы	—1,204
Величина заработка	—1,201
Условия работы	—1,056
Отношения с руководством	—0,459
Отношения с товарищами по работе	—0,152

Если содержание труда, а вслед за тем режим работы для всего сельского населения играют самую существенную роль (в оценке работы в целом), то это тем более значимо для сельской молодежи. Нетрудно убедиться в справедливости такого заключения, вновь обратившись, например, к таблице 81. Индекс удовлетворенности содержанием труда уменьшается в младших возрастных группах с гораздо большей последовательностью, чем индекс удовлетворенности заработной платой.

¹ Подсчет приведен в приложении.

Методом латентного анализа устанавливается, что на общую оценку культуры и быта села отдельные факторы оказывают влияние в такой последовательности:

работа транспорта	— 0,977
» культурно-массовых учреждений	— 0,886
» медицинских учреждений	— 0,807
» торговых учреждений	— 0,740

Для молодежи решающее значение приобретает работа культурно-массовых учреждений. Именно она вызывает наибольшую неудовлетворенность молодых людей. Доля удовлетворенных работой кино, клубов, библиотек последовательно снижается от старших возрастов к младшим, причем особой разницы в этом отношении между Краснодарским краем и Калининской областью нет (см. табл. 82).

Таблица 82

Доля удовлетворенных работой
культурно-массовых учреждений
(в % к возрастной группе)

Возрастные группы	Калинин- ская об- ласть	Краснодар- ский край
16—17 лет	24	20
18—22 года	30	40
23—27 лет	35	48
28—34 года	42,6	54
35—49 лет	43	56
50—59 »	41	70
60 лет и старше	40	65

Более сложная структура социальных потребностей молодежи отражается и на мотивах городской ориентации (намерение уехать в город). Основной причиной стремления в город у молодежи 16—17 лет является учеба, 18—22 лет — культурные запросы и вслед затем учеба, а у взрослого населения начиная с 28 лет главная причина — бытовая неустроенность и неудовлетворенность заработной платой (см. табл. 83).

Мотивация намерений уехать в город¹
(в % к числу ответивших в каждой возрастной группе)

Возрастные группы	Калининская область					Краснодарский край				
	Образование	Работа	Зарботки	Культура	Быт	Образование	Работа	Зарботки	Культура	Быт
16—17 лет	34	26	33	29	8	30	17	1	19	14
18—22 года	12	24	11	34	17	21	12	7	25	10
23—27 лет	10	15	21	25	27	14	5	8	10	12
28—34 года	7	14	15	13	20	6	6	8	4	10
35—49 лет	10	7	17	8	18	7	3	4	5	6
50—59 »	3	2	6	4	8	4	1	5	3	3
60 лет и старше	4	1	1	3	9	0,4	0	0	0	0

Так как условия, ценные молодежью, — образование, культура, досуг — в различных селах принципиально мало чем отличаются друг от друга, то молодежь в развитых сельских местностях ориентирована примерно так же, как и в неразвитых. Вот почему степень удовлетворенности жизнью села, направление и размеры потенциальной мобильности в селах Калининской области у молодежи примерно такие же, как и в Краснодарском крае. Поэтому и те изменения в движении рабочей силы, которые определялись экономическими факторами, происходили не за счет молодежи, а за счет взрослого населения.

В обследованных селах Московской области и пограничном с ними селе Батурино Рязанской области мы изучали по хозяйственным книгам возрастной состав миграционных потоков (в 1964—1966 гг.). Наши данные подтвердили, что приток населения в это время происходил целиком за счет старших возрастных групп. Что касается молодежи, то во всех селах наблюдалось ее отрицательное сальдо миграции (см. табл. 84).

В этой связи думается, что основная ставка в планах социального развития деревни, во всяком случае на

¹ Поскольку указывалось несколько мотивов миграции, сумма иногда превышает 100%.

Сальдо миграции в 1964—1966 гг. (в %)

Возрастные группы	Батурино	Нижнее Маслово	Григорьев- скее	Газопровод
16—24 года	—38	—31	— 6	—15
25—26 лет	—10	+ 2	+ 6	+ 9
27—30 »	+ 4	— 3	+17	+12
31—50 »	+10	— 3	+22	+13
61 год и старше	— 5	— 4	+ 4	+ 4

данном этапе (пока она еще не может в достаточной мере удовлетворить сложные социальные запросы молодежи), должна быть сделана не на прекращение миграции молодежи, а на ремиграцию более зрелых возрастов. Необходимо продумать систему мер, удовлетворяющих в первую очередь потребности именно взрослого населения. Вместо того чтобы искусственными средствами задерживать молодежь, следует развивать жилищное строительство, поощрять и морально и материально длительный стаж работы в деревне, создавать необходимые условия для воспитания детей. В таком случае резерв ремиграции, недостаточно используемый в настоящее время, будет активизирован. Ремиграция помимо несомненного экономического значения может иметь и социальное, так как пришельцы из города принесут в деревню новые культурно-бытовые навыки и лучшее образование.

Реакция на сельскую среду меняется не только в зависимости от возраста людей, но также от их профессии, рода деятельности и классовой принадлежности. При этом во всех районах, где проводилось исследование, наблюдалась принципиально однотипная и сходная картина (см. табл. 85).

Общей закономерностью является рост удовлетворенности работой с повышением социального статуса и квалификации. Что касается удовлетворенности культурно-бытовыми условиями села, то она, напротив, скорее склонна снижаться по мере того, как увеличиваются квалификация, образование и соответственно растут культурные запросы населения.

Потенциальная мобильность социально-профессиональных групп
(в индексах и % к каждой группе)

Социально-профессиональные группы	Калининская область				Краснодарский край				Татарская АССР			
	Удовлетворенность (индекс)		Ориентация (%)		Удовлетворенность (индекс)		Ориентация (%)		Удовлетворенность (индекс)		Ориентация (%)	
	Работой	Культурно-бытовыми условиями	внутрисельская	внесельская	Работой	Культурно-бытовыми условиями	внутрисельская	внесельская	Работой	Культурно-бытовыми условиями	внутрисельская	внесельская
Разнорабочие	25	19	3	24	28	25	4	14	53	22	4	12
Работники малоквалифицированного труда	26	15	7	26	36	15	8	15	68	45	7	14
Неквалифицированные работники ручного труда	37	18	22	25	48	11	11	19	74	34	10	18
Механизаторы	51	21	36	34	53	18	31	15	64	21	26	29
Служащие	49	10	34	35	60	18	28	15	72	17	34	26
Специалисты среднего звена	65	7	55	32	62	11	61	30	64	17	57	34
Руководители среднего звена	54	—13	40	19	62	14,5	52	12	80	19	43	16
Специалисты высшего звена	61	18	78	26	72	0	68	20	71	3	82	31
Руководители высшего звена	35	14	81	14	47	18	59	9	68	0	60	20

Чем выше социально-профессиональный статус группы, тем активнее ее социальное поведение и выше склонность к мобильности как внутрисельской, так и внесельской. Социально активные группы как бы реализуют свою энергию во всех направлениях.

В проявлении этих общих тенденций есть, однако, некоторые отступления. Самое заметное среди них касается поведения группы руководителей как среднего, так и высшего звена. В отличие от специалистов они меньше удовлетворены своим трудом (особенную неудовлетворенность вызывает режим труда), но тем не менее обнаруживают не столь выраженную, как у остальных групп интеллигенции, склонность к миграции. Намерение уехать в город они выражают реже всех остальных социально-профессиональных групп села. По-видимому, это связано с невысоким для их статуса образованием (по сравнению со специалистами). Это «первые люди на деревне», они могут сознавать, что здесь, в деревне, они максимально реализуют свой социальный потенциал, свое образование, что при их подготовке они не займут соответствующего места в городе.

На потенциальную мобильность интеллигенции, ее профессиональные намерения не особенно влияют различия между районами. Показатели внутрисельской потенциальной мобильности населения в целом довольно согласованы во всех исследуемых районах. Что касается внесельской, то здесь обнаруживаются серьезные различия в группах физического труда и интеллигенции. В Калининской области доля намеренных уехать в город среди разнорабочих, животноводов, квалифицированных работников ручного труда, механизаторов и служащих примерно в 2 раза превосходит долю потенциальных мигрантов в Краснодарском крае. Зато в группах умственного квалифицированного труда пропорции выравниваются. В Калининской области 32% специалистов среднего звена хотят переехать в город, в Краснодарском крае — 30%; специалистов высшего звена — соответственно 26 и 20% и т. д. Таким образом, различия между этими полярными сельскохозяйственными районами в потенциальной внесельской мобильности происходят за счет главным образом работников физического труда, чутко отзывающихся на преимущества развитой сельской среды (например, в Краснодарском

крае хотят уехать в город только 15% механизаторов против 34% в Калининской области, 14% разнорабочих против 24% и т. п.).

Известное безразличие сельской интеллигенции к благам, которые может предоставить деревня, отражается на ее отношении (оценке) к собственной работе и мотивации намерения переменить ее с переездом в город. У работников физического труда самую большую неудовлетворенность вызывают сравнительно легко регулируемые и изменяющиеся в зависимости от среды факторы чисто материального порядка. Сложнее дело обстоит у интеллигенции, которая все большую ценность придает социальной стороне труда. В табл. 86 приводится ранжировка в порядке возрастания степени удовлетворенности отдельными компонентами работы, из которых складывается отношение к ней (результаты зафиксированы в графиках схемы № 4).

Прежде всего обращают на себя внимание весьма согласованные оценки работы по социально-профессиональным группам в Калининской области и Краснодарском крае. И там и здесь по каждой группе почти сходная ранжировка отдельных сторон того или иного вида деятельности. Как правило, наименьшую удовлетворенность вызывают материальные факторы, наибольшую — социальные. Согласованные ответы в этих полярных сельскохозяйственных районах свидетельствуют о профессиональном сходстве условий труда.

Во внутренней структуре ответов наблюдаются заметные различия между работниками физического и умственного труда. У людей физического труда низкую удовлетворенность вызывает величина заработной платы. Это относится прежде всего к разнорабочим, работникам квалифицированного физического труда и механизаторам; животноводы чаще всего высказывают неудовлетворенность режимом работы, а потом заработной платой. Что касается работников умственного труда, то неудовлетворенность заработной платой у них занимает одно из последних мест (3-, 4-е). Работники умственного труда в первую очередь высказывают неудовлетворенность режимом труда, условиями для продвижения и повышения квалификации. У руководителей высшего звена самые большие претензии вызывает неупорядоченный режим работы.

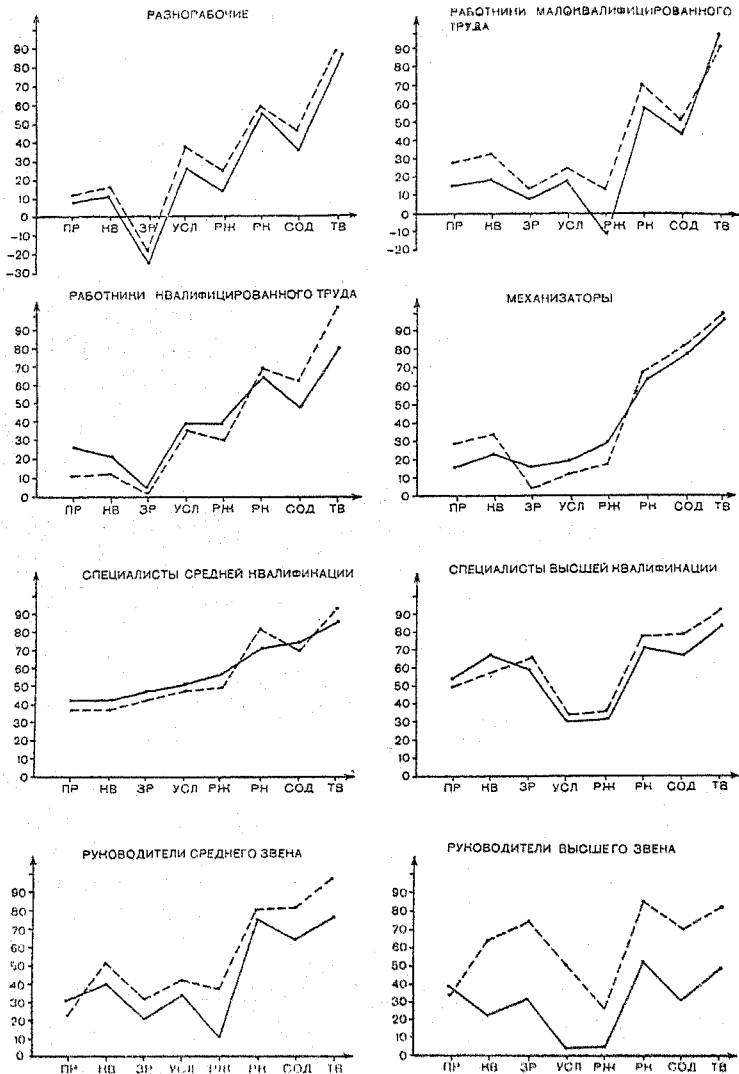
Социальные условия труда вызывают высокую удовлетворенность во всех группах. Максимально удовлетворены опрошенные отношениями с товарищами по работе и затем непосредственным руководством. Небольшое отклонение наблюдается лишь в группе руководителей высшего звена: у них удовлетворенность отношениями с руководителями выше, чем с товарищами по производственному коллективу.

Отдельные компоненты оценки условий работы коррелируются с мотивами ориентации на переезд в город. У работников физического труда (неудовлетворенных прежде всего зарплатой) заметное место в качестве мотива потенциальной миграции занимает стремление повысить заработки. У разнорабочих как в Калининской области, так и в Краснодарском крае этот мотив выступает на первое место. Другие категории работников физического труда Калининской области ссылаются на не устраивающую их оплату труда как на основную причину планов перемены места жительства сразу же после жалоб на бытовую неустроенность и снабжение; в Краснодарском крае ссылки на недостаточную заработную плату среди квалифицированных работников физического труда не столь часты, но во всех случаях и здесь они весомее, чем у работников умственного труда. Последние, как в Краснодарском крае, так и в Калининской области почти не указывают на заработную плату как на мотив городской ориентации. Среди специалистов высшей квалификации и руководителей высшего звена как в Калининской области, так и в Краснодарском крае эта причина находится на последнем месте. Зато несколько чаще, чем остальные, квалифицированные работники умственного труда объясняют свое стремление переехать в город тем, что они не могут удовлетворить в сельских условиях культурные запросы. Эта причина занимает у них второе-третье места.

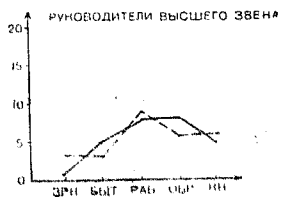
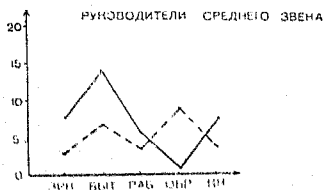
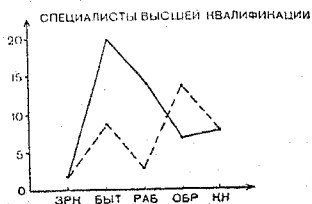
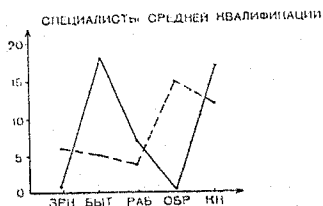
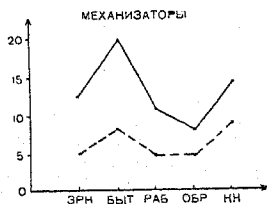
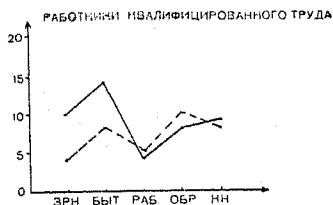
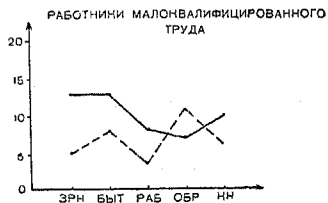
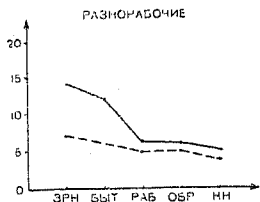
Что касается удовлетворенности культурно-бытовыми условиями, то она в первую очередь зависит от различий между районами. В Калининской области население особенно не удовлетворено работой культурно-массовых учреждений, а затем транспортом. В Краснодарском крае, напротив, транспорт и вслед за ним культурно-массовые учреждения оцениваются высоко. В противоположность Калининской области здесь население не

Удовлетворенность условиями
сельской жизни и мотивы
городской ориентации

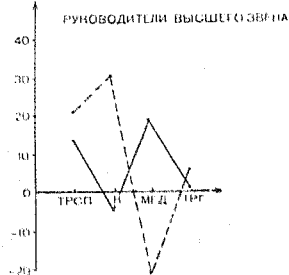
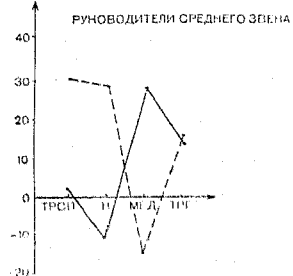
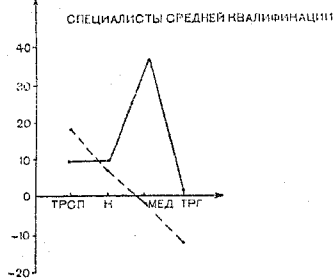
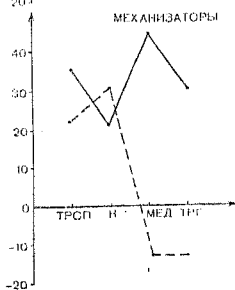
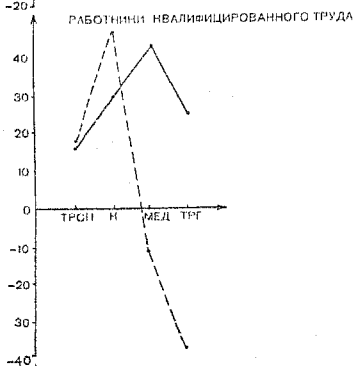
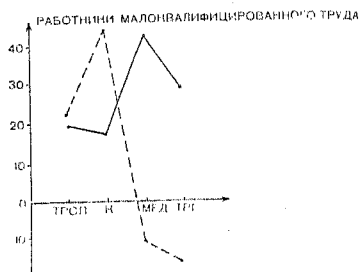
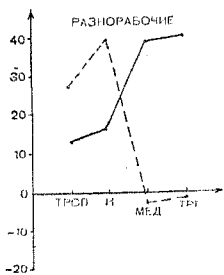
I. Удовлетворенность работой (индекс)

II. Мотивация городской ориентации (в % к общему числу опрошенных)

III. Удовлетворенность культурно-бытовыми условиями (индекс)

удовлетворено в первую очередь работой медицинских учреждений и вслед за тем торговлей. Это понятно. Население Калининской области обслуживается сравнительно крупными районными больницами и поликлиниками. Калининцев беспокоит транспортная связь с этими центрами; в Краснодарском крае медицинское обслуживание концентрируется часто непосредственно в селах и качество его поэтому может быть ниже. Что касается отношения к торговле, то оно определяется, по видимому, благосостоянием населения. Калининцев больше интересуют материальные достатки, краснодарцев — «отоваривание» материальных средств.

Отношение к культурно-бытовым условиям села различных профессиональных групп зависит во многом от их специфических особенностей. Самая большая согласованность в ответах (в Калининской области размах вариации равен 26%) наблюдается в оценке медицинских учреждений. Это объясняется тем, что группы в

Условные обозначения (к I)

- зр — величина заработка
- пр — возможность служебного продвижения
- кв — возможность повышения квалификации
- рж — режим работы
- усл — условия работы (чистота, техника безопасности и т. п.)
- сод — содержание работы
- рк — отношения с непосредственным руководством.
- тв — отношения с товарищами по работе

Условные обозначения (к II)

- зрн — заработки на селе не устраивают
- быт — бытовая неустроенность, неудовлетворительное снабжение
- раб — трудно найти работу по интересам
- обр — трудно продолжать образование
- кн — нет возможности удовлетворить культурные запросы

Условные обозначения (к III)

- трсп — транспорт
- к — культура (кино, клубы, библиотеки)
- мед — медицинские учреждения
- трг — торговые учреждения

——— Калининская обл.
 ---- Краснодарский край

Удовлетворенность условиями сельской жизни и мотивы городской ориентации

Физический труд

Разнорабочие		Работники малоквалифицированного труда		Работники квалифицированного труда		Механизаторы	
Калининская область	Краснодарский край	Калининская область	Краснодарский край	Калининская область	Краснодарский край	Калининская область	Краснодарский край

I. Удовлетворенность работой (индекс)

зр	—25	зр	—20	рж	—11	рж	13	зр	2	зр	1	зр	16	зр	4
пр	9	пр	12	зр	9	зр	14	кв	22	пр	11	пр	16	усл	11
кв	11	кв	16	пр	16	усл	24	пр	26	кв	13	усл	18	рж	17
рж	14	рж	24	усл	18	пр	28	усл	37	рж	30	кв	23	пр	28
усл.	26	усл.	36	кв	19	кв	32	рж	38	усл	38	рж	28	кв	32
сод	35	сод	44	сод	43	сод	48	сод	46	сод	61	рк	62	рк	63
рк	54	рк	56	рк	56	рк	67	рк	62	рк	67	сод	75	сод	75
тв	81	тв	86	тв	91	тв	88	тв	77	тв	100	тв	92	тв	94

II. Удовлетворенность культурно-бытовыми условиями (индекс)

трсп	13	мед	—4	к	17	трсп	16	трсп	—38	к	21	трсп	—13
к	16	трсп	—2	трсп	19	мед	25	мед	—12	трсп	30	мед	—13
мед	39	трсп	27	трсп	29	трсп	29	трсп	16	трсп	36	трсп	22
трсп	40	к	40	мед	43	к	43	к	46	мед	45	к	31

III. Мотивация городской ориентации (в % к общему числу опрошенных)

зрн	14	зрн	7	быт	13	обр	11	быт	14	обр	10	быт	20	кн	9
быт	12	обр	6	зрн	13	быт	8	зрн	10	быт	8	кн	15	быт	8
раб	6	кн	5	кн	10	кн	6	кн	9	кн	8	зрн	13	обр	5
обр	6	быт	5	раб	8	зрн	5	обр	8	раб	4	раб	11	зрн	5
кн	5	раб	4	обр	7	раб	4	раб	4	зрн	4	обр	8	раб	5

зр — величина заработка

пр — возможность служебного продвижения

кв — возможность повышения квалификации

рж — режим работы

усл — условия работы (чистота, техника безопасности)

сод — содержание работы

рк — отношение с непосредственным руководством

тв — отношения с товарищами по работе

Умственный труд

Специалисты средней квалификации		Специалисты высшей квалификации		Руководители среднего звена		Руководители высшего звена	
Калининская область	Краснодарский край	Калининская область	Краснодарский край	Калининская область	Краснодарский край	Калининская область	Краснодарский край

I. Удовлетворенность работой (индекс)

пр	41	кв	36	усл	31	усл	31	рж	11	пр	23	рж	5	рж	27
кв	42	пр	37	рж	33	рж	34	зр	22	зр	31	усл	5	пр	35
зр	45	усл	38	пр	52	пр	51	пр	31	рж	39	кв	24	усл	50
усл	49	зр	42	зр	58	кв	57	усл	36	усл	41	зр	33	кв	62
рж	55	рж	49	кв	64	зр	63	кв	42	кв	51	сод	32	сод	69
рк	70	сод	70	сод	65	рк	73	сод	64	сод	80	пр	38	зр	71
сод	71	рк	78	рк	69	сод	76	тв	74	рк	80	тв	49	тв	79
тв	84	тв	89	тв	80	тв	89	рк	76	тв	96	рк	51	рк	82

II. Удовлетворенность культурно-бытовыми условиями (индекс)

1	1	трг	-12	к	-5	трг	-26	к	-11	мед	-15	к	-5	мед	-21
10	10	мед	-1	трг	1	мед	-11	трсп	-1	трг	16	трг	0	трг	6
10	10	к	7	трсп	34	к	24	трг	14	к	29	трсп	14	трсп	21
37	37	трсп	19	мед	45	трсп	30	мед	29	трсп	31	мед	19	к	30

III. Мотивация городской ориентации (в % к общему числу опрошенных)

18	18	обр	15	быт	20	обр	14	быт	14	обр	9	обр	8	раб	9
17	17	кн	12	раб	14	быт	9	кн	8	быт	7	раб	8	кн	6
7	7	зрн	6	кн	8	кн	8	зрн	8	кн	4	кн	5	обр	6
1	1	быт	5	обр	7	раб	3	раб	6	раб	4	быт	5	быт	3
0	0	раб	4	зрн	0	зрн	2	обр	1	зрн	3	зрн	0	зрн	3

зрн — заработки на селе не устраивают
 быт — бытовая неустроенность, неудовлетворительное снабжение

раб — трудно найти работу по интересам
 обр — трудно продолжать образование

трсп — транспорт
 к — культура (кино, клубы, библиотеки)
 мед — медицинские учреждения
 трг — торговые учреждения
 кн — нет возможности удовлетворить культурные запросы

этом плане как бы выравнены. Мера потребности в медицине определяется состоянием здоровья, а здесь большой разницы между социальными группами нет¹. Нет также разницы в способах удовлетворения этой потребности, так как жители сел (в отличие от горожан) пользуются одними и теми же в районе больницами, поликлиниками, медпунктами.

— Другое положение складывается, например, с транспортом. Оценка работы транспорта по группам колеблется, так как у каждой из них разные в этом отношении возможности и потребности. Самую высокую оценку его дают специалисты высшего звена и механизаторы, которые часто располагают служебным транспортом и меньше других ощущают потребность в общественном. Различны и оценки торговли. Особенно неудовлетворены ею специалисты и руководители, удовлетворены, напротив, разнорабочие (по данным Калининской области). В отличие от интеллигентов разнорабочие, как правило, ориентируются больше на личное хозяйство, чем на государственное снабжение. К тому же у них меньше доходы и проще структура потребления.

Несмотря на множество разноплановых причин, определяющих то или иное отношение к культурно-бытовым условиям села, здесь также пробивается тенденция, проявившаяся в оценке работы и объяснении городской ориентации. Вновь подтверждается, что структура запросов интеллигенции сложнее. Не случайно удовлетворенность культурно-массовыми учреждениями среди них, как правило, ниже, чем в группах физического труда. Индекс удовлетворенности культурно-массовыми учреждениями (ранжированных по убывающей) занимает у работников умственного труда в Калининской области лишь четвертое место, в группах физического труда — третье; в Краснодарском крае — соответственно второе и первое.

Ясно, чем дальше интересы населения отстоят от чисто материальных, тем труднее они удовлетворяются и тем сложнее регулируется их поведение. Это тем более верно для села, где уже в значительной мере прео-

---

¹ Она существенна между демографическими группами. Не случайно молодежь, как правило, имеет меньше претензий к медицинским учреждениям, чем старики.

долено материальное отставание от города, но ощущается еще культурное и бытовое (см. главу V).

Пока существуют села и города в их нынешнем виде, т. е. когда между ними существует разделение не только хозяйственных, но и культурных функций, трудно допустить полное выравнивание культурных условий их жизни. Как бы ни развивалось село (оставаясь селом в нынешнем виде), качественные различия между условиями сельской и городской культуры вряд ли могут быть устранены. Количественные же сдвиги в культурном обслуживании в пределах сельской среды малозаметны или мало эффективны для тех групп населения, которые ориентируются на городской образ жизни.

Представления интеллигенции складываются под непосредственным влиянием города. Достаточно, например, сказать, что около половины специалистов высшего звена (42% в Калининской области и 45% в Краснодарском крае) прибыли в сельскую местность из городов и рабочих поселков; 44% специалистов высшего звена в Калининской области и 31% в Краснодарском крае учились преимущественно в городских школах.

Связь с городом вообще характерна для современного сельского населения, но в формировании всех остальных групп город не занимал такого места, как в формировании интеллигенции. Среди всего обследованного населения Калининской области лишь 8,4% (против 42% интеллигентов) прибыло из городов и рабочих поселков; училось в городских школах 7,5% обследованных (в Краснодарском крае соответственно 18,5% прибыло из городских мест и 11,6% обучалось в городской школе).

Весь предшествующий опыт, условия, под влиянием которых складывались социальные ожидания, запросы интеллигенции, делают ее малочувствительной к благам, предоставляемым сельской средой. Приближение к городским условиям здесь может дать так же мало, как, например, приближение снаряда к цели: независимо от степени приближения она остается не пораженной, пока нет прямого попадания. Развитие, совершенствование всей сельской среды до тех пределов, которые уже достигнуты в наиболее развитых районах, т. е. «доведение», например, условий Калининской области до уровня Краснодарского края, радикально повлияет на поведе-

ние всего сельского населения и меньше на такие социальные и демографические группы, как интеллигенция и молодежь.

В этих условиях может лишь специфическая система ценностей возместить этим группам недостаточность сельской среды. Естественные преимущества ее — природа, тишина, покой, свежий воздух — могут быть дополнены социальными. Село, где менее сложна социальная иерархия, может предоставить интеллигенции относительную независимость, самостоятельность и ощущение социальной значимости ролевых функций. По мере роста уровня сельской интеллигенции и решения материальных проблем необходимость в этом будет ощущаться все настоятельнее.

Разное влияние оказывает сельская среда также и на классовые группы. Условия жизни в колхозах, совхозах, на предприятиях и в учреждениях отличаются не только в социальном, но и связанном с ним производственно-экономическом и культурно-бытовом плане. В некоторых местах (например, в Краснодарском крае) материальные и культурные условия жизни в колхозах становятся даже лучше, чем в совхозах. Естественно, что в таких местах более высокая удовлетворенность колхозников (чем рабочих совхоза) и работой, и сельским образом жизни, они меньше стремятся в город, больше ориентируются на внутрисельскую (а не внесельскую) мобильность. Все это понятно.

Но почему более высокая удовлетворенность наблюдается в колхозах тех районов, где совхозные рабочие и в материальном и во всех других отношениях обеспечены лучше, чем колхозники? Даже в Калининской области (так же как, например, и в Татарской АССР), где оплата труда в колхозах заметно ниже, чем в совхозах, и колхозные поселки меньше, чем совхозные, и хуже благоустроены, колхозники гораздо чаще выражают удовлетворенность своей работой и культурно-бытовыми условиями села, чем рабочие совхозов. Причем это в той или иной мере характерно для каждой социально-профессиональной группы (см. табл. 87).

Столкнувшись с аналогичным, удивительным на первый взгляд явлением в Новосибирской области, Л. П. Ляшенко и Т. И. Заславская предположили, что «колхозная форма производства лучше соответствует

Потенциальная мобильность колхозников и работников совхозов

	Краснодарский край				Калининская область												
	В том числе:				В том числе:												
	Колхозники	разнорабочие	механизаторы	специалисты и руководители среднего звена	Колхозники	разнорабочие	механизаторы	специалисты среднего звена									
Фактическое число опрошенных	599	143	237	54	594	130	158	39	302	183	34	24	411	157	19	45	
Удовлетворенность:																	
работой	43	35	60	65	32	25	44	55	29	32	47	73	22	18	43	49	7
режимом	25	26	12	50	17	23	18	32	7	13	21	23	4	2	6	33	33
условиями	39	43	19	63	21	32	43	19	34	30	0	27	11	17	10	48	56
руководством	66	61	62	87	57	50	59	76	59	50	63	89	47	46	48	56	47
заработком	4	18	3	41	4	22	6	1	7	24	11	38	12	34	3	47	3
содержанием работы	58	50	79	72	50	42	72	75	44	35	77	73	40	34	68	56	3
культурно-бытовыми условиями	18	35	20	26	14	14	20	2	24	33	32	35	2	8	4	26	26
<i>Признаки мобильности:</i>																	
повышают профессиональную подготовку	16	6	33	100	8	4	19	31	8	4	41	42	11	3	35	38	38
хотят в город	14	13	13	9	17	13	16	23	22	25	15	15	26	15	39	31	8
Образование (классов)	5,8	4,9	6,6	8,9	5,5	5	6	9,1	3,4	3,1	6,4	6,0	4,5	4	7	8	8
Заработок (в руб.)	70	55	85	100	67	52	78	96	45	34	70	82	58	41	77	89	89

духовным запросам и интересам крестьянства, оставляет больше возможностей для проявления личной инициативы работников, характеризуется большей сплоченностью коллективов, заинтересованных в результатах общего труда»¹.

Некоторые ответы при анкетировании (структура компонентов удовлетворенности работой) действительно как бы подтверждают выдвинутое предположение. Именно в таком духе можно интерпретировать более высокую удовлетворенность колхозников режимом работы: известно, что в колхозах меньше трудовая нагрузка, чем в совхозах, колхозник свободнее распоряжается своим временем; таким же образом можно объяснить более высокую удовлетворенность отношениями с руководством: в колхозе, где руководство выбирается, больше контакта между подчиненными и руководителем, совпадение формальных и неформальных отношений. Но как же интерпретировать более высокую удовлетворенность, например, содержанием идентичного труда или заработком, который в некоторых случаях в колхозах явно ниже, а «оценивается» выше (например, у механизаторов Калининской области)?

В конечном счете многие преимущества колхозной формы — больший размер приусадебного участка, демократические формы управления, продажа продуктов колхозникам в счет отработанных человеко-дней и т. д. — перекрывались в сознании сельских жителей преимуществами совхозов, которые ощущались еще во многих районах, — более высоким уровнем заработной платы, пенсий (для того времени, когда проводилось исследование), обеспеченностью государственным жильем, детскими учреждениями и т. д. Не случайно потенциальные мигранты-колхозники в той же Новосибирской области отдают некоторое предпочтение при выборе будущего места жительства совхозам, а не колхозам².

Объяснять более высокую оценку работы и образа жизни колхозника только преимуществами той или иной среды нам кажется недостаточным. Дело, по-видимому,

¹ См. «Социальные проблемы трудовых ресурсов села», стр. 207.

² См. *Р. К. Иванова*. Миграция сельского населения и проблемы обеспечения сельского хозяйства Западной Сибири рабочей силой. — «Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования», стр. 40.

также и в структуре запросов, потребностях и социальных ожиданиях колхозников и рабочих совхоза. «Удовлетворенность» — оценка в значительной мере психологическая и критерии ее, естественно, меняются в зависимости от структуры личности.

Работники совхозов в подавляющем большинстве случаев отличаются от колхозников более высоким уровнем образования (см. табл. 87), относительной приобщенностью к городскому образу жизни. Например, в Калининской области в колхозы из городов прибыло 4% занятого населения, а в совхозы — 16%; в Краснодарском крае — соответственно 16 и 29%; в Татарской АССР — 2 и 5%.

Лучше образованное, более ориентированное на городские ценности, население совхозов, естественно, предъявляет относительно высокие требования и чаще ощущает неудовлетворенность своей работой и образом жизни. Не случайно, например (по нашим данным по Калининской области), самая заметная разница в оценке работы между колхозниками и работниками совхозов ощущается в тех группах, в которых больше разрыв в образовании. В Калининской области одна из таких групп — специалисты и руководители среднего звена. Их образование в колхозах примерно 6 классов, а в совхозах — 8 классов. Будучи значительно образованнее колхозных специалистов, совхозные имеют, по-видимому, большие претензии и чаще не удовлетворены собственным положением. С другой стороны, наоборот, когда уровень образования у колхозников и работников совхозов сближается (например, в той же Калининской области среди механизаторов), их оценки работы и культурно-бытовых условий села почти совпадают.

Итак, мы рассмотрели некоторые примеры взаимоотношений сельской среды и отдельных групп населения — демографических, социально-профессиональных, классовых. При всей разнородности эти примеры объединены внутренне. Каждый раз — и в случае с молодежью, и в случаях с интеллигенцией и рабочими совхозов — мы убеждались, что образование, а вслед за тем, естественно, культурные запросы и потребности как бы «выводят» людей из-под влияния сельской среды. Чем выше уровень развития индивида, тем слабее как бы «сцепление» между сельской средой и человеком.

«Урбанизованность» личности, ее запросов, представлений, формируемых под влиянием глобальной среды, превосходит степень урбанизации локальной сельской среды, в которой реализуется, проявляется эта личность. Сельские жители, во всяком случае целые группы сельского населения, переросли свою среду, как вырастают из детской одежды.

Разумеется, это наблюдение верно не только для тех или иных районов (локальной среды), но и контактных сред, т. е. отдельных поселений, хозяйств и т. п. Причем несоответствие между средой и человеком отражается, конечно, не только на настроениях, но и на реальных выборах, реальном поведении.

В ряде сел Московской и Рязанской областей мы специально изучали вопрос о связи между образованием и миграцией. Выяснилось, что каждое село в зависимости от уровня его развития имеет свою границу привлекательности для людей с разным образованием. Чем больше развито село, тем выше уровень образования «выбирающих» это село (см. табл. 88).

Таблица 88

Сальдо миграции
(в 1964—1966 гг., в %)

Образование	Нижнее Маслово (колхоз)	Батурино (колхоз)	Григорьев- ское (совхоз)	Газопровод (предприя- тие)
До 2 классов	+ 2	+ 5	+ 6	+4
3—4 класса	+ 4	+ 7	+16	+7
5—6 классов	-- 5	+ 1	+ 10	+2
7—9 »	--15	-- 6	+ 5	+1
10—11 »	-- 2	--19	+ 9	+6
Техникум	0*	-- 5	-- 3	+5
Вуз	0*	-- 2	н/св.	0

* Их вообще нет среди мигрантов.

Развитие средств массовой коммуникации, все больше приобщающих население к городским стандартам, расширяющих орбиту его интересов, наконец, всеобщее среднее образование, осуществляемое как в городе, так

и на селе, в перспективе могут сделать еще острее и без того сложную проблему взаимоотношений человека и сельской среды.

Конечно, могут быть временные, тактические решения, облегчающие ситуацию. С той же логикой, с какой в нашей стране сейчас поощряется, к примеру, работа на Дальнем Севере, может поощряться работа в «глубинке», пока таковая существует. Но кардинальными следует считать лишь решения стратегического порядка. Такой характер как раз носит курс партии, направленный на индустриализацию и интенсификацию сельского хозяйства, улучшение материально-бытовых условий жизни сел и в конечном счете ликвидацию существенных различий между городом и деревней. На этом пути унифицируется и правовое положение городских и сельских жителей, в частности выравниваются условия паспортизации населения¹.

До сих пор мы рассматривали социальные группы в целом. Мы пытались показать, что нет безусловно благоприятных или неблагоприятных сред. Не подходящая среда для одной группы может устроить другую. Среды воспринимаются по-разному и граница приемлемости каждый раз меняется. При этом, рассматривая группы как нечто целое, мы старались выявить господствующую, основную для группы реакцию, доминирующие потребности, определяющие поведение группы в целом. Но в реальной жизни социально-профессиональные группы гетерогенны. В них напластовались разные поколения, проходившие процесс социализации в разных ус-

---

¹ Как известно, сельские районы в подавляющем большинстве случаев (за исключением Московской, Калининградской и некоторых других сельских мест) не были паспортизированы. Такое положение сохранялось в значительной мере для упорядочения движения рабочей силы. Чтобы выяснить подробнее, насколько достигалась эта цель, мы провели специальные исследования в некоторых селах «паспортизированной» Московской и пограничной с ней «непаспортизированной» Рязанской области. Паспортизированные и непаспортизированные села разделяли немногие километры — природные, экономические условия жизни в этих пограничных селах были практически одинаковы. Обнаружилось, что на протяжении длительного времени паспортные ограничения на селе никакого сдерживающего влияния на миграционные процессы не оказывали, скорее, даже наоборот. В рязанских селах отлив населения был интенсивнее, чем в смежных паспортизированных московских.

ловиях. Мужчины и женщины, люди разных возрастов и образования, опыта, семейного положения и даже материальных достатков, хотя и объединены одним занятием, занимают разное общественное положение, имеют неодинаковые социальные запросы к среде. Поэтому не только между группами, но и внутри их возможны различные реакции и поведение в одной и той же среде. Для цели управления важно выяснить наилучшие сочетания группы и среды, определить границы, за которыми нарушается гармония между средой и группой.

Иначе говоря, мы задаемся целью выяснить, при каком уровне образования, материальном достатке, возрасте и т. п. у индивида достигается наиболее благоприятная реакция на среду и от каких именно факторов она зависит. При этом мы рассматриваем удовлетворенность как признак равновесия между личностью и средой, неудовлетворенность — соответственно как признак нарушения такого равновесия.

В табл. 89 сравниваются по отдельным параметрам (возраст, образование, заработок, поселение) неудовлетворенные в той или иной социальной группе с группой в целом. Сравнение позволяет выявить некоторые устойчивые черты, отличающие неудовлетворенных.

Сопоставление этих данных вновь подтверждает, что среди неудовлетворенных работой и культурно-бытовыми условиями в каждой социально-профессиональной группе преобладает молодежь. Можно фиксировать «возрастную границу», за которой устойчиво проявляется неудовлетворенность. Во всех случаях — и у разнорабочих, и у механизаторов, и у интеллигентов — удовлетворенность работой в возрастных категориях до 34 лет ниже средней для соответствующей социально-профессиональной группы. Что касается культурно-бытовой среды, то она, как известно, в сельских условиях более или менее общая (усредненная) для всех групп. Здесь повышенные требования более квалифицированных групп населения чаще остаются неудовлетворенными, отсюда скользящая по группам возрастная граница этого показателя. Среди разнорабочих преимущественно удовлетворены культурно-бытовыми условиями уже лица старше 27 лет, механизаторы — старше 34 лет, а среди интеллигентов преобладание неудовлетворенных встречается и в более старших возрастных категориях.

Сравнительная характеристика группы в целом и неудовлетворенных работой и культурно-бытовыми условиями в селах Краснодарского края¹

	Разнорабочие			Механизаторы			Специалисты и руководители высшего звена		
	Все	В том числе неудовлетворенные		Все	В том числе неудовлетворенные		Все	В том числе неудовлетворенные	
		работой	культурно-бытовыми условиями		работой	культурно-бытовыми условиями		работой	культурно-бытовыми условиями
Число опрошенных	310	151	48	414	143	71	130	24	25
Средний возраст	41	38	38	36	34	33	38	37	40
Среднее число лет обучения	4,2	4,6	4,5	5,6	5,6	6,1	12,4	12,4	12,1
Средний заработок (в руб.)	53	50	51	83	75	82	124	120	122
Средний размер поселений (человек)	1 306	1 152	993	1 488	1 190	1 083	1 586	1 890	1 320
Доля прибывших из города	20	25	29	17	17	17	27	38	40
Индекс анонии	0,42	0,45	0,62	0,78	0,89	0,84	0,47	0,57	0,59
Индекс мобильности	1,25	1,94	2,12	1,43	2,42	2,42	1,89	3,13	2,40

¹ В число не удовлетворенных работой входят как абсолютно неудовлетворенные, так и «не вполне удовлетворенные», под рубрикой «не удовлетворенные культурно-бытовыми условиями» фиксируются только абсолютно неудовлетворенные. Методику расчетов индексов см. в Приложении.

Примерно с такой же закономерностью проходит «граница удовлетворенности» по образованию, материальным условиям, размерам поселения: чем выше статус группы, тем больше отодвинута граница удовлетворенности от минимальных показателей к максимальным, т. е. выше уровень нормативных требований. Среди разнорабочих преобладают удовлетворенные уже при заработной плате свыше 60 руб., механизаторов — свыше 80 руб., интеллигенции — свыше 80—100 руб. При некоторой противоречивости данных аналогичная тенденция наблюдается и в оценке поселения. Разнорабочие удовлетворены селами с населением свыше 500 человек, механизаторы — 1000 человек, интеллигенция — 1000—2000 человек.

Особое значение в системе приведенных показателей имеют данные об образовании. Они существенны прежде всего потому, что образование лучше всего отражает уровень развития индивида. С образованием связаны и стиль жизни, и стремления, и ценности. Этот индикативный показатель, тесно коррелируемый с максимальным числом признаков, характеризующих индивида, в то же время имеет определенное количественное выражение. По приведенным данным можно составить себе общее представление о наиболее целесообразном (по самовосприятию) для той или иной профессии уровне образования, т. е. определить или выявить образование, при котором индивид ощущает максимальную удовлетворенность работой. Для разнорабочих таким образованием будет минимальное — до 4 классов; при образовании 4—6 классов уже наблюдается некоторое преобладание среди разнорабочих неудовлетворенных как работой, так и культурно-бытовыми условиями. (См. табл. 90).

Характерно, что у механизаторов и интеллигенции появляются уже две «границы по образованию». Если для разнорабочих возможно было только «избыточное» образование, то для работников квалифицированного труда возможно как «избыточное», так и недостаточное образование. Среди механизаторов неудовлетворены работой не только те, кто обучался в школе больше 7—9 лет («избыточное» образование), но и неграмотные, малограмотные (недостаточное образование), которым вследствие этого, по-видимому, не хватает подготовки, знаний для выполнения своих функций. У интеллигенции, судя

по данным таблицы, наибольшая удовлетворенность работой наблюдается при образовании между 7—9 классами и техникумом. При более низком образовании (4—6 классов) и более высоком (вуз) преобладают неудовлетворенные.

Таким образом, неудовлетворенность, т. е. нарушение равновесия между личностью и средой (или несоответствие действительности структуре личности), проявляется в диаметрально противоположных случаях — при избытке и недостатке образования.

Сейчас неудовлетворенность в низших по образованию группах сказывается не особенно четко. Она больше выражена лишь в Краснодарском крае (см. табл. 90), где выше нормативные требования к кадрам. Но с усложнением сельского хозяйства и ростом образования недостаточность одного практического опыта и неприемлемость малого образования будут, по-видимому, ощущаться острее всюду.

Проявление повышенной неудовлетворенности в крайних по образованию группах объясняется разными причинами. В принципе удовлетворенность социальным положением зависит не только, и не столько, от достигнутого социального уровня (статуса), сколько от социальных претензий: удовлетворенность прямо пропорциональна достижениям и обратно пропорциональна претензиям.

$$\text{Удовлетворенность } (y) = \frac{\text{Достижения } (Д)}{\text{Претензии } (П)}$$

Поскольку достижения всегда практически ограничены, удовлетворенность регулируется не столько ими, сколько претензиями.

В принципе возможны две противоположные ситуации (идеальные):

1. Если $П \rightarrow \infty$, то $y \rightarrow 0$.
2. Если $П \rightarrow 0$, то $y \rightarrow \infty$.

Социальные достижения прежде всего предопределяются социально-профессиональным статусом. В пределах одной и той же социально-профессиональной группы они, таким образом, должны быть выравнены.

Изменение характеристик социально-профессиональных групп
в зависимости от образования

Разнорабочие

Признаки	Краснодарский край			Калининская область			Татарская АССР		
	До 4 классов	4—6 классов	7 классов и выше	До 4 классов	4—6 классов	7 классов и выше	До 4 классов	4—6 классов	7 классов и выше
Число опрошенных	106	99	104	246	122	53	293	178	259
Средний возраст	50	39	33	53	44	34	46	40	31
Средний заработок (в руб.)	53	53	55	38	44	49	32,5	33,3	37
Доля активно влияющих на производство	31	32	41	42	39	56	32	36	29
Индекс удовлетворенности: работой	34	31	19	27	20	22	52	51	50
культурно-бытовыми условиями	31	24	24	13	17	15	19	26	24
Индекс мобильности *	1,03	1,19	1,57	1,12	1,37	1,6	0,77	0,83	0,97
Индекс аномии *	0,22	0,55	0,48	0,38	0,96	0,57	0,36	0,48	0,32

Механизаторы

Признаки	Татарская АССР						
	До 34 лет				Старше 34		
	До 4 классов	4—6 классов	7—9 классов	10 классов и выше	До 4 классов	4—6 классов	7—9 классов
Число опрошенных	10	56	173	40	39	61	55
Средний заработок	58	68	71	72	64	65	68
Индекс удовлетворенности: работой	50	69,6	67,6	62,5	59	54	65,5
культурно-бытовыми условиями	30	32	24	-10	20	29,5	13
Индекс мобильности *	н/св.	1,02	1,36	1,68	1,02	1,02	0,71
Индекс аномии *	1,37	0,71	0,62	0,48	0,71	0,91	0,75

Специалисты и руководители среднего звена

Признаки	Краснодарский край			Калининская область			Татарская АССР		
	До 7 классов	7—10 классов	Техникум	До 7 классов	7—10 классов	Техникум	До 7 классов	7—10 классов	Техникум
Число опрошенных	15	61	70	37	54	78	13	77	60
Средний возраст	41,4	38,0	36,6	46,3	36,9	32,5	42,8	33,8	31,7
Средний заработок (в руб.)	100	92,2	95,3	71,2	88	93,6	70	85	80,1
Доля активно влияющих на производство	80	84	75	89	82	91	69	79	77
Индекс удовлетворенности: работой	40	74	57	60	63	62	92	77	60
культурно-бытовыми условиями	0	18	10	2,2	-11	-4	39	31	5
Индекс мобильности *	1,73	1,72	2,0	1,41	1,73	2,0	0,76	1,39	2,04
Индекс аномии *	1,14	0,31	0,52	0,78	0,70	-0,55	0,16	0,53	0,37

Специалисты и руководители высшего звена

Признаки	Краснодарский край			Калининская область			Татарская АССР		
	Среднее и ниже	Техникум	Вуз	Среднее и ниже	Техникум	Вуз	Среднее и ниже	Техникум	Вуз
Число опрошенных	20	35	68	22	18	54	42	48	132
Средний возраст	40,8	36,5	38,6	40,8	38,9	40,2	34,8	35,6	31,6
Среднемесячный заработок (в руб.)	110	112	139	106	105	143	82,3	90,4	126,5
Доля активно влияющих на производство	80	96	93	86	100	91	88	79	82
Индекс удовлетворенности: работой	70	71,4	70,6	68,2	61,1	69,2	73,8	77,1	68,2
культурно-бытовыми условиями	10	8,6	-4,4	18,2	16,6	12,9	16,7	8,3	-5,3
Индекс мобильности *	1,3	1,57	2,24	1,65	1,84	2,04	2,14	1,84	2,16
Индекс аномии *	0,61	0,29	0,34	0,53	0,44	0,53	0,12	0	0,25

* Методика расчета индексов см. в приложении.

Превосходство в уровне образования внутри группы часто дает лишь незначительные преимущества. Так, среди разнорабочих Краснодарского края среднемесячный заработок (на размер которого влияет сезонность труда) у лиц с образованием до 4 классов — 53 руб.; 7 классов и выше — 55 руб.; в Калининской области — соответственно 38 и 49 руб.; сравнительно выше образованные работники оказывают большее влияние на дела коллектива (см. табл. 90). Но по-видимому, эти преимущества недостаточны. Если образование (в рамках одной и той же социально-профессиональной группы) дает не очень существенные преимущества, то оно зато заметно увеличивает претензии и, таким образом, способствует снижению удовлетворенности. Это целиком относится к тем категориям людей, чье образование превышает пределы «нормального» для той или иной социально-профессиональной группы¹.

Иная природа неудовлетворенности у лиц с образованием, недостаточным для данной профессии. Если в первом случае («избыточное» образование) среда не соответствует ожиданиям личности, то во втором (недостаточное образование), напротив, индивид отстает от требований выполняемой им статусной роли (и ожиданий среды). Это выражается в весьма ощутимых вещах: снижается эффективность труда (например, по данным новосибирских социологов, механизаторы добиваются лучшей эффективности при уровне образования 6—8 классов²), а значит, уменьшаются заработки (см. табл. 90).

«Избыточные» и «недостаточные» по образованию категории населения отличаются не только природой неудовлетворенности, но и поисками «выхода» из этого состояния, стилем поведения. У людей с «избыточным» образованием повышенная склонность к мобильности, т. е. изменению собственного социального положения в

---

¹ Мы различаем «нормальное» и «нормативное» образование. К примеру, специалисты высшего звена по нормативам должны иметь высшее образование, фактически в недавнем прошлом для таких специалистов на селе могло быть «нормально» (по среднеобщественным нормам) среднее специальное образование.

² См. «Социальные проблемы трудовых ресурсов села», стр. 220, 301; «Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования», стр. 79.

соответствии с социальными претензиями (обусловленными, в частности, образованием). Данные, приведенные в табл. 90, четко подтверждают, что эта тенденция обратно пропорциональна противоположной — аномии. Чем выше потенциальная мобильность, тем ниже индекс аномии. Например, у механизаторов (в Татарии в возрасте до 34 лет) от менее образованных к более образованным индекс снижается с 1,37 до 0,48; если расшифровать его и рассмотреть отдельные компоненты синдрома аномии, то окажется, что доля злоупотребляющих алкоголем снижается в 3 раза, неудовлетворенных семейной жизнью — с 20 до 15%, непосредственным руководством — с 30 до 20%¹.

В то же время доля повышающих профессиональную подготовку в более образованных группах, напротив, увеличивается с 25 до 43%, а стремящихся уехать в город — с 20 до 38%.

Такая же картина наблюдается по всем остальным группам, за исключением лишь одной — разнорабочих. Это понятно. Во всех перечисленных группах лица с максимальным для группы образованием имеют реальные посылки для ориентации на мобильность. Что касается разнорабочих, то относительно высокое для этой группы образование все же не дает основания для изменения социального статуса, но зато достаточно для того, чтобы породить неудовлетворенность собственным положением.

В данных об аномии и мобильности есть еще одна «несогласованность». У интеллигенции уменьшение употребления алкоголя от менее образованных групп к более образованным не сопровождается снижением доли неудовлетворенных своей семейной жизнью (как в случае с молодыми механизаторами Татарии). Это объ-

---

¹ Мы не ставим перед собой задачи исследовать причины синдрома аномии, в частности алкоголизма. Мы рассматриваем лишь один аспект этого явления, связанный с мобильностью и неудовлетворенностью. Причины аномии, естественно, не ограничиваются этим. В частности, пьют по различным причинам, но не пьют всегда по одной причине. Это — интересы, достаточно увлекающие человека, занимающие его полностью и в то же время реальные, осуществимые. В принципе безразлично, занимается ли человек домашним хозяйством, воспитанием ребенка или чрезвычайно ответственной работой; важно, чтобы он сам рассматривал эту работу как существенную, видел бы отдачу и посвящал себя ей целиком.

ясняется в значительной мере различиями в возрастной структуре. Среди менее образованных специалистов преобладают пожилые люди, а у них, как правило, удовлетворенность семейной жизнью ниже, чем у молодых. Но в этой связи возникает вопрос: а не смещены ли и другие данные по этой же причине? Например, правильно ли объяснять рост мобильности или снижение злоупотребления алкоголем образованием, не сказывается ли и тут возраст? В какой-то мере да. Но это не меняет общей тенденции. Чтобы убедиться в этом, мы рассмотрели данные о мобильности и аномии в пределах определенных возрастных групп сельского населения Татарии, где относительно большой массив позволил произвести группировку необходимой дробности (см. табл. 91).

Данные подтверждают, что и в пределах одних и тех же молодых возрастных категорий (до 34 лет) во всех социально-профессиональных группах с ростом образования растет мобильность и уменьшается аномия. Таким образом, в каждой социальной группе более высокому образованию соответствует мобильность, более низкое чаще сопровождается аномией. Схематично можно выделить следующие три линии поведения (см. схему 5). Как в любой схеме, здесь даны идеальные типы, в реальной жизни они чаще всего присутствуют не в чистом виде, а как преобладающая тенденция.

Разумеется, ориентация на мобильность (3-й вариант поведения) зависит не только от потребности в ней (вызванной расхождением нормативов личности и среды), но и от *возможности*, реальности осуществления данного социального перемещения. Молодежь чаще, чем старики, мужчины чаще, чем женщины, одинокие чаще, чем семейные, склонны к мобильности помимо всего прочего именно потому, что у них больше возможности для ее реализации. Если сравнить, например, людей, ориентированных на перемещения за пределы их среды, с представителями стабильного и иммобильного поведения (первый и второй варианты), то можно заметить именно эти черты, облегчающие мобильность, повышающие ее вероятность. Интерпретируя ответ «хочу в город» как ориентацию на мобильность вне среды и «не хочу в город» — как стабильное поведение, мы можем провести такое сравнение. Оказывается, что среди тех, кто ориен-

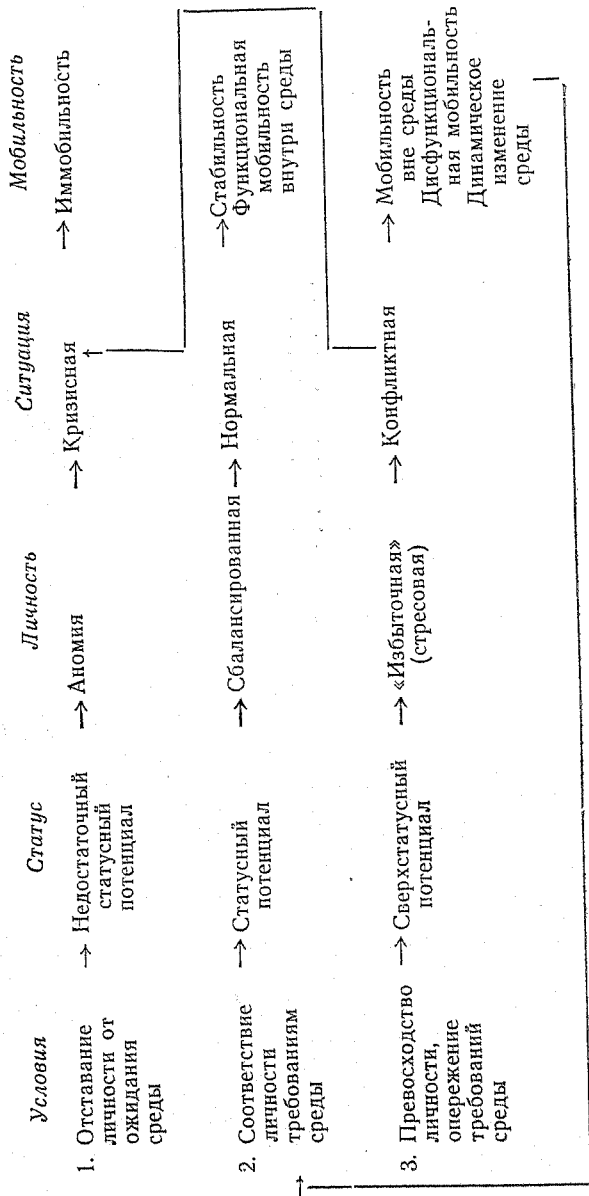
Потенциальная мобильность и аномия
в зависимости от возраста и образования

	Образование	До 34 лет				Старше 34 лет			
		Число опро- шенных	Мобиль- ность		Индекс ано- мии	Число опро- шенных	Мобиль- ность		Индекс ано- мии
			1	2			1	2	
Разнорабочие	Неграмотные и малограмотные . . .	11	—	9	0,82	103	1	4	0,68
	До 4 классов . . .	32	—	12	0,77	150	1	9	0,78
	4—6 » . . .	24	5	12	1,01	137	2	9	0,78
	7—9 » . . .	15	3	20	0,73	76	8	5	0,81
Механизаторы	10 » . . .	26	23	50	0,62	—	—	—	—
	До 4 » . . .	10	н/св.	50	1,37	39	18	18	0,71
	4—6 » . . .	56	25	20	0,71	61	25	н/св.	0,91
	7—9 » . . .	173	28	39	0,62	55	15	9	0,75
Специалисты сред- него звена	10 » . . .	40	43	38	0,48	—	—	—	—
	7—9 » . . .	18	22	17	0,94	19	32	5	0,70
	10 » . . .	27	66	41	0,92	14	78	14	0,98
Специалисты выс- шего звена	Техникум . . .	43	59	40	0,82	19	79	26	0,75
	До 9 классов . . .	—	—	—	—	9	66	—	0,83
	10 » . . .	21	67	48	0,83	10	100	10	—
	Техникум . . .	24	60	15	—	28	82	29	—
Вуз . . .	67	70	34	—	65	88	29	0,59	

Условные обозначения: 1 — повышают свою профессиональную подготовку,
2 — хотят переехать в город.

тирован на мобильность вне среды, $\frac{1}{3}$ холостых (по дан-ным Татарии); в стабильном населении — лишь 10%; у ориентированных на мобильность почти в 2 раза меньше коров в личной собственности (19% против 33% в про-тивоположной группе), меньше хозяйство, они значи-тельно моложе, среди них больше мужчин и т. д.

Между описанными нами типами поведения (ориен-тированными на иммобильность, стабильность и в по-следнем случае преимущественно на мобильность вне среды) нет непроходимой грани. К примеру, конфликт-ная ситуация при сверхстатусном потенциале легко мо-жет перейти в две противоположные — нормальную или кризисную. В нормальную ситуацию она переходит в случае достаточных динамических изменений среды или при мобильности, ликвидирующей расхождение между личностью или средой. И напротив, при полной безна-дежности мобильности или динамического изменения

среды конфликтная ситуация переходит в кризисную и «избыточная» личность, не реализующая своего потенциала, может трансформироваться в аномичную личность. Понятно, что такой исход тем скорее возможен, чем сильнее ощущается «потолок мобильности»¹.

Расхождение между профессией и образованием — суть расхождения между самыми важными элементами социального статуса. Если рассматривать эти понятия шире: образование — как собирательный и индикативный критерий оценки социального потенциала индивида, а профессию — как основу социального статуса, отмеченное расхождение будет выглядеть гораздо глубже. Это по существу противоречие между социальным статусом и социальным потенциалом индивида. По-видимому, такого рода противоречие живуче не только из-за неравномерности развития профессиональной и образовательной структуры населения (критерий оптимальности которых разный), но и в силу несовпадения ролевых функций человека в обществе. Для выполнения ролевых функций гражданина современного развитого общества от индивида требуется гораздо больший потенциал, чем для выполнения функций члена локальной сельской производственной среды.

Таким образом, отдельные элементы социального статуса — в данном случае сельскохозяйственная профессия и образование — получают как бы разные общественные «вызовы», т. е. формируются по разным требова-

---

¹ Этот вариант поведения чаще встречается в среде художественной интеллигенции. У нее особенно сильно ощущаются расхождения между претензиями и достижениями. Добившиеся наибольших успехов, популярности могут особенно болезненно чувствовать «потолок», при котором «дальше некуда стремиться». В другом случае, при скромных достижениях, естественно, социальные претензии остаются не менее ущемленными.

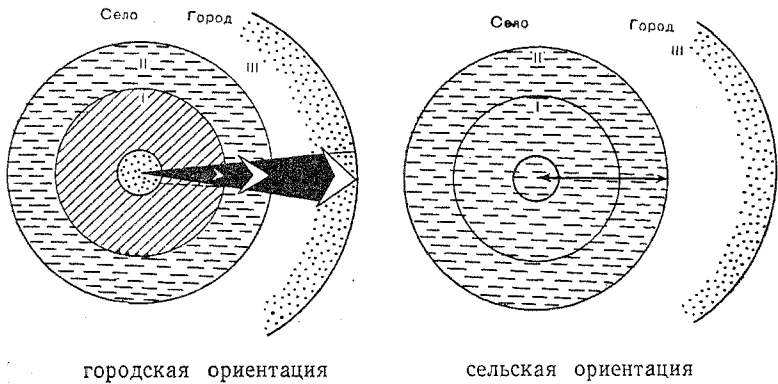
Вообще говоря, именно сфера художественного творчества — зона наибольших ожиданий и наименьших возможностей для реализации этих ожиданий. Занятия художественным творчеством предполагают наличие «искорки божьей», которая, как правило, оказывается недостаточной, чтобы разжечь пламя. Исключительная привлекательность творческих профессий толкает к выбору их даже при наличии очень малых задатков. Довольно широкой потребности на эти профессии противостоят весьма ограниченный «спрос на творцов» (все более суживающийся в эпоху тиражирования произведений талантов благодаря средствам массовой коммуникации), высокие требования их отбора.

ниям и общественным нормам. Разрешение этого противоречия, естественно, должно происходить и происходит не за счет минимизации требований глобальной среды (общества в целом), а за счет максимизации «вызовов» развивающейся локальной сельской среды. Следует подчеркнуть непреходящую актуальность описанной ситуации. С течением времени модернизируется среда, иными становятся оптимальные границы образования для тех или иных занятий, меняются социально активные группы, их ориентация, но взаимодействие между средой и индивидом (группой) всегда остается жизненным, пока есть развитие. Поэтому имеет смысл на базе многочисленных экспериментальных материалов сформулировать (конечно, предварительно) общее положение, отражающее взаимоотношение среды и личности. Оно может способствовать выявлению каких-то пока скрытых ситуаций и прогнозированию. Эту закономерность, которую можно было бы назвать законом социального соответствия, мы сформулируем следующим образом: *чем выше соответствие личности своей ролевой функции, чем больше сходятся элементы социального статуса, тем выше социальный оптимизм (удовлетворенность); расхождение элементов статуса, несоответствие личности и ее ролевой функции — источник неудовлетворенности.*

При отставании личности от среднеобщественных норм статуса возникает аномия личности; при избытке элементов статуса усиливается динамизм личности. Мера динамизма определяется частотой (степенью) вероятности мобильности (перемены среды или положения в среде), при недостатке ее динамизм трансформируется в аномию.

Склонность личности к выбору того или иного направления в мобильности зависит от структуры личности. В отличие от физического мира, где противоположные заряды притягиваются, в личностных отношениях действует стремление к однородности, «совместимости». Социально однородные элементы совмещаются, разнородные — отталкиваются. Сила выталкивания из среды пропорциональна степени разнородности среды и группы (индивида); соответственно сила притяжения зависит от меры сходства среды и группы (индивида), однородности их структуры.

Среда и мобильность

городская ориентация

сельская ориентация

Возможно согласованное и противоречивое влияние (действие) сред различных уровней — индивидуальной, контактной, локальной, субглобальной и т. п. Согласованное действие (влияние) стимулирует максимальную мобильность или иммобильность, внешнюю или внутреннюю в зависимости от направления действия (см. схему 6).

Например, в случае внесельской ориентации (мобильности), отмеченном на левой части рисунка, индивид вступает в конфликт со всей индивидуальной (личностной) первичной средой (I)¹ (в первую очередь имеется в виду семья), но и за ее пределами, в локальной сельской среде (II) он не находит «себе подобных» и ориентируется на внешнюю среду (III). Векторы как бы накладываются друг на друга, все более повелительно выталкивая индивида из привычной, «родной», но

¹ Здесь взят крайний случай. Чаще всего индивид как бы сливается со своей индивидуальной средой (или, как говорят в физике, «самосогласованным полем частицы»). Будучи предметом свободного выбора, индивидуальная среда, в первую очередь семья, как бы «продолжает» индивида, предопределяя его некоторые личностные характеристики. Семья, например, обуславливает черты семьянина, личное хозяйство — черты хозяина. Более обычен, таким образом, конфликт между индивидуумами вместе с индивидуальной средой, с одной стороны, и локальной сельской средой — с другой.

уже «чужеродной» среды. В противоположном случае (сельская ориентация) однородность индивида (индивида, слитого с индивидуальной средой) и локальной среды обеспечивает замыкание в локальной среде и предопределяет положительную сельскую ориентацию.

Конечно, в принципе возможно не только перемещение группы (индивида) в другую, более подходящую среду, но и (согласно ситуации «Магомета и горы») приспособление среды к индивиду (группе), изменение ее под влиянием группы в соответствии с ее структурой. Но во всех случаях стремление к однородности определяет процесс.

Сделанные здесь наблюдения, как нам кажется, могут быть распространены не только на поведение социально-профессиональных групп, не только в производственной и культурной сельской среде, но и вообще на ориентацию индивида в любой среде, включая бытовую, этническую и т. п.¹ Из многочисленных примеров, которые можно было бы привести дополнительно в подтверждение этого тезиса, остановимся на одном — связанном с этническим аспектом процесса мобильности, точнее, действием этнической среды на мобильность (см. табл. 92).

Действительно, в своей этнической среде удовлетворенность и у татар и у русских во всех случаях выше, чем в инонациональной. Особенно велика разница в оценке культурно-бытовых условий, уровень которых в одном и том же селе, естественно, одинаков для татар и русских. Разные оценки связаны с несоответствием национальной культуры и инонациональной среды. Что касается работы, то и в этом случае удовлетворенность в своей среде выше, хотя объективное положение, судя

¹ Исследование позволяет, например, проверить это положение на материале семьи. Возьмем, например, вопрос о статусе главы семьи. По существующим общественным нормам (в соответствии с общественными ожиданиями) мужчина — глава семьи должен быть основным кормильцем в семье. Если же главным кормильцем оказывается женщина, элементы статусной роли мужа — главы семьи и кормильца вступают во внутреннее противоречие. Не случайно в таких семьях, как показали наши исследования, хуже семейные отношения, чаще высказывается неудовлетворенность семейной жизнью. В семьях, где женщина зарабатывает больше мужа (по данным Татарской АССР), 30% не удовлетворено семейной жизнью, тогда как в «нормальных» семьях — 25%; жалуются на ссоры — соответственно 17% против 12% и т. п. В таких семьях чаще происходят разводы.

Социальное самочувствие и мобильность этнических групп
в «собственной» и инонациональной среде
(по данным Татарской АССР в %)

	Национальность	„Своя“ среда	В том числе		Инонациональная среда	В том числе	
			уроженцы	прибывшие		уроженцы	прибывшие
Характеристики:							
образование (среднее и высшее)	т	22	17	41	44	14	68
	р	25	42		26	10	38
владеют русским языком	т	14	12	24	44	26	64
Удовлетворенность:							
работой	т	64	65	61	60	56	61,5
	р	49	47	52	37	40	31
культурно-бытовыми условиями	т	63	65	57	25	33	18
	р	32	33	29	11	10	13
Потенциальная мобильность:							
повышают профессиональную подготовку	т	20	11	33	36	11	55
	р	25	14	43	30	10	44
повышают образование .	т	6	3	8	11	9	11
	р	6	6	5	7	—	12
хотят переехать в город	т	19	19	19	24	18	27
	р	21	21	20,5	41	30	19

т — татары,
р — русские.

по среднемесячному заработку, например, ничуть не лучше, а даже хуже, т. е. и в этом случае мы имеем дело с субъективной оценкой. Согласно сделанным выше заключениям, и татары и русские гораздо чаще склонны к внесельской мобильности, находясь в «чужеродной» среде. С другой стороны, городская среда становится более доступной для тех татар, которые владеют русским, — не случайно среди них выше потенциальная мобильность.

Несоответствие среды и группы (индивида) отражается не только на социальном самочувствии, но и на экономических результатах деятельности людей. Уже шла речь о том, что несоответствие образования в случае его недостатка отражается на производительности

Сравнительная характеристика русских и татарских колхозов
Альметьевского района 1967 г.¹

	Русские колхозы	Татарские колхозы	
Условия производства			
Природные (бонитет почвы ² в баллах)	76,3	68,5	
Экономические:			
Пашня (в расчете на 1 занятого трудоспособного в га)	11,2	8,8	
Крупный рогатый скот (голов в расчете на 1 занятого трудоспособного)	2,3	2,5	
Основные средства производства (в расчете на 1 занятого трудоспособного)	1 758	1 986	
Основные средства производства (в расчете на 1 га пашни в руб.)	163	223	
Кадры (средние показатели)			
<i>Председатели</i>			
Средний возраст (лет)	45	44	
Образование	9,5 кл.	11,0 кл.	
Стаж в занимаемой должности	3,2	11,4	
Опыт предшествующей работы	1,0	1,0	
<i>Специалисты</i>			
Средний возраст (лет)	36	38	
Образование	10,2	11,1	
Стаж занимаемой должности	5,6	5,9	
Опыт предшествующей работы	1,2	1,0	
Результаты производства			
Валовой доход на занятого трудоспособного (в руб.)			
	1966 г.	678	709
	1967 г.	1 010	1 139
Сбор зерновых с 1 га (в ц)			
	1966 г.	8,5	9,0
	1967 г.	12,6	15,2
Надой молока на 1 корову (в кг)			
	1966 г.	1 874	1 925
	1967 г.	2 092	2 063

¹ В основу материалов таблицы положены данные годовых отчетов колхозов. В отчетах указаны населенные пункты, в которых проживает население данного колхоза. По хозяйственным книгам, а также по данным переписи населения 1959 г. нами был установлен национальный состав населенных пунктов каждого колхоза. Выбраны те колхозы, в поселениях которых проживает либо русское, либо татарское население. Таким образом, в выборку попало

труда. Экономические потери общество несет и от избыточного, т. е. недоиспользованного в производстве, образования. Но дело не только в этих косвенных потерях. Несоответствие среды и личности непосредственно и прямо отражается на результатах производства.

В Татарской АССР наблюдается более высокая приспособленность татар по сравнению с русскими к сельской среде. Уровень их урбанизованности ниже, чем у русских, и выше удовлетворенность сельской жизнью (см. табл. 92). Они больше ориентированы на сельский образ жизни, преобладает у них внутрисельская, а не внесельская, как у русских, мобильность. В результате это в какой-то мере отражается на производственных показателях в татарских и русских колхозах (см. табл. 93).

Хотя исследование и подтверждает эффективность сельскохозяйственного труда населения, ориентированного на сельский образ жизни, все это, конечно, не значит, что надо, допустим, задерживать урбанизацию села или сдерживать рост образования сельских жителей. Одно производство вообще не может быть критерием целесообразности любого общественного процесса. Гуманистический принцип планирования требует подчинения производства потребностям человека.

Образование и связанная с образованием культура выполняет в обществе множественные функции. Выход из существующих противоречий — развитие производства, индустриализация сельской экономики, улучшение локальной среды, достаточное для обеспечения внутрисельской мобильности тех категорий населения, в которых нуждается село. Важно, чтобы не человек «прикладывался» к производству, а производство к человеку, т. е. оно должно соотноситься с его требованиями

---

7 русских и 7 татарских колхозов. Хозяйства со смешанным в национальном отношении населением из выборки были исключены. По материалам Управления кадров Министерства сельского хозяйства ТАССР выяснен состав руководителей и специалистов колхозов (в таблице приведены средние показатели по образованию и т. д.). Характер предшествующей работы — условный показатель, при исчислении которого отсутствие опыта приравнивалось к 0. Когда предшествующая должность соответствовала занимаемой, она приравнивалась к 1, а когда требовала большей квалификации — к 2.

² Качественная оценка хозяйственной пригодности почвы.

к образу жизни. В этой связи и выдвигаются на первый план задачи учета социального спроса населения во всем его многообразии, обусловленном демографическими и профессиональными различиями. Планирование, как это подчеркивалось на XXIV съезде партии, должно опираться на «точное изучение общественных потребностей...»¹.

Глава VIII

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ

Потребность в изменении — предварительное и внутреннее условие мобильности, само же перемещение — ее внешнее проявление и завершающий акт. Поэтому от анализа социальных потребностей мы теперь перейдем к их реализации посредством социальных перемещений. Радикальные сдвиги в социальной структуре населения, бурные темпы его профессионализации, естественно, сопровождаются интенсивными и массовыми социальными перемещениями — как групповыми, так и индивидуальными — из одного социального слоя в другой, из сферы колхозно-кооперативного сектора в государственный и т. п. Социальные переходы имеют принципиальный смысл. Люди меняют не только занятия, профессию, но и сам образ жизни, что сопровождается перестройкой иной раз всего социально-психологического облика человека.

В сельских условиях процессы социальной мобильности имеют свои особенности. Они протекают одновременно и проще и сложнее, чем в городе. Проще, так как социально-профессиональная структура деревни не столь многослойна, как в городе; здесь нет таких социальных групп, как творческая, научно-техническая и высшая административная интеллигенция. Но в то же время в деревне есть своя специфика, связанная с тем, что здесь существует дополнительный социальный срез. Именно

---

¹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, стр. 82.

здесь проходит граница между двумя формами собственности и классами, связанными с этими формами собственности. Здесь колхозное крестьянство непосредственно взаимодействует с сельским рабочим классом и интеллигенцией.

Несмотря на сложную дифференциацию, современной деревне свойственны активные перемещения населения, способствующие интеграционным процессам. Мобильность внутри села проходит беспрепятственно как между секторами, так и между социальными слоями населения.

Прежде всего все более условным становится разделение между социальными сферами приложения труда — колхозно-кооперативным и государственным секторами. Стирание грани между ними обусловлено как органическим включением колхозно-кооперативного сектора в единую систему народного хозяйства, так и последовательным внутренним сближением социальных, экономических и производственных основ колхозов и государственных предприятий. Уже упоминались известные современной истории советского села массовые переходы из одного сектора в другой — механизаторов из МТС в колхозы в 1958—1959 гг., колхозников — в совхозы в связи с преобразованием колхозов в совхозы, организованные наборы в колхозах для промышленности и строек. Такие переходы сами по себе уже говорят об условности межклассовых различий и облегченности перемещений между секторами.

Основное направление горизонтальной мобильности (не связанной непосредственно с изменением социально-профессионального статуса) — из колхоза в государственный сектор — совхозы, на промышленные предприятия и в учреждения. Колхоз выступает чаще всего как диффузионная система, государственный сектор — как абсорбирующая. Перемещения в обратном направлении происходят гораздо реже. Переходы населения в город — частный случай социальной мобильности, когда социальная мобильность совмещается с территориальной, именуемой миграцией.

Крестьянство — основной социальный резервуар, за счет которого формируется сельский рабочий класс и интеллигенция, включая все социально-профессиональные их группы (см. табл. 94).

Роль крестьянства в формировании социальных групп в колхозно-кооперативном и государственном секторах села

(выходцев из крестьян в % к общей численности группы)

Социально-профессиональные группы	Калининская область				Краснодарский край				Татарская АССР					
	Гос. сектор		Предприя- тия и пр.		Гос. сектор		Предприя- тия и пр.		Колхозы		Гос. сектор		Предприя- тия и пр.	
	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Предприя- тия и пр.	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Предприя- тия и пр.	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Предприя- тия и пр.
Руководители и специалисты высшего звена (А ₁)	50	47,1	71,4	55,1	44,0	н/св.	91	57	67					
Руководители и специалисты среднего звена (А ₂)	60	63,6	55,7	88,0	52,0	52,6	83	50	н/св.					
Служащие (Б)	90,8	47,1	60,1	83,8	63,7	62,8	91	53	61					
Механизаторы (В)	88,6	54,9	57,9	80,0	58,3	53,1	96	58	77					
Рабочие и колхозники с квалификацией (Г ₁)	85,5	79,3	79,8	87,4	60,2	77,8	97	83	69					
Разнорабочие (Г ₂)	89,5	86,1	63,8	88,8	69,0	53,7	94	82	79					
Итого	87	78	63	87	63	64	95	77	н/св.					

Роль крестьянства как социального источника меняется в зависимости от типа предприятия. Если почти все колхозники — потомственные крестьяне (85—90%), то среди работников совхозов и тем более несельскохозяйственных предприятий их меньше (65—75%). Хотя известные различия в социальном происхождении между сельскими рабочими и колхозниками наблюдаются, они не имеют реального значения, так как во всех случаях речь идет о выходах из однотипных классов. В селах Краснодарского края и Татарской АССР только 10—12% занятого населения — дети крестьян-единоличников, а около 90% — труженников общественных секторов — государственного и колхозно-кооперативного; в Калининской области, где население по возрасту старше, тем не менее детей единоличников в занятом населении только около 20%. Причем большой разницы в доле детей единоличников между колхозами и предприятиями государственного сектора нет (см. табл. 95).

Таблица 95

Классовое происхождение колхозников, рабочих и служащих села (в %)

Занятое население	Краснодарский край			Калининская область		
	Колхозники	Рабочие и служащие		Колхозники	Рабочие и служащие	
		совхозов	других предприятий и учреждений		совхозов	других предприятий и учреждений
Родители						
Рабочие и служащие гос. сектора	13	37	36	13	22	37
Колхозники	77	53	60	56	58	51
Единоличники и др.	10	10	4	31	20	12

Сегодняшнее поколение сельских труженников по существу не застало и не знает иных, кроме ныне существующих, общественных форм ведения хозяйства. Эта черта социальной биографии сельских жителей существенна для понимания общественно-политической ситуации в современном советском селе.

Роль крестьянства как социального источника неодинакова в комплектовании различных социально-профессиональных групп. Крестьян несколько больше в группах физического труда и меньше — в группах умственного, особенно квалифицированного (см. табл. 94). Еще сильнее отличия в способах комплектования тех или иных социально-профессиональных групп за счет крестьян.

Бывшие крестьяне, занятые сейчас на предприятиях государственного сектора физическим трудом, как правило, начинали работать в колхозе и затем уже переходили в государственный сектор; для тех же, кто занимается умственным, особенно квалифицированным, трудом, государственное предприятие обычно первое место работы¹. Это различие имеет принципиальное значение. Оно отражает специфику и несовпадение социальной и производственной ролей колхоза как источника трудовых ресурсов.

Производственная структура колхозов не так развита, чтобы предложить государственному сектору достаточное количество квалифицированной рабочей силы, особенно занятой умственным трудом. Поэтому переходят из колхоза главным образом люди, занятые физическим трудом, и в первую очередь малоквалифицированным. Массовое пополнение ими совхозов связано, в частности, с прошедшим в конце 50-х — начале 60-х годов преобразованием части колхозов в совхозы. Это не просто дети колхозников, а «дети колхоза» — производственники, чей потенциал определяется производственной подготовкой, полученной в хозяйстве.

В отличие от уже сложившихся кадров колхозов как бы носителями социального (а не производственного) «заряда» колхозного строя выступают дети колхозников, занимающие «рабочие места», требующие квалификации. Это выпускники школ, их потенциал определяется не производством, а зависит от школьной и семейной подготовки, от микросреды, в которой они воспитыва-

---

¹ Например, в Татарской АССР среди руководителей и специалистов высшего звена, занятых в государственном секторе (крестьян по происхождению), лишь около 20% начали свой трудовой путь в колхозах, а среди малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих почти все (больше 80%) вначале работали в колхозах.

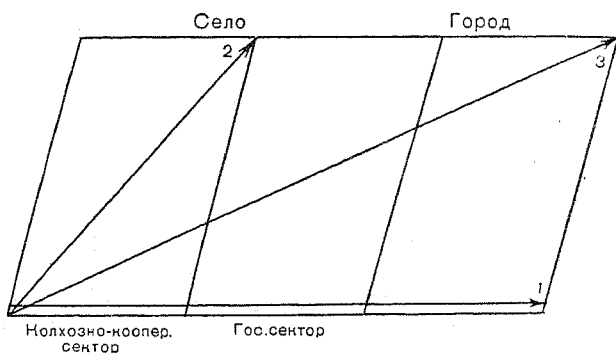

лись, от социальных возможностей роста, а они выравнены с другими социальными группами села. Выходцам из колхозной среды ничто не мешает наравне со всеми сельскими жителями реализовать свой потенциал и занять ведущие места во всех социальных группах государственного сектора на селе.

Социальные возможности колхозников с другими слоями населения села выравнены настолько, что они легко преодолевают не только границу государственного сектора внутри села, но и оказываются в равных позициях с выходцами из государственного сектора села при миграции в город и приобретении там городских профессий. При переезде в город дети колхозников, правда, несколько реже, чем дети сельских рабочих и служащих, поступают учиться (см. табл. 96). Но это несоответствие объясняется лишь несколько более отсталой профессиональной структурой колхозников, среди которых меньше семей квалифицированных работников. Не случайно преимущества выходцев сельского государственного сектора сводятся на нет, как только колхозники и сельские рабочие просматриваются по сходным социально-профессиональным группам. Выходцы идентичных социально-профессиональных групп различных секторов села поступают учиться в целом в равных пропорциях. О равенстве шансов мобильности занятых в колхозно-кооперативном и государственном секторах тем более свидетельствуют данные, фиксирующие конечные результаты мобильности, — долю людей, занятых квалифицированным умственным трудом. Выходцы из колхозно-кооперативного сектора в этом случае уже ни в какой мере не отстают от выходцев из сельского государственного сектора. Как в том, так и в другом секторе в равной мере сохраняются, однако, серьезные различия в шансах мобильности в зависимости от квалификации родителей. Среди сельского населения не классовая, а социально-профессиональная принадлежность влияет на темпы социального продвижения.

Таким образом, колхоз как социальный институт не налагает ограничений и не лимитирует возможности социального роста колхозников по сравнению с другими группами сельского населения. Это обстоятельство имеет также и свой этнический смысл. Поскольку известно, что в национальных республиках в колхозах сосредото-

Направление социальной
мобильности колхозного
населения

Мобильность:

1. Горизонтальная
2. Вертикальная
3. Комбинированная

чивается преимущественно нерусское население, выравнивание возможностей колхозно-кооперативного сектора с государственным в условиях села способствует выравниванию шансов мобильности (социального выдвижения) для коренных национальностей и русского населения села.

Активные перемещения (см. схему 7) происходят не только между секторами (1), не только по горизонтали, но и между социальными слоями населения, внутриклассовыми группами (2), т. е. по вертикали. Часто социально-профессиональный рост связан также с изменением сферы приложения труда, перемещением в другую область, т. е. происходит как бы комбинированная (3) как вертикальная, так и горизонтальная мобильность. Разумеется, этот вид мобильности приводит часто к наиболее радикальным изменениям для мобильного населения, особенно если он осуществляется на дальних дистанциях.

Колхозно-кооперативный сектор, чья социальная структура проще, чем социальная структура государственного сектора (здесь, например, отсутствуют многие

Дети сельских жителей в городе
(в % к общему числу «выходцев» из данной социально-профессиональной группы)

Социально-профессиональные группы родителей	Краснодарский край				Калининская область				Татарская АССР				
	число поступивших учиться по приезде в город		число «выходцев» из села, занятых в городе квалификационным умственным трудом*		число поступивших учиться по приезде в город		число «выходцев» из села, занятых в городе квалификационным умственным трудом*		число поступивших учиться по приезде в город		число «выходцев» из села, занятых в городе квалификационным умственным трудом*		
	В том числе	Всего	В том числе	Всего	В том числе	Всего	В том числе	Всего	В том числе	Всего	В том числе	Всего	
Руководители и специалисты высшего звена (А ₁)	75	100	53	100	60,0	100	71,4	100	73	75	58	58	н/св.
Руководители и специалисты среднего звена (А ₂)	58	45,2	50	100	59,5	58,5	40,7	24,8	76	75	38	34	34
Служащие (Б)	59	63,7	46	80,4	50,2	62,4	50,0	50	77	62	35	28	28
Механизаторы (В)	53	46,5	52	74	51,2	67,0	16,7	0	61	76	24	25	25
Рабочие и колхозники с квалификацией (Г ₁)	46	47,0	22	20,2	44,4	41,7	29,2	41,9	57	50	19	24	24
Разнорабочие и др. (Г ₂₋₃)	32	27,7	26	34,1	34,4	27,9	21,1	24,5	45	36	13	17	17
Итого	41	35	29	39	39	33	24	29	54	40	24	24	23

* Руководители и специалисты высшего и среднего звена.

общественные и государственные учреждения), представляет меньше возможностей для повышения социального статуса внутри самого колхозного сектора. Поэтому наиболее часты случаи комбинированной мобильности: перемещения из колхозно-кооперативного сектора в государственный при одновременном росте социально-профессионального положения (см. табл. 97).

Колхозники за пределами колхозно-кооперативного сектора активнее продолжают свой социально-профессиональный рост. Как видно из данных таблицы, наиболее устойчивой в колхозе оказалась немобильная в социально-профессиональном отношении часть населения. Что касается мобильных, то половина из них перешла в процессе трудовой деятельности в государственный сектор, точнее, была выдвинута на занятия умственным трудом в различные сельские учреждения.

Об интенсивности, а точнее, результативности вертикальной мобильности свидетельствует весьма пестрый по социальному происхождению состав социально-профессиональных групп села (см. табл. 98).

Как следует из таблицы, лишь немногие сельские жители, имеющие квалификацию, «повторяют» статус родителей. Это понятно. Ведь в прошлом поколении деревня даже не знала многих видов нынешних занятий. Социально-профессиональная структура современного села в значительной мере создавалась заново. Только для разнорабочих характерна высокая степень воспроизводства группы. Все остальные социальные группы населения преимущественно формируются за счет «иностранцев». «Наследственные» или «потомственные» занятия встречаются редко. Самая главная особенность и результат анализируемого процесса — это преобладание во всех группах выходцев из состава преимущественно неквалифицированного и малоквалифицированного физического труда. Современная сельская интеллигенция — плоть от плоти народа, вышедшая из самой гущи его и органически связанная с ним всем своим прошлым.

Интенсивная вертикальная мобильность в равной мере свойственна и обследованным нами различным этническим группам сельского населения. Больше четверти татар (26%) и русских (31%) повысили свой социальный статус по сравнению с родителями. Однако если

Распределение населения по секторам и видам производства в процессе трудовой деятельности¹
(в % к численности каждой мобильной и стабильной группы)

Виды производства	Краснодарский край				Калининская область				Татарская АССР			
	Мобильные ГВ-БА		Стабильные ГВ-ГВ		Мобильные ГВ-БА		Стабильные ГВ-ГВ		Мобильные ГВ-БА		Стабильные ГВ-ГВ	
	N=212		N=973		N=186		N=816		N=230		N=1419	
	в начале	в момент оп-роса	в начале	в момент оп-роса	в начале	в момент оп-роса	в начале	в момент оп-роса	в начале	в момент оп-роса	в начале	в момент оп-роса
Колхозы	54,8	40,6	62,5	42,0	45,4	20,3	57,4	37,0	62	33	77	63
Совхозы	13,4	26,4	15,9	51,0	2,5	26,6	3,4	40,2	10	12	10	21
Предприятия, стройки	20,4	12,7	13,2	3,4	29,3	20,5	13,1	14,6	20	6	7	7
Сфера обслуживания	2,3	4,1	1,0	1,3	4,3	11,4	5,9	4,5	3	9	1	3
Учреждения	2,1	14,7	0,3	1,0	5,5	20,1	0,5	2,8	3	38	1	4

¹ Мобильным в данном случае мы считаем население, перешедшее из групп физического труда (Г, В) в группы умственного (Б, А); стабильным — оставшееся в группе физического труда.

Состав социально-профессиональных групп по происхождению (занятия отца)
(в % к каждой группе опрошенных)

Социально-профессиональные группы родителей	Калининская область				Краснодарский край				Татарская АССР			
	инженеры	служащие	механизаторы	разнорабочие и пр.	инженеры	служащие	механизаторы	разнорабочие и пр.	инженеры	служащие	механизаторы	разнорабочие и пр.
Социально-профессиональные группы опрошенных												
Руководители высшего звена	25	4	11	50	15	5	5	75	27	13	—	60
Руководители среднего звена	25	2	2	69	21	6	13	60	21	10	5	64
Специалисты высшей квалификации	30	9	17	46	27	14	8	51	21	18	5	56
Специалисты средней квалификации	28	9	9	60	14	6	12	68	23	7	6	64
Служащие	20	7	7	66	19	12	10	60	12	10	9	69
Механизаторы и другие работники индустриального труда	14	8	9	70	8	7	19	66	8	5	10	77
Квалифицированные работники неиндустриального труда	4	6	4	86	15	4	12	69	3	3	7	87
Малоквалифицированные работники физического труда	6	3	3	88	9	5	13	73	2	5	6	87
Разнорабочие	5	4	2	89	7	4	7	82	4	4	2	91

учесть не только массу мобильного населения, но и шаг, дальность в движении, то у татар обнаружится преимущество. Ввиду того что татары стартовали с менее продвинутых позиций, они прошли более значительную дистанцию в социальном росте. О сравнительных темпах социального роста татар и русских на селе можно составить представление по табл. 99.

Таблица 99

Рост социально-профессионального статуса татар и русских по сравнению с родителями¹
(во сколько раз больше)

Социально-профессиональные группы	Татары	Русские
Руководители и специалисты высшего звена	2,01	1,85
Руководители и специалисты среднего звена	1,42	1,40
Служащие	1,36	1,25
Механизаторы	1,34	1,19
Разнорабочие и другие работники, преимущественно неквалифицированного физического труда	1,13	1,05
Итого	1,16	1,12

То, что татары во всех случаях улучшают свой статус быстрее русских, подтверждается также данными о внутривозрастной мобильности (изменения социального статуса в процессе трудовой деятельности, т. е. между стартом и финишем трудовой карьеры). На этот раз не только темпы, но и масштабы мобильности оказываются среди татар более значительными.

¹ Социально-профессиональный статус измерен с учетом трех основных показателей — заработка, образования и влияния в производственном коллективе. Каждому статусу на основании этих данных присваивается определенный ранг. Примерный шаг соответствует интервалу между специалистами среднего и высшего звена (подробнее см. в приложении). Рост статуса в среде работников преимущественно неквалифицированного труда произошел за счет некоторого изменения квалификации внутри группы.

Такая ситуация в той или иной мере может быть характерна и для других национальных меньшинств сельского населения. Поскольку они часто стартовали с худших позиций, чем русские, им, естественно, в процессе трудовой деятельности надо было пройти путь относительно больший. В каждом этносе и в любой социально-профессиональной группе подавляющее большинство людей занимает социальные позиции лучшие, чем их родители. Причем они добиваются повышения своего статуса в процессе собственной трудовой деятельности, что, понятно, способствует социальному оптимизму этих наиболее влиятельных, определяющих ситуацию на селе общественных групп населения (см. табл. 100).

В схеме 8 сведены воедино показатели межпоколенной и внутриспоколенной мобильности. Из нее видно, какая часть в тех или иных профессиональных группах уже на старте опередила родителей и в какой мере конечное опережение было достигнуто не за счет первоначальных позиций, а в процессе трудовой деятельности. Более других опередила своих родителей уже на старте лишь одна категория — специалисты высшего и среднего звена. Это понятно. К интеллигентным профессиям ведет учеба. Занятия агронома, зоотехника, инженера часто оказываются первыми в послужном списке. Этим обуславливается особенность в способе комплектования социально-профессиональной группы специалистов. Лишь часть ее (примерно от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$, судя по нашим данным) переходит в эту категорию в процессе собственной трудовой деятельности. Резко отличается от них категория руководителей, которые, так же как и представители иных социально-профессиональных групп, занимают свои позиции шаг за шагом в процессе трудовой деятельности, а не в результате окончания учебного заведения. Около 80—90% руководителей высшего звена и 96% руководителей среднего звена в селах начали свою деятельность в иных социально-профессиональных группах, преимущественно менее высокого статуса¹.

Социальное положение руководителей, так же как специалистов средней квалификации, служащих, механизаторов, в первую очередь результат не специальной

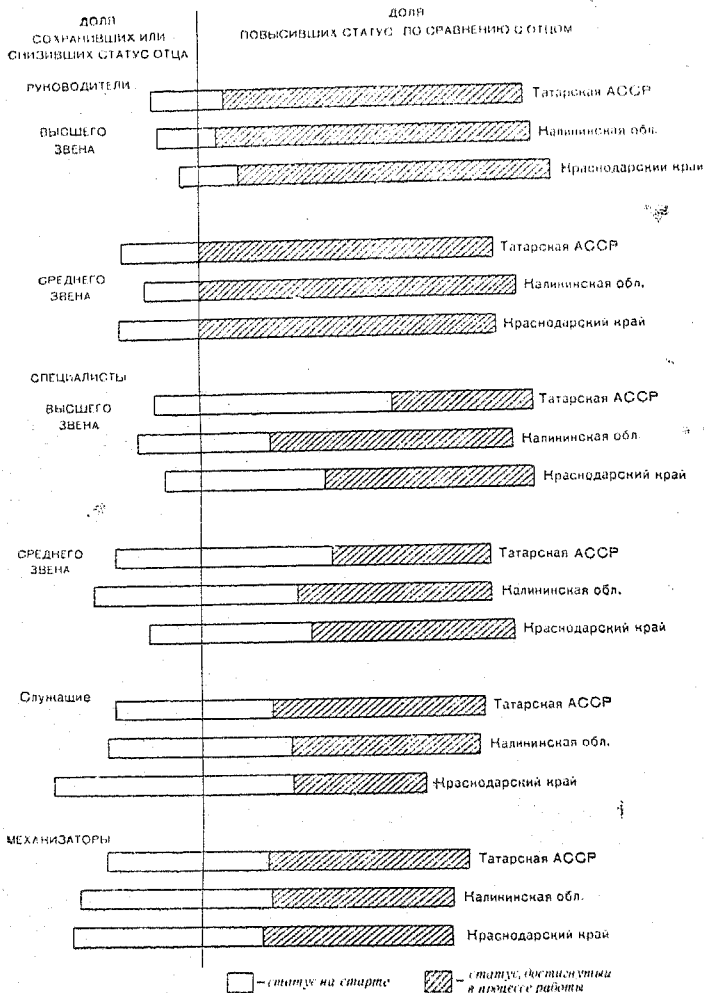
¹ По данным Татарской АССР, лишь 12,5% руководителей высшего звена и 7,4% среднего звена начали трудовой путь в должностях равного статуса — в качестве специалистов.

Доля повысивших социальный статус по сравнению с родителями
(в % к каждой социально-профессиональной группе)

Социально-профессиональные группы	Краснодарский край			Калининская область			Татарская АССР			
	Всего	в том числе		Всего	в том числе		Всего	в том числе		
		с начала работы	в процессе работы		с начала работы	в процессе работы		с начала работы	в процессе работы	
Руководители:										
высшего звена	95	13	82	91	5	86	87	7	80	
среднего звена	79	0	79	86	0	86	79	0	79	
Специалисты:										
высшего звена	90	34	56	84	23	61	89	53	27	
среднего звена	86	30	56	72	26	46	77	36	41	
Служащие *	60	46	14	74	25	49	77	20	57	
Механизаторы *	67	17	40	69	21	48	75	22	53	

* Статус механизаторов и служащих приравнен друг к другу.

учебы, а трудовой деятельности, что, возможно, накладывает определенный отпечаток на психологические черты этой группы.

Выделение все новых слоев квалифицированного труда из прежде довольно однородной в профессиональном и культурном отношении массы сельского населе-

ния свидетельствует о процессе социально-профессиональной дифференциации его. Диалектика развития к единообразному обществу, таким образом, сложна. Село идет к унификации через дифференциацию. Этот процесс прогрессивный, ибо он означает материальный и культурный подъем все новых групп сельского населения и тем самым постепенное сближение сельского населения с городским.

Внутриклассовая дифференциация, так же как и классовая, не абсолютна. Новые слои, выйдя из народа, не теряют связи с ним. О социальной общности свидетельствует наличие, например, огромного количества социально-смешанных семейств (см. табл. 101).

Таблица 101

Доля супругов, занятых физическим трудом
(в % к общему числу полных семей
по социально-профессиональным группам)

Социально-профессиональные группы	Краснодарский край	Калининская область	Татарская АССР
Руководители высшего звена	48,4	25,0	46
Руководители среднего звена	49,9	50,9	65
Специалисты высшего звена	34,5	34,3	27
Специалисты среднего звена	61,7	58,3	51
Служащие	60,1	60,5	54
Механизаторы	79,8	60,0	85
Квалифицированные и малоквалифицированные рабочие и колхозники	83,8	86,4	91
Разнорабочие	83,4	87,4	96

Эти данные говорят прежде всего о социально-смешанном составе сельской интеллигенции, в половине семейств которой один из супругов занят физическим трудом. Среди интеллигенции относительно однородны семьи лишь специалистов высшего звена, создаваемые часто вне села, в городских условиях. Понятно, что людям физического труда меньше свойственна социальная экзогамия. Они реже вступают в брак с представителями интеллигенции хотя бы потому, что число последних на селе (а тем самым и возможности браков с ними) ограничено.

В семейной ячейке часто теряются границы не только между социально-профессиональными группами, но и между рабочими и колхозниками, связанными с разной формой собственности. Причем, чем выше в социально-профессиональном отношении группа, тем больше наблюдается социально-смешанных браков. В семьях колхозной интеллигенции (по данным Татарской АССР) почти половина супругов работает на предприятиях, а еще чаще в учреждениях государственного сектора, в семьях механизаторов — $\frac{1}{4}$, в семьях разнорабочих — $\frac{1}{7}$. Такое соотношение соответствует диалектике генерального направления в социальном развитии. С каждой ступенькой профессиональной лестницы между идентичными группами колхозно-кооперативного и государственного секторов все четче выступают общие (единные) профессиональные черты, связанные с одинаковым уровнем общей и специальной подготовки и образования, и размерами материального вознаграждения и т. д. Соответственно все более условными становятся классовые различия, размываемые по мере профессионального продвижения из группы в группу. И это, в частности, отражается также на социальном составе колхозной семьи.

Разветвленные социальные связи, способствующие тесным контактам и социальному перемешиванию населения, естественно, дополняются и тесно переплетаются со связями этническими. Факты показывают, что все более очерченное национальное самосознание интеллигенции, а вслед затем и других социальных групп населения не воздвигает барьеров, отделяющих нации друг от друга, не приводит к их обособлению. Современный образ жизни требует контактов, взаимодействия, а оно независимо от воли людей объективно способствует умножению этнических связей, в том числе родственных. Работая на одних и тех же предприятиях, в хозяйствах, общаясь в районах, городских центрах, татары и русские приобретают знакомых, друзей и все активнее вступают в смешанные браки. Естественно, в многонациональных селах (с татаро-русским населением) число таких браков больше, чем в однонациональных селах. 10% опрошенных жителей в многонациональных селах находились в смешанных браках, и более 25% из них ответили, что имеют родственников, состоящих в браке

с лицом другой национальности. В татарских селах национально-смешанных семейств практически не было.

Особенно активны этнические связи (так же как и социальные) в профессионально продвинутых группах, особенно часто вступающих в межнациональные контакты. В то время как среди разнорабочих-татар в национально-смешанных браках с русскими находится меньше 1%, среди интеллигенции доля их составляет около 4—5%. Такое же примерно соотношение наблюдается и среди русских. Соответственно примерно $\frac{1}{3}$ татар-интеллигентов и русских ответили, что имеют родственников, состоящих в браке с лицами другой национальности, у разнорабочих таких не более $\frac{1}{6}$.

Этнические связи значительно облегчаются благодаря формированию общей интернациональной основы культуры, способствующей взаимопониманию людей, сближающей их. Не случайно, например, среди татар, владеющих русским языком, почти 20% находятся в браке с русскими, среди невладельцев — не более 1%.

Активные интеграционные процессы, быстрая мобильность различных этнических и социальных групп населения свидетельствуют о форсированном, интенсивном социальном развитии общества. Для значительной части сельского населения улучшение условий жизни ощущается не только как объективный факт, но и как субъективное состояние. Это обеспечивает жизнеспособность и здоровое функционирование общественного организма.

Вместе с тем данные не позволяют утверждать, что между различными социально-профессиональными группами полностью выравнены шансы социальной мобильности. Мы уже видели (см. табл. 98), что основная часть всех социальных групп, включая группы интеллигенции, по крайней мере наполовину вышла из семей разнорабочих. Однако это еще не говорит о том, что, скажем, разнорабочие имеют равные шансы в комплектовании всех групп сельского населения. Поскольку разнорабочие в деревне — большинство населения (а интеллигенция — меньшинство), уже небольшая часть выходцев из этой группы будет столь многочисленной, что составит значительную долю интеллигенции. Поэтому для более точного представления зависимости между занятием и образованием родителей и детей необходимо пересчитать

данные упомянутой таблицы. Прежде всего выясним, существует ли зависимость между образованием родителей и детей (см. табл. 102).

Таблица 102

Зависимость между образованием родителей и детей
(по данным Татарской АССР в %)

Образование отца	Образование опрошенных							
	абсолютное число	неграмотн. и малограмотн.	до 4-х классов	4-6 классов	7-9 классов	10 классов	техникум	вуз
Неграмотн.	1029	18,3	18,5	21,1	27,3	5,0	4,0	3,4
До 4 классов	358	2,4	13,3	18,7	31,8	14,1	9,5	9,0
4-6 »	253	2,8	7,9	17,4	39,5	14,6	9,9	8,3
7-9 »	62	3,2	4,8	6,4	38,7	21,0	9,7	9,7
10 »	40	2,5	—	2,5	22,5	27,5	30,0	10,0
Техникум	16	—	—	—	6,3	12,5	37,5	43,7
Вуз	22	4,5	—	9,0	—	18,2	4,5	63,8

Зависимость, как видит читатель, весьма значительная. У неграмотных родителей лишь 3,4% детей с высшим образованием, у родителей с образованием до 6 классов — 8—9%, 7—10 классов — 10%, со средним специальным образованием — 44%, с высшим образованием — 64%.

В условиях социализма, где не имущество, а квалификация, оцениваемая государством, является важнейшим фактором общественного положения человека, образование выступает как решающее условие социального роста. По специально рассчитанным коэффициентам детерминации, уровень образования родителей на 50% предопределяет образование детей¹.

Естественно ожидать, что столь же тесная связь существует между социально-профессиональным статусом родителей и детей. Приведенные ниже данные действительно подтверждают известную зависимость в этом отношении (см. табл. 103).

Как видно, у отцов-разнорабочих лишь 8% детей стали интеллигентами, а у специалистов высшей квалифи-

¹ См. приложение.

Зависимость между социально-профессиональным статусом родителей и детей
(по данным Татарской АССР в % к общему числу выходящих (детей) из каждой социально-профессиональной группы)

Социально-профессиональный статус отца	Социально-профессиональный статус детей в начале работы									
	абсолютное число	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Руководители высшего звена (1)	23	—	4,4	4,4	17,4	4,3	8,7	—	8,7	52,1
Руководители среднего звена (2)	48	2,1	4,3	10,6	10,6	14,9	14,9	8,5	—	34,1
Специалисты высшей квалификации (3)	35	—	3,0	36,5	12,1	6,0	9,1	3,0	3,0	27,3
Специалисты средней квалификации (4)	31	—	—	25,0	17,8	7,2	7,2	7,2	—	35,6
Служащие (5)	96	—	—	16,6	7,8	18,9	7,8	4,5	6,7	37,7
Механизаторы и другие работники индустриального труда (6)	76	—	—	8,2	5,5	13,7	24,6	9,6	6,9	31,5
Квалифицированные работники неиндустриального труда (7)	112	—	—	5,9	4,9	8,8	10,8	11,8	7,8	50,0
Малоквалифицированные работники (8)	86	1,2	—	7,2	8,3	11,9	5,9	—	17,8	47,7
Разнорабочие (9)	1044	0,1	0,9	4,3	3,0	3,3	6,0	2,6	5,7	74,1

кации — около половины. Между этими полярными «родительскими полюсами» с теми или иными колебаниями располагаются остальные группы населения. Коэффициент детерминации, рассчитанный между социальным статусом родителей и детей (по первому месту работы и виду занятия), составляет 53,5%, т. е. больше чем в половине случаев социальное положение детей в начале их трудовой деятельности детерминируется положением родителей. Причем интересно отметить, что мать как на образование, так и на социально-профессиональный статус ребенка оказывает даже большее влияние, чем отец. Повышение образования матери на 1 пункт (с 1-го по 4-й класс, с 5-го по 8-й и т. д.) вызывает рост образования ребенка на 0,58, а прирост на 1 пункт социально-профессионального статуса вызывает прирост статуса детей на 0,69 (по первому месту работы); отца же — соответственно лишь 0,47 и 0,42¹.

Хотя в процессе трудовой деятельности сельские жители интенсивно перемещаются между социальными группами, позиции, завоеванные в молодости, оказывают влияние на всю дальнейшую судьбу. Коэффициент детерминации между «конечным» социально-профессиональным статусом сельчанина и родителей достаточно высок — 0,5.

В предлагаемом графике схематично выражено направление и результаты социальной мобильности сельского населения Татарской АССР (см. схему 9).

Здесь наглядно видно, что малоквалифицированные социально-профессиональные группы населения, «направляя» в группы квалифицированного труда не такие уж большие пропорции выходцев из своих групп, занимают заметную долю в группах более высокой квалификации. Так, группа преимущественно неквалифицированного труда (Г — родители) «направила» в интеллигенцию лишь 14,9% детей, но они в сравнительно немногочисленной группе сельских интеллигентов (А — дети) составили 59,8%.

Чем объяснить влияние социально-профессионального статуса родителей на судьбу детей? Очевидно, что дело в неравном, неодинаковом экономическом, культур-

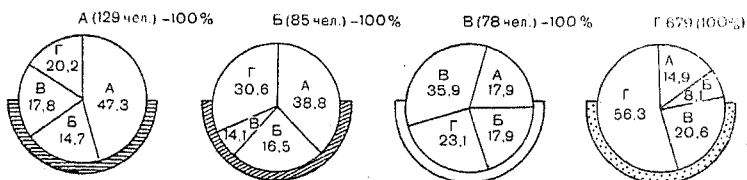
---

¹ Подробнее о методах расчета и рашивирования социально-профессионального статуса см. в приложении.

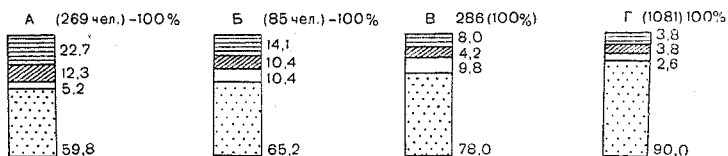

Межпоколенная мобильность.

РОДИТЕЛИ

ДЕТИ

ном положении и даже в локальной среде, связанной с местом проживания ребенка.

Интеллигенция сосредоточивается в большинстве случаев в относительно крупных населенных пунктах, располагающих лучшими условиями для развития потенциальных способностей и возможностей людей. Дети более обеспеченных и образованных родителей позже начинают работать. У родителей, занятых неквалифицированным трудом, и вследствие причин материального порядка, и вследствие недооценки образования как социальной ценности почти $\frac{3}{4}$ детей начали работать до 16 лет. С ростом образования родителей и в известной степени с ростом социально-профессионального статуса последовательно меняется и время вступления детей в самостоятельную трудовую жизнь (см. табл. 104).

Среди занятых неквалифицированным физическим трудом преобладает число людей, начавших работать до 16 лет (от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$), среди специалистов, особенно высшего звена, таких немного, не более 17%. Что касается руководителей, то они и в этой ситуации выделяются из интеллигенции и приближаются к основной массе работников. Персонифицирующие руководящую роль рабочего класса, они как бы своей биографией выражают близость к судьбам широких масс.

Доля сельских жителей, начавших работать до 16 лет
(в % к каждой социально-профессиональной группе)

Социально-профессиональные группы	Краснодарский край	Калининская область	Татарская АССР
Разнорабочие	66	83	79
Малоквалифицированные работники физического труда	66	76	78
Квалифицированные работники неиндустриального профиля	54	62	72
Механизаторы и другие работники индустриального труда	56	52	66
Служащие	36	37	44
Специалисты средней квалификации	28	16	16
Специалисты высшей квалификации	17	11	11
Руководители среднего звена	51	46	55
Руководители высшего звена	29	41	40

Позже вступая в самостоятельную жизнь, работники специализированного умственного труда позже обзаводятся и собственной семьей. В Татарской АССР среди имобильной группы населения 22% вступили в брак до 20 лет, мобильной — 14%; в Краснодарском крае — соответственно 21 и 12%; в Калининской области — 21 и 9%. Собственная семья, особенно появление детей, часто является причиной задержки социально-профессионального роста женщин, что отражается на общих показателях мобильности. Особое значение в стимулировании мобильности имеет микросреда, и в первую очередь культурная атмосфера, климат родительской семьи, в частности знание и использование в семье русского языка. В Татарской АССР в мобильной группе населения более 60% людей владеет русским или русским и татарским языками, в имобильной — почти в 2 раза меньше (34%).

С практической точки зрения важно выяснить, на каком этапе социально-профессионального роста проявляется положительный эффект социальных преимуществ высококвалифицированных групп населения. Или, если подойти к этому вопросу с другой стороны, где тот барьер

ер, та ступенька, которая тормозит социально-профессиональный рост малоквалифицированной части сельского населения?

Чтобы выяснить этот вопрос, мы проанализировали социальный состав учащихся средних школ одного из обследованных нами районов Татарской АССР.

Оказалось, что пропорция детей, родители которых заняты неквалифицированным трудом, во всех классах неполной и полной средней школы остается без изменения и соответствует доле этой категории работников в населении районов (см. табл. 105). В настоящее время

Таблица 105

Социальный и национальный состав учащихся средних школ Альметьевского района¹
(1967—1968 гг.)

Классы	Русские и смешанные школы			Татарские школы			Все школы		
	число учащихся	в том числе (в %)		число учащихся	в том числе (в %)		число учащихся	в том числе (в %)	
		дети неквалифицированных рабочих и колхозников	татары		дети неквалифицированных рабочих и колхозников	татары		дети неквалифицированных рабочих и колхозников	татары
5—6	1742	50,2	32,5	1174	65,2	100	2916	56,3	59,7
7—8	1579	46,2	31,5	962	66,7	99,7	2541	54,2	57,3
9—10	1705	53,9	24,8	894	60,5	99,9	2599	56,2	50,6
Итого	5026	50,3	29,5	3030	64,3	99,9	8056	55,6	51,0

каждый ребенок школьного возраста берется районными организациями на учет, непосещение школы рассматривается как чрезвычайное событие, за каждого ребенка, не посещающего школу, районный отдел народ-

¹ Сведения собирались по каждой школе с помощью стандартизированной формы. В сборе материала содействие оказал отдел народного образования Альметьевского райисполкома.

ного образования несет ответственность. Существует даже специальная отчетность, фиксирующая по району детей, не учащихся в школе. В Альметьевском районе, согласно этой отчетности, не посещали школу (дети в возрасте от 7 до 15 лет) лишь 38 человек из 2103 детей соответствующего школьного возраста.

Среднее образование сейчас для сельчан доступно практически в такой же мере, как и для горожан. Об этом свидетельствуют и данные статистической отчетности (см. табл. 106).

Таблица 106

Распределение выпускников сельских и городских школ
Татарской АССР в 1967—1968 гг. (в %) ¹

	Сельские школы			Городские школы			Итого по республике		
	всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		выпускники 8-х классов	10-х классов		выпускники 8-классов	10-х классов		выпускники 8-х классов	10-х классов
Продолжали учиться . . .	71	83	37	71	89	39	71	86	39
В том числе в вузах . . .	3	—	10	8	—	23	5	—	17
Поступили работать . . .	27	16	60	26	9	55	27	13	57
В том числе в промышленности . . .	6	2	16	18	7	39	12	4	28
В сельское хозяйство . . .	17	12	31	2	4	4	10	7	17

Примерно одинаковая доля учащихся в городе и на селе после окончания неполной средней и средней школы продолжает учебу в системе общего и среднего специального образования. Причем никаких различий между выпускниками татарских сельских школ и русских в

¹ Материалы сведены нами по районным данным. Кроме разделения на сельскую и городскую местность сведения при этом группировались отдельно по татарским, русским районам, а также по приказанским и по пригородным районам в целом (вместе с приказанскими).

этом отношении не наблюдается. Судя по приведенным данным по Альметьевскому району (табл. 106), доля учащихся татар на всех ступенях средней школы соответствует их доле в населении. Очень незначительные потери наблюдаются лишь в русских и смешанных школах (в 5—6 классах училось 32% татар, в 9—10 классах — 24,8%), что связано, по-видимому, с трудностями освоения русского языка. В татарских районах после окончания средней школы 20,7% выпускников поступают в вузы и техникумы против 19,4% выпускников школ районов с преимущественно русским населением. Существенно отличается распределение лишь тех выпускников средних школ татарских и русских районов, которые после окончания школы начали работать. Здесь у татар обнаруживается более выраженная аграрная ориентация. На работу в сельское хозяйство переходит 19% выпускников школ татарских районов против 11% русских.

И татарское и русское сельское население несет существенные «потери» на пороге высшей школы. Только $\frac{1}{10}$ выпускников сельской средней школы попадает в вузы против $\frac{1}{5}$ выпускников городских школ. Таким образом, если в средних школах колхозники представлены примерно пропорционально своей доле населения (примерно 30%), за городской чертой они (как и остальное сельское население) теряют шансы в получении высшего образования¹. Правда, это не касается сельскохозяйственного образования, в системе которого они занимают преимущественное положение. Так, если процент колхозников в вузах и техникумах в 1967/68 г. равнялся соответственно 17,9 и 23,8, то в сельскохозяйственных вузах и техникумах он составлял 72,8 и 63.

Особенно мал прием колхозников и их детей в университет и технические вузы. В Казанском университете их доля составляла 11%, в Авиационном институте — 7%, тогда как по всем вузам Татарской АССР — 17%. Подобное положение характерно и для других вузов. В московских вузах только в Сельскохозяйственной академии процент колхозников (и их детей) примерно соответствовал их доле в населении (26% в 1964 г.), а

¹ См. также Д. Л. Константиновский, В. Н. Шубкин. Личные планы и их реализация. — «Вопросы философии», 1970, № 7.

в любых других вузах он значительно ниже (МГУ — 6%, МВТУ — 3%, пединституте имени Ленина — 4%).

Эти данные говорят о сравнительно низком качестве подготовки учащихся средней сельской школы по сравнению с городской. Фактический уровень среднего образования на селе не соответствует в полной мере формальному (фиксируемому документами), хотя с течением времени разрыв между формальным и фактическим образованием, сельским и городским заметно уменьшается¹. Существенную помощь в выравнивании шансов поступления в вузы сельской молодежи призваны сыграть подготовительные отделения при вузах, создаваемые в последнее время по решению партии и правительства для работающей молодежи, демобилизованных из армии и для жителей села.

Указанные явления оказывают влияние на процесс формирования национальной интеллигенции ряда районов страны. Те нации, которые преимущественно проживают в сельской местности, естественно, теряют шансы в социальном продвижении по сравнению с более урбанизированными нациями. Не случайно, например, доля студентов непропорционально высока в преимущественно «городских» нациях — у русских, армян, эстонцев, латышей и, наоборот, мала у большинства преимущественно сельских — киргизов, молдаван, таджиков и др.² Причем, чем сложнее этап профессиональной подготовки, тем больше сказываются различия, вызванные уровнем урбанизации народов (см. табл. 107).

В этих данных отчетливо проступает социальная доминанта проблемы мобильности наций. Решение ее связано с общим подъемом деревни до уровня города. Именно за счет этого должно произойти и происходит выравнивание социально-профессиональных шансов различных народностей.

Главным образом отставание подготовки в сельских школах вызвано сравнительно слабым составом учителей. В 1967 г., например, в Альметьевском районе в 5—11 классах сельской школы около 50% учителей имело высшее образование; в городе — 86%. Несколькими годами раньше разрыв в подготовке сельских и городских учителей был гораздо значительнее.

² Русских в населении страны было в 1959 г. 56%, среди студентов — 61%; армян — соответственно 1,4 и 1,66%; молдаван, напротив, 1,1 и 0,5% и т. д.

Соотношение татар и русских
на различных ступенях образования (в %)

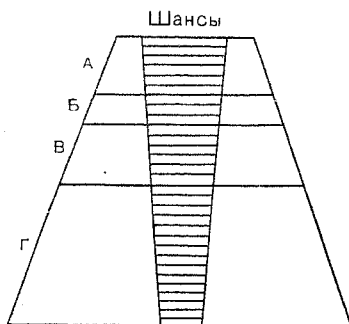
	Татары	Русские
Аспиранты	27	56
Специалисты с высшим образованием	35	55
Вузы	37	56
В том числе сельскохозяйственные	76	24
Техникумы	38	54
В том числе сельскохозяйственные	63	27
Средняя школа села	60	40
<hr/>		
Для сравнения: население республики	60	40

Так как формирование сельской интеллигенции идет через систему «городского» высшего образования, то понятно, что представители неквалифицированного труда деревни именно на городском «зигзаге» своей карьеры теряют равные шансы по сравнению с представителями труда квалифицированного, и прежде всего умственного. Относительно малому числу сельских интеллигентов соответствуют относительно широкие возможности социального продвижения. Пирамиды социальной структуры и шансов как бы опрокинуты друг в друга (см. схему 10, построенную по данным табл. 103).

Именно в городе сказывается конечное влияние родительской семьи. За счет более полного использования возможностей социального роста в городах увеличиваются шансы к социальному выдвиганию выходцев из групп относительно высокой квалификации.

Каковы же перспективы развития социальной мобильности? Принципиально возможны две противоположные тенденции. Абстрактно можно допустить, что шансы социального роста для малоквалифицированных групп населения будут уменьшаться в связи с увеличением численности интеллигенции, которая, имея допол-

Вероятность занятия
умственным трудом
для социальных групп
сельского населения
Татарской АССР

нительные шансы для продвижения, все полнее будет покрывать спрос на квалифицированный труд. Такое заключение однако не верно, так как в реальной жизни склонность к самовоспроизводству интеллигенции перекрывается другими процессами. Господствующую тенденцию в развитии социальной мобильности определяет всеобщий рост образования, последовательное сближение интеллигенции с рабочим классом и крестьянством. Значительным этапом в этом процессе должна быть новая пятилетка, которая предусматривает как сокращение применения ручного, тяжелого, а также неквалифицированного труда во всех отраслях народного хозяйства, так и завершение перехода ко всеобщему среднему образованию. Уже сейчас, как это было очевидно из приведенных данных, в неполной средней и практически в полной средней школе прекратился отсев детей — выходцев из семейств малоквалифицированного труда. Некоторые различия в шансах повышения образования между социально-профессиональными группами ощущаются лишь на уровне среднего специального и высшего образования. Распространение всеобщего среднего образования коренным образом изменит ситуацию. Чтобы убедиться в этом, вновь обратимся к коэффициентам

регрессии. Они говорят не только о влиянии уровня образования и социального положения родителей на выдвижение детей, но и том, что влияние это затухающее (см. приложение), т. е. в более квалифицированных и образованных семьях разница между статусами оказывает все более ослабленное влияние на статус детей.

Иначе говоря, шансы детей разнорабочих и служащих, хотя разница между ними в один ранг, гораздо более существенны, чем разница в шансах специалистов среднего и высшего звена, которых также отделяет один ранг статуса. Это обстоятельство весьма существенно, так как генеральный процесс направлен к усреднению уровня образования населения, к сужению, а потом и ликвидации наименее квалифицированных видов труда. Таким образом, можно ожидать, что грани пирамиды шансов разных социальных групп будут выравнены, однако не столько за счет каких-то специальных мер, облегчающих малоквалифицированным слоям доступ к специальному и высшему образованию, сколько за счет сужения самого основания пирамиды социального организма, т. е. изменения социальной структуры общества. На основе неизбежно активизирующихся интеграционных тенденций будут развиваться и интеграционные объединительные социальные и национальные процессы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Спецификой нынешнего этапа социального развития страны является интенсивное выравнивание материальных и культурных условий жизни колхозников и рабочих совхозов и других государственных предприятий на селе. Рабочие совхозов занимают промежуточное социальное положение между колхозным крестьянством и промышленным ядром рабочего класса. С рабочими их роднит одинаковое отношение к общественной собственности, с колхозниками — характер труда и сельский образ жизни. Поскольку с течением времени различия, связанные с формами собственности, ослабевают, общность, обусловленная единым характером труда и образом жизни, приобретает все большую значимость. На первый план выступают социально-профессиональные различия, в основе которых лежит труд, разный по качеству и функциям (квалифицированный — неквалифицированный, управленческий — исполнительский). Идентичные социально-профессиональные группы колхозно-кооперативного и государственного секторов приобретают столь большое сходство, что все больше выступают внутри села в качестве слитых внутриобщественных слоев.

Это, однако, не значит, что уже стерты различия в положении колхозного крестьянства и рабочего класса в целом. Но процесс ликвидации различий в положении этих классов происходит теперь не столько в плоскости сближения двух форм собственности — колхозно-кооперативной и государственной, сколько в сближении социально-профессиональной структуры городского и сельского населения, а также городских и сельских условий жизни.

Оба эти процесса взаимосвязаны и взаимообусловлены. Урбанизация села предполагает усовершенствование его социально-профессиональной структуры, сближение тем самым колхозного крестьянства с рабочим классом. С другой стороны, развитие колхозной собственности невозможно без всестороннего профессионального роста колхозного населения, изменения характера сельского зыштвенного труда и вместе с тем расширения наиболее квалифицированных, близких к городскому промышленному ядру рабочего класса профессиональных слоев крестьянства.

В действительности эти процессы развиваются именно в таком взаимопереплетении. Все большее социальное сходство достигается не только за счет систематического расширения границ города и государственного сектора, но и качественного преобразования всего сельского населения, и прежде всего колхозного крестьянства. Диалектика развития такова, что сельское население к интеграции идет через последовательную профессиональную дифференциацию, отрицающую прежнее однообразие видов деятельности. Однако с течением времени за счет все более полного использования общественной собственности *каждым* тружеником эта дифференциация будет терять свою социальную окраску и постепенно примет характер технологического разделения труда, в конечном счете равноценного по своей социальной значимости.

Развитие социальной структуры села способствует прогрессивным изменениям социальных отношений в советском обществе, усилению интеграционных процессов и формированию новой общности — советского народа.

Хотя сходство материальной и культурной жизни социальных групп не предполагает обязательного совпадения их социальных интересов, оно усиливает взаимодействие, взаимопонимание между ними, способствует формированию сходных черт поведения и облегчает переход от внешнего регулирования отношений между компонентами социальной структуры к их саморегулированию — росту общественного самоуправления, инициативы в планировании, развитию эквивалентных отношений между селом и городом.

Выражением интеграционных процессов и социального взаимодействия является интенсивная социальная

мобильность. Несмотря на жесткие условия отбора групп более высокой квалификации, связанные с появлением многочисленной интеллигенции, способной к самовоспроизводству, возможности мобильности для широких слоев сельского населения не уменьшаются в связи с постоянным ростом его культурного и общеобразовательного уровня.

Развитие социальной структуры села влияет также на национальные отношения. Во многих национальных районах — в республиках Средней Азии, Молдавии — значительно преобладает сельское население, и в первую очередь колхозное крестьянство. Его профессионализация способствует усилению социальной однородности различных наций и тем самым облегчает условия их культурного сближения.

Решающим фактором социального развития села являются индустриализация и интенсификация сельского хозяйства, требующие как укрепления колхозной собственности, так и всемерного усовершенствования социально-профессиональной структуры сельского населения. Однако социальная структура оказывает и обратное воздействие на производственную и культурную среду. Поскольку человек формируется не только под влиянием той среды, с которой он вступает в непосредственный контакт, но и под влиянием общества в целом, его сознание, ценности, запросы выходят за рамки собственной локальной среды.

Для раннего этапа развития советского села (20—30-е годы) характерно обусловленное прошлым некоторое отставание социально-культурного уровня населения от условий и нужд общественного развития. В этот период ощущался острый дефицит в профессионально подготовленных кадрах, в культуре и грамотности, в социальном опыте, необходимом для управления только что созданным общественным хозяйством.

В настоящее время, напротив, образование сельских жителей, их социальная подготовка, культура оказываются активным фактором, ускоряющим изменения. Индустриализация сельского хозяйства, специализация его, завершение механизации сельскохозяйственного производства, всеобщее среднее образование не только требуют нового человека, но также усиливают требования этого человека к производственной и культурной среде.

В связи с этим сейчас возникают специфические проблемы социального управления. Несмотря на бурный рост профессиональной специализации в сельском хозяйстве, какая-то часть образованных (особенно молодых людей) не находит достаточного применения своих способностей на селе и вырабатывает ориентацию на город. Целесообразно так оптимизировать перемещения населения в город, чтобы, с одной стороны, эти перемещения сочетались с интересами общества, т. е. возмещали потребность в рабочей силе там, где она особенно остро ощущается, с другой — способствовали удовлетворению объективных интересов личности, приводили к повышению социального статуса и образования индивида и тем самым к более полному использованию его потенциала.

Другая система управленческих мер в производстве должна быть ориентирована на ускорение прогрессивных изменений в самом сельском хозяйстве. Особенность социалистической системы состоит в том, что, располагая разветвленным аппаратом планирования, государство может централизованно обеспечить удовлетворение экономических потребностей населения с одновременной реорганизацией производства. В этой связи целесообразно дальнейшее совершенствование уже принятой системы мер: во-первых, экономических (индустриализация сельского хозяйства, специализация его, ликвидация сезонности, в частности за счет развития промышленности в сельских условиях); во-вторых, социальных мер, направленных на улучшение условий труда, внедрение двухсменной работы в животноводстве, улучшение техники безопасности и т. п.; в-третьих, социально-правовых, связанных с демократизацией управления, вовлечением в управление широких слоев населения, последовательным осуществлением принципа выборности и отчетности должностных лиц в общественных хозяйствах, и, наконец, социально-идеологических мер, направленных на повышение престижа сельскохозяйственных профессий.

Чрезвычайно важна проблема оптимизации отношений между личностью и культурной средой. Если формы локальной и массовой работы (в основном клубной) главным образом адаптируют сельского жителя к своей среде (равно как и формы традиционной культуры), то

школа и средства массовой информации как бы урбанизируют ориентации населения, усиливают привлекательность «городских» ценностей, способствуют проникновению городских стандартов в сельский образ жизни. В результате значительная часть образованных людей, особенно молодых, обнаруживает повышенные для села запросы и требования. Усилия общества в разрешении данной проблемы направлены на улучшение культурной среды, финансирование материальной базы культуры, более квалифицированное обслуживание культурных запросов сельских жителей. Особое значение здесь имеют дорожное строительство, благоустройство сельских поселений, концентрация в них населения и приближение к людям средств культурно-бытового обслуживания.

Задача более полного и гибкого учета особенностей сельской местности, сочетания локальных интересов села и общества в целом стоит также перед средствами массовой информации. Это требует дифференциации пропаганды. В некоторых случаях целесообразно способствовать усилению подвижности сельского населения (как, например, в некоторых республиках Средней Азии) за счет интенсивного внедрения городских ценностей и облегчения тем самым адаптации к городским условиям; в других, напротив, средства массовой пропаганды могут воспитать интересы, реализуемые в самом селе.

Цели общества в области регулирования семейных отношений состоят в первую очередь в том, чтобы облегчить семье переход к новым условиям жизни и выработку новых ценностных ориентаций; не допустить падения рождаемости ниже определенного предела, обеспечив нужное воспроизводство населения и справедливое распределение материальных и культурных благ в будущих поколениях. Помощь общества различным группам населения в этом плане тоже должна быть различной. Работники малоквалифицированного физического труда, отстающие от других групп населения по культурному уровню, нуждаются больше всего в том, чтобы их детям были предоставлены равные с другими возможности получить образование. Одним из основных средств к решению этой проблемы является широкое строительство и совершенствование государственных школ-интернатов, где детям предоставляются лучшие условия, чем в семье. С другой стороны, помощь общества

молодым и более образованным семьям заключается прежде всего в облегчении бытовых проблем, развитии дошкольных детских учреждений, рационализации труда и досуга, а также в пропаганде, помогающей осмыслению и преодолению семейных трудностей.

Таким образом, оптимальные решения в управлении селом предполагают комплексный подход к интенсификации сельского хозяйства, согласованное развитие индустриализации и урбанизации, пропорциональное направление средств в сельскохозяйственное производство и культурно-бытовую сферу, которая в настоящее время в наибольшей мере отстает от городских образцов и соответственно запросов сельских жителей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. ВЫБОРКА И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Выборка

При исследовании мы использовали многоступенчатую типическую выборку в различных регионах страны — в Калининской и Московской областях, Краснодарском крае и Татарской АССР. В процессе исследования социальной структуры сельского населения выборка усложнялась. На первом этапе — в Московской области — в выборке учитывался социальный параметр: в качестве основы выступал единичный комплекс — совхоз, колхоз, предприятие. На втором этапе — Калининская область и Краснодарский край — учитывался уже и пространственный параметр: размер сельских населенных пунктов и удаленность их от города. На третьем этапе — в Татарской АССР — была осуществлена многоступенчатая выборка, репрезентативная для всей республики. Каждая последующая выборка включала в себя предыдущие как составную часть, но имела в то же время и специфические черты.

Выбор регионов На первой ступени нашей выборки был осуществлен отбор регионов страны на основе анализа материалов государственной статистики. Социально-экономические и социально-демографические характеристики выбранных нами областей даны в табл. 108, составленной по материалам переписи населения.

Отобранные регионы представляли собой различные природно-экономические условия. Полярны по многим показателям Калининская область и Краснодарский край. Однако оба эти региона давали в совокупности

Сравнительные характеристики выбранных областей
(1959 г. в %)

Показатели	СССР	Московская область	Калининская область	Краснодарский край	Татарская АССР
Доля городского населения	48	56	44	39	42
Половой состав:					
мужчины	45	43	41,3	44,4	43
женщины	55	57	58,7	55,6	57
Имеют образование:					
высшее	1,8	2,7	1,2	1,5	1,4
незаконченное высшее, среднее и неполное среднее	26,3	32,6	24,4	25,6	25,8
Общественные группы:					
рабочие	48,2	67,1	47,3	46,7	45,2
служащие	20,1	25,1	18,5	17,9	18,0
колхозники	31,4	7,7	33,9	35,3	36,4
Население в трудоспособном возрасте по источникам существования:					
имеющие занятия	77,4	82,5	82,7	74,8	79,8
занятые в личном подсобном сельском хозяйстве	4,2	1,0	2,0	6,6	3,5

картину, типичную для значительного большинства сельского населения Европейской части РСФСР. Это наглядно показывает табл. 109.

Татарская АССР, где в сельской местности взаимодействует русское и татарское население, дает возможность судить об этническом своеобразии социальных процессов. Московская область в исследовании была отобрана с целью выявить влияние крупной городской агломерации на социальную структуру и социальную мобильность сельского населения.

Географическое расположение исследуемых регионов также обеспечивает представительство многовариантности.

**Сравнительные характеристики отобранных регионов
в Европейской части РСФСР¹**

Показатели	Калининская область	% населения Европейской части РСФСР, живущего в сходных условиях	Краснодарский край	% населения Европейской части РСФСР, живущего в сходных условиях	% населения, живущего в условиях, сходных с этими регионами
Оплата человеко-дня:					
колхоз (в руб.)	3,26	39,9	4,40	32,2	72,1
совхоз (в руб.)	3,29	41,9	4,63	41,5	86,4
Доля дохода (в %)					
в колхозах:					
от растениеводства	48,4	18,5	74,0	40,4	58,8
от животноводства	47,0	29,1	21,0	47,3	76,4
в совхозах:					
от растениеводства	16,2	22,2	51,8	10,0	32,2
от животноводства	73,0	19,3	29,3	10,0	29,3
Доля механизаторов (в %)	12,6	40,9	25,2	34,3	75,2
Доля мужчин (в %)	40,1	52,0	44,2	48,0	100,
Среднее число жителей в селе	71	21,2	453	40,5	61,7

Выбор сельских районов

На следующей ступени из отобранных объектов выбирались районы, представляющие по ряду показателей свои регионы. В Калининской области и Краснодарском крае в качестве таких выбраны Кимрский и Курганинский районы, полностью идентичные с регионами по поло-возрастной структуре и весьма близкие по ряду экономических показателей (см. табл. 110).

В Татарской АССР были выделены три района — Пестречинский, Альметьевский и Мензелинский. Выбор определялся тем, что эти районы находятся в зоне влияния различных по типу городов: крупного, среднего и малого. Табл. III показывает, что выбранные районы по многим признакам довольно близки к характеристикам республики, поэтому можно утверждать, что они представляют в нашем исследовании сельскую местность Татарской АССР.

¹ Здесь и далее сведения по обследованным районам приводятся за 1967—1968 гг.

**Сравнительные характеристики выбранных районов
Калининской области и Краснодарского края**

Показатели	Калининская область		Краснодарский край	
	область	район	край	район
Доля сельского населения	80,1	90,1	61	64,1
Доля совхозов	25,6	29,6	38	42
Процент механизаторов в колхозах	12,6	10,9	25,2	22,1
Урожайность зерновых культур в колхозах (в ц)	8,8	7,8	22,7	25,4
Удой молока на одну корову (в кг)	2136	2077	1668	1769

Таблица 111

**Суммарные характеристики выбранных районов
в сравнении с характеристиками Татарской АССР**

Показатели	Все сельские районы	Выбранные районы
Доля сельского населения	85,0	88,0
Доля совхозов	12,8	12,2
Доля работающих в сельском хозяйстве	25,4	23,6
Процент механизаторов в колхозах	8,4	8,6
Урожайность зерновых (в ц)	10,1	9,6
Удой молока на одну корову (в кг)	2194	2288

Объем выборки На следующем этапе определялся общий объем выборки, принимая за исходную совокупность взрослое сельское население выделенных районов.

В Московской области в трех селах изучаемого нами комплекса (колхоз, совхоз, промышленное предприятие) было обследовано более 50% взрослого населения на основе случайной механической выборки.

При доверительной вероятности $P = 0,95$ и предельной ошибке выборки — $0,05$ объемы выборочных совокупностей по регионам составили:

Калининская область	— 1 350
Краснодарский край	— 1 500
Татарская АССР	— 2 300

В ходе обследования объемы выборок были несколько увеличены, что в конечном счете уменьшило предельную ошибку выборки.

К объемам выборочных совокупностей предъявлялись также и аналитические требования с тем, чтобы в результате получить информацию, достаточную для вычисления различного рода коэффициентов и построения многомерных, в основном четырехмерных, аналитических таблиц.

Определение количества исследуемых населенных пунктов

Следующим шагом в осуществлении выборки после вычисления объема выборочной совокупности являлся расчет числа сельских населенных пунктов, население которых должно быть охвачено нашим обследованием. Основным принципом выделения необходимого числа сел было для нас пропорциональное представительство типов сел¹, имеющих в каждом регионе. На примере сельской местности Татарской АССР покажем ход таких расчетов.

Исходя из распределения населения республики по различным типам сел, делим выборочную совокупность (2300) в тех же пропорциях и находим численность респондентов, которые должны быть опрошены в каждом типе села (см. табл. 112, строка 3).

Затем определяем в каждом типе сельских населенных пунктов число подлежащих обследованию сел. Для этого проводятся следующие расчеты. Прежде всего в каждом типе сел устанавливается средний размер населенного пункта по формуле:

$$m_{\text{ср}} = \frac{m}{n},$$

---

¹ В качестве индикативного признака типа села бралась средняя численность его населения. Расчеты показывают, что именно этот признак дает наибольшую тесноту связи с подавляющим большинством социально-демографических, экономических и «культурных» характеристик сельского населенного пункта.

Распределение численности сельского населения Татарской АССР по типам сел и распределение выборочной совокупности

Размер сел	До 100 человек	101—200 человек	201—500 человек	501—1000 человек	1001—2000 человек	2001 и более человек
Численность населения	60 636	136125	464531	566 290	277 017	147 649
В %:	3,6	8,2	28,1	34,3	16,8	9,0
Число респондентов	83	189	646	789	386	207
Количество обследуемых сел	16	10	15	9	2	1

где m — численность населения, проживающего в данном типе сел,

n — количество сел, входящих в данный тип сельских населенных пунктов.

Далее определялось количество сел, которые должны были войти в выборочную совокупность, по формуле:

$$n_i = 8 \frac{m_i}{m_{cp}}$$

где m_{cp} — средний размер села в каждом из типов сельских населенных пунктов.

m_i — численность респондентов, которые подвергаются обследованию в данном типе сел.

Число 8, входящее в формулу, объясняется тем, что объектом нашего исследования являлось не все сельское население, а только занятое в той или иной производственной сфере, а оно составляет примерно 50% всего населения сел. К тому же объем выборочной совокупности представляет собой $\frac{1}{4}$ занятого населения. Таким образом мы определяем необходимое число сел (53) различных типов, которые должны быть подвергнуты нашему обследованию. Эти данные и приведены в последней строке табл. 112.

Точно такие же расчеты были проведены и по материалам Кимрского района Калининской области и Кур-

ганинского района Краснодарского края. Результаты расчетов сведены в табл. 113.

Следующий этап в выборке — индивидуализация отобранных нами сел. В каждом сельсовете были уточнены размеры входящих в состав сельсовета сел, определено расстояние этих сел до ближайшего города, тип сельскохозяйственного предприятия, и на основе этого была составлена отборочная таблица. Далее, исходя из полученного нами расчетным путем числа сел каждого типа, осуществлялся набор для исследования сельских Советов. Причем, учитывая сложность практической работы на разбросанных друг от друга объектах, мы отобрали сельсоветы таким образом, чтобы число их было бы по возможности минимальным.

Отбор респондентов

Принципы отбора респондентов для каждого региона были одинаковы. На основании похозяйственных книг сельских Советов по каждому населенному пункту составлялись таблицы социально-профессиональной структуры. Исходя из вычисленных объемов выборов по каждой социально-профессиональной группе был определен шаг, на основе которого осуществлялся механический отбор респондентов.

В конечном счете оказалось, что вся выборочная совокупность по региону представляет собой выражение такого рода:

$$50\% A + 50\% B + 25\% B + 15\% \Gamma \approx 25\% N,$$

где N — занятое население выбранных нами сельских населенных пунктов.

Доли отбора, приведенные в этой эмпирической формуле, обеспечивают необходимую представительность в каждой социально-профессиональной группе. В ходе исследования для повышения надежности мы стремились увеличить доли. Поэтому они в действительности несколько колебались, но не были меньше отмеченных формулой минимальных квот.

Так как нами была осуществлена непропорциональная выборка социально-профессиональных групп сельского населения, то при анализе собранного материала необходимо было представить соотношение между группами таким же как и в реальной структуре сельского населения. С этой целью было проведено взвешивание

Тип сел	Население		Всего сел	Среднее число жителей в селе	Число respondentов	Количество обследованных сел
	абсолютное	%				

Курганинский район Краснодарского края

101— 200 человек	905	1,0	6	151,0	15	2
201— 500 »	6 078	6,7	17	357,5	100	2
501—1 000 »	5 582	6,2	8	697,7	93	1
1 001—2 000 »	8 692	9,6	7	1 241,7	144	1
2 001—5 000 »	7 794	8,6	2	3 897,0	129	1
5 001 и более человек	60 024	66,7	5	12 004,8	1000	1
Итого					1481	8

Кимрский район Калининской области

11— 50 человек	4 265	16,7	142	30,0	226	56
51— 100 »	7 278	28,5	102	71,3	385	42
101— 200 »	7 180	28,1	53	135,4	379	24
201— 500 »	4 004	15,7	15	267,4	212	6
501—1 000 »	2 450	9,8	4	612,5	132	2
Итого					1334	132

анкетного массива, т. е. введены поправочные коэффициенты по каждой группе (см. табл. 114).

Таблица 114

Поправочные коэффициенты

	Татарская АССР	Калининская область	Краснодарский край
А	2,0	1,77	1,64
Б	1,97	2,14	1,07
В	2,68	2,38	1,54
Г	4,90	6,31	6,78

Полученное таким образом распределение социально-профессиональных групп соответствовало их реальным пропорциям.

Для того чтобы оценить точность проведенной выборки, необходимо сравнить по ряду признаков в каждом регионе выборочную и генеральную совокупность. В качестве таких признаков возьмем для проверки пол и возраст (см. табл. 115). Данные таблицы говорят о незначительных отклонениях признаков в выборочной совокупности от величины их в генеральной, в основном

Таблица 115
Сравнение выборочной и генеральной совокупности по полу и возрасту

	Доля мужчин	Возраст				Средний возраст
		16—27 лет	28—34 года	35—49 лет	50 лет и более	
Калининская область						
Генеральная совокупность	40,4	14,4	18,6	38,2	28,5	42,0
Выборочная совокупность	39,7	12,1	11,5	38,9	37,0	43,6
Отклонение в %	1,7					3,8
Московская область						
Генеральная совокупность	48,6	15,5	17,4	36,3	30,8	41,0
Выборочная совокупность	47,8	15,1	16,6	39,1	29,2	41,0
Отклонение в %	1,6					
Краснодарский край						
Генеральная совокупность	45,2	20,8	17,6	38,3	23,3	38,9
Выборочная совокупность	46,8	18,5	19,5	42,4	19,8	38,8
Отклонение в %	3,5					0,3
Гатарская АССР						
Генеральная совокупность	45,8	18,1	22,0	40,4	19,7	37,8
Выборочная совокупность	45,3	20,7	19,7	36,8	22,4	35,2
Отклонение в %	1,1					4,2

не более 5%. Совокупности можно сравнить и по целому ряду других показателей. Например, при сравнении численности населения, проживающего в различных типах сел Калининской области, мы имеем: население, проживающее в селах до 100 человек, в генеральной совокупности — 45,2%, в выборочной — 44,8%; в селах с

населением 101—200 человек — соответственно 28,1 и 30,9%; 200 человек и более — 25,5 и 23,7%.

Уровень образования в генеральной совокупности Татарской АССР равен 5 классам, в выборочной совокупности уровень образования составил 5,5 класса, различия не настолько большие, чтобы усомниться в истинности используемых в результате обследования материалов.

Данные говорят о том, что выборка, будучи весьма «экономичной», в целом себя оправдала и вполне соответствовала задачам исследования социальной структуры и социальной мобильности сельского населения.

2. Инструментарий исследования

Основными методами исследования выступали при изучении социальной структуры сельского населения опрос и анализ различных документов.

Опросный лист Имея в виду уровень подготовки сельского населения, нам пришлось отказаться от проведения анкетирования на селе, так как это было бы сопряжено со значительными трудностями, а также с обязательным ростом ошибок. Поэтому мы воспользовались методом стандартизованного интервью, т. е. интервью по тщательно разработанному плану. В роли этого плана в исследовании применялся специально разработанный опросный лист. Как и любой вопросник, он решал задачу перевода проблематики исследования на язык вопросов и ответов, а также служил инструментом при налаживании контакта между интервьюером и респондентом.

Опросный лист для каждого региона в основном был однозначен как по форме, так и по содержанию, но имел в то же время и некоторые специфические черты. Всю информацию, содержащуюся в опросном листе, можно свести к десяти основным сюжетам (см. табл. 116).

В опросных листах обследования сельского населения Калининской области и Краснодарского края были опущены вопросы, касающиеся национальности и языка (что обуславливалось однородностью респондентов). В Московской области в силу меньшего объема выборочной совокупности было проведено более углубленное

**Распределение сюжетов
в «опросном листе»**

Сюжеты	Число вариантов ответов	
	абсолютное	%
Демография	45	9,1
Национальные признаки	46	9,2
Социальный статус	104	21,0
Тип поселения	16	3,2
Образование	43	8,7
Семья	60	12,1
Быт	57	11,5
Работа	42	8,5
Духовная культура	58	11,7
Прочее	23	4,6
Всего	494	100,0

интервью: было расширено число вопросов, относящихся к семье и культуре сельского населения.

В большинстве своем вопросы были закрытыми, что давало возможность облегчить процесс обработки всего массива опросных листов на ЭВМ, а также помогало и проведению интервью. По характеру ответов все вопросы распределялись следующим образом:

Фиксирующие — 76

В том числе:

положение индивида — 35
поведение — 35
«предметная среда» — 8
социальные отношения — 7

Оценочные — 7

В том числе:

поведение — 2
оценка социальных отношений — 4
оценка «предметной среды» — 1

Мотивационные — 2

Этот список наглядно показывает, что задачи исследования влияют на сам характер вопросов, — в нашем исследовании преобладающая доля вопросов являлась фиксирующей.

Большое значение для проведения интервью имеет расположение вопросов в опросном листе, их очередность. Логическая последовательность (логическая с точки зрения респондентов, а не исследователя) значительно увеличивает продуктивность беседы.

В нашем опросном листе мы придерживались такого порядка: сначала мы спрашивали респондента о его прошлом (о том, где он воспитывался, где учился, кем были его родители, с какого времени он начал свою трудовую деятельность), далее переходили к его настоящему (здесь были вопросы о работе респондента, о его семье, о его быте, о досуге и т. д.), после этого мы интересовались детьми опрашиваемого (где они живут, кем работают и т. п.). Такая последовательность вопросов не вызвала никаких трудностей в проведении интервью, а наоборот, скорее облегчила его.

Помимо опросного листа — плана интервью с сельскими жителями в исследовании использована была и своеобразная анкета — «паспорт на село». По этой анкете как бы «опрашивался» сельский населенный пункт. Паспорт включал в себя множество вопросов, с различных сторон характеризующих поселение. Он содержал характеристики проживающего в селе населения, наличие учреждений здравоохранения, культуры, торговли, бытового обслуживания, связи, а также их оснащенность и качество работы. Кроме того, паспорт был направлен на сбор данных о благоустройстве населенного пункта, о состоянии жилого фонда и работе транспорта. Естественно, что исходя из «специфики респондента» все вопросы в такой анкете были фиксирующими. Такой инструмент исследования давал возможность в полном виде охарактеризовать среду, в которой живут сельские жители, а главное, связать материалы опроса населения с характеристикой среды и получить известное представление о влиянии среды на социальную жизнь. С этой целью при обработке информация опросного листа соединялась с материалами паспорта на село и весь массив просчитывался как единое целое.

Анализ документов

Использование наряду с методом интервьюирования метода анализа документов позволяет исследователю получить более полную картину тех процессов или явлений, на изучение которых направлено его пристальное внимание, позволяет перейти к более широкой интерпретации их.

Наиболее подробно изучались нами документы государственных учреждений и общественных организаций, причем анализ документов совершался на различных ступенях, начиная с материалов центральных органов и до материалов сельских Советов. Изучались данные о деятельности культурно-просветительных учреждений на селе, школ и учреждений бытового обслуживания и торговли. Большой материал был получен в результате анализа официальных документов районных и областных ведомств и организаций. Так, например, только в Татарской АССР в круг учреждений, где проводился анализ документов, вошли такие ведомства, как Министерство сельского хозяйства республики, Министерство культуры, Комитет по кинофикации при Совете Министров ТАССР, контора по кинопрокату, облпрофсоюз, радиокомитет, телевидение, Министерство связи, гастрольбюро, общество «Знание», Дом политпросвещения, редакция газеты «Советская Татария» и др. Важное место заняли материалы, собранные в районных центрах, в правлениях колхозов и в дирекциях совхозов.

Похозяйственные книги

Хорошим источником социологической информации являются похозяйственные книги сельских Советов, анализ которых занимал важное место при изучении социальной структуры сельского населения. В похозяйственной книге имеются данные о каждой семье, проживающей в данном сельском населенном пункте: ее состав и структура, пол, возраст, образование и национальность членов семьи, профессии, должности и место работы членов семьи, отметки о выбытии и прибытии отдельных лиц или всей семьи. Имеется также всестороннее описание приусадебного хозяйства.

Ценным качеством похозяйственных книг является их периодичность, учет ведется в книгах из года в год. Это дает возможность исследователю проследить во времени различные структурные изменения. Напри-

мер, при анализе информации похозяйственных книг 53 сельских населенных пунктов Татарской АССР были установлены зависимости между демографической, социально-профессиональной, образовательной и этнической структурами сельской локальной среды, а также и между отдельными признаками.

Большой объем информации похозяйственных книг требует тщательной подготовки техники ее обработки. Естественно, что технические приемы варьируются в зависимости от задач исследования, но в основном они сводятся к предварительному построению комбинационных таблиц, включающих, как правило, не более пяти признаков. Для анализа информации применялся различный аппарат математической статистики, и в частности корреляционный анализ. Какова же достоверность информации, содержащейся в похозяйственных книгах? Чтобы выяснить это, мы провели эксперимент на материалах обследования двух сел Рязанской области. Были сравнены данные похозяйственных книг с данными опроса: возраст, образование, состав семьи.

По такому признаку, как возраст, расхождения между опросом и похозяйственными книгами незначительны ($\pm 0,5\%$), несколько выше расхождения по образованию: при опросе респонденты завышают свой уровень образования (на 8%). Не вполне точны книги в учете движения сельского населения. Так, если опрос показал, что средняя численность наличных членов семьи составляет 3,58, то похозяйственные книги дали размер 3,9. Тем самым по данным похозяйственных книг наличное население сел увеличено приблизительно на 8% . Однако на нашу выборку это не могло оказать большое влияние, так как мы обследовали занятое сельское население, а в эти 8% входит в основном неработающая молодежь, уехавшая из села.

3. Некоторые приемы обработки первичной информации

Ранжирование
социально-
профессиональных
групп

Для статистических расчетов с выделенными нами социально-профессиональными группами необходимо было представить себе их иерархию, т. е. расположить эти группы в ранжирован-

ном ряду. Для этого нам нужно было взвесить по ряду признаков ту или иную социально-профессиональную группу. Мы предположили, что (по нашим материалам) с принадлежностью индивида в группе тесно связаны такие факторы, как образование, среднемесячный заработок и влияние индивида на решение жизненно важных вопросов в коллективе. Для каждой группы эти факторы выражаются в следующем виде¹.

Таблица 117

	Г ₃	Г ₂	Г ₁	В	Б	А ₁	А ₂	А ₃	А ₄
Образование	4,1	4,8	5,4	6,0	8,6	10,6	13,3	8,4	12,5
Зарыботок	34,7	57,2	64,1	70,6	66,5	78,1	106,6	92,9	137,1
Влияние	0,21	0,36	0,38	0,47	0,54	0,72	0,79	0,88	1,0

Ранжируем каждый признак по величине, принимая за I самую меньшую величину признака.

Таблица 118

	Г ₃	Г ₂	Г ₁	В	Б	А ₁	А ₂	А ₃	А ₄
Образование	1	1,17	1,32	1,46	2,10	2,58	3,24	2,05	3,05
Зарыботок	1	1,65	1,85	2,03	1,92	2,25	3,07	2,68	3,95
Влияние	1	1,68	1,80	2,22	2,79	3,4	3,7	4,12	4,71

Далее мы суммируем результаты по всем признакам и вычисляем средние ранги для социально-профессиональных групп, после чего можно расположить группы в определенном ряду.

¹ Для каждой социально-профессиональной группы вычислялись: по образованию и заработной плате — средневзвешенные арифметические показатели; по влиянию на решение жизненно важных вопросов в коллективе — средневзвешенная ранговая оценка, где в зависимости от варианта приписывались ранги 0 («не оказывают влияния»), +1 («оказывают влияние»).

Разнорабочий	—1
Малоквалифицированный работник физического труда без специальной подготовки	—1,50
Квалифицированный работник неиндустриального профиля	—1,65
Механизатор	—1,90
Служащий	—2,27
Руководитель среднего звена	—2,74
Специалист средней квалификации	—3,12
Специалист высшей квалификации	—3,33
Руководитель высшего звена	—4,17

Регрессионный анализ   Необходимость измерения связи между некоторыми признаками привела нас к использованию метода регрессионного анализа. Предполагая, что исследуемые нами признаки изменяются неравномерно при изменении факторного признака, было решено обратиться к построению уровня множественной регрессии параболического вида, имеющего выражение:

$$y = A + Bx + Cx^2,$$

где величина C указывает степень неравномерности изменения признака y (со знаком «+» ускорение, со знаком «—» — замедление изменения y). Это уравнение составлено для одного факторного признака x . При расчете уравнения для нескольких признаков x количество элементов, составляющих уравнение, будет равно $2 + n^2$.

Уравнение множественной регрессии решается при помощи метода наименьших квадратов. Смысл заключается в нахождении коэффициентов регрессии путем построения линии регрессии таким образом, чтобы квадраты расстояний до каждой точки были наименьшими. Например, поставлена задача: выяснить, какое влияние оказывает на уровень образования респондента (y) образование его родителей (отца — x_1 , матери — x_2). Объект — сельское население Татарской АССР. Решение задачи осуществляется по этапам:

1. Строится таблица рангов по образованию. Приписываем ранг 1 не имеющим образования и малограмотным и так далее до ранга 15 — имеющим высшее образование. Ранги выражены в числе лет обучения. Таким образом, мы имеем по 15 рангов для y , x_1 и x_2 .

2. Строим произвольно параболическое уравнение множественной регрессии, получая случайные коэффициенты регрессии.

3. Прогоняем это уравнение в ЭВМ, находя дисперсию признака y , обрабатывая тем самым ход нашего расчета.

4. Составляем матрицу абсолютных частот y по x_1 и x_2 (по анкетному массиву).

Таблица 119

$x_2 \backslash x_1$	1	4	5	8	10	11	15
1	1271	77	15	10	3	6	—
4	304	176	26	10	5	2	1
5	194	77	41	18	2	3	3
8	30	19	14	17	6	3	1
10	21	10	7	6	12	7	8
11	8	6	3	3	8	18	2
15	7	7	2	4	6	3	9

5. Далее для каждой клеточки этой матрицы находим средний уровень образования для y .

6. Вычисляем уравнение регрессии по полученным нами случайным коэффициентам и строим матрицу значений y .

7. Сущность расчета состоит в том, чтобы путем изменения коэффициентов в уравнении регрессии дойти до того момента, когда значения y в нашем массиве будут очень мало отличаться от y , вычисленных по уравнению регрессии.

8. Наконец, по достижении заданной точности ЭВМ выдает рассчитанное уравнение регрессии:

$$y = 4,93 + 0,47x_1 + 0,58x_2 + 0,014x_1^2 = 0,001x_1x_2 - 0,025x_2^2$$

9. Для контроля строим матрицу y по полученному уравнению (см. табл. 120).

10. Сравниваем две матрицы признака y и получаем матрицу абсолютных отклонений по y . Указанная матрица позволяет нам судить о различиях между теоретическим значением признака и реальным его значением.

$\bar{X}_1 \backslash X_2$	1	4	5	8	10	11	15
1	5,8	7,4	8,8	7,8	9,6	7,6	—
4	7,6	8,3	8,7	10,2	10,5	7	15
5	7,5	8,4	9,3	9,4	11,5	10,7	10,3
8	6,8	9,1	10,1	8,8	8,5	10,3	8
10	8,1	10,3	10	10,3	8,1	11,0	7,0
11	9,1	11,2	12,7	10,3	8,3	12,6	8
15	8,7	7,6	15,0	12,5	14,2	12,7	12,1

11. Уравнение регрессии можно интерпретировать следующим образом: при изменении образования отца респондента (x_1) на 1 класс образование самого респондента изменяется на 0,47 года обучения и т. д. Для того чтобы узнать, какую долю всех влияний на образование респондента имеет образование его родителей, необходимо вычислить коэффициент детерминации. Равный в нашем случае 0,541, он говорит о том, что 54,1% всех влияний приходится на образование родителей.

Для того чтобы можно было воспользоваться методом латентного анализа, необходимо иметь специальным образом классифицированный материал. С этой целью при изучении объекта исследования социологу важно иметь адекватный инструмент измерения. Метод латентного анализа, как, впрочем, и остальная техника шкалирования, закладывается еще до выхода исследователей в «поле», потом он апробируется и на основе разработанных и проверенных шкал собирается рабочий материал, который затем надлежащим образом обрабатывается в лабораторных исследованиях. С этой целью в анкету, проводимую среди сельского населения, закладывается ряд шкал-вопросов.

Приведем пример решения такого рода задачи. Нам необходимо выяснить оценку жителями села культурно-бытовых условий их жизни и из каких компонентов складывается оценка.

¹ В этом случае был использован опыт А. Г. Здравомыслова и В. А. Ядова. См. «Человек и его работа». М., 1967, стр. 78—87.

В опросном листе имеется вопрос: «Как Вы оцениваете культурно-бытовые условия жизни Вашего села?» и три варианта ответов: 1) удовлетворяют, 2) не вполне удовлетворяют, 3) не удовлетворяют.

Следующие шкалы-вопросы касаются различных сторон условий жизни, детализирующих общую постановку вопроса, удовлетворяет ли Вас работа: а) медицинских учреждений (каждый раз предусмотрены те же три варианта ответа); б) торговых учреждений; в) культурно-массовых учреждений; г) транспорта.

Таким образом, мы имеем ряд шкал, согласованных между собой метрически. Собранный в результате опроса материал должен быть соответствующим образом обработан.

Прежде всего из всех ответивших на вопрос, относящийся к оценке культурно-бытовых условий в целом, необходимо выделить две группы респондентов: удовлетворенных и неудовлетворенных. Далее наша задача будет заключаться в том, чтобы отметить ответы в каждой из двух этих групп респондентов на остальные наши шкалы-вопросы, относящиеся к оценке условий жизни.

Расчет сводится к получению некоторого относительного числа, выражающего степень удовлетворенности каждым из элементов среды. Вычисление указанного относительного числа осуществляется по формуле, предложенной ленинградскими социологами.

$$V_i = \frac{n_1(+1) + n_2(0) + n_3(-1)}{n_1 + n_2 + n_3},$$

где n_1 — численность лиц, признавших данный аспект среды удовлетворяющим их;

n_2 — численность лиц, занимающих в оценке данного аспекта промежуточное (нейтральное) положение;

n_3 — численность лиц, признавших данный аспект среды их не удовлетворяющим.

Подобным же образом по этой формуле рассчитывается относительное число по каждому аспекту как для группы лиц, удовлетворенных условиями жизни в целом (v_1), так и для лиц, неудовлетворенных ими (v_2). Результирующий коэффициент оценки каждого из элементов, характеризующих отношение к среде, выводится из

разности относительных чисел в двух выделенных нами группах, т. е. $\omega = v_1 - v_2$ (см. табл. 121).

Таблица 121

Удовлетворенность культурно-бытовыми условиями

	Удовлетворяют в целом культурно-бытовые условия села	Не вполне удовлетворяют	Не удовлетворяют	Суммарная индексированная оценка культурно-бытовых условий		
				удовлетворенных (V_1)	неудовлетворенных (V_2)	разность оценок (ω)
Удовлетворяет ли Вас работа:						
а) медицинских учреждений						
удовлетворяет	89,3	56,3	43,4	0,871	0,064	0,807
не вполне удовлетворяет	6,8	30,6	19,6			
не удовлетворяет	3,0	10,7	37,0			
б) торговых учреждений						
удовлетворяет	78,5	30,9	38,3	0,744	0,004	0,740
не вполне удовлетворяет	16,5	48,2	22,1			
не удовлетворяет	4,5	20,0	37,9			
в) культмассовых учреждений						
удовлетворяет	86,2	46,3	33,6	0,879	-0,007	0,886
не вполне удовлетворяет	7,1	32,9	21,7			
не удовлетворяет	3,2	14,7	40,4			
г) транспорта						
удовлетворяет	56,0	31,0	15,3	0,418	-0,559	0,977
не вполне удовлетворяет	17,4	24,6	12,3			
не удовлетворяет	17,8	40,8	69,8			

В результате расчета была получена новая шкала, в которой самую высшую ступеньку по значимости для респондентов занимала оценка работы транспорта — 0,977; затем культмассовых учреждений — 0,886 и т. д.

Аналогичным методом рассчитывалась шкала удовлетворенности работой (см. табл. 122).

Удовлетворенность работой

Удовлетворены ли Вы	Суммарная индексированная оценка работы		
	удовлетворенных (V ₁)	неудовлетворенных (V ₂)	разность оценок (W)
а) режимом работы	0,876	—0,328	1,204
б) условиями работы	0,802	—0,254	1,056
в) отношениями с руководством	0,899	0,440	0,459
г) отношениями с товарищами	0,983	0,831	0,152
д) величиной заработка	0,588	—0,643	1,231
е) содержанием работы	0,939	—0,359	1,298

Измерение установок и ориентаций

Измерение установок и ориентаций на мобильность (синдром потенциальной мобильности) и на аномальное поведение (синдром аномии) состоит из двух этапов: логического и математико-статистического анализа. На первом этапе из оперативного пространства свойств (таким пространством является совокупность вопросов опросного листа) путем логического анализа выделяются составные элементы ориентации — установки (в данном случае мы понимаем ориентацию как систему установок). Рассматриваемые нами ориентации представляют собой совокупность следующих признаков.

Синдром потенциальной мобильности

1. Повышение общего образования
2. Повышение профессиональной подготовки
3. Неудовлетворенность работой
4. Неудовлетворенность культурно-бытовыми условиями жизни на селе
5. Желание уехать в город

Синдром аномии

1. Неудовлетворенность непосредственным руководством
2. Плохие семейные отношения
3. Жалобы на пьянство, грубость и т. п.
4. Злоупотребление алкоголем

Далее определяем в каждом синдроме веса его составляющих. Их выражением могут служить так называемые маргиналы, рассчитываемые по формуле:

$$P_1 = \frac{\sum_{j=i+1}^n p_{ij}}{n P_i},$$

где P_1 — маргинал данного признака;

P_{ij} — число лиц, ответивших одновременно на два признака (на данный признак и другой);

n — число признаков в синдроме.

P_i — число признаков в синдроме;

Таким образом, мы получаем по всем признакам синдрома рассчитанные маргиналы, причем, чем больше заключает в себе данный признак информацию по другим признакам, тем выше его маргинал и тем выше его вес. Используя для расчета анкетный массив Краснодарского края, мы получили следующие маргиналы в синдроме потенциальной мобильности:

Признак 1	— 0,313
» 2	— 0,405
» 3	— 0,301
» 4	— 0,254
» 5	— 0,408

Различия между маргиналами незначительные, и мы можем приписать всем признакам одинаковый вес (какой именно — безразлично). Но для того чтобы оперировать полученными весами, нам необходимо установить, существуют ли расхождения между исследуемыми регионами. Вычисленные маргиналы по массиву Татарской АССР таковы:

Признак 1	— 0,300
» 2	— 0,343
» 3	— 0,280
» 4	— 0,211
» 5	— 0,315

Маргиналы несколько меньше по величине (что говорит в первую очередь о выраженности этого синдрома у сельского населения Татарии), но соотношение между ними такое же, как и в Краснодарском массиве. Рас-

четы по Калининской области дают то же соотношение. Поэтому можно распространять веса по каждому признаку (а мы их принимаем за 1) на всю исследуемую совокупность. Следуя таким путем, мы можем рассчитать степень проявления данного синдрома по различным группам сельского населения (обобщенный индекс может изменяться от 0 до 5).

Подобным образом расчеты проведены и для синдрома аномии, где было установлено, что значительных расхождений в маргиналах признаков между отдельными массивами анкет не наблюдается.

<i>Татарская АССР</i>	<i>Краснодарский край</i>
Признак 1 — 0,173	0,142
» 2 — 0,210	0,217
» 3 — 0,341	0,240
» 4 — 0,200	0,149

Однако анализ синдрома аномии показал, что отсутствие такого признака, как злоупотребление алкоголем (4-й признак), в корне меняет содержание синдрома, а это вызывает большие трудности при взвешивании признаков. Логично идти другим путем: приписывать балл 1, если получен ответ на 4-й признак, балл 2 — если получен ответ на 4-й признак и любой другой и т. д.

Обобщенный индекс синдрома аномии по любым рассматриваемым группам будет изменяться от 0 до 4. Формула для расчета индекса следующая:

$$J = 4pqrt + 3(pqt + pnt + qnt) + 2(pt + qt + nt) + t.$$

Для того чтобы рассчитать индекс по этой формуле, необходимо сделать перебор всех сочетаний с t (наш 4-й признак), что бывает затруднительно. Если же мы имеем по той или иной группе распределения по признакам, входящим в синдром, можно использовать приближенную формулу:

$$J = 2m \left(\frac{P}{p+m} + \frac{q}{q+n} + \frac{n}{n+m} + \frac{1}{2} \right).$$

II. ОСНОВНЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЫБОРОЧНОЙ СОВОКУПНОСТИ ¹

Татарская АССР

1. Половой состав

Социально-профессиональные группы	Мужчины (в %)	Женщины (в %)	Абсолютное число опрошенных (мужчины и женщины)	
			фактическое	взвешенное
Разнорабочие	29,2	70,8	743	3637
Работники малоквалифицированного ручного труда	34,0	66,0	200	979
Работники квалифицированного ручного труда	74,3	25,6	117	573
Механизаторы	98,5	1,5	444	1190
Служащие	34,1	65,9	220	434
Специалисты средней квалификации	24,1	75,9	108	227
Специалисты высшей квалификации	32,5	67,5	200	426
Руководители среднего звена	80,4	19,6	56	167
Руководители высшего звена	76,0	24,0	25	73
Итого по группам	45,3	54,7	2113	7701
в том числе:				
в колхозах	46,6	53,4		
в совхозах	50,4	49,6		
на предприятиях, в учреждениях, в сфере обслуживания и пр.	39,2	60,8		

2. Возрастной состав (в %)

Социально-профессиональные группы	Возрастные группы						
	16-17 лет	18-22 года	23-27 лет	28-34 года	35-49 лет	50-59 лет	60 лет и старше
Разнорабочие	2,8	5,4	8,8	19,1	43,2	16,3	4,4
Работники малоквалифицированного ручного труда	4,5	12,6	12,1	16,6	41,2	10,0	3,0
Работники квалифицированного ручного труда	6,1	4,4	9,5	29,1	39,5	7,0	4,4
Механизаторы	3,1	10,4	20,4	30,0	30,3	4,9	0,9
Служащие	1,3	15,9	10,9	22,7	42,8	3,2	3,2

¹ Процентные распределения по взвешенным массивам. В связи с тем, что в таблицах учтено только работающее взрослое население, распределение в них несколько отлочно от приведенного в первой части приложения, рассчитанного по всему взрослому сельскому населению.

Социально-профессиональные группы	Возрастные группы						
	16—17 лет	18—22 года	23—27 лет	28—34 года	35—49 лет	50—59 лет	60 лет и старше
Специалисты средней квалификации	—	22,2	15,7	27,9	27,8	5,5	0,9
Специалисты высшей квалификации	—	9,0	16,0	25,0	44,0	5,5	0,5
Руководители среднего звена	—	1,8	17,9	26,8	46,4	5,3	1,8
Руководители высшего звена	—	4,0	16,0	24,0	48,0	8,0	—
Итого по группам	2,9	8,2	11,9	22,3	40,3	11,2	3,2
в том числе:							
в колхозах	3,0	7,6	11,2	20,1	40,6	13,1	4,4
в совхозах	3,5	4,5	11,6	18,1	46,0	12,6	3,7
на предприятиях, в учреждениях, в сфере обслуживания и пр.	2,3	12,1	13,8	29,7	36,0	5,8	0,3

3. Уровень образования (в %)

Социально-профессиональные группы	Уровень образования						
	без образования	до 4 клас-сов	4—6 классов	7—9 клас-сов	10—11 клас-сов	техникум	неза-кон-ченное высшее
Разнорабочие	15,4	24,6	24,1	31,1	4,0	0,6	0,2
Работники малоквалифицированного ручного труда	8,0	19,1	30,1	37,2	4,0	1,6	—
Работники квалифицированного ручного труда	4,4	13,8	32,7	37,8	9,5	1,8	—
Механизаторы	0,7	10,4	26,8	51,5	9,3	1,3	—
Служащие	0,9	2,5	8,0	38,9	27,8	19,6	2,3
Специалисты средней квалификации	—	—	3,7	13,0	30,5	49,1	3,7
Специалисты высшей квалификации	—	0,5	1,0	2,5	14,2	20,8	61,0
Руководители среднего звена	—	5,3	10,7	43,8	14,8	16,6	8,8
Руководители высшего звена	—	—	4,0	8,0	12,0	28,0	48,0
Итого по группам	8,9	16,8	22,6	33,5	8,4	5,6	4,2
в том числе:							
в колхозах	11,7	20,9	22,9	36,7	5,3	1,9	0,6
в совхозах	10,8	15,9	39,3	26,6	3,3	2,4	1,7
на предприятиях, в учреждениях, в сфере обслуживания и пр.	1,6	8,6	11,1	31,4	18,4	15,6	13,3

Краснодарский край
1. Половой состав

Социально-профессиональные группы	Мужчины (в %)	Женщины (в %)	Абсолютное число опрошенных (мужчин и женщин)	
			фактическое	взвешенное
Разнорабочие	36,7	63,3	310	2071
Работники малоквалифицированного ручного труда	29,5	70,5	226	1522
Работники квалифицированного ручного труда	66,0	34,0	117	767
Механизаторы	97,8	2,2	414	637
Служащие	35,9	64,1	135	146
Специалисты средней квалификации	37,0	63,0	81	133
Специалисты высшей квалификации	50,0	50,0	96	157
Руководители среднего звена	73,9	26,1	69	113
Руководители высшего звена	76,5	23,5	34	56
Итого по группам	46,8	53,2	1482	5602
в том числе:				
в колхозах	49,7	50,3		
в совхозах	46,8	53,2		
на предприятиях, в учреждениях, в сфере обслуживания и пр.	28,8	71,2		

2. Возрастной состав (в %)

Социально-профессиональные группы	Возрастные группы						
	16—17 лет	18—22 года	23—27 лет	28—34 года	35—49 лет	50—59 лет	60 лет и старше
Разнорабочие	2,9	6,9	6,8	17,1	37,8	19,3	9,2
Работники малоквалифицированного ручного труда	1,8	7,6	11,1	17,0	47,3	13,4	1,8
Работники квалифицированного ручного труда	2,6	6,1	8,0	20,5	43,4	15,0	4,4
Механизаторы	1,2	8,8	12,2	28,6	39,3	8,0	1,9
Служащие	1,3	8,1	12,1	19,8	49,1	8,1	1,5
Специалисты средней квалификации	—	11,1	11,1	30,9	40,8	4,9	1,2
Специалисты высшей квалификации	—	7,1	10,3	24,5	44,7	12,4	1,0

Социально-профессиональные группы	Возрастные группы						
	16-17 лет	18-22 года	23-27 лет	28-34 года	35-49 лет	50-59 лет	60 лет и старше
Руководители среднего звена	—	5,8	5,8	17,4	50,7	20,3	—
Руководители высшего звена	—	3,1	9,2	27,3	45,1	12,2	3,1
Итого по группам	2,2	7,3	9,0	19,5	42,2	14,9	4,9
в том числе:							
в колхозах	1,3	6,2	8,2	20,1	42,6	16,2	5,4
в совхозах	3,3	7,6	9,0	17,4	43,0	15,3	4,4
на предприятиях, в учреждениях, в сфере обслуживания и пр.	0,9	8,2	11,5	27,0	39,5	9,2	3,7

3. Уровень образования (в %)

Социально-профессиональные группы	Уровень образования						
	без образования	до 4 клас-сов	4-6 клас-сов	7-9 клас-сов	10-11 классов	техникум	незаконченное высшее и высшее
Разнорабочие	17,7	17,0	32,3	26,7	3,3	1,4	1,6
Работники малоквалифицированного ручного труда	11,1	15,2	39,4	29,8	2,3	0,4	1,8
Работники квалифицированного ручного труда	1,8	19,6	32,1	32,1	8,0	5,5	0,9
Механизаторы	1,7	10,1	38,5	41,0	5,0	3,6	1,0
Служащие	2,2	4,4	13,2	47,5	15,6	13,4	3,7
Специалисты средней квалификации	—	—	6,4	12,8	21,2	56,9	2,7
Специалисты высшей квалификации	—	1,0	—	3,1	4,4	27,0	64,5
Руководители среднего звена	—	1,4	14,5	32,4	18,8	24,2	8,7
Руководители высшего звена	—	—	6,0	24,7	9,9	31,5	27,9
Итого по группам	10,2	14,4	31,8	30,0	4,9	5,1	3,6
в том числе:							
в колхозах	9,5	14,8	33,5	31,0	6,1	3,4	1,7
в совхозах	10,6	16,3	35,1	29,2	3,3	3,4	2,1
на предприятиях, в учреждениях, в сфере обслуживания и пр.	7,5	7,7	7,4	29,1	9,3	20,4	18,6

Калининская область

1. Половой состав

Социально-профессиональные группы	Мужчины (в %)	Женщины (в %)	Абсолютное число опрошенных (мужчин и женщин)	
			Фактическое	Взвешенное
Разнорабочие	33,5	66,5	395	2479
Работники малоквалифицированного ручного труда	26,0	74,0	183	1128
Работники квалифицированного ручного труда	66,5	33,5	83	492
Механизаторы	93,0	7,0	191	642
Служащие	27,3	72,7	150	321
Специалисты средней квалификации	23,0	77,0	90	159
Специалисты высшей квалификации	39,0	61,0	74	131
Руководители среднего звена	45,8	54,2	72	127
Руководители высшего звена	71,0	29,0	37	66
Итого по группам	39,7	60,3	1275	5545
в том числе:				
в колхозах	37,1	62,9		
в совхозах	39,9	60,1		
на предприятиях, в учреждениях, в сфере обслуживания и пр.	23,6	76,4		

2. Возрастной состав (в %)

Социально-профессиональные группы	Возрастные группы						
	16—17 лет	18—22 года	23—27 лет	28—34 года	35—49 лет	50—59 лет	60 лет и старше
Разнорабочие	1,6	1,5	2,0	6,3	35,7	28,7	24,2
Работники малоквалифицированного ручного труда	1,6	2,6	4,4	10,0	48,5	28,1	4,8
Работники квалифицированного ручного труда	9,3	3,8	6,7	12,2	41,4	12,4	14,2
Механизаторы	8,1	12,0	14,1	25,7	31,4	7,5	1,2
Служащие	3,8	6,5	16,5	10,5	49,7	10,5	2,5
Специалисты средней квалификации	2,2	18,9	15,6	16,4	33,6	11,1	2,2
Специалисты высшей квалификации	6,3	4,1	11,2	16,3	46,0	9,8	6,3

Социально-профессиональные группы	Возрастные группы						60 лет и старше
	16—17 лет	18—22 года	23—27 лет	28—34 года	35—49 лет	50—59 лет	
Руководители среднего звена	—	1,8	4,1	15,2	62,3	12,4	4,2
Руководители высшего звена	—	2,7	—	2,7	54,1	16,2	24,3
Итого по группам	1,7	4,2	6,4	11,6	39,0	23,1	14,0
в том числе:							
в колхозах	1,6	1,9	3,5	9,6	34,4	27,7	21,3
в совхозах	1,7	4,1	5,2	9,7	41,0	26,2	12,1
на предприятиях, в учреждениях, в сфере обслуживания и пр.	1,8	7,9	9,8	17,1	38,8	16,0	8,6

3. Уровень образования (в %)

Социально-профессиональные группы	Уровень образования						
	без образования	до 4 классов	4—6 классов	7—9 классов	10—11 классов	техникум	незаконченное высшее и высшее
Разнорабочие	23,8	34,3	28,8	11,4	0,9	0,7	0,1
Работники малоквалифицированного ручного труда	14,1	37,6	32,2	15,0	—	0,3	0,8
Работники квалифицированного ручного труда	10,2	20,4	37,1	26,0	5,0	1,3	—
Механизаторы	3,1	4,6	34,1	48,5	3,6	6,1	—
Служащие	2,7	4,0	19,6	41,7	16,0	15,3	0,7
Специалисты средней квалификации	2,2	1,1	4,2	16,0	6,5	67,0	3,0
Специалисты высшей квалификации	—	—	2,7	18,3	5,8	18,2	55,0
Руководители среднего звена	—	12,9	27,4	34,3	11,5	13,9	—
Руководители высшего звена	—	10,0	5,5	19,5	5,5	19,5	40,0
Итого по группам	14,8	27,6	28,5	19,6	1,7	4,6	2,2
в том числе:							
в колхозах	25,2	35,5	25,4	11,7	0,9	1,0	0,3
в совхозах	11,7	32,1	32,8	16,9	4,7	2,9	1,9
на предприятиях, в учреждениях, в сфере обслуживания и пр.	7,0	10,6	21,2	30,7	7,3	13,9	9,3

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аграрная ориентация населения 4, 254, 303, 329
Аграрная система в СССР 49—50, 58, 60, 69, 70, 233
Агროгорода 258
Агрономические кадры 26—27
Адаптация сельского населения к городской культуре 144—146, 202,
337—338
Анкета 349
Аномия 159, 161, 248—249, 287, 293, 360—362
Базис и надстройка 28, 43—47, 50—52, 203
Библиотеки сельские 141, 142, 143, 144, 152—153
Благосостояние 3, 31—33, 63, 112—113, 118—120, 128, 205—210, 230,
256 (см. также Оплата труда)
Благоустройство сел (см. Расселение сельское)
Браки национально-смешанные 193—195, 200, 320; социально-смешан-
ные 319—321
Быт сельских жителей 204, 206—210, 209—218, 230, 338 (см. также
Женщина в семье и на производстве)
Влияние города на село 147, 341, 342
Внутриклассовые различия 10, 12, 95, 119—120
Возрастной состав сельского населения 155, 158, 164, 191, 363—364,
365, 366, 367—368
Выборочная совокупность 14, 343—348, 363—368
Газеты 141, 142, 143, 144, 150, 174
Глава семьи 217, 300
Город и село 19, 20, 22, 31—34, 35—38, 55, 59, 63, 73—74, 76—77,
101, 141—150, 162, 163, 335 (см. также Влияние города на село)
Государственное руководство социальными процессами 23—24, 40,
49—58, 70—72, 73—74, 113, 222, 233—234, 285, 303—304, 335 (см.
также Коммунистическая партия)
Грамотность 35—38
Досуг 137, 226—227
Единоличники 9, 25—26, 31—32, 44, 50, 307

- Женщина в семье и на производстве 186, 208—211, 212—214, 215, 226
- Жилищные условия на селе 205—207, 226, 265
- Идеология коммунистическая 188—189, 202
- Иждивенцы 97
- Изменения социальные 16, 17, 18—19, 20, 203, 232, 235
- Индустриализация 23, 47—49, 253—336
- Интеллигенция 10, 11, 27, 75, 87—88, 107—109, 114, 115, 119, 129, 133, 147, 148, 150, 157, 168, 171, 172, 174—186, 188, 195, 196, 200—201, 215, 216, 237—238, 246, 266, 267, 270—279, 290—291, 306, 311, 315, 316, 319, 326, 329—333
- Интервью 349—351
- Интересы социальные 5, 6, 47—49, 53, 89, 99—100, 107, 109, 243—244, 303, 335 (см. также Потребности социальные)
- Кино 141, 143, 150
- Классовые различия 14, 15, 19, 25—26, 31, 100—101, 116—117, 119—120, 129—132, 169, 265, 280—283, 305—309, 320 (см. также Рабочий класс, Колхозное крестьянство, Интеллигенция)
- Классовая структура общества 9, 11, 12—14, 19, 84, 97—98
- Клубы 141, 142, 143, 144, 146, 151—153
- Коммунистическая партия 23, 50—53, 70—71 (см. также Государственное руководство социальными процессами)
- Коллективизация сельского хозяйства 20, 25, 38—39, 50
- Колхозное крестьянство 9, 12, 13, 14, 39, 40, 48—49
- Колхозы 7, 20, 25, 41—44, 47, 52, 61, 103, 106—107, 110—111, 114, 115, 118, 121—123, 280, 305—313
- Контакты социальные 199, 200, 248, 320—321 (см. также Среда социальная)
- Культура сельского населения 64, 138—140, 155—156, 157, 160, 169, 173—174, 263, 286—287 (см. также Грамотность. Образование)
- Культурная среда 158—160
- Кустари 9
- Личное подсобное хозяйство 43, 63, 122—138
- Личность 160, 170, 171, 172, 183, 203, 249, 283, 298
- Личность и среда 170—171, 249, 283, 286, 294, 301—302, 337
- Материально-техническая база сельского хозяйства 27—28, 44—47, 57—58, 61—67, 253, 336
- Методы социального исследования 5—8, 340—362
- Механизаторы сельского хозяйства 57, 67, 75, 85, 86, 87—88, 100, 107—108, 115, 119, 133, 150, 157, 168, 172, 174—186, 188, 196, 200, 215, 216, 237—238, 246, 266, 270—279, 290—291, 295, 306, 311, 315, 316, 319
- Миграция сельского населения 254—256, 284, 309
- Мобильность социальная 15, 16, 197, 233, 247, 250—252, 294—297,

- 299—300, 310, 316—318, 331—333 (см. также Потенциальная мобильность)
- Модели социальной структуры 74, 236, 238, 242, 243
- Молодежь сельская 153, 154, 163—164, 171, 180, 184, 191, 209, 211, 217, 259—265
- Население сельское 3, 4, 29—30, 76—77, 79, 81—83
- Научно-техническая революция 164, 232
- Национальное своеобразие социальной структуры 5, 35—37, 42, 80—86, 141, 341
- Национальные отношения 189—202, 336
- Национальный фактор в социальной мобильности 16, 300—301, 309—310, 312—316, 328—331
- Образование сельского и городского населения 57, 64—65, 68, 71, 105—106, 109—111, 137, 147—150, 153—154, 162—166, 171, 218—219, 283—284, 288—297, 322—325, 355—357 (см. также Грамотность)
- Общение социальное 154, 171
- Общественные отношения 8—9, 15, 53—60, 69, 70—71, 93, 98, 104—112
- Общественные процессы 4, 5, 9, 14, 15, 19, 38, 60—69, 73—76, 112, 117—118, 122, 163—166, 321, 322—333, *334—339
- Ожидание социальное 197—198, 236, 238 (см. также Потребности социальные)
- Оплата труда 31, 112—122, 192, 240—241, 255—256, 288
- Ориентация городская 263—265, 269—279, 300—301
- Ориентация профессиональная 239—241
- Отношение к труду (см. Труд)
- Пенсионеры 97, 103
- Перемещения социальные 304—333 (см. также Социальная мобильность)
- Поведение социальное 200, 244, 248, 294—299
- Поселение сельское 5, 150—160, 204—205, 206—207, 344—346 (см. также Расселение. Жилище)
- Потенциальная мобильность 236, 246—247, 261, 266, 281, 293—299, 360—362
- Потребности социальные 15, 16, 61, 62—64, 72, 161, 203, 232, 235, 237, 242—247, 285, 336—337
- Похозяйственные книги 352—353
- Престиж занятий 236—238
- Производительные силы сельского хозяйства 27—28, 44—47, 57—58, 61, 173
- Производственные отношения см. Общественные отношения
- Происхождение социальное 189, 305—315

Промышленность и сельское хозяйство 3, 23—24, 44—47

Психология социальная 15, 44, 184—189, 197, 202—203

Работники ручного труда в сельском хозяйстве квалифицированные и малоквалифицированные 13, 87—88, 106, 108, 115, 119, 133, 168, 172, 174—186, 188, 196, 237—238, 246, 266, 270—279, 306, 319

Рабочий класс 9, 11, 14, 23, 32, 39, 49, 97, 98, 101, 113, 114, 130—132, 166, 169, 265, 280, 305—309, 325

Радио 174—183

Разнорабочие и другие работники неквалифицированного физического труда 87—88, 106, 108, 115, 119, 133, 147, 148, 150, 168, 172, 174—186, 188, 196, 200, 201, 215, 237—238, 246, 266, 269—279, 290, 291, 295, 306, 311, 315, 319

Расселение сельское 257—259, 338

Регрессионный анализ 355—357

Религиозность сельского населения 156—157, 187—189, 191

Ремиграция 365

Репрезентативность статистическая 347—348

Респонденты 346, 347

Руководители и специалисты (см. Интеллигенция)

Сельское хозяйство 20, 23—25, 61, 124—125

Сектора общественные (государственные и колхозно-кооперативные) 11, 20—22, 40—41, 48—49, 50, 55, 75, 78, 97, 113, 305

Семья сельская

состав 221

функции 222, 228—229

удовлетворенность семейной жизнью 223—224

социальные различия 133—135, 214, 221, 223, 228

разделение труда 216 (см. также Женский труд)

как ценность 218—219, 228—229

и мобильность 15, 252, 320

Служащие 75, 87—88, 108, 129, 133, 168, 172, 174—186, 188, 196, 200, 215, 216, 237—238, 246, 266, 270—279, 306, 311, 315, 316, 319

Собственность общенародная и колхозно-кооперативная 9, 11, 40, 75, 91—95, 97—98, 101, 102, 104—106, 107, 109, 111—112, 116, 117, 120, 121, 332, 335

Совхозные рабочие 113—114, 282—283, 334

Совхозы 20, 25, 61, 103, 107, 110, 111, 114, 115, 118, 306, 313

Соотношение между общественными структурами 6, 58, 60, 72

Социальная структура советского общества 4—5, 6—8, 10, 11, 14—15, 39, 70, 73, 75, 95—97

Социально-поселенческая структура 86—89, 150—160

Социально-профессиональные группы 12—13, 95—96, 98—99, 106, 107—110, 115—116, 160—161, 166—168, 346, 354—355

Социальные различия 4, 8, 9, 14, 15, 35, 44—47, 77, 102, 117, 122
Среда социальная 15, 16, 72—73, 156—170, 171, 199, 247—249, 252—
253, 259

Средства массовых коммуникаций 157, 175—178, 284

Телевидение на селе 143, 150, 174—183

Транспорт в деревне 258, 263, 278, 338

Труд

характер и качество 10, 11, 95—96

сферы приложения 96—97

формы организации 56, 60

отношение к нему 260—262, 267—269, 286—287

начало трудовой деятельности 325—326

Удовлетворенность населения работой и культурно-бытовыми усло-
виями села 224, 244—245, 286—304, 358—360

Умственный труд 10, 12, 101, 198, 200, 213, 229, 238—239, 268, 331—
332

Управление социальное 15, 103—109, 194, 232, 335—339 (см. также

Государственное руководство сельским хозяйством)

Урбанизация 4, 62, 63, 73, 81, 82—83, 160, 222, 230, 253, 303, 335

Физический труд 12, 75, 120, 147, 149, 198, 199, 203, 213, 229, 267—268

Ценности 67, 183—187, 217, 225, 234, 254, 260, 280, 283, 325, 336, 338

Школа средняя 141, 142, 143, 146, 151—153, 159, 194, 327—330, 338

Этническая среда 17, 199, 300—301

Этнические связи 320—321

Язык русский 192—195, 321, 326

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Часть первая. Формирование современной социальной структуры села	18
Глава I. Исходные рубежи: социальное лицо деревни 20-х годов	20
Глава II. Возникновение современной социальной структуры села	38
Глава III. Новые тенденции развития социальной структуры села	70
Часть вторая. Социальные группы сельского населения: сходство и различия	90
Глава IV. Социально-экономические основы групповых различий	91
Глава V. Культура и некоторые черты социальной психологии общественных групп сельского населения	138
Глава VI. Социально-групповые особенности в семейно-бытовой жизни	204
Часть третья. Социальная мобильность сельского населения	231
A Глава VII. Ориентация на мобильность и среда	235
Глава VIII. Осуществление социальных перемещений	301
Заключение	337
Приложение	340
I. Выборка и методика исследования	—
II. Основные статистические характеристики выборочной совокупности	363
Предметно-тематический указатель	369

Арутюнян Ю. В.

А86 Социальная структура сельского населения СССР. М., «Мысль», 1971.

374 с.

В книге рассматривается формирование современной социальной структуры села, основные этапы и тенденции ее развития, воздействие на нее социальной среды (экономической, производственной, культурной). Важное место в работе занимает исследование процессов социальной мобильности, социального роста сельского населения, регулирования его состава, управления общественными процессами в деревне. Анализируются экономическое, бытовое положение жителей села, их культура, особенности социально-психологического облика.

1-8-2

52-71

32С4

Арутюнян, Юрий Варганович

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР

Редактор *И. Л. Щербина*

Младший редактор *Т. А. Поспелова*

Художественный редактор *А. А. Брантман*

Технический редактор *С. П. Лебедева*

Корректор *Т. М. Шпиленко*

Сдано в набор 8/VI 1971 г. Подписано в печать 1 октября 1971 г.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆, № 2. Усл. печ. л. 19,74. Уч.-изд. л.
20,43. Тираж 6000 экз. А02572. Цена 1 р. 39 к. Заказ № 3318
Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Главполнграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Хохловский пер., 7.